

democ

Центр содействия проведению исследований проблем гражданского общества

Милиция между Россией и Чечней

Ветераны конфликта в российском обществе

Москва
2007

УДК 35.087
ББК 67.401.213
М60

Книга подготовлена по результатам исследования «Ветераны Чечни в современной России», проведенного в 2006 году в рамках проекта Центра «Демос» – «Привлечение внимания к Чеченскому конфликту через призму проблем социальной адаптации и профессиональной деятельности ветеранов».

Проект и издание настоящей книги поддержаны Королевством Нидерланды в лице Министерства иностранных дел.

Проект осуществлялся в рамках Исследовательского направления Центра «Демос» экспертами программ «Правоохранительные органы в современной России» и «Ситуация на Северном Кавказе».

Руководитель проекта «Привлечение внимания к Чеченскому конфликту через призму проблем социальной адаптации и профессиональной деятельности ветеранов»:

Татьяна Локшина, Центр «Демос»

Руководитель исследования «Ветераны Чечни в современной России»:

Асмик Новикова, Центр «Демос»

Редакционная коллегия Центра «Демос»:

Татьяна Локшина, Сергей Лукашевский, Асмик Новикова, Ольга Шепелева

Научный редактор:

Асмик Новикова, Центр «Демос»

Редактор раздела «Ветераны Чечни в регионах России»:

Олег Цветков, г. Майкоп, Республика Адыгея

Корректор: Наталья Соколова

Верстка: Николай Винник, Марина Гаврилова

Дизайн обложки: Центр «Демос»

Электронная публикация книги размещена на Интернет-странице центра «Демос» www.demos-center.ru в разделе «Издания»

Взгляды и оценки, содержащиеся в данной книге, не имеют отношения к официальной позиции Правительства Королевства Нидерланды

М60 **Милиция между Россией и Чечней. Ветераны конфликта в российском обществе.** – Москва: Демос, 2007. – 304 с., ил. (Научное издание)

ISBN

Книга написана по материалам исследования «Ветераны Чечни в современной России». В фокусе внимания книги находятся рядовые милиционеры, которые имеют опыт командировок в Чечню. Проанализированы основные проблемы их постконфликтной социализации и показано влияние опыта «горячих точек» на частные и профессиональные истории милиционеров, а также на правоохранительные органы в целом.

Подписано в печать 01.06.2007. Формат 70х100^{1/16}. Гарнитура Тахома.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 19. Уч.-изд. л. 25,2. Тираж 1000. Заказ .
ООО Центр «Демос». Адрес для писем: 101000 Москва, Колпачный переулок, д. 7, строение 2.
Телефон/факс: (495) 984 66 87

Веб-сайт: <http://www.demos-center.ru>
Типография Россельхозакадемии. 115598 Москва, ул. Ягодная, 12.

© ООО Центр «Демос», 2007

© Авторы, 2007

Содержание

Татьяна Локшина ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Асмик Новикова Ветераны Чечни в милиции. К проблеме преодоления опыта «горячей точки» (Введение)	8
РАЗДЕЛ 1. МИЛИЦИЯ И ЧЕЧЕНСКИЙ КОНФЛИКТ	27
Асмик Новикова Региональная милиция и конфликт.	28
Ксения Браиловская Чечня и происходящее в ней с точки зрения ветеранов	39
Ксения Браиловская Причины, по которым милиционеры едут в командировку в Чечню.	47
РАЗДЕЛ 2. ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ВОЙНЫ. РЕАБИЛИТАЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ВETERANОВ КОНФЛИКТА.	59
Асмик Новикова Психологическая служба МВД	60
Асмик Новикова Реабилитация ветеранов Чечни	76
Ольга Шепелева Семьи ветеранов: до и после конфликта.	100
Ольга Сухарева Правовое регулирование социальной реабилитации сотрудников органов внутренних дел – ветеранов чеченского конфликта.	117
Ольга Шепелева Профессиональная деятельность после командировок	149
РАЗДЕЛ 3. ОБЩЕСТВО И ВETERANЫ ЧЕЧНИ	159
Ксения Браиловская Социальная карьера ветеранов	160
Ольга Шепелева Общественные объединения и ветераны	171
Асмик Новикова СМИ о ветеранах конфликта.	183
Результаты контент-анализа региональных СМИ (диаграммы).	185

РАЗДЕЛ 4. ВЕТЕРАНЫ КОНФЛИКТОВ В ДРУГИХ СТРАНАХ. ОПЫТ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ РЕАБИЛИТАЦИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ	193
Ксения Браиловская Канадский опыт реабилитации ветеранов	194
РАЗДЕЛ 5. ВЕТЕРАНЫ КОНФЛИКТА В РЕГИОНАХ РОССИИ	209
Олег Цветков Предисловие	210
Валентина Шарипова Положение милиционеров, ветеранов Чеченского конфликта, в Тверской области	211
Олег Цветков Современное положение ветеранов Чеченского конфликта в Республике Адыгея	233
Сергей Андреев Современное положение ветеранов чеченского конфликта в Алтайском крае	246
Елена Софронова, Олег Хабибрахманов Участие сотрудников милиции в Чеченском конфликте и их социальная адаптация в Нижегородской области	271
Игорь Сажин Социальное самочувствие и проблемы сотрудников милиции, побывавших в командировках в Чечне, в Республике Коми	291
Используемые сокращения	303
Об авторах	304

Предисловие

Татьяна Локшина,

Председатель правления Центра «Демос» (г. Москва)

Изучение ситуации сотрудников милиции, проходивших в порядке ротации службу в Чеченской Республике – второй комплексный исследовательский проект Центра «Демос». Исследование проходило в пяти российских регионах.

Выбор такой темы для исследования, конечно, не случаен. Среди основных тематических приоритетов в работе «Демоса» – содействие реформе правоохранительной системы и деятельность, направленная на урегулирование конфликта в Чечне и на Северном Кавказе. Таким образом, наше новое исследование находится непосредственно на стыке двух тем, являющихся, с нашей точки зрения, особенно важными в современном российском контексте. Тем более, в рамках нашего первого масштабного исследования, посвященного проблемам правоохранительных органов¹, «чеченские» командировки сотрудников МВД были идентифицированы как один из факторов, способствующих развитию произвольных практик в деятельности сотрудников милиции.

Нам также показалось крайне важным посмотреть на конфликт в Чечне под другим, непривычным углом: рассказать не о том, как он влияет на гражданское население республики², а о том, как он отражается на нашей милиции, с сотрудниками которой любой житель России неизбежно сталкивается «на своей территории».

В книге, предлагаемой вашему вниманию, нет описаний противозаконных действий. Но есть подробный анализ опыта командировок в Чечню и его последствий для сотрудников милиции. Если вам интересно, как организованы командировки, насколько они добровольны, как готовят милиционеров к командировкам и в чем состоит их мотивация к поездке в Чечню, как они оценивают приобретенный опыт, что происходит с ними после командировок, как командировки влияют на дальнейшую профессиональную деятельность милиционеров, их социальный статус и отношение к гражданам, как видят сложившуюся ситуацию психологи МВД, руководители районных отделов милиции, жены сотрудников, что думают милиционеры о происходящем в Чечне и своей роли в конфликте, – эта книга может оказаться вам полезной.

Хочется верить, что наши наблюдения, выводы и рекомендации, сделанные на основе многочисленных интервью в пяти регионах страны, а также скрупулезной работы с различными открытыми источниками информации³, будут востребованы и представителями МВД, и журналистами и исследователями, занимающимися проблемами правоохранительных органов, и обычными гражданами. Ведь то, что происходит с милицией, касается не только специалистов, но непосредственно каждого из нас.

Результаты исследования позволяют говорить о том, что служба в Чеченской Республике при отсутствии адекватной системы реабилитации приводит к росту депрофессионализации и к социальной дезадаптации сотрудников органов внутренних дел, способствует отдалению милиционеров от общества и тем самым увеличивает зону отчуждения между гражданами и милицией. А совокупность этих проблем делает эффек-

¹ По результатам этого исследования в 2005 году Центр «Демос» выпустил сборник. См.: Реформа правоохранительных органов: преодоление произвола. Москва: Демос, 2005. 416 с., ил. (научное издание). Полная электронная версия сборника размещена на интернет-сайте Центра «Демос» по адресу: <http://www.demos-center.ru> в разделе «Издания».

² Этой проблеме посвящено множество информационных, аналитических и публицистических материалов «Демоса», регулярно публикующихся на сайте Центра (www.demos-center.ru) и в ряде Интернет СМИ.

³ Экспертами Центра «Демос» велся мониторинг публикаций в СМИ и академических публикаций по этой теме, анализировались нормативные акты, материалы реабилитационных программ, официальные выступления должностных лиц МВД, программы помощи профильных ветеранских НПО, материалы этнических общин и диаспор, действующих в регионах России и др.

тивную правоохранительную деятельность невозможной. Права граждан на защиту от преступности остаются плохо обеспеченными, при этом сотрудники милиции нередко сами становятся источником нарушений прав человека.

Для того чтобы правоохранительная система в России работала в интересах граждан, необходима серьезная реформа, работать над которой должны и государство, и общество, включая неправительственные организации и исследовательские центры. Как совершенно справедливо отметил Комиссар по правам человека Совета Европы Томас Хаммарберг в своем приветствии Международной научно-практической конференции «Общество и милиция: проблемы обеспечения прав человека и социальное партнерство», которая состоялась в Саратове в конце мая 2007 года: «Рассчитывать, что полиция самостоятельно сможет бороться с преступностью и поддерживать правопорядок, нельзя. Полиция должна участвовать в непрерывном диалоге с представителями других правительственных органов, с гражданскими службами и с гражданской общественностью. Такое партнерство может помочь полиции защищать и уважительно относиться к правам человека»⁴.

Реализация исследования «Ветераны Чечни в современной России» дает возможность начать такой диалог. Инициатива нашего центра позволила гражданским организациям выступить в роли посредников и вывести проблемы ветеранов из традиционного круга обсуждения. Помимо МВД, милиционеров и представителей ветеранских общественных организаций, теперь тема ветеранов конфликта стала предметом дискуссий в правозащитном секторе и, надеемся, в будущем, будет звучать в более широком социальном контексте. Последнее крайне необходимо для полноценной реинтеграции ветеранов в общество.

Информация, собранная в рамках проекта, имеет ряд преимуществ: во-первых, это информация из «первых рук», во-вторых, она научно-обоснованна и получена в результате полномасштабного исследования, позволяющего отделить главное от второстепенного, разобраться, где мы сталкиваемся с единичными случаями, а где речь идет именно о системных проблемах.

В реализации исследования приняли участие шесть региональных НПО, предоставивших свой экспертный и активистский ресурс: Комитет против пыток (Нижегородская область), Комиссия по защите прав человека «Мемориал» (Республика Коми), Тверское отделение общества «Мемориал» (Тверская область), Южнороссийский научный институт (Республика Адыгея), Школа публичной политики и Фонд «Открытый Алтай» (Алтайский край).

Проведение исследования и подготовка книги были бы невозможны без прекрасной работы экспертов этих организаций: Игоря Каляпина и Елены Сафроновой (Нижний Новгород), Олега Цветкова (Республика Адыгея), Валентины Шариповой (Тверь), Игоря Сажина (Республика Коми), Сергея Андреева (Алтайский край), а также всех модераторов, участвовавших в проведении опроса в рамках полевой стадии исследования в регионах.

Мы также благодарим за экспертное содействие и консультации Вицина Сергея Ефимовича – профессора кафедры уголовного права Академии МВД России, заместителя председателя Совета при президенте РФ по вопросам совершенствования правосудия, Буркова Валерия Анатольевича, председателя Фонда «Герои России», эксперта по вопросам правового регулирования социальной помощи и реабилитации инвалидов, одного из разработчиков закона «О социальной защите инвалидов», специалистов Отделения психологической работы Отдела воспитательной работы ГУВД Нижегородской области, поддержавших наш проект в самом начале, тем самым содействовав его реализации в дальнейшем, Суркина Юрия Федоровича, юриста Правового управления Государственной думы РФ, Керову Анну – руководителя правового отдела Фонда «Общественный вердикт», Сухареву Ольгу – юриста Фонда «Общественный вердикт», Хмельницкую Екатерину – независимого психолога, Погодину Татьяну Григорьевну – практикующего врача в

⁴ <http://www.saratov.gov.ru/government/organs/ombudsman/news/detail.php?ID=16498>

области неврологии и психиатрии, которая с 1988 года занимается проблемами медико-психологической реабилитации ветеранов войн, Малахова Александра – практикующего врача, специалиста нижегородского реабилитационного центра, Калугину Ольга Владимировну – директор Центра социальной реабилитации инвалидов и ветеранов боевых действий (Алтайский край), Фрумкину Ревекку Марковну – главного научного сотрудника Института языкознания РАН, психолингвиста, Цветкову Наталью – независимого аналитика СМИ, и др. Центр «Демос» благодарит экспертов за интерес к проекту и участие в исследовании, а также за оказанную ими экспертную поддержку.

Центр «Демос» также благодарит респондентов, опрошенных в рамках полевых стадий исследования в регионах. Многие из них со всей серьезностью отнеслись к теме исследования. Без их вдумчивого и небезразличного участия в экспертных опросах и глубинных интервью было бы невозможно разобраться в проблеме исследования. Некоторые из респондентов также оказали дополнительное содействие проекту, помогая привлечь к участию в опросе других начальников и сотрудников ОВД, а также омовцев.

В заключение хотелось выразить особую признательность ветеранам и их женам. Для многих из них участие в опросе стало еще одним сложным переживанием опыта, возвращаться к которому даже в мыслях порой сложно. Иногда, описывая командировки в Чечню и последующие события, ветераны и их жены преодолевали желание отказаться от разговора, но, тем не менее, в ходе интервью желание быть услышанными и опосредованно повлиять на ситуацию брали верх. Эта «живая» информация сделала возможной глубокий анализ реальных проблем ветеранов и их семей.

Ветераны Чечни в милиции. К проблеме преодоления опыта «горячей точки» (Введение)

Асмик Новикова,
Центр «Демос» (г. Москва)

Милиционеры из регионов России в порядке ротации командированы в Чеченскую Республику уже около 13 лет¹. Милиция участвовала как в первой, так и во второй чеченских кампаниях и приобрела опыт работы в условиях, которые, по общему мнению самих ветеранов конфликта, можно приравнять к боевым. Официально военнизированная стадия в рамках второй кампании завершена, о чем сообщил президент страны в 2002 году, и сейчас республика по логике властей пребывает в состоянии восстановления. Но вплоть до настоящего времени в республике продолжается партизанская война, боевики проводят диверсии, а силовые структуры – спецоперации различного масштаба.

В рамках официально провозглашенного режима восстановления республики идет процесс создания работоспособных местных правоохранительных органов, для чего в Чечню в порядке ротации командированы милиционеры из российских регионов. Милиционеры должны обучать местных «новобранцев» милицейской работе. Порядок ротации подразумевает, что сформированный в одном из регионов России сводный отряд милиции (СОМ) приезжает в место постоянной дислокации в Чечне и сменяет предыдущий². Сначала процесс обучения базировался во временных отделах внутренних дел (ВОВД). Сейчас эти отделы расформированы, на их основе созданы постоянные подразделения, штаты которых укомплектованы сотрудниками из числа местных жителей. Вместе с тем, и в настоящее время милиционеры из регионов продолжают командироваться в Чечню не только для передачи опыта местным сотрудникам, но и для выполнения задач по поддержанию общественного порядка и ведения оперативной служебной деятельности.

Существуют разные точки зрения на то, что из себя представляет вторая чеченская кампания. Официальная позиция, сформулированная в нормативных актах, а также в последней версии Федерального закона «О ветеранах» (далее – закон «О ветеранах»), обозначает происходящее в Чечне как «контртеррористические операции». Тем самым подчеркивается, что деятельность правоохранительных органов в этом субъекте федерации регулируется Федеральным законом «О противодействии терроризму». При этом сотрудники МВД, которые были опрошены в рамках исследования Центра «Демос» «Современное положение ветеранов Чеченского конфликта»³, не задумываясь, называли события в Чечне «войной».

Нежелание милиционеров использовать официальный язык продиктовано не только и не столько неприязнью к использованию специальной терминологии в обычной речи. Скорее их опыт участия в конфликте больше похож на участие в военных действиях, а не в работе по наведению общественного порядка.

Проблема конфликта в Чечне пока еще не решена. В СМИ с определенной периодичностью появляются сообщения о гибели в Чечне милиционеров и омоновцев из

¹ Перерыв был между двумя кампаниями.

² Дело в том, что за каждым регионом закреплена та или иная часть Чечни. Если в начале 2000-х гг. милиционеры жили в совершенно непригодных условиях, обходились без бани и стационарной кухни, то постепенно милиционеры благоустроили в пределах возможного свои базы из расчета того, что им на смену придут их же сослуживцы из региона.

³ Исследование проводилось Центром «Демос» в 5 российских регионах: Нижегородская область, Тверская область, Алтайский край, Республики Коми и Адыгея.

регионов. В конце прошлого года погибли милиционеры из Мордовии⁴, уже в этом году стало известно об обстреле контрольно-пропускного пункта (КПП) и ранении троих омовцев из Вологодской области, которые служили на этом КПП⁵. Восстановление республики, как минимум, сопровождается открытыми боестолкновениями и о полной нормализации обстановки говорить преждевременно. И вопрос о терминах далеко не праздный хотя бы потому, что он связан с поиском языка для описания событий, еще не ставших историей.

Проблема «неостывшего времени» заявляет о себе не только когда предпринимаются попытки дать адекватное определение тому, что происходило и происходит на территории республики. Сами ветераны, их жены, начальники районных отделов внутренних дел, психологи МВД – т.е. люди – носители опыта конфликта, оказываются неспособны полностью осмыслить этот опыт. Последнее очень затрудняло проведение исследования, так как респонденты не всегда могли артикулировать свое мнение.

* * *

Исследование проводилось в рамках проекта «Привлечение общественного внимания к проблеме Чеченского конфликта через призму проблем социальной адаптации и профессиональной деятельности ветеранов». Мы хотели изучить, как опыт службы в Чечне влияет на их социальный статус. Тем самым нашей основной задачей стало изучение социализации милиционеров после их возвращения из командировок в Чечню.

Социальная адаптация и интеграция, в том числе в профессиональной среде – два ключевых процесса в ходе социализации. Это предопределило задачи исследования: требовалось изучить и сам опыт, который приобрели милиционеры в Чечне, и контексты, в которых они «со своим опытом» оказывались во время командировки и после возвращения домой. Кроме того, чтобы оценить результат социализации ветеранов после командировок в Чечню, нужно было выяснить, как «чеченский» опыт милиционеров сказывается на их частной и профессиональной жизни.

Интерес представляли и сам процесс социализации – его характеристики, основные этапы, задействованные участники, – так и факторы, влияющие на развитие как успешной социальной и профессиональной карьеры, так и их негативных сценариев.

Разумеется, разделение самой социализации и факторов, влияющих на этот процесс, – условно, и является лишь аналитической конструкцией, позволяющей яснее «препарировать» изучаемую проблему. На практике факторы контекста, например, семейной ситуации, создавали основной и трудный этап социализации. Или же в ключевой фактор, влияющий на процесс профессиональной и социальной интеграции милиционеров, превращалась психологическая служба, оставаясь при этом основным участником процесса социализации ветеранов.

Социализация тем успешнее, чем востребованнее приобретенный опыт. В том случае, если накопленный опыт является препятствием для дальнейшей социальной карьеры, говорить о «возвращении» субъекта в общество становится сложно. Таким образом, было важно выяснить, насколько опыт ветеранов логичен в структуре их профессиональных и личных историй и может быть интегрирован в контексте их профессиональной и частной жизни после командировок. Ответ на этот вопрос указывал, является ли опыт препятствием в построении нормальных отношений милиции с гражданами и создания социального партнерства, без которого эффективная правоохранительная деятельность невозможна в современном обществе. Или же, наоборот, влияние этого опыта незначительно, и проблемы доверия между милицией и гражданами не связаны с опытом рядовых милиционеров в «горячих точках». Исходя из этого, в перечень вопросов для изучения были включены задачи по оценке опыта, который получили ветераны в Чечне, а также их персональные истории до и после командировок в Чечню.

⁴ http://www.info-rm.com/ru/news/news_detail.php?ID=14966 или статья «Засада в горах» в газете «Время новостей» №206 от 9 ноября 2006 года.

⁵ <http://kavkaz.strana.ru/news/304203.html>.

Задачи исследования определили круг значимых для опроса респондентов и сформировали критерии их рекрутирования. Подробнее об исследовательской стратегии можно прочитать на странице проекта «Ветераны Чечни в современной России» в Сети (<http://www.demos-center.ru>). Там же можно ознакомиться с инструментами полевой работы, которые были разработаны сообразно методологии исследования.

Отметим, что исследовательская стратегия была основана на получении информации от основных «действующих лиц» процесса посткомандировочной социализации: милиционеров-ветеранов конфликта, их жен, руководства МВД и начальников районных отделов внутренних дел, психологов МВД, лидеров профильных ветеранских общественных объединений. Исследование опиралось на качественные методы сбора информации, были проведены серии экспертных и глубинных интервью.

Полевую стадию предваряла работа по изучению правового регулирования вопросов реабилитации ветеранов конфликта, а также пилотное исследование, проведенное в одном из регионов проекта. Кроме того, был проведен контент-анализ региональных СМИ, с помощью которого мы хотели выяснить, каким образом и с какой интенсивностью представлена тема милиционеров – ветеранов конфликта. С результатами контент-анализа можно познакомиться в разделе «Общество и ветераны Чечни».

Преодолевая разрыв между официальным определением «контртеррористическая операция» и ветеранской привычкой обозначать происходящее в Чечне войной, мы в исследовании использовали слово конфликт, а милиционеров, имеющих опыт командировок в Чечню, рассматривали как ветеранов конфликта. Т.е. наличие или отсутствие удостоверения ветерана боевых действий не было определяющим при выборе респондентов. Критерии были другие: наличие опыта командировок в Чечню, профессиональная специализация ветерана, наличие/отсутствие профессионального успеха после командировок, семейное положение и др.

Исследование проводилось в пяти российских регионах: в Тверской и Нижегородской области, в Республиках Адыгея и Коми и в Алтайском крае. В каждом из регионов было опрошено около 20 респондентов. Результаты исследования по каждому региону представлены в книге в разделе «Ветераны Чечни в регионах России». В конечную обработку было включено 95 интервью. Они и сформировали информационную базу для подготовки общих выводов исследования. Экспертиза собранной информации на предмет дальнейшей аналитической работы, были проведены Р.М. Фрумкиной, психолингвистом, ведущим научным сотрудником института языкознания РАН. Заключение эксперта размещено на странице проекта в Сети.

* * *

Острая стадия конфликта позади, но нет никакой гарантии, что видимое восстановление мирной жизни не превратится в кажущееся. Так считают большинство опрошенных ветеранов конфликта, и их оценки происходящего в республике находят поддержку среди руководства. Наиболее ярко эти настроения высказала психолог из Алтайского края. «Конфликт не разрешен, да? Значит какой-то этап передышки, правильно? Передышки для чего? Для консолидации каких-то сил... Я не политик и не военный, и судить о ситуации могу на основании каких-то обрывочных сведений и общения с людьми, как они это воспринимают...».

Начальники районных отделов, а также некоторые представители региональных управлений внутренних дел придерживаются точки зрения, что отказываться от федерального присутствия в Чечне нецелесообразно. Соглашаясь с тем, что милиции из регионов преждевременно уходить из Чечни, между региональными управлениями, с одной стороны, и начальниками и их подчиненными, с другой, существует разница в оценках того, каким же образом следует обеспечивать работу федеральных сил в республике.

Начальники на местах и милиционеры готовы отказаться от командировок и передать эту задачу другим ведомствам. Желание освободиться от этой «повинности» связано с усталостью от командировок и проблемами, которые возникают как во время службы в Чечне, так и по возвращении милиционеров домой и на работу в отделы.

«Мне знаете, только одно непонятно, какой год уже, 10 лет, и никак порядок навести не могут. Ну, я не поверю, что нельзя... Ну Чечня, ну сколько там, 80 км что ли в длину... Ну понимаю особенности, но чтобы столько времени... Там давно уже можно было навести порядок, и люди там простые тоже устали от всего этого... Много нормальных и хороших людей. Почему, кто не хочет там мира, не знаю...»⁶. «Там сейчас более-менее, вроде, как бы среди них жизнь налаживается, там машин стало больше, чем здесь у нас, в Сыктывкаре. Люди там уже, как бы, открывают стоматологические центры, детские сады, там, все такое. И наши парни стоят в броне и с автоматами на дороге. Стой – документы, стой – документы. Ну, я думаю, это все можно было отдать этим же чеченцам (чеченской милиции. – А.Н.). Пускай они туда ставят своих и уже там, как хотят, так и... Войны-то, как бы, нету, че там делать? Кого охранять?»⁷.

Не в последнюю очередь ощущение тягостной повинности возникает из-за того, что многие милиционеры едут в Чечню в принудительном порядке.

Служебные командировки милиционеров на Северный Кавказ и, в частности, в Чечню – практика, ставшая рутинной для органов внутренних дел. Официально порядок набора в отряды, которые отправляются в Чечню, является добровольным. На деле же складывается другая ситуация. Из федерального центра приходит разнарядка в региональные управления внутренних дел о необходимости сформировать очередной отряд в Чечню⁸. В разнарядке оговаривается численность отряда и его состав. Региональному управлению необходимо выдержать разнарядку, для чего оно распределяет требуемую численность между отделами внутренних дел в регионе. На местах начальники отделов прилагают некоторые усилия для мотивации милиционеров к поездке, и по общему мнению самих начальников, добровольным этот порядок называется только на бумаге, а на деле милиционеры едут в приказном порядке.

Отказаться от поездки в командировку милиционерам практически не удается. Причин несколько. Во-первых, отказ поехать в командировку может обернуться давлением со стороны руководства, которое может выражаться в лишении премиальных, очередного звания и прочих «бонусов». Во-вторых, отказ милиционера от поездки в командировку фактически равнозначен его решению об увольнении, – «Отказаться, конечно, можно, и были сотрудники, которые отказывались. И они через некоторое время были вынуждены менять место работы»⁹. В-третьих, отказ от участия в командировке может быть расценен сослуживцами как банальная трусость. Давление корпоративное, со стороны товарищей по отделу, может быть не меньшим, если не большим, чем давление со стороны руководства. «Пришла моя очередь ехать туда. Я был человеком в погонах, и не мог себе позволить отказаться. Это было бы с моей стороны слабостью»¹⁰. Чувство ответственности перед товарищами тоже делает отказ невозможным: «Я откажусь, вместо меня кто-то поедет, а его там убьют. Кто я после этого?»¹¹. В определенном смысле, милиционеры оказываются в ситуации принудительного призыва и начинают размышлять в моральных категориях отсутствия выбора.

Таким образом, кроме служебного долга, немаловажное значение имеют чувство ответственности и неформальные обязательства, возникающие внутри милицейского коллектива.

Кроме того, в самом начале второй кампании милиционеров привлекала возможность прилично заработать. Тогда платили так называемые «боевые». Многие стремились поехать в командировку только из финансовых соображений, так как ожидаемые деньги по своему объему в разы превышали те, которые потенциально мог заработать

⁶ Из интервью с сотрудником милиции. Алтайский край.

⁷ Из интервью с бойцом ОМОНа. Республика Коми.

⁸ Из интервью с сотрудником Управления собственной безопасности по Приволжскому федеральному округу. Нижегородская область.

⁹ Из интервью с милиционером, дважды служившим в командировках в Чечне. Тверская область.

¹⁰ Из интервью с милиционером, дважды служившим в командировках в Чечне. Тверская область.

¹¹ Из интервью с милиционером. Республика Коми.

рядовой милиционер в своем отделе. В частности, за счет командировок в период начисления «боевых» у милиционеров появлялась возможность решить ключевые материальные проблемы своих семей (купить квартиру, автомашину и т.д.). Перелом в структуре мотивации случился после провозглашения окончания боевой стадии контртеррористической операции в Чечне. Получалось, что раз официально боевых действий нет, то и платить «боевые» оснований тоже нет.

В течение второй чеченской кампании срок командировки менялся неоднократно: вначале он составлял полтора месяца, потом был увеличен до трех месяцев, сейчас – полгода. Борис Грызлов, в бытность свою министром внутренних дел, обосновал увеличение срока командировки до полугода соображениями экономии средств на транспортировке отрядов из регионов России в Чечню. Собственно увеличение срока командировки произошло тогда же, когда отказались от выплат «боевых» денег, и экономия получилась двойная: и за счет транспортировки, и за счет объема выплат ветеранам.

Но на самом деле экономия оказалась кратковременной и по большей части иллюзорной. Проблема в том, что МВД несет большие финансовые потери, исполняя судебные решения по искам ветеранов по поводу начисления и выплат «боевых»¹² и командировочных, привлекая немалые ресурсы, финансовые и не только, на «оплату» последствий милицейского опыта «горячих точек» для самих отделов внутренних дел, в частности, и для граждан, – в целом.

Большинство экспертов, опрошенных в рамках исследования, склонны подвергать критике решение федерального центра об увеличении срока командировки до полугода. По общему мнению начальников отделений, психологов МВД и самих ветеранов, выдержать полгода на кустарно оборудованной базе в Чечне, в отрыве от семьи, в условиях, малоприспособленных для приемлемой жизни, в однообразном окружении и выполняя рутинные, в сущности, обязанности, – практически невозможно. Однообразие и жизнь на фактически тюремном положении – главные причины, почему служба в Чечне становится невыносимой для милиционеров уже через три месяца после начала командировки. Вот типичное описание службы в Чечне: «Работа, быт, нахождение если и не во враждебной, то недоброжелательной среде, отрыв от привычной и тебе обстановки. К тому же долгое проживание 300 мужчин на ограниченной территории – это, извините меня, временами было пыткой. Этот быт выявлял в человеке иногда такое, что порой стыдно было за человека. Вот представьте, один человек вдруг перестает мыться, у другого желудок там или кишечник не в порядке...Ну, и так далее, и тому подобное».

«Мы жили в трехэтажном кирпичном здании, то ли бывший детский сад, то ли еще что... разбитое, без окон, замызганное, грязное, заляпанное, закладывали окна мешками с песком, оставляли бойницы. Жили в кубриках, небольшой кубрик пять на пять. У нас там пять двухъярусных кроватей стояло на 10 человек. Кровати, стол, умывальник – вот и все. Нормально. Баня, пожалуйста – хоть каждый день. Вода привозная с колонки»¹³.

В настоящее время однозначно позитивной мотивации ехать в регион конфликта не существует. Поэтому во время командировки от милиционеров не стоит ожидать по-настоящему добросовестного, высокопрофессионального исполнения служебного долга.

Представители УВД настаивают на продолжении практики командировок милиционеров и находят этому вполне логичные и заслуживающие внимания аргументы. Не все, что происходит в Чечне, требует именно антитеррористических действий. В Чечне, как и в любом другом обществе, существует обычная преступность, и милиция нужна именно для того, чтобы пресекать правонарушения, а в случае их фиксации – расследовать. То есть выполнять свои прямые обязанности.

¹² Хотя «боевые» уже не начисляются, ветераны отсуживают то, что им причитается, за предыдущие командировки. Во многих регионах судебный процесс занимает до четырех лет.

¹³ Из интервью с сотрудником милиции. Алтайский край.

Другой вопрос, насколько реализуема эта задача. Ответы респондентов из числа ветеранов указывают на общую повышенную тревожность во время нахождения в Чечне. «Чаще всего я вспоминаю совсем простую ситуацию, в которую я однажды попал. Как-то оперативно-следственная бригада... выехала на место преступления. Но получилось так, что из бригады выехал я один с охраной из двух человек. Ехали по дороге Курчалой – Автуры. И неожиданно сломалась машина. А там нельзя останавливаться. Остановившаяся машина – это прекрасная мишень. Та вот пока чинили машину, у меня было такое ощущение, что вот-вот в меня выстрелят. Машину чинили целый час и эти 60 минут были вечностью. Вот там я понял, что это такое, когда время останавливается»¹⁴. Чувствуя опасность отовсюду, милиционеры становятся крайне подозрительными, и грань между членами террористических групп, обычными правонарушителями и законопослушными чеченцами для них в большой степени стирается.

Среди аргументов в пользу службы региональной милиции в Чечне значимое место занимают утверждения о неэффективности чеченской милиции. С точки зрения представителей ГУВД, чеченская милиция еще не настолько окрепла, чтобы адекватно справляться со своими профессиональными функциями. Поэтому региональной милиции придется компенсировать отсутствие должного уровня профессионализма чеченской милиции.

Важно отметить, что фактический отказ в признании эффективности чеченской милиции свойственен не только вышестоящему региональному руководству, но и самим ветеранам. Последние не стеснялись в выражениях и оценках по ее поводу. «Да вообще, милиция там, в основном из боевиков собрана. Милиционеров набрали – откуда? Из боевиков набрали. И кто из боевиков будет против своих же боевиков – ловить его. Да не будут они ловить его!»¹⁵.

Еще один аргумент, высказанный представителями ГУВД, заставляет стороннего исследователя засомневаться в скором сворачивании практики использования региональной милиции в Чечне. Чеченская милиция непрофессиональна не только в силу своей неспособности освоить навыки служебной работы, а в силу того, что ей трудно применять их на практике в условиях чеченского общества. По широко распространенному мнению среди милиционеров, общество в Чечне отличается крепкими и устойчивыми неформальными связями, которые не позволяют осуществлять официальное разбирательство правонарушений. С точки зрения респондентов, чеченский милиционер в среднем не станет заводить дело против не только своего дальнего родственника, но и его шапочного знакомого. При таком «всеобщем родстве» региональная милиция, с точки зрения представителей ГУВД, должна играть роль внешней силы, которая способна «реально наказать».

Но, видимо, это редко получается. Большинство экспертов из числа начальников РОВД и ветеранов конфликта на поверку склонны низко оценивать эффективность российской региональной милиции в Чечне. При этом, по твердому мнению ветеранов и начальников РОВД, те задачи, которые ставились перед милиционерами, были выполнены. Наблюдается противоречивая картина: то, что делали мы, своих целей достигло, но общий эффект от работы региональной милиции – низкий. На практике многие милиционеры, как рядовые так и начальствующий состав, с течением времени начинают отдавать себе отчет в том, что деятельность милиции несоразмерна официальной ее миссии, а те конкретные задачи, которые ставятся перед милиционерами в Чечне, не достигают задекларированных целей службы региональной милиции в республике. Ситуация, когда исполнительность и добросовестность при выполнении задач не приводит к ощутимому эффекту, провоцирует формализм в работе и демотивацию к реальному достижению заявленных целей.

Помимо этого, такое положение дел усиливает ощущение, что милицию используют для решения каких-то других, стоящих вне ее компетенции, задач. Что милиция –

¹⁴ Из интервью с сотрудником милиции. Алтайский край.

¹⁵ Из интервью с бывшим бойцом ОМОНа. Республика Коми.

это некий инструмент в политической и экономической игре влиятельных групп. Такой уровень мифологизации конфликта указывает на то, что, даже имея непосредственный опыт участия в нем, милиционеры с трудом могут адекватно оценить происходящее в Чечне. В результате все оценки конфликта стереотипны, отстраненны от реальных событий.

Во многом, устойчивости «милицейских» мифов в отношении современной Чечни и чеченского общества способствует изоляция милиционеров на своих базах во время службы в Чечне и неизбежный в такой ситуации информационный дефицит. Эта практика принята для обеспечения безопасности личного состава. С одной стороны, особенно учитывая неудовлетворительный уровень подготовки милиционеров перед отправкой в Чечню, подобные установки МВД выглядят оправданными. Но с другой стороны, оберегая личный состав, МВД фактически спровоцировало оккупационный стиль работы милиции в Чечне и оборонительные установки сотрудников в отношении местного населения.

Психология «временщиков», усиленная за счет невысказанного, но осознаваемого, имитационного характера своей деятельности в Чечне, в сочетании с мифологичностью представлений о конфликте и о местном населении – к последнему милиционеры относятся настороженно и все больше противопоставляют себя местным жителям – поддерживает восприятие Чечни как региона, отдельного от остальной России. В результате, милиционеры не ставят перед собой задачу как интегрировать чеченскую милицию в общую рамку правоохранительной деятельности в стране, так и саму Чечню в правовое поле России.

Но формально именно эти задачи и возлагаются на региональную милицию. Поэтому сотрудники работают в Чечне вопреки собственному скептицизму. Получается, что практика командирования региональной милиции в Чечне достигает обратного эффекта: вместо того, чтобы кооптировать современную Чечню и, в частности, ее правоохранительные органы в правовую систему страны, усиливается автономизация республики, а мнение, что «Чечня – не Россия», становится профессиональным стереотипом среди сотрудников милиции из других регионов.

Чечня действительно во многом непохожа на остальную Россию. Проблемы исчезновений, внесудебных казней, применения вооружения против гражданского населения, неофициальных тюрем и др. делают Чечню зоной грубого и жестокого нарушения прав человека, территорией, где насилие институционализировано как метод решения политических задач. Милиционеры из регионов России неизбежно становятся свидетелями девальвации права и законов, а иногда – исполнителями внеправовых решений.

«Я понял, что в жизни самое ценное» – это одно из типичных высказываний ветеранов, которое звучало в ответ на вопрос, какой опыт они приобрели в Чечне. «Чеченский опыт» трансформирует структуру ценностей милиционеров, расставляет другие жизненные приоритеты. «Что там закон? Я знаю, как в жизни на самом деле происходит», «от закона ничего не зависит» – это тоже одно из типичных высказываний, которое указывает на опыт правового нигилизма, который милиционеры приобрели в Чечне. Если ценность своей жизни и жизни своих близких повышается, то ценность права нивелируется.

Подчеркнем, что приоритезация ценности жизни не формирует у ветеранов табу на насилие. В Чечне многим из них приходилось прямо или косвенно в насилии участвовать, в результате чего насилие не только становится рутинным, но и в силу обычного защитного механизма психики возникает психологическая устойчивость к насилию. С одной стороны, такая устойчивость может оказаться профессионально полезной в определенных ситуациях: милицейская служба сопряжена с опасностями и рисками для жизни. С другой стороны, психологическая защита от насилия делает простым и легким его использование как по отношению к другим, так и по отношению к себе. Проблемы превышения полномочий со стороны милиционеров-ветеранов Чечни, равно как и проблема суицидов среди ветеранов известны правозащитникам, а также представителям МВД.

Милиционеры возвращаются из Чечни, приобретая опыт противопоставления себя гражданам, психологической защиты от насилия, правового нигилизма и демотивации к профессиональному выполнению своих задач. Но пока все эти проблемы остаются без эффективного решения. МВД в данной сфере сделано мало, а немногие предпринятые шаги не меняют ситуации в целом.

Сотрудник, «выпавший» из жизни отдела милиции на продолжительный период, теряет навык повседневной работы. Он возвращается в отдел, когда коллектив стал другим – в милиции большая текучка кадров, – нормативная база также претерпела изменения. Все вместе существенно затрудняет процесс профессиональной адаптации и в крайних случаях может приводить к дисквалификации.

Специалисты отрываются от своей работы в регионе, а в силу особенностей обстановки в Чечне не всегда могут должным образом применять свои навыки. Возникает ситуация, когда эти навыки в силу ограниченной применимости в Чечне, забываются. Помимо этого отделы милиции в регионах остаются на продолжительное время без ведущих специалистов, которые не только незаменимы из-за своей квалификации, но и включены в подготовку новых сотрудников. Необходимость ездить в Чечню создает дополнительные сложности в передаче опыта молодым сотрудникам, а также, по мнению некоторых начальников РОВД, фактически разрушает с трудом отлаженную после бегства из милиции квалифицированных кадров в середине 90-ых гг. систему наставничества.

Кроме того, отправляя личный состав милиции в Чечню, руководство МВД не предприняло достаточных мер для восполнения недостающих людских ресурсов в отделах и подразделениях милиции на местах. Объем задач отделения не уменьшается – значит, каждый остающийся в отделе сотрудник органов внутренних дел получает дополнительные обязанности. За счет увеличения нагрузки на отдельного человека решается проблема своевременного выполнения задач, стоящих перед милицией. В такой ситуации отделы внутренних дел часто ищут способы облегчить себе работу. В результате качество работы милиции в целом ухудшается.

Этому в немалой степени способствует и сам опыт службы в Чечне. В определенном смысле профессиональная адаптация обречена на преодоление опыта командировок, в которых своими прямыми обязанностями милиционеры, как правило, не занимались. «Чаще всего я стоял на постах – это была основная работа. За первые три месяца вообще очень часто, а потом, фээсбэшники или еще кто принесут какую-нибудь информацию, что там вот то-то. Тогда нас всех выведут и стоишь день-ночь, день-ночь по 4 часа... Больших знаний не надо, чтобы 4 часа отсидеть на посту... потом пойти поспать, и через 8 часов опять ... А потом последние три месяца... вообще все на автомате...» – это рассказ милиционера, который был в командировке в должности психолога отряда¹⁶.

Практика выплаты «боевых» в определенной степени повлияла на формирование в среде милиционеров профессиональной привычки вкладываться в выполнение своих задач в той степени, в которой они будут оплачены. После возвращения в регионы, доходы милиционеров резко сокращались, а объем работы по сравнению с командировочным периодом, сильно увеличивался. В совокупности это негативно сказывалось на качестве работы после командировок и приводило к формальному исполнению своих обязанностей.

* * *

«Чеченский» опыт милиции дает о себе знать, и сказывается как на эффективности и профессионализме работы ОВД, так и во взаимодействиях милиции и граждан. Этого можно было бы избежать или по крайней мере свести к управляемому минимуму, если бы в МВД действовала эффективная программа реабилитации ветеранов конфликта. Результаты исследования говорят о том, что действующая система реабилитации не отвечает реальному содержанию проблем, которые возникают в связи с опытом ко-

¹⁶ Из интервью с сотрудником милиции. Алтайский край.

мандировок. Она не прорабатывает вопросов профессиональной реинтеграции, поверхностно касается проблем социальной адаптации, выносит за скобки семьи ветеранов и заменяет реальную психологическую помощь тестированием и кратковременной психокоррекцией.

Как уже было сказано выше, полугодичный срок командировки вызывает резко негативную реакцию в региональных управлениях, у самих ветеранов, у начальников отделов внутренних дел. Так, сотрудники отдела психологической работы Нижегородского ГУВД обратили внимание на то, что после возвращения из полугодичной командировки милиционеры нуждаются в более продолжительном периоде адаптации.

Но в действительности реабилитация для многих милиционеров исчерпывается реабилитационным отпуском. Он предполагает десятидневный отдых на базе санаториев и домов отдыха МВД. Как правило, это близлежащее учреждение, куда милиционеры, в том числе в отсутствие желания, отправляются сразу по возвращении из командировок. Нежелание многих милиционеров отправляться в реабилитационный отпуск объясняется тем, что они не хотят расставаться с семьей еще на какое-то время после и так чрезмерно длительного отсутствия. По идее, реабилитационный отпуск можно провести вместе с семьей, но для этого необходимо оплатить отдых семьи. Действующие правила подразумевают, что члены семьи милиционера имеют право на льготу при покупке путевок, но полного освобождения от оплаты не предполагается. Помимо этого, в учреждениях, где милиционерам предлагается отдохнуть, отдых организован, по оценке самих ветеранов, примитивным образом, а возможности его разнообразия упираются в необходимость дополнительной оплаты. В результате милиционеры предпочитают провести полагающийся реабилитационный отпуск вместе с семьей и за пределами санаториев и домов отдыха МВД.

Помимо десятидневного отпуска, ветераны используют набежавшие за период командировки отгулы и очередные отпуска. Таким образом, по идее они могут отдыхать и восстанавливаться в течение весьма продолжительного времени. Но на практике это удается не всегда. Задачи службы в отделах и подразделениях милиции требуют скорейшего выхода милиционеров на работу. Ситуация, когда милиционеры практически сразу после возвращения из Чечни выходят на работу – нередка.

При этом действующие правила относительно реабилитации не предполагают программ по профессиональной переподготовки и реинтеграции. Заступая на службу, милиционер может опираться на помощь сослуживцев и рассчитывать на понимание со стороны руководства. Практика, когда милиционеры вынуждены откладывать полноценный отдых, указывает на то, что потребности отделов милиции ставятся выше вопросов реабилитации сотрудников ОВД.

При этом отдых – это чуть ли не единственная реабилитационная услуга, на которую могут рассчитывать милиционеры. Существующие программы восстановительного лечения доступны не всем, подразумевают сложный порядок получения направления и зависят зачастую от формальных условий. Например, служил ли милиционер во время командировки в «огневом взводе» или формально относился к службе тыла. С одной стороны, критерий может показаться разумным, с другой – такой подход указывает на то, что соответствующие службы МВД не учитывают в полной мере реальной специфики прохождения службы в Чечне.

Психологическая помощь, направленная на удовлетворение реальных потребностей милиционеров, реабилитация, основанная именно на психологических техниках работы, находятся в стадии становления. Психологическая служба была создана недавно, и пока сами психологи, работающие в подразделениях и отделах милиции, чувствуют себя неуверенно при контакте с милиционерами, вернувшимися из «горячих точек». Отсутствие должного уровня подготовки в сочетании с дефицитом как знаний, так и практики мешает психологам не только эффективно работать с милиционерами, но и делает невозможным накопление качественного профессионального опыта.

Психологи подразделений и отделов милиции структурно относятся к управлениям кадров, и это само по себе обрекает психологическую службу на кризис психо-

логической работы с ветеранами конфликта. По должности психологи одновременно являются инспекторами по кадрам, т.е. специалистами, контролирующими состояние кадрового состава в милиции. Соответственно, ветераны в первую очередь воспринимают психолога не как специалиста, который может помочь снять психологические проблемы, а как инспектора, который выносит оценку его состояния на пригодность к работе в милиции. И ветераны обоснованно не стремятся рассказывать о своих проблемах психологического плана человеку, который может повлиять на их карьеру в органах внутренних дел.

Из-за нерешенности материального обеспечения психологической службы, психологи испытывают трудности даже с обычной работой по снятию психологического напряжения, отмечаемого у большинства вернувшихся из командировок милиционеров. У психологов отсутствуют кабинеты психологической регуляции, в которых должно располагаться соответствующее оборудование. В некоторых регионах возникает совсем нелепая ситуация: оборудование выделено, а пользоваться им невозможно, так как нет необходимого помещения.

Кроме того, милиционеры при возвращении на работу в отделы практически не имеют времени на общение с психологом. Они постоянно заняты выполнением обязанностей по службе. Некоторые психологи говорили о том, что было бы крайне правильным выделить специальное время на общение с психологом. Не давая оценку такому предложению, заметим, что отсутствие приемлемых условий для работы с личным составом, а также подчинение психологического сопровождения ветеранов вопросам их оперативного включения в работу указывает на отсутствие реального осознания важности психологической работы и маргинальное положение самой психологической службы.

Психологическая помощь милиционерам отложена во времени, происходит в высвобождающееся от оперативных задач службы время и сводится к тестированию, не предполагающему оказания собственно психологической помощи.

Доверительное общение, переводящее психологическую службу из формального режима работы кадрового отдела в режим психологической помощи самим ветеранам, как правило, не возникает. Ветераны остаются без психологической поддержки, о желательности которой некоторые из них заявляли в интервью. Еще больший запрос на психологическую помощь существует среди жен ветеранов, но они либо не знают о работе милицейского психолога ничего, либо отстраняются от ведомственных специалистов, не доверяя их профессионализму, добросовестности и сомневаясь в соблюдении конфиденциальности. В целом семьи в ходе реабилитации не получают той поддержки, которая им помогла бы восстановить нормальные семейные отношения.

Сохранение психологической службы в нынешней организационной конфигурации не позволит развиваться психологической работе, направленной на проработку опыта «чеченских» командировок и, в целом, психологической поддержке милиционеров в ходе их повседневной деятельности. Психологи будут вынуждены действовать в интересах ведомства, а ветераны и их семьи справляться со своими проблемами самостоятельно. Отметим, что работа психологов в кадровой службе необходима также как и, например, помощь психологов службе дознания, поскольку психолог мог бы диагностировать психологический статус задержанных по подозрению в совершении преступления, облегчая тем самым работу дознавателя.

Психологическая служба в нынешнем ее виде неэффективна. Невозможность прорабатывать психологические проблемы ветеранов «горячих точек» не позволяет развиваться отдельному направлению внутри службы, из-за чего реальные проблемы ветеранов остаются неизученными, а проблема пост-травматического стрессового расстройства (ПТСР) останется на периферии внимания психологов. Тестирование как основной метод работы непригоден для предупреждения проблем социальной и профессиональной дезадаптации. Такой метод работы позволяет зафиксировать проблему тогда, когда возможные профилактические меры уже опоздали.

В 2006 году был принят новый нормативный акт – приказ МВД России №770, который касается организации психологической работы в МВД. Этот документ не из-

меняет ситуации по существу, но вводит определенные гарантии конфиденциальности информации, которую сотрудники милиции передают психологу. Это, безусловно, положительный момент, как и тот факт, что министр внутренних дел оставил контроль исполнения приказа за собой, что говорит о стремлении МВД усовершенствовать психологическую службу. Но сам ведомственный характер службы по логике нового приказа не меняется – она продолжает быть ориентированной на потребности МВД, а не сотрудников.

Развитие психологической службы дело будущего и пока из доступных возможностей реабилитации наиболее эффективные программы действуют на базе медицинских учреждений МВД и гражданских госпиталей для пенсионеров МВД и ветеранов Великой Отечественной войны (ВОВ). Ветерану чеченского конфликта, который продолжает работать в органах внутренних дел, сложно рассчитывать на помощь в реабилитационных учреждениях, так как кроме формального и сложного порядка устройства в госпитали МВД, эти госпитали имеют ограниченные возможности и не способны обслужить всех милиционеров, возвращающихся из Чечни. Что касается гражданских госпиталей для пенсионеров МВД, ветеранов ВОВ, то здесь возникает другая проблема: общие полисы медицинского страхования, дающие доступ в гражданские медицинские учреждения, у милиционеров отсутствуют.

В отсутствии программ психологической, профессиональной и социальной реабилитации опыт «горячей точки» остается проблемой самих ветеранов и не получает систематического решения со стороны МВД России. При этом комплексная реабилитация ветеранов не только сделала бы работу правоохранительной системы в целом более эффективной, но и могла бы стать своего рода фактором, способствующим реальной стабилизации в Чеченской Республике.

Основные направления создания национальной модели реабилитации ветеранов

Практика командирования сотрудников органов внутренних дел в «горячие точки» снижает дееспособность милиции, провоцирует формализм в работе органов внутренних дел и искажает представления о праве в среде милиционеров. Эти изменения не позволяют российской милиции работать в соответствии с современными стандартами правоохранительной службы, одним из которых является ориентация на социальное партнерство с гражданами в деле создания и поддержания безопасной локальной среды и снижения преступности.

Система реабилитации, которая доступна ветеранам и их семьям, не соразмерна числу и содержанию проблем, которые возникают в связи с опытом «горячей точки», и нарастают за счет последующих командировок.

Плюсы от опыта командировок, о которых упоминали начальники районных отделов, теряются на фоне негативных последствий, о которых те же начальники районных отделов милиции уверенно говорили. Кроме того представляется, что перечисляемые начальниками навыки, полученные милиционерами в Чечне и востребованные в дальнейшей милицейской службе, например уверенность в использовании оружия, могли бы быть приобретены в результате грамотно выстроенной огневой подготовки, а не «опыта на выживание» в Чечне.

Но сейчас ситуация такова, что внутри отделов внутренних дел возникли своего рода специальные подразделения боевых милиционеров, которые разучились и, что сложнее, – перестали хотеть работать в условиях размеренной региональной жизни. Им проще и удобнее находиться в командировках. Они стремятся вернуться в Чечню, поскольку именно там, а не в регионе, чувствуют себя уверенно. Для них это способ бегства от домашних и служебных вызовов и неприятностей, которые только усугубляются с каждой следующей командировкой. Начальники РОВД указывали на эту проблему, а также и на то, что совладать с ней пока не получается.

Реформа правоохранительных органов, тема которой отчетливо зазвучала последнее время, предполагает среди прочего введение институциональных гарантий профессионализма сотрудников ОВД, вводит образовательные цензы. Например, уже сейчас, в соответствии с новым положением о психологической службе, психологи должны обладать психологическим образованием, либо, в крайнем случае, высшим медицинским или педагогическим образованием. По сравнению с действовавшим до 2007 года приказом №690, критерии отбора психологов на соответствующие должности стали жестче. Ранее для того, чтобы устроиться в МВД психологом, нужно было иметь любое высшее образование, и любой работник подразделений и отделов со статусом сотрудника милиции мог также претендовать на должность психолога.

Реформа правоохранительных органов, в том числе, упорядочивание работы органов внутренних дел, меры, направленные на повышение их эффективности, создание полиции и пр., будет сталкиваться со сложностями, обусловленными профессиональной неготовностью действующих сотрудников милиции из числа ветеранов конфликта переставить свою работу под новые стандарты. Не все справились с задачей восполнения потерянных за счет «чеченского» опыта навыков работы, а предлагается освоить еще и новые.

Для успеха реформирования органов внутренних дел, решения проблем, возникших и продолжающих возникать в связи с необходимостью командировать милиционеров в «горячие точки», поиска адекватного решения проблем ветеранов конфликта, лучше отказаться от практики командирования рядовых милиционеров в Чечню.

Это непростое решение, которое может входить в противоречие с задачей создания на территории республики государственных органов, полностью интегрированных в правовую систему страны. Вполне возможно, что такое противоречие могло бы быть снято за счет развития контрактной службы и командирования в Чечню специалистов на добровольной основе и на длительный срок, но не в массовом порядке, распространяющемся на органы внутренних дел.¹⁷ В любом случае, в связи с тем, что пока милиционеры продолжают ездить в Чечню, и многие уже неоднократно там побывали, властям необходимо уделять внимание современному положению ветеранов конфликта и их семьям и разрабатывать государственную политику, ориентированную на полноценную интеграцию этих групп граждан в российское общество.

Действующая система посткомандировочного сопровождения ветеранов и их семей не в состоянии преодолеть социальные барьеры, которые возникают как в связи с опытом командировок в «горячие точки», плохо реализованных положений действующей реабилитационной политики, а также непродуманных решений властей.

Преодоление социальных барьеров как основная цель реабилитационной политики

Как уже было отмечено, опыт «чеченских» командировок влияет на формирование «оборонительных» установок в отношении граждан. Возникает профессиональная привычка воспринимать местное население как потенциальный источник угрозы для себя. Из-за длительности командировок, в течение которой милиционеры изолированы на своих базах, установка превращается в стереотип, влияние которого по возвращении в регионы сохраняется.

Необходимо сделать важное уточнение. Негативные стереотипы возникают в результате одновременного действия нескольких факторов: изоляции на базе и, как следствие, дефицита информации о местном населении, а также длительности нахождения в такой изоляции. Ситуация, когда милиционер служит в Чечне по контракту в течение года и больше, но во время службы работает в республиканских правоохранительных структурах, тем самым вступая в разнообразные контакты с местным населением, не

¹⁷ Хотя сейчас число милиционеров, командируемых от ОВД, сократилось, тем не менее, от этой практики пока не отказались.

провоцирует развития оградительных установок по отношению к гражданам, а требует от милиционера выстраивания коммуникации и с местным населением, и с местными милиционерами. Но большинство рядовых сотрудников милиции отправляются в Чечню не по контракту, а командированы в порядке, официально добровольном, но на практике – принудительном, и вынужденно находятся на изолированной и укрепленной базе в течение полугода.

Известно, что преодоление профессиональных стереотипов, впрочем, как и любых других, требует немалого времени и определенных усилий. Но уже сейчас эффективной мерой было бы сокращение срока командировок и постепенный отказ от практики постоянной дислокации милиционеров на базах.

Небезопасность окружающей обстановки осознается милиционерам в Чечне, что также влияет на формирование профессионального типа поведения. Быть всегда начеку, уметь быстро среагировать на внештатную ситуацию, свыкнуться с оружием и его применением – качества, которые возникают в среде командированных милиционеров. Эти навыки могут пригодиться в дальнейшей работе в регионе. Но не все так однозначно. «Обстрелянность» милиционеров мешает им адекватно оценивать степень опасности ситуаций во время выполнения служебных заданий уже в своем регионе, соизмерять свои действия с условиями мирной жизни.

МВД следует уделять повышенное внимание негативным последствиям опыта «горячей точки», которые могут проявляться в деятельности милиционеров после командировки в силу приобретенных в Чечне профессиональных привычек, и адресовать этому специальные программы профессиональной переподготовки после командировок.

На практике начальники РОВД находят кустарные замены полноценной профессиональной переподготовки. Например, снижают требовательность по обеспечению нормы выполняемой работы, не поручают сложные задания, формируют группы таким образом, чтобы недавно возвратившийся из командировки сотрудник работал в паре или тройке с сотрудниками, не имеющими «чеченского» опыта и т.д. Но систематической программы профессиональной адаптации не существует, хотя, по мнению некоторых начальников, необходим как минимум специально отведенный период времени, в течение которого сотрудники «придут в норму».

Специфика работы отделов и подразделений милиции такова, что выделение временного периода на профессиональную подготовку после длительной командировки может быть труднореализуемой мерой. В течение командировки обязанности уехавших милиционеров перераспределяется между оставшимися в регионе. Нередко в случае, когда перераспределить не на кого – в отделе всего один нужный специалист, и он командирован в Чечню на полгода, – его работа попросту «стоит». Очевидно, что в таких условиях резервировать дополнительное время для профессиональной реинтеграции может казаться роскошью, которую отделы милиции не могут себе позволить.

С нашей точки зрения, несмотря на объективные трудности для введения такой меры, необходимо искать способ для ее реализации. При этом важно и выделять период для адаптации после командировки, и разрабатывать специальные программы переподготовки. Иначе профессиональные привычки и стереотипы поведения останутся не проработанными, будут негативно сказываться на качестве выполнения служебных заданий в условиях мирного региона и в целом приводить к депрофессионализации сотрудников милиции, сопряженной с установкой на обособление от граждан. В этом не заинтересованы ни правоохранительные органы, ни граждане потому, что востребованного социального партнерства как условия современной правоохранительной политики просто не возникнет. Милиция будет вынуждена работать, преодолевая недоверие со стороны общества, а граждане не смогут рассчитывать на профессиональную работу с их обращениями. В худшем случае граждане будут становиться жертвами необоснованного насилия со стороны сотрудников милиции. О проблеме превышения полномочий и жестокого обращения известно и правозащитникам, и обществу, а в МВД уже перестали ее замалчивать или сводить к единичным случаям.

Программы профессиональной переподготовки должны стать частью реабилитационных программ, адресованных ветеранам конфликта и их семьям. Сейчас реабилитация, доступная для вернувшихся из командировок милиционеров, не отвечает потребностям ветеранов и не решает всего комплекса проблем, возникающих после опыта «горячей» точки.

Эти проблемы взаимосвязаны между собой, решение какой-то из них в отдельности не изменит ситуации по существу.

На практике возникает замкнутый круг. Милиционеры, научившиеся в Чечне «обороняться» от местных жителей, по возвращении домой в свои регионы привычно противопоставляют себя гражданам, увеличивая тем самым зону отчуждения между обществом и милицией. Они сплываются на основе общего пережитого опыта «горячей точки» и как следствие «загоняют» себя в еще большую социальную изоляцию. Навыки профессиональной работы в обычных условиях, малоприменимые в Чечне, забываются, и при возвращении в регионы могут оказываются невостребованными, так как в условиях возникающей социальной изоляции мотивации к профессиональному выполнению своих обязанностей неоткуда взяться. При этом реабилитационные программы обходят стороной вопросы профессиональной переподготовки, а такие аспекты как обучение навыкам взаимодействия с гражданами, отсутствуют вовсе. Милиция в глазах общества работает в лучшем случае формально, в худшем – против граждан¹⁸.

Недоверие со стороны общества в сочетании со скудной и искаженной информационной картиной о современной Чечне не позволяет ветеранам рассчитывать на внимание к своим проблемам как стороны граждан, так и со стороны вышестоящего милицейского начальства. Последние предпочитают не замечать реальных сложностей реинтеграции ветеранов после опыта «горячей точки». Социальный статус ветеранов в большинстве случаев понижается, а социальная карьера негативна, так как нерешенные проблемы, в том числе материальные, семейные, психологические, не позволяют преодолеть стигматизации. Последняя закономерна и возникает в большинстве случаев. Причем из-за поверхностного содержания реабилитационных программ и их необщедоступности эффект социального «тупика» с большой вероятностью будет только нарастать.

Самое главное, что это проблема «застревает» внутри милиции, так как милиционеры, прошедшие командировки, продолжают работать в органах внутренних дел, и при желании выстроить другую карьеру многие из них сталкиваются с неудачей: сложно чувствовать себя уверенно в обществе, когда «возвратиться в него» после командировок удастся в редких случаях.

Уже несколько лет ведутся дискуссии о разработке и принятии закона о комплексной реабилитации ветеранов вооруженных конфликтов, в том числе ветеранов, принимавших участие в контртеррористических операциях. Такие инициативы необходимо продолжать, в особенности в контексте давно начатого и вновь активизировавшегося процесса реформы правоохранительных органов. Как следует из доступных в открытых источниках информации, реформа будет прямо касаться органов внутренних дел, и на это выделяются значительные средства. В связи с этим представляется целесообразным в рамках реформы уделить максимальное внимание вопросам комплексной реабилитации ветеранов конфликта.

Результаты исследования подтверждают необходимость развивать общедоступные программы реабилитации, включающие медицинскую, психологическую, социальную и профессиональные компоненты. Таким образом, реабилитационные программы должны охватывать все аспекты реинтеграции и быть соответствующим образом специализированы.

Особое внимание необходимо обратить на создание полноценных программ для семей ветеранов. Сейчас семьи фактически выключены из процесса реабилитации, при

¹⁸ Об отношении граждан к современной милиции см. Новикова А. Общество и современная милиция. В ожидании перемен / Реформа правоохранительных органов: преодоление произвола. М., Демос. 2005, 416 с.

том что большинство психологов, работающих с ветеранами конфликта, отмечали важность участия семьи в процессе реабилитации, а начальники указывали на значимость семейного благополучия для профессиональной деятельности милиционеров.

Семейные программы должны включать в себя как минимум психологическое сопровождение, юридические консультации, медицинские услуги, отлаженную систему консультирования по доступным возможностям в получении различных социальных и экономических благ. При разработке программ семейной реабилитации должен быть продуман четкий механизм включения семей в систему посткомандировочного реабилитационного периода. Иначе говоря, программы семейной реабилитации должны быть взаимосвязаны с программами, ориентированными на милиционеров.

Такая взаимосвязь может быть достигнута за счет введения системы «персонального менеджера» для семьи каждого ветерана. Речь идет о специалисте, который бы консультировал семьи в течение докомандировочного периода, периода самой командировки и в посткомандировочный период. Основными задачами такого специалиста должны стать сопровождение семей милиционеров, информационная и экспертная помощь. Предоставление каждой семье такого специалиста позволит наиболее оптимальным образом учитывать потребности конкретной семьи и ветерана и тем самым подобрать наиболее эффективную программу или программы помощи и реабилитации.

Отметим, что эта идея была успешно реализована в канадской модели реабилитации военных ветеранов¹⁹. В реабилитационной системе Канады она получила название кейс-менеджмент. Учитывая, что в Канаде разработано большое количество программ реабилитации и поддержки ветеранов, кейс-менеджер является совершенно необходимым элементом всей системы. Изучив потребности семей и ветеранов, кейс-менеджер выбирает наиболее подходящие для конкретного случая варианты программ реабилитации, исчерпывающим образом информирует семьи и ветеранов о возможностях, которые предусмотрены государством в отношении ветеранов, помогает ветеранам и членам его семьи, в том числе неофициальным партнерам, сделать наиболее верный выбор и т.п.

Ввести систему персонального менеджмента в России возможно, скорее всего, в контексте реформирования органов внутренних дел и, в частности системы отчетности. При этом важно отметить, что на практике отдельные элементы персонального менеджмента можно зафиксировать уже сейчас. Некоторые психологи подразделений или отделов милиции, в особенности, в сельской местности пытаются тесно контактировать с семьями командированных милиционеров, помогают им сориентироваться в необходимых действиях для получения предусмотренных льгот и пр., приглашают на различные праздничные мероприятия, обеспечивают связь с милиционерами, когда они в Чечни и т.д. Но вся она поддержка не выходит за рамки обычной социальной работы, ведется sporadически, и не находится в числе приоритетов в деятельности психолога.

Нормативные установления требуют от психологов ОВД выполнения огромного числа обязанностей. Сейчас в системе МВД работают психологи – «кадровики» и психологи – «медики»²⁰. Предполагается, что психологи-«кадровики» должны помогать милиционерам справиться с психологическими проблемами после командировки. Но этим их обязанности не исчерпываются, они скорее «тонут» в числе прочих, не имеющих прямого отношения к психологическому сопровождению ветеранов и, тем более, членов семей ветеранов. На практике психологи не успевают работать на снятие психологических проблем ветеранов, а семьи остаются фактически проигнорированными.

В определенном смысле, такая ситуация закономерна из-за системы отчетности, распространяющейся на любых сотрудников ОВД, в том числе на психологов. Система отчетности основана на количественных показателях, что не позволяет на практике индивидуализировать работу как с самими ветеранами, так и с их семьями. Ведь протестировать 40 кандидатов, пришедших устраиваться на работу в милицию, и отчитаться

¹⁹ Опыт Канады по реабилитации ветеранов конфликта представлен в Разделе 4 книги.

²⁰ Первые являются сотрудниками кадровой службы, вторые – медико-санитарных частей. О психологической службе в МВД см.: Новикова А. Психологическая служба в МВД.

об этом проще, чем работать много и предметно с конкретной семьей ветерана и потом пытаться отчитаться о проделанной работе. Проще говоря, отсутствуют критерии для оценки собственно психологической работы. Соответственно систему персонального менеджмента необходимо вводить одновременно с разработкой другой – более эффективной – системы отчетности для ОВД.

Помимо разработки критериев для контроля качества работы психологов с ветеранами конфликта и членами их семей, психологическая служба МВД должна быть специализирована по направлениям работы. Собственно, разработка самих этих критериев возможна в том случае, если психологическая служба будет разделена по своим функциям. В частности, психологи, которые работают с ветеранами конфликта и членами их семей должны войти в самостоятельное направление и быть освобождены от обязанностей по кадровой работе. Результаты исследования убедительно свидетельствуют, что совмещать кадровую работу с психологической, практически невозможно.

Специалисты, работающие в вузах системы МВД и оказавшие экспертную поддержку проекту, указывали на существование серьезной проблемы, суть которой в следующем. Психолог, работающий с личным составом ОВД не может быть гражданским специалистом, работающим в органах – он обязан иметь статус сотрудника милиции. Таким образом, ведомство получает гарантии того, что информация, которой в ходе работы оперирует психолог, будет защищена, останется внутри системы МВД. С другой стороны, милиционеры по большей части не доверяют психологам из кадрового управления, так как воспринимают их как представителей кадровой службы, ведущей личные дела сотрудников. Психологу-«кадровику» милиционер не готов рассказывать о своих проблемах, опасаясь, что эта информация каким-то образом скомпрометирует его с профессиональной точки зрения. Данное противоречие осознается как минимум в ведомственных вузах, но решение пока отсутствует.

С нашей точки зрения, создание внутри МВД подразделения практикующих психологов со статусом гражданских специалистов, ориентированных исключительно на помощь ветеранам конфликта и их семьям, а также просто сотрудникам, нуждающимся в такой поддержке, позволит снять это противоречие. В этой ситуации для обеспечения ведомственной информационной безопасности психологи будут лишены доступа к кадровой и иной внутренней информации, но для осуществления своих функций она им и не требуется (на это, в частности, указывали респонденты-психологи в рамках исследования). А сотрудники милиции, учитывая предусмотренную ответственность, не станут делиться с психологом сведениями, являющимися предметом государственной тайны или информацией с грифом ДСП. Отметим, что психологическая работа с людьми требует внимания именно к личностной стороне человека, в нужной степени отделяемой от конкретики служебной жизни.

Еще одной насущной необходимостью в развитии психологической службы МВД является создание рабочего механизма взаимодействия с внешними психологами. Сейчас это практически невозможно. Психологи ОВД являются сотрудниками милиции, что ограничивает и ставит под контроль их контакты с внешними психологами, с профильными НПО и пр. Единственное, что происходит на практике, это когда психологи ОВД советуют милиционерам обратиться за помощью в те или иные гражданские учреждения.

Создание отдельного психологического подразделения МВД для оказания психологической помощи ветеранам конфликта и сотрудникам милиции и снятия с психологов статуса сотрудников милиции позволит психологам МВД развивать взаимодействие с гражданскими службами и внешними специалистами. Они не будут скованы внутриведомственными установлениями и, кроме того, для участия в психологическом сопровождении ветеранов и членов их семей смогут привлекать внешних специалистов. Последнее крайне необходимо, если согласится с тем, что психологическая работа должна быть индивидуализированной, а ветераны и их семьи должны иметь возможность рассчитывать на персонального менеджера, помогающего им с возникающими проблемами в связи с командировками на Северный Кавказ. При системе персонального менеджмента силами штатных психологов обойтись, скорее всего, не получится.

Кроме того, не удастся преодолеть сложностей, связанных с ведомственным характером психологической службы, чья работа ориентирована в первую очередь на реализацию интересов ведомства, а не конкретного человека²¹.

Сейчас система психологической помощи построена на нормативе – один психолог на 150-600 человек. Наличие такого норматива само по себе говорит о смещенных приоритетах психологической работы. И даже если эти психологи будут освобождены от других, не связанных собственно с психологической помощью функций, обслуживание ветеранов и их семей в полной мере не будет достигать нужного эффекта. Очевидно, что если МВД ставит цель помочь ветеранам и сотрудникам милиции, предоставить им полноценную программу психологического сопровождения, то придется опираться на независимых психологов.

В известных проектах комплексных программ реабилитации акцент делается на упрочение и финансовое обеспечение социальных льгот и гарантий. Безусловно, это важные элементы в системе реабилитации. Но без развития программ психологической поддержки и комплекса услуг в отношении социальной интеграции все эти меры так и останутся компенсаторными, только подчеркивающими исключительность ветеранов.

Кроме того, решение только материальных проблем не избавит ветеранов от давления приобретенного опыта. Возвращения в общество не получится, если ветераны останутся при своих стереотипах профессиональной деятельности и приобретенной настороженности, доходящей до враждебности, по отношению к гражданам. Заявленная реформа правоохранительных органов позволяет пересмотреть подходы к реабилитации сотрудников ОВД и, в частности к их психологическому обеспечению.

Если все оставить как есть и работать только на усовершенствование действующей системы вместо ее коренного преобразования, то общая картина останется, в частности такой, какой ее бегло обрисовал один из респондентов: «То, как сейчас устроена служба, это в чистом виде развал силовых структур. Командировки длятся шесть месяцев, перерыв между ними от полугода до года максимум, но у нас в среднем полгода, потому что состав ОМОН всего две сотни человек. В Москве личный состав большой, полторы тысячи, и отряды друг друга меняют. Получается, что у них люди ездят раз в 3 года, а у нас каждый год. Ну и после третьей командировки нормальные, подготовленные сотрудники просто плюют и уходят. Ведь из-за таких длинных регулярных командировок страдают жены, дети, в семье начинается настоящий развал. Чтоб жена не ушла, он со службы уходит. А на гражданке, что такому человеку делать? Они чаще всего не находят себя в жизни. Вот подумайте, он, скажем, 11 лет работал в спецподразделении. Что он умеет? Владеть оружием. Он только и учился, что владеть оружием, лишний раз прислушиваться, оглядываться. Другая обстановка ему кажется дикой. Он в ней жить не умеет. И потом, то, что здесь, всегда накладывает отпечаток, люди уходят в криминал, спиваются. Не знаю, что его заставляет взяться за стакан – ностальгия, чувство брошенности, ненужности...»²²

Меры, которые можно реализовать в настоящий момент

Реформирование предполагает длительный процесс. Но проблемы, с которыми сталкиваются ветераны и их семьи, должны решаться безотлагательно. В рамках действующей системы реабилитации и социальной защиты ветеранов – отметим, что сейчас социальная реабилитация как таковая не регламентирована законодательно, и действующая практика оперирует термином «социальная защита» и подразумевает не реабили-

²¹ О приоритетах ведомственной психологической службы см.: Новикова А. Психологическая служба МВД.

²² Из интервью с командированным в Чечню милиционером из Еврейской автономной области. Чеченская Республика

литационные меры, а льготы и гарантии – можно предусмотреть оперативное создание механизмов, упрощающих доступ к предусмотренным правам.

Во-первых, во время отбора милиционеров в командировку их необходимо в полном объеме информировать об их правах и возможностях, возникающих в связи с командировкой на Северный Кавказ. Желательно осуществлять информирование в письменном виде, предоставляя милиционерам информацию в понятной и простой в использовании форме. В частности, какие права возникают в связи с командировкой, как получить доступ к этим правам, куда необходимо обращаться. Проект такой памятки разработан Центром «Демос», и доступен на Интернет-странице проекта.²³

Во-вторых, процедура получения статуса ветерана боевых действий должна быть упрощена и в доступной форме разъяснена милиционерам, командируемым на Северный Кавказ, в частности, в Чеченскую Республику. Многие права и гарантии, которые распространяются на милиционеров, имеющих опыт командировок в Чечню, зависят от наличия у них статуса ветерана боевых действий. При этом, по логике нормативных актов, право на получение такого статуса имеют те, кто участвовал и участвует в «контртеррористических операциях» на Северном Кавказе. Но на практике, процедура получения статуса не доведена до автоматизма, как это по идее должно быть в соответствии с действующим законодательством²⁴, и доступ к правам в реальности затруднен.

В-третьих, необходимо обеспечить неукоснительную реализацию требований приказа №770, регламентирующих вопросы психологического обеспечения сотрудников милиции. В частности, это касается материального обеспечения психологической службы и создания условий работы с ветеранами конфликта и их семьями.

В-четвертых, необходимо в полной мере реализовывать на практике положения, которые касаются действующей системы реабилитации. В первую очередь, это доступ ветеранов к реабилитационному лечению и реабилитационному отпуску с членами семьи. В условиях становления психологической службы доступ к восстановительному лечению должен быть в максимальной степени облегчен, а предусмотренные возможности для отдыха исполняться в полной мере.

В-пятых, в программы обучения милиционеров перед отправкой в Чечню необходимо включать сессии, которые касаются информирования о ситуации в Чечне. Многие опрошенные в рамках исследования ветераны конфликта говорили о том, что реальная обстановка в Чечне была далека от той информационной картины, которая была им предоставлена во время подготовки к командировке.

В программы подготовки необходимо включить лекции/семинарские занятия, которые бы были посвящены вопросам соблюдения прав человека во время вооруженных конфликтов, а также деятельности правоохранительных органов, ориентированной на соблюдение прав человека.

Информация о возможных последствиях для психики, способах предотвращения срывов, об организации специализированной помощи во время и после командировок также должна быть включена в подготовительный период перед командировкой.

* * *

При разработке программ реабилитации целесообразно учесть опыт других стран в области оказания реабилитационных услуг ветеранам конфликтов. Каждая страна по-своему, сообразно своим ресурсам и представлениям о должном разрабатывает программы реабилитации и поддержки ветеранов. Очевидно также, что опыт конкретной страны успешен при условии учета потребностей своих ветеранов, специфики конфликтов, в которых участвовали ветераны, а также возможностей государства. Все эти соображения не могут стать препятствием для изучения зарубежного опыта с целью

²³ Мы также планируем издать эту памятку широким тиражом и надеемся на поддержку МВД России.

²⁴ О сложностях в получении статуса см.: Сухарева О. Правовое регулирование социальной реабилитации сотрудников органов внутренних дел – ветеранов чеченского конфликта.

разработки оптимальной национальной модели реабилитации ветеранов конфликта, ориентированной на современный уровень оказания реабилитационных услуг.

Целью современных программ реабилитации является реинтеграция ветеранов в общество, создание условий, позволяющих ветеранам вести достойную жизнь, не чувствовать себя в социальной изоляции и выстаивать социальную карьеру, не обесмысливающую предыдущий опыт. Включенные в нашу книгу материалы, рассказывающие об опыте Канады, могут создать впечатление, что эта страна заботу о ветеранах возвела в ранг первейшей государственной необходимости, и пренебрегает потребностями других групп граждан. Это, конечно же, не так. Разнообразие реабилитационных программ, аспекты процесса реабилитации, которые учитываются в канадских программах, указывают на то, что государством движет стремление оплатить свой долг перед ветеранами, а также осознание, что для социального благополучия страны невозможно ограничиться полумерами в деле интеграции военных ветеранов в общество.

В случае России ситуация, на наш взгляд, сложнее и исключительно усилий государства будет недостаточно для того, чтобы ветераны чеченского конфликта перестали ощущать себя «чужими среди своих». Часть проблем ветеранов может быть решена, если правозащитные организации обратят внимание на эту группу и будут оказывать, как минимум, правовую поддержку ветеранам. Результаты исследования говорят о том, что права ветеранов, в частности на реабилитацию, необоснованно ограничиваются и/или нарушаются. Очень часто ветеранам и членам их семей не на кого рассчитывать в деле восстановления своих нарушенных прав, не каждому доступна адвокатская помощь.

Из-за того, что ветераны и члены их семей плохо информированы о своих правах, артикулированного запроса на эффективную комплексную реабилитацию среди ветеранов и их семей фактически нет. Им сложно выстаивать какую-то стройную систему требований и пожеланий относительно реабилитации просто в силу того, что они до конца не понимают, как возможно организовать полноценные программы. Их требования ограничиваются традиционным набором, который обычно российские граждане предъявляют государству. Неправительственные организации (НПО) могут помочь ветеранам осознать свои реальные потребности в реабилитации и сформировать публичный запрос на разработку эффективных программ.

Кроме того, НПО способны передать ветеранам свой опыт по созданию общественных объединений, главной целью которых может стать представление интересов ветеранов на публичном уровне, развитие программ реабилитации и защита прав ветеранов и членов их семей. Сейчас профильные ветеранские организации не справляются с объемом задач: ветеранов и их проблем слишком много, а ресурсов слишком мало. Объединение ветеранов в активно действующие гражданские структуры, активная позиция и солидарность с другими НПО может стать одним из способов интеграции ветеранов в общество.

РАЗДЕЛ 1.

МИЛИЦИЯ И ЧЕЧЕНСКИЙ КОНФЛИКТ

Региональная милиция и конфликт

Асмик Новикова,
Центр «Демос» (г. Москва)

Центральным понятием в милицеей системе является понятие долга. В соответствии с Федеральным законом «О системе государственной службы в Российской Федерации» правоохранительная деятельность имеет статус государственной службы. Таким образом, сотрудники милиции и сотрудники органов внутренних дел находятся на службе у государства. «Мы по своей службе должны поддерживать порядок в государстве. И мы свою работу выполняем и выполняем хорошо и там, где прикажут»¹. Такова позиция большинства начальников РОВД, которая не оставляет места для оценок целесообразности участия органов внутренних дел в урегулировании конфликта на Северном Кавказе, и в первую очередь в Чечне.

Приказной порядок деятельности, распространяющийся на органы внутренних дел, логичен с точки зрения истории российской милиции. Она создавалась как военизированной народной милиция – отряды, призванные помогать установлению нового советского порядка после революции 1917 года. Военные того времени и другие силовые органы не справлялись с объемом задач по преодолению гражданского сопротивления. Среди милицеейских работников и сейчас распространено мнение, что милицию целесообразно использовать тогда, когда военные не справляются с поставленной задачей. «Ведь людей не хватало», «одни войска навряд ли бы что сделали» – такое суждение можно услышать от действующих руководителей милиции. Военизированный характер задач, которая милиция должна выполнять в Чечне, воспринимается как само собой разумеющееся.

Такова традиция, и пока ее действие продолжает оставаться сильным. Но в стране происходят перемены, реформа правоохранительной системы необходима, и руководству МВД это очевидно. Ведется работа по разработке закона «О полиции», что при этом вызывает вопросы в рядах МВД. «Многих работников на местах взволновали слухи о разработке закона «О полиции». Зачем нужен новый закон, если есть старый «О милиции»? Милиция выполняет лишь часть функций органов внутренних дел, поэтому Закон «О милиции» регулирует только ее функции. А вот нормативного правового акта, который бы определял статус органа внутренних дел, нет. Поэтому министр внутренних дел Российской Федерации распорядился создать рабочую группу по разработке соответствующего проекта закона. К концу 2007 года эта работа должна быть завершена»². Процесс сужения функций милиции начался давно и продолжается до сих пор. В частности, еще в начале 90-х годов функции исполнения наказаний выполняла милиция, начиная с 1997 года – система УИС передана в ведение Министерства юстиции. Задачи по обеспечению пожарной безопасности в 2005 году были переданы от милиции к МЧС России. По мнению многих экспертов, уже сейчас современные органы внутренних дел в строгом смысле слова являются полицией, а не милицией. А в связи с созданием Следственного комитета при Генеральной прокуратуре России органы внутренних дел будут выполнять только традиционные для полиции функции: дознания и охраны общественного порядка. Но объективные процессы превращения милиции в полицию не помешали использовать сотрудников органов внутренних дел в решении боевых задач на Северном Кавказе.

Участие милиции в конфликте в Чечне на практике стирало границы между милицией и военными. Боевая обстановка требовала чрезвычайных действий, и даже офи-

¹ Из интервью с начальником РОВД. Алтайский край.

² Из интервью начальника Департамента кадрового обеспечения МВД России генерал-лейтенанта милиции В. Кикотя газете «Щит и меч». www.mvdinform.ru/content/100104/10000000/

циальные задачи по обеспечению общественного порядка и борьбой с правонарушениями – прямые обязанности милиции – выполнялись с применением боевых средств. Как объяснил один из опрошенных сотрудников милиции: «Произошло смешение задач. В Чечне мы решаем боевые задачи и оперативно-служебные»³.

Впрочем, тот же респондент оговаривается, что в последнее время российские сотрудники МВД «уже большей частью занимаются именно поддержанием общественного порядка вместе с чеченскими милиционерами». Но «чеченская» реальность продолжает требовать от МВД программ подготовки сотрудников органов внутренних дел, которые за короткий период должны превратиться из гражданских милиционеров в бойцов.

Существующие программы подготовки получают противоречивую оценку со стороны начальников РОВД. «Чтобы нормально подготовиться, это полгода надо, как минимум, если так, по-нормальному, если должен быть специалист своего дела и службу проходить в «горячих точках». Если я в свое время готовился, нас в Ашхабаде полгода в Каракумах гоняли, там нас учили всему. И стрелять, и выживать, и даже в пустыне одну фляжку давали на сутки... ну, тут (в Чечне. – А.Н.) специфика немного другая, климат не тот... и задачи немного не те. В целом программа дает какие-то положительные элементы – эта подготовка, люди, кто-то вообще с оружия не стрелял ни разу, ни с автомата, ни с пулемета. Они не знают, что такое “муха”, граната. А там при подготовке учат подрывному делу, показывают какие мины, как они действуют, как ставятся, как люди подрываются и все прочее. Дает, конечно, какой-то положительный момент, но я понял так, что не имеется возможности провести подготовку в полном объеме, если капитально...»⁴

Начальники несут ответственность за личный состав. Отправка в Чечню наскоро подготовленных милиционеров ставила их руководство перед противоречием: с одной стороны служебный долг требовал выполнения задач в «горячей точке», с другой – подготовка милиционеров не создавала уверенности в том, что с этими задачами они справятся без потерь. Как правило, это противоречие решалось следующим образом: во время командировок перед милиционерами стояла первоочередная задача – «охранять самих себя» и «всем вернуться обратно», на работу в регион. «Мы стояли, допустим... там, получается, как, мы стояли и по большому счету сами себя охраняли. Я считаю, что свою задачу мы выполнили. А нам какую задачу ставили, когда провожали? Задача одна была – вернуться сюда всем, живыми и здоровыми...»⁵

«Притухшее» состояние конфликта сейчас снизило степень участия сотрудников органов внутренних дел в активных боевых действиях, но тем не менее конфликт продолжает влиять на формирование профессиональных стереотипов деятельности среди милиционеров и, в частности, «оборонительных» установок по отношению к местным жителям.

Начальники отделов по-разному оценивают тот опыт, который милиционеры получили в Чечне. Сложности, которые они испытывали при ответах на соответствующие вопросы во время интервью, указывают на то, что немногие из них серьезно задумывались о том, как относиться и как оценивать опыт милиции и милиционеров в Чечне. Отсутствие рефлексии и проработки «чеченского» опыта выглядит закономерным, если учесть редкий характер дискуссии по этой проблеме как внутри МВД⁶, так и в обществе⁷.

³ Из интервью с начальником РОВД. Тверская область.

⁴ Из интервью с начальником РОВД. Алтайский край.

⁵ Из интервью с действующим сотрудником милиции, имеющим многократный опыт командировок в Чечню. Алтайский край.

⁶ Анализ доступных в открытых источниках выступлений официальных представителей МВД, проведенный в рамках проекта, показал, что тематических выступлений, а также должного уровня проблематизации опыта милиции в Чечне, практически нет. Исследователи, которые занимаются вопросами социальной и профессиональной реадaptации милиционеров, пришли к выводу, что изучения и комплексной оценки социальных и психологических последствий участия милиции в чеченском конфликте на данный момент нет. В частности, см. рукопись диссертации Пажильцева И.В. <http://www.arcerm.spb.ru/doc/Pazhilcev.doc>

⁷ См. контент-анализ региональных СМИ в настоящем издании (с. 183).

В приобретенном опыте милиционеров начальники выделили как положительные стороны, так и отрицательные.

В качестве положительного опыта, востребованного в милицейской службе за пределами Чечни, некоторые начальники отметили навык общения с гражданским населением, сильно отличающимся от привычного для милиционеров. «Опыт у них уже есть. Как общаться с людьми. Не важно, какой ты веры находишься, не важно, какой ты, главное, чтобы найти взаимопонимание между людьми»⁸. По оценке этих респондентов, милиционеры учатся работать в иносреде, развивают в себе навык толерантности к религиозным и другим различиям. С этим можно согласиться только частично. Дело в том, что контакты милиционеров с местными жителями сведены к минимуму и обусловлены выполнением профессиональных задач. Другого общения практически не происходит⁹. Поэтому вырабатываемая «толерантность» носит характер любопытства к обычаям, кухне и религии других людей, и не всегда сопряжена с уважением к ним¹⁰.

Некоторые начальники РОВД рассматривают командировки как своеобразную экспериментальную лабораторию, в которой отчетливо проявляются профессиональные и личностные качества милиционеров. Эффект от длительного нахождения на базе в Чечне оценивается такими начальниками положительно, потому что он позволяет им четко разобраться в людях и в дальнейшем, сообразно этой информации, выстраивать работу отдела, поручая ответственную работу проверенным командировкой сотрудникам. Представляется, что разобраться в качествах личного состава можно и без «опытов на выживание». Но раз приказным порядком командировок органы внутренних дел обречены на такую проверку, то начальники не считают нужным пренебрегать полученной в Чечне информацией о личном составе.

Многие начальники оценивают со знаком плюс влияние боевого опыта Чечни на сплоченность коллектива. С их точки зрения, приобретенный навык чувствовать ответственность за своих товарищей оказывается полезным для последующей работы в органах внутренних дел. Также отмечается появление у сотрудников большей уверенности в своих силах после прохождения «трудностей и опасностей службы в Чечне».

Уверенность в своих силах появляется в том числе и оттого, что многие милиционеры обучаются в Чечне обращаться с оружием и перестают испытывать страх. Фактически все начальники отметили, что сноровка в использовании оружия, «обстреленность» милиционеров дает полезный эффект для дальнейшей службы в регионах.

Безусловно, такие навыки востребованы в милицейской работе. Но иногда на практике они могут оборачиваться проблемами как во взаимоотношениях с гражданами, так и для самих милиционеров.

Сплоченность ветеранов создает риск возникновения ситуации социальной изоляции для милиционеров. Они перестают искать разнообразного общения, чувствуя себя комфортно исключительно среди тех, кто имеет схожий опыт «горячей точки». После возвращения из командировок многие милиционеры категоричны в своих оценках, «выдвигают повышенные требования к дружбе, отношениям среди людей»¹¹, испытывают контрастные эмоции, не оставляющие места для компромиссов и восприятия жизни в регионе во всем ее разнообразии. «Сотрудники после командировок становятся более раздражительными... Они теряют... какое-то чувство реальности»¹². Им становится сложно поддерживать социальные связи в широком контексте. Отдаляясь от общества, но будучи членами этого общества, они начинают противопоставлять себя остальным.

Уверенность и обыденность использования оружия, навык нахождения в экстремальных для психики условиях формируют психологическую защиту от насилия, кото-

⁸ Из интервью с начальником РОВД. Республика Коми.

⁹ О взаимоотношениях командированных милиционеров и местных жителей см.: Браиловская К. Чечня и происходящее в ней с точки зрения ветеранов.

¹⁰ Исключением могут являться сотрудники милиции, приезжающие в Чечню по контракту сроком на год и больше и работающие в подразделениях МВД Чеченской Республики вместе с чеченскими милиционерами.

¹¹ Из интервью со специалистом центра реабилитации. Алтайский край.

¹² Из интервью с начальником РОВД. Тверская область.

рая возникает в результате прямого или косвенного участия в нем, – иначе невозможно было бы «сохраниться» в Чечне. Психологическая устойчивость к насилию делает простым и быстрым его использование уже за пределами Чечни. Милиционеры продолжают отдаляться от граждан, противопоставляют себя обществу и тем самым оказываются в еще большей социальной изоляции. Общество же реагирует безразличием, и остается невосприимчивым к проблемам и переживаниям милиционеров. У общества «только возникают вопросы ... что до сих пор длится эта проблема. Как возникла в 95м году, вот уже 11 лет. Так до сих пор и остается эта проблема для нашего государства»¹³.

Многие милиционеры, возвращаясь на работу в свой регион, оказываются в ситуации социального одиночества. Ни их работа, ни их проблемы, ни сам конфликт в Чечне неинтересны ни большинству граждан, ни СМИ, ни милицмейскому руководству¹⁴. Именно так воспринимают многие ветераны отношение к себе окружающих и властей. Отчасти такие настроения среди сотрудников известны их начальникам и разделяются некоторыми из них.

Негативные стороны «чеченского» опыта, на которые непосредственно указывали начальники отделов, связаны с процессом профессиональной реадaptации после командировок.

После командировок и реабилитационного отпуска милиционеры возвращаются на работу в отделы. Практически они сразу включаются в работу. «В принципе, на практике, так они выходят на работу, и все»¹⁵. Предполагается, что войти в служебный ритм им помогают психологи¹⁶, а также начальство, которое старается в той или иной степени обеспечить условия для эффективной работы милиционеров.

Но вхождение в служебную деятельность протекает по-разному, в зависимости от подразделения, в котором служит милиционер. «Ну, смотрите сами. Если пэпээсник, это, допустим, у него функции одни и те же практически, что до командировки, что после. Он вышел опять на маршрут, охрана общественного порядка и все прочее. Оперу, следовательно, там посложнее, конечно, немного... Они приезжают с командировки, и нужно ему опять входить, оперативная обстановка и т.п. Заново узнавать сложившуюся ситуацию криминальную на своем участке, кто из жуликов, грубо сказано, пошел на зону, кто освободился, какие преступления были совершены, ему, конечно, нужен какой-то период, чтобы снова войти в рабочий ритм»¹⁷.

Более спокойная обстановка в Чечне, установившаяся на сегодняшний день, позволила смягчить требования и правила нахождения на базах в республике. Но на практике это привело к тому, что за полгода нахождения в Чечне милиционеры отвыкают от служебной дисциплины. «В Чечне сейчас нет активных боевых действий, и поэтому сотрудники становятся менее дисциплинированными»¹⁸.

Находясь полгода в Чечне, сотрудники выполняют одни и те же задания, и у них свободного времени больше, чем в региональном отделе. «У сотрудников в Чечне однообразная служба: на посту, на охране здания, поесть и спать. И на следующий день все то же самое»¹⁹. Подобная рутина в Чечне в сочетании с большим по сравнению с работой в регионе количеством свободного времени приводит к проблемам потери квалификации.

На утрату профессионализма влияет также тот факт, что служба в Чечне для многих милиционеров не связана с составлением процессуальных документов. Это в глазах сотрудников ОВД выглядит преимуществом по сравнению с валом бумажной ра-

¹³ Из интервью с начальником РОВД. Алтайский край.

¹⁴ Подробнее о процессе реинтеграции и сценариях социальной карьеры см.: Браиловская К. Социальная карьера ветеранов.

¹⁵ Из интервью с начальником РОВД. Алтайский край.

¹⁶ О работе психологической службы по помощи сотрудникам войти в служебный ритм работы см.: Новикова А. Реабилитации ветеранов Чечни.

¹⁷ Из интервью с начальником РОВД. Алтайский край.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Из интервью с начальником РОВД. Тверская область.

боты, которую приходится выполнять в регионе. А в Чечне они «не отвечают за документы. Есть там какие-то инструкторы (для чеченской милиции. – А.Н.), они и учат, а сотрудники что? Поскорее бы день прошел. А здесь (у себя в регионе. – А.Н.), пока он войдет в колею, столько напортачит»²⁰.

На уровне МВД именно программ по профессиональной адаптации не предусмотрено. На практике получается так, что, чем выше квалификация сотрудника, тем больше времени после командировки ему нужно, чтобы работать, как раньше. С точки зрения начальства, на профессиональную реинтеграцию вернувшихся сотрудников должен быть выделен определенный период времени. Но пока этого нет, и трудности, связанные с восполнением потерянных навыков, решаются сотрудниками самостоятельно. Например, они самостоятельно должны ознакомиться с новыми нормативными актами, а также с информационными письмами, которые регулируют их служебную деятельность. В лучшем случае вернувшиеся из командировки милиционеры могут рассчитывать на помощь коллег-сослуживцев, которые и без того в течение периода командировки работали с повышенной нагрузкой, а из-за необходимости помогать ветеранам после их возвращения вынуждены дополнительно прилагать усилия для их профессиональной адаптации²¹. При этом надо учитывать, что отделы работают в жестком режиме, в том числе временном. Например, существуют процессуальные требования по срокам представления документов, которые нельзя нарушать.

Положительный опыт, который сотрудники получают в Чечне, не компенсирует тех последствий, которые в ряде случаев наступают из-за длительного нахождения в зоне конфликта. «Сотрудники в определенной мере дисквалифицируются, особенно когда командировки стали по полгода. Сотрудники после командировок становятся более раздражительными...»²² Начальникам отделов приходится прилагать усилия для того, чтобы милиционеров «привести в нормальные чувства».

Психологическая служба, призванная помогать в профессиональной и социальной реадaptации милиционеров после командировок, со своими задачами справляется с трудом²³. Наиболее сложная ситуация складывается в тех отделах милиции, где психолог отсутствует и работы по психокоррекции в принципе не ведется. «Психологическая служба должна быть! Но на практике... ничего не проводится... У нас уже два года психолога нет»²⁴. Отсутствие психолога в отделе может объясняться невозможностью заполнить вакансию. Кроме того, отделам с малой численностью личного состава штатного психолога не полагается. Так или иначе, сотрудники оказываются без профессиональной помощи психологов. И хотя возможности психологической службы «снять» последствия командировок ограничены как нерешенностью материально-технических вопросов обеспечения службы, квалификацией многих психологов, так и низким уровнем доверия к этой службе и самим психологам, тем не менее сеансы психологической разгрузки с помощью специального оборудования²⁵ могли бы хотя бы в какой-то степени облегчить ветеранам вхождение в служебную жизнь отдела.

В МВД разработан способ восполнить пробел в психологической поддержке в отделах, где психологи не работают. Он сводится к организации мобильных бригад психологов, которые объезжают «обделенные» отделы. На практике это означает, что милиционеры могут воспользоваться психологической помощью не тогда, когда чувствуют в этом потребность, а тогда, когда им предоставляется такая возможность. Более того, время приезда мобильной бригады зависит от организационных и ресурсных возмож-

²⁰ Из интервью с начальником РОВД. Тверская область.

²¹ О посткомандировочном обучении ветеранов в см.: Шепелева О. Профессиональная деятельность после командировок.

²² Из интервью с начальником РОВД. Тверская область.

²³ О проблемах психологической службы и ее работе по пролонгированной реабилитации милиционеров см.: Новикова А. Психологическая служба МВД; а также: Новикова А. Реабилитация ветеранов Чечни.

²⁴ Из интервью с начальником РОВД. Алтайский край.

²⁵ О работе психологической службы в рамках реабилитационного периода см.: Новикова А. Реабилитация ветеранов Чечни.

ностей ГУВД, и это время не всегда совпадает с периодом возвращения милиционеров из командировки. Ситуации отсутствия доступа к психологической помощи при появлении такой потребности могут возникать и возникают на практике. «С психологом не общался. Не было у нас такого»²⁶.

Раздражительность, иногда завышенная самооценка – одни из изменений на личностном уровне, отмечаемых начальниками отделов по возвращении сотрудников из командировок. При этом большинство начальников отрицают проблему ПТСР, считая ее раздутой и вымышленной. Одновременно с отрицанием ПТСР многие начальники отделов согласны с тем, что милиционеры возвращаются сильно изменившимися и что конфликт в Чечне «не может не сказываться на психике человека»²⁷. Например, раздражительность сотрудников милиции они склонны объяснять синдромом боевых действий. Остается непонятным, в чем, с точки зрения начальников отдела, состоит различие между ПТСР и синдромом боевых действий.

Учитывая базовое утверждение о наличии изменений в личностном поведении сотрудников и их эмоциональном состоянии, представляется, что отрицание начальниками отделов проблемы ПТСР говорит о том, что в МВД пока отсутствует принятая точка зрения, что считать ПТСР, а если она и есть, то неизвестна начальникам РОВД. Другой причиной такого положения дел является реальное положение психологической службы, условия работы которой не позволяют с должной степенью тщательности диагностировать ПТСР. Глубокое психологическое обследование и диагностика отсутствуют. Соответственно, ПТСР диагностируется только когда приобретает запущенные формы, которые фиксируются грубыми и оперативными инструментами работы психологов²⁸. Маргинальное положение психологической службы мешает осознанию проблемы ПТСР.

Последствия, которые испытывают на себе отделы милиции во время и после командировок в сочетании с проблемами, на которые указывали сами начальники РОВД, говорят о реальном отношении к необходимости командировать сотрудников в Чечню. Исходя из материалов исследования, сложилось понимание, что начальники РОВД относятся к необходимости командировок как к тягостной повинности, не исполнить которую невозможно.

На такое отношение влияет и то, что среди милиционеров и начальников, как и среди граждан²⁹, преобладает мнение, что конфликт в Чечне чрезмерно затянулся. Начальники отделений уже не скрывают своей усталости от необходимости служить в Чечне и отправлять туда сотрудников отделов. «В принципе, так в общем-то подумать, сколько средств тратится на эти командировки, сколько усилий, затрат, жертвы, ранения... и ведь не каждый согласится туда поехать. Не то что даже там страх или еще что... А как подумаешь, что твоя семья полгода будет неизвестно как... что могу, я уже решаю, но, возможно, постарался бы, если бы было в моих силах, сократить количество наших сотрудников, выезжающих туда, или совсем не отправлял бы, но приказ есть приказ»³⁰.

Усталость от неразрешенного конфликта закономерна в условиях, когда оценки деятельности милиции в Чечне самими сотрудниками говорят о том, что милиция, неся службу в республике, уже достигла положительного результата. «Милиция сыграла самую положительную роль (в решении конфликта в Чечне. – А.Н.). Если бы не сотрудники органов внутренних дел, в частности милиции, то процесс становления, который в принципе сейчас уже завершается, был бы намного дольше»³¹.

²⁶ Из интервью с сотрудником милиции. Алтайский край.

²⁷ Из интервью с начальником РОВД. Алтайский край.

²⁸ О посткомандировочной диагностике сотрудников органов внутренних дел см.: Новикова А. Реабилитация ветеранов Чечни.

²⁹ В частности, об усталости граждан и их мнении, что конфликт затянут «искусственно» говорят данные социологических опросов. См.: Ситуация в Чечне: мониторинг. http://bd.fom.ru/report/cat/societas/Chechnya/chechnya_position/tb062510

³⁰ Из интервью с начальником РОВД. Алтайский край.

³¹ Из интервью с начальником РОВД. Республика Коми.

В числе заслуг милиции, по мнению начальников РОВД, является формирование положительного общественного мнения в отношении возможностей милиции. «Народ поверил в то, что правоохранительные органы в состоянии навести порядок. То есть народ сейчас поверил в милицию, в том числе в чеченскую, что они в состоянии противостоять этим бандитам и террористам»³². (Вклад, который внесли милиционеры, командированные в Чечню из регионов, в формирование общественного мнения в республике в отношении правоохранительных органов, требует отдельного изучения.) Но сами начальники отделов милиции склонны считать, что милиция справилась с задачей роста доверия среди населения Чечни к представителям федеральной власти. «Главная задача, которую нам удалось решить в Чечне – это создание у чеченского народа образа не кровожадного “федерала”, а нормального сотрудника милиции»³³.

С учетом того, что основную часть федеральной группировки в республике составляет не военные, а российская милиция, начальники относят многие решенные задачи на счет МВД. В том числе политическую задачу по демонстрации присутствия федеральной власти в республике. «Мы показали боевикам, что в стране власть обладает силой»³⁴.

Начальники РОВД также указывают, что милиция из регионов внесла значительный вклад в становление временных отделов внутренних дел (ВОВД). ВОВД стали создаваться как база для обучения чеченской милиции, они являлись основой созданных позже постоянных отделов внутренних дел. Задача по созданию местных правоохранительных органов, ВОВД, была положена именно на регионы. Это касалось не только отправки региональных милиционеров в республику, но также и ресурсного (материального, финансового) обеспечения деятельности ВОВД в Чечне.

Сейчас некоторые начальники РОВД не видят особенной необходимости в нахождении региональной милиции на территории Чечни. Положительно оценивая достигнутые результаты милицейской службы в Чечне, они считают, что уже подготовили основу для того, чтобы дальнейшие задачи выполняла чеченская милиция. «И чеченская милиция сейчас в принципе сама в состоянии справиться с поставленными задачами»³⁵. Некоторые ветераны конфликта считают также. Представляется, что такие оценки во многом спровоцированы усталостью от необходимости отрывать личный состав от службы в регионе и направлять в Чечню.

Многие респонденты не разделяют оптимизма по поводу возможностей чеченской милиции. Среди ветеранов встречаются крайне негативные оценки ее работы, сводящиеся к тому, что на практике чеченская милиция не способна решать оперативные и служебные задачи. «Они занимаются только тем, что приносит деньги. Разгоняют несанкционированную торговлю, например»³⁶. Но так как среди ветеранов распространено мнение, что конфликт в Чечне затянут искусственно и что он имеет «коммерческий» характер, они скорее готовы поддержать идею оставить проблему на разрешение силами чеченской милиции.

Начальники отделов тоже полагают, что конфликт в Чечне имеет коммерческий характер. «Я не думаю, что люди (милиционеры. – А.Н.) едут туда из чувства патриотизма. Ведь всем известны политические и экономические корни этой войны, природа этой войны и чьи интересы там отстаиваются»³⁷. Впрочем, определение конфликта как «борьбы коммерческих интересов» не мешает начальникам отделов обосновывать участие милиции в конфликте требованиями государственной необходимости, а результаты, достигнутые милицией, оценивать с позиции выполнения государственного долга. Но

³² Из интервью с начальником РОВД. Республика Коми.

³³ Из интервью с начальником РОВД. Тверская область.

³⁴ Из интервью с начальником РОВД. Тверская область.

³⁵ Там же.

³⁶ Из интервью с участковым милиционером. Нижегородская область.

³⁷ Из интервью с начальником РОВД. Тверская область.

также получается, что начальники в той или иной степени осознают, что милицию используют в рамках этой «разборки».

На практике цена такого использования очень высока. Необходимость периодически командировать в Чечню сотрудников органов внутренних дел создает дополнительные проблемы к тем, которые постоянно сопровождают деятельность милиции³⁸.

Прежде всего отделы милиции работают с повышенной нагрузкой. «Те, кто остаются, они не ноют, а работают за тех, кого нет рядышком, кто в Чеченской Республике. Приходится служить за себя и за товарища»³⁹. «Конечно, нагрузка на оставшихся сотрудников увеличивается»⁴⁰.

Увеличение нагрузки меняет стиль выполнения профессиональных задач и негативно сказывается на эмоциональном состоянии сотрудников, оставшихся в регионе. «Дополнительная нагрузка не вызывает положительных эмоций у тех, кто остается. Люди становятся более раздражительными»⁴¹.

Понимая это, некоторые начальники РОВД снисходительнее относятся к недостаткам работы сотрудников, оставшихся в отделе. Более того, некоторые начальники РОВД используют факт службы части личного состава в Чечне в качестве объяснения низких показателей в работе своего отдела при контактах с вышестоящим руководством. «С точки зрения руководства милиции – командировки в Чечню подчиненных – это козырь. Когда с них спрашивают за работу, то они говорят, что значительная часть состава отвлекается в Чечню. Вот, понимаете, какая отговорка... И поэтому невозможно повысить требовательность, как с каждого милиционера, так и с каждого начальника отдела, с каждого начальника управления. Вот такая ситуация... Возрастает нагрузка на каждого остающегося сотрудника по охране общественного порядка. Этот сотрудник трудится за себя и за «того парня», который в Чечне. К тому же никто за перегрузки и переработки не доплачивает, зарплата у людей остается та же. Нагрузка возрастает вдвое, а то и втрое, а зарплата не растет. А ведь нагрузка серьезная! И люди не справляются. И поэтому, наверное, отмечается рост преступности... В 2003 году – 188 преступлений на 10000 населения; 2004м – 190, 6; 2005м – 284»⁴². Качество работы отделов понижается и по причине снисходительности начальников к тем, кто остался в регионе и работает с повышенной нагрузкой, и потому, что требовательность к работе отделов со стороны вышестоящего руководства уже не та.

Начальники отделов вынуждены находить разнообразные способы, мотивировать сотрудников поехать в командировку. «Эта необходимость вызывает большие проблемы. Во-первых, по большому счету туда никто не хочет ехать. Если раньше в командировке милиционеру платили в сутки 980 рублей, то теперь платят просто смешные деньги. Раньше после командировки сотрудник мог купить квартиру. А теперь сотрудник и не может мечтать о том, чтобы улучшить свои жилищные условия за счет командировки».

Добровольный порядок командировок подменяется на принудительный. Милиционеры соглашаются по разным причинам⁴³, но в том числе и потому, что видят безвыходность ситуации не только для себя, но и для начальника. Им очевидно, что существуют задачи, поставленные федеральным руководством, региональная милиция эти задачи должна выполнять, и требование начальника отдела сформировать группу в Чечню является не его личной инициативой, а навязанным сверху в приказном порядке. «Сотрудники на меня не обижаются, они понимают, что вот нужно собрать 8 человек из отделения, и я их должен набрать. А как я их наберу? Никого это не интересует, как я

³⁸ О проблемах, характерных для современной милиции см.: Реформа правоохранительных органов – преодоление произвола. М.: Центр «Демос», 2005.

³⁹ Из интервью с начальником РОВД. Республика Коми.

⁴⁰ Из интервью с начальником РОВД. Тверская область.

⁴¹ Из интервью с начальником РОВД. Тверская область.

⁴² Из интервью чиновника администрации. Тверская область

⁴³ О причинах, из-за которых сотрудники соглашаются на поездки в Чечню см.: Браиловская К. Причины, по которым милиционеры едут в командировку в Чечню.

это сделаю. И сотрудники понимают, что мне тоже приказывают. Я не могу доложить, что нету желающих»⁴⁴.

Приоритетом кадровой и воспитательной политики является поддержание «морально-психологического» климата в отделах. Руководством затрачиваются значительные усилия на то, чтобы начальники на местах осознали необходимость и принимали меры по поддержанию должной атмосферы в отделах. Об этом, в частности, в своих официальных выступлениях много говорит начальник Департамента кадровой политики МВД России В. Кикоть⁴⁵. Но когда в отдел «сваливается» очередная разнарядка и тем самым создается ситуация обреченности на поездки в полугодовые командировки в Чечню, это сводит на нет усилия как самого департамента, так и начальников отделов.

Необходимость обеспечить нужное число милиционеров для отправки в командировку ставит отдел в жесткие рамки. Теоретически начальники и психологи отделов, которые занимаются отбором сотрудников, должны учитывать массу фактов при выборе кандидатур. Во-первых, семейную ситуацию сотрудников, во-вторых, число командировок, которое уже есть у сотрудников, способность потенциальных кандидатов ужиться и сработаться друг с другом во время командировки и т.д. Но при попытке найти какое-то согласованное решение в отделе милиции возникает ситуация конфликта интересов между сотрудниками и сотрудников с руководством. Некоторые вынуждены увольняться, в том числе из-за семейных проблем. В целом ситуация выбора «ехать – поставить под удар семью» или «не ехать – стать изгоем» не укрепляет морально-психологический климат в коллективе, а нарушает его. Отдельно отметим, что полугодовой срок командировок в большинстве случаев усугубляет семейные проблемы⁴⁶, при том что семьи сотрудников милиции по логике Департамента кадрового обеспечения и воспитательного отдела должны являться предметом особой заботы.

Наконец, начальники отделов вынуждены изыскивать возможности для того, чтобы обеспечить сотрудников, которые отправляются в Чечню, всем необходимым, включая экипировку. «Сейчас мы вынуждены ходить кланчить обмундирование, “разгрузки”. Их ведь просто нет. Разгрузки – это такая военная амуниция с множеством карманов, куда можно сложить все – от документов до боеприпасов. Так вот, это не выдается. Сотрудники вынуждены это покупать за свои деньги»⁴⁷. В теории обеспечение полноценным обмундированием и др. – это не проблема начальника отдела, а проблема государства. «Но если я не достану нормальное обмундирование, то сотрудник будет вынужден покупать его за свои деньги. Государство почему-то не может решить эту проблему»⁴⁸.

Необходимость каждый раз решать одни и те же проблемы с ресурсами, обеспечить разнарядки для отправки в Чечню, гасить возникающие в связи с этим конфликты внутри отдела и, в целом, фактическая невозможность повышать качество работы привели к усталости от командировок и полувысказанному согласию сотрудников и начальников отделов с тем, что необходимости нахождения региональной милиции в Чечне на сегодняшний день нет.

Проблемы в семьях, высокая нагрузка на оставшихся сотрудников, сложности профессиональной адаптации у ветеранов, которые возвращаются на работу в отделы, потеря профессиональных навыков и др. провоцировали текучку кадров в органах внутренних дел. Обращает на себя внимание тот факт, что «стабилизация кадрового состава», которую фиксируют в МВД, стала возможной только в последнее время, когда число сотрудников органов внутренних дел, командируемых в Чечню, стало сокращаться⁴⁹.

⁴⁴ Из интервью с начальником РОВД. Тверская область.

⁴⁵ С выступлениями начальника ДКО В. Кикотя можно познакомиться на официальном сайте МВД России по адресу: www.mvdinform.ru

⁴⁶ О влиянии командировок на семьи сотрудников органов внутренних дел см.: Шепелева О. Семьи милиционеров: до и после командировок.

⁴⁷ Из интервью с начальником РОВД. Тверская область.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ См.: Интервью Кикотя В.Я. газете «Щит и меч» по адресу: www.mvdinform.ru/content/100104/100107/,

Но региональные УВД и МВД в целом не готовы признать, что необходимость в нахождении милиции в Чечне отпала. Они полагают, что чеченская милиция не в состоянии самостоятельно работать по нормам российского законодательства в силу неформальной сплоченности чеченского общества. «Здесь (в России. – А.Н.) проблемы решаются через уголовный процесс, и это нормально. А в Чечне – теппы, которые защищают своих. Например, если милиционер убил или ранил преступника при задержании, то милиционер должен откупиться или нести ответственность собой или семьей»⁵⁰.

Некоторые оперуполномоченные указывали, что из-за того, что Чечня – это «общество всеобщего родства», там крайне сложно проводить агентурную работу, создавать сети осведомителей. «Они даже с нами приезжают, задерживают жулика, и они перед ним оправдываются, что это не мы, это вот они, вот это мы просто как местной милиции положено быть, а так это не мы»⁵¹. Фактически ряд респондентов предполагает, что милиция из регионов в Чечне необходима как третья сила, не скованная никакими крепкими связями с местным сообществом. «Мы – не оттуда. Нас не сдерживают родственные связи. Мы как голубые каски ООН. Мы реально можем наказать»⁵². Исходя из такой логики, а также нерешенности конфликта, региональная милиция будет вынуждена продолжать ездить в командировки в Чечню.

Профессиональная этика заставляет начальников отделов ссылаться на требования долга и воспроизводить официальные определения конфликта в Чечне (контртеррористическая операция) и миссию (исполнение долга, охрана общественного порядка) милиции в этом регионе. Комплекс проблем, который возникает в связи с необходимостью направлять милиционеров в Чечню, а также отношение властей и общества к милиционерам после возвращения, формирует реальное восприятие милицией конфликта в Чечне и необходимости несения службы в республике. «Что такое чеченская война? Вот, скажем, напала бы Турция на Чечню – тут все понятно. А так, когда экономический интерес перемешался с боевыми действиями... Вот погибли наши ребята в прошлом году, я даже слышал, что говорили: "А кто их туда посылал?" Вроде того, что сами знали куда ехали... Об участниках афганского или чеченского конфликтов порой говорят с пренебрежением. Ведь милицию не готовят воевать. У нас другие задачи, мы не военные люди. А вести боевые действия точно так же, в той же мере ложилось на плечи неподготовленных милиционеров, как и на специально к тому подготовленных военных»⁵³.

Милиция выполняет возложенную на нее задачу государством, но при этом не может рассчитывать на должный уровень помощи со стороны федеральных властей. Региональные же власти ограничиваются символическими действиями, что в еще большей степени заставляет милиционеров думать о пренебрежении ими и их проблемами. «Что касается поездок в Чечню, то на одной из отправок наш губернатор Зеленин вручил командиру отряда, который насчитывал более 200 человек, микроволновую печь. Вручил на публике при отправке в Чечню. Как по-вашему, это большая помощь милиции?»

Попытки ветеранов добиваться большего внимания к себе и взывать к долгу государства перед ними могут натолкнуться на формальное, а для самих ветеранов пренебрежительное отношение. «Ведь официальный порядок командировок добровольный. Так что никто никому не должен»⁵⁴.

а также другое его интервью по адресу: www.mvdinform.ru/content/100104/100106/. В частности, глава кадрового департамента МВД указал, что «например, в 2005 году на службу в МВД России было принято на 27,4 тысячи человек больше, чем уволено. Удалось выйти на лучший в последние пять лет показатель – укомплектованность органов внутренних дел составила 96 процентов. Так что можно сейчас вздохнуть свободней...»

⁵⁰ Из интервью со специалистами психологической службы ГУВД. Нижегородская область.

⁵¹ Из интервью с сотрудником милиции, имеющим многократный опыт командировок в Чечню. Алтайский край.

⁵² Из интервью со специалистами психологической службы ГУВД. Нижегородская область.

⁵³ Из интервью с начальником РОВД. Тверская область.

⁵⁴ Там же.

Необходимость участвовать в сомнительном по своему реальному содержанию конфликте, когда милицию используют как инструмент в интересах тех или иных групп, сформировала адекватную такому восприятию мотивацию милиции к выполнению своих задач. В частности, если конфликт имеет «коммерческую основу», то логично попытаться извлечь максимальную прибыль и для себя. Показательным является тот факт, что, отвечая на вопросы о причинах, по которым милиционеры едут в Чечню, и начальники отделов милиции, и сами ветераны говорили в первую очередь о материальной заинтересованности, а не стремлении установить правовой порядок в республике. С помощью конфликта милиционеры решали свои материальные проблемы, в том числе жилищные, очень часто ценой последующего социального одиночества. Региональная милиция, опираясь на ресурсы регионов, выполняла возложенные на нее федеральным центром задачи, и в результате приобрела новые проблемы, усугубляющие и без того сложное положение органов внутренних дел в регионах.

Чечня и происходящее в ней с точки зрения ветеранов

Ксения Браиловская,
Центр «Демос» (г. Москва)

Продолжительность конфликта в Чечне и решение МВД об участии региональной милиции в его урегулировании предоставили милиционерам из регионов России возможность на личном опыте столкнуться с происходящим в Чечне. Причем у многих милиционеров такая возможность возникала не единожды.

От частоты поездок и длительности командировок опыт милиционеров не стал разнообразным. Основная задача, которая неофициально ставилась перед милиционерами – «вернуться живыми», что закономерно превратилось в «охрану самих себя» в ходе командировок. Предписания, которые касались служебной дисциплины, особенно в период активных боевых действий, на практике изолировали милиционеров в местах их дислокации, делая контакты с местными жителями редкими и бессодержательными. Сейчас, когда конфликт из горячей стадии перешел в притухшую, частота командировок сотрудников органов внутренних дел сократилась, а численность милиционеров, которых отправляют в Чечню, стала меньше¹.

Личный опыт, который милиционеры из российских регионов получили и продолжают получать в командировках, сформирован выполнением служебных задач и сопряженным с этим взаимодействием с местными жителями. Неформальные контакты с местными чеченцами были сведены к минимуму как самими служебными правилами, так и по большей части нежеланием со стороны милиционеров.

Персональный опыт переживания своего нахождения в республике влияет на восприятие сегодняшней Чечни и ее жителей и на понимание происходящих в республике событий. Также для ветеранов, бывавших в командировках несколько раз на протяжении всего периода конфликта, восприятие сегодняшней Чечни определяется не столько недавними поездками, сколько их воспоминаниями о предыдущем периоде активных военных действий.

Несмотря на скудность общения милиционеров с местными жителями, этот опыт неодинаков и зависит от непосредственной деятельности ветеранов в Чечне. Чаще всего милиционеры в числе своих обязанностей называли проверку транспорта, проверку паспортного режима и выявление лиц, находящихся в розыске, то есть так называемые «зачистки», охрану объектов, охрану должностных лиц или специализированных групп. Некоторые ветераны также занимались расследованием преступлений и обучением местных милиционеров.

«Я чем там занимался? Был в сопровождении, когда ездили в Ханкалу за продуктами, глав администраций сопровождали, когда они ездили по своим делам, ну, были как охрана, что ли? Выезжали и на «зачистки», выявляли боевиков. Много чего приходилось делать»².

Нужно отметить, что далеко не у всех бывавших в командировках милиционеров было достаточное количество контактов с местными жителями для того, чтобы составить о них полноценное мнение. Свободное время милиционеры проводили там же, где дислоцировался их отряд. По словам многих респондентов, единственные контакты с местным населением, не связанные с профессиональной деятельностью, происходили на рынке. Однако и это общение протекало в достаточно специфической обстановке.

«Вопрос: А было ли у вас там время для досуга?

¹ Специальные подразделения, такие как ОМОН и СОБР (ОМОН), продолжают ездить в Чечню с той же интенсивностью.

² Из интервью №1 с сотрудником ОВД. Тверская область.

Ответ: Хм... Свободное время было. Но проводить его можно было, не покидая территорию ПВД – пост временной дислокации. Это было такое условие.

Вопрос: Что вы и на рынки не ходили?

Ответ: А вы считаете, что посещение рынка – это проведение досуга? Нет, посещение рынка – это жизненная необходимость, ведь консервами не восполнишь баланс витаминов. Естественно, денег на рынок нам никто не давал, мы сами скидывались. Получая командировочные, мы организовывали «общак», чтобы покупать, например, подарки на дни рождения, чтобы покупать овощи и фрукты на рынке. А на рынок ходила группа, и было в группе не менее 10 человек, естественно с прикрытием для обеспечения безопасности.

А проведение досуга... Каждый устраивает и проводит досуг как ему нравится... Но время на досуг ограничено, ведь бытовая работа идет постоянно: это и постирушки, и уборка, и уборка территории, и какие-то строительные работы, а еще привести себя в порядок, а еще выспаться...»³

Таким образом, досуг ветераны проводили на территории местной дислокации, где их единственными гостями, как правило, были военные или служащие других отрядов.

«Вопрос: А досуг как проводили?

Ответ: Там досуг?... Досуг... Когда в первый месяц мы все там перезнакомились, офицеры в основном, и потом с военными такое место... (показывает на площадку рядом) Плац. Тут был КПП, ворота въездные. Мы стояли там, они – там (показывает руками в разные стороны). Тут укрепления были, а там сетка волейбольная стояла – играли в футбол, волейбол. Соревнования проводились. И к нам еще подключался Н-ский ОМОН. Они к нам с хребта приезжали. Договаривались обычно: после обеда играем либо в волейбол, либо в футбол. И приз – ящик чего-нибудь. А потом все равно распивалось это все вместе»⁴.

Но некоторые ветераны рассказывали и о спортивных соревнованиях с местными жителями. Правда, к завязыванию дружеских отношений эти встречи не приводили.

«Вопрос: А так друзей среди местного населения не нашел? Ты же любишь общаться?»

Ответ: Друзей? Да как? Они, ребята-то, приходили молодые, я их уже и забыл, если честно, как звали. Они приходили в волейбол играли с нами, в футбол. У нас даже организованы соревнования деревенские. Вопрос: В принципе были хорошие отношения? Ответ: Да, хорошие отношения. Но это, как у нас говорят, это все образно. Они днем-то нормальные, а ночью уже совершенно другие люди. У них так в принципе и принято»⁵.

Отношения ветеранов с местными жителями в основном можно охарактеризовать как напряженно-осторожные. «Проблем с местным населением никаких не было, население к нам нормально относилось. С ними можно общаться. Хотя рассказывали, что в первую войну отношения были намного напряженнее. Например, днем могли обниматься как друзья с чеченцами, а вечером от них же в спину пулю получить. Вопрос: Появились ли у Вас знакомые, друзья среди местных? Ответ: Среди местных у меня ни друзей, ни знакомых не появилось. Я лично к чеченцам относился с опаской»⁶.

Мнение о местных жителях как о людях, которые могут оказаться вовсе не такими, какими хотят казаться, нередко присутствовало в интервью. При этом большая часть опрошенных милиционеров в основном характеризовала отношения с местными жителями как нормальные, скорее доброжелательные. Но какими бы хорошими ни казались эти отношения, милиционеры никогда не «расслаблялись» при встрече с чеченцами. «Народ хороший. Что удивительно у них – это свадьбы. Они гуляют там неделю. И еще у них традиция – пострелять ночью. Они танцуют под барабаны. Спрашивают у

³ Из интервью №3 с сотрудником ОВД. Тверская область.

⁴ Из интервью №2 с сотрудником ОВД. Республика Коми.

⁵ Из интервью №2 с сотрудником ОВД. Алтайский край.

⁶ Из интервью №2 с сотрудником ОВД. Тверская область.

нас – можно ли побабахать в воздух? Можно, только не сильно. Первое время непривычно было, а потом-то уже привыкли. Вопрос: Много свадеб там? Ответ: Да, много вообще-то было. Вопрос: Вас приглашали? Ответ: Мы туда не ходили... Разговоры были, что приходили боевики туда, потому что родственники, могли прийти ведь запросто – с гор спуститься и прийти. Их не поймешь. Днем-то он, может, и нормальный житель, а ночью может быть боевиком»⁷.

И для таких утверждений у ветеранов есть основания, поскольку если не они сами, то кто-то из сослуживцев хотя бы раз оказывались в ситуациях, в которых могли погибнуть. «Вот есть часть детей, от тех же самых бандитов, которые раньше по лесу бродили, а теперь их дети – тоже бандитами выросли. Они берут автомат и стреляют. Нечто подобное было у нас в Гудермесе. Тоже как-то один пацан, 12 лет ему, взял автомат и начал в нас стрелять ночью. За это ему дали тысячу баксов»⁸. Мнение, что дети зарабатывают немаленькие деньги, выполняя поручения боевиков, весьма распространено среди ветеранов. Насколько это соответствует действительности, судить сложно, но не принимать в расчет это мнение неверно, т.к. оно указывает на негативное восприятие местных жителей, в том числе и детей, свойственное некоторым милиционерам.

В ходе выполнения некоторых заданий нередко возникала напряженная обстановка, провоцировавшая ситуации, которые могли развиваться в вооруженное столкновение. «Были провокации. Заберешь человека, привезешь его в комендатуру. И следом прибегали женщины, человек 30-40, устраивали чуть ли не митинги, кричали: "Зачем вы забираете?!" Ну, провоцировали! Потом был случай такой. Кто-то кинул гранату, она взорвалась, а мы думали, что это нападение, открыли огонь и ранили девочку – она как раз выбежала из дома. Девочка живая осталась. Потом этой семье помогли деньгами и продуктами. Еще подрывали много. Возле нашей территории стояли ларьки, такие сараюшки, где можно было покушать, посидеть. И вот за время, что я там был, эти все ларьки подорвали. Наверное, боевики так мстили местным, за то, что те нас кормили»⁹.

Кроме того, недружелюбное отношение местного населения могло являться следствием каких-либо агрессивных действий и со стороны милиции из других регионов. Вот как описывает начало одной из командировок ветеран из Коми. «У нас было такое – приехали... До нас там, по-моему, московские стояли, не помню, кто там стоял до нас – их сильно обстреляли. Очень нехорошее там что-то натворили, и их обстреляли. А потом мы приехали и нам сказали – если будете так же себя вести, вас тоже обстреляем. Что они сотворили – никто ничего не говорит. Пытались мы как-то выяснить, что произошло – никто не говорит. И местные не говорят, и наше руководство, которое там было, тоже не говорит»¹⁰.

Ожидание вооруженного столкновения, подрыва, просто внезапного выстрела из-за угла заставляет ветеранов все время быть наготове, даже сегодня, когда период активных боевых действий уже в прошлом. «Смотреть надо в оба все 24 часа. Ну, я имею в виду, что надо быть всегда настороже, приходится и спать с автоматом. По-одному, ясное дело, не ходим, минимум по 4 человека»¹¹.

Такая обстановка и воспоминания о прошлом заставляют ветеранов с одинаковым подозрением относиться и к обычным жителям, и к предполагаемым преступникам. При этом нужно отметить, что у очень многих ветеранов есть своего рода «установка на толерантность». Они стараются говорить о чеченцах вообще либо нейтрально-позитивно, либо повторяют некоторые поверхностные культурные описания. «Есть, конечно, разница между нами, северным народом, который привык к снегу, и народами, которые

⁷ Из интервью №1 с сотрудником ОВД. Республика Коми.

⁸ Из интервью №3 с бойцом ОМОНа. Республика Коми.

⁹ Из интервью №1 с сотрудником ОВД. Тверская область.

¹⁰ Из интервью №3 с бойцом ОМОНа. Республика Коми.

¹¹ Из интервью №4 с бойцом ОМОНа. Алтайский край.

живут на юге. Мы вот один раз в год выращиваем урожай, а они там, на юге, два урожая. Вот и судите... Общества, наше и чеченское, совершенно разные»¹².

Но иногда ветераны более рефлексивно относятся к вопросу о различии «русского» и «чеченского» обществ. «Вопрос: А если бы Вас попросили сравнить чеченское общество и наше, какие основные различия Вы назвали? Ответ: Основные различия – это то, что у нас здесь не было войны. Это основное различие. Соответственно, и отношение к жизни у нас разное. И мировоззрение разное. Они по-другому смотрят на жизнь как-то. Вот у них свои, наверно, ценности какие-то. Ну, это связано и с традицией, и с религией, конечно...»¹³

В ответах некоторых ветеранов видно различие, проводимое между простыми жителями и местной властью. Оценка меняется на диаметрально противоположную, если ветераны переходят от описания обычных жителей Чечни к описанию властей.

«Вопрос: Если бы Вас попросили сравнить чеченское и наше общество, какие бы Вы назвали основные различия? Ответ: Они – дебилы, мы – нормальные. Они, блин, действительно, повернутые. Не понимаю я эту фигню. Сам ислам вообще не понимаю. Вопрос: А что-то общее есть между нами и чеченцами? Ответ: Да ни хрена, в одной стране просто живем – и все. А так ничего общего нет. Вроде, и война кончилась, а они как не любили русских, так русских и не любят. Аналогично то, что и здесь, но мы не так черных прессуем здесь, как там русских прессуют, там вообще сильно. Не говорю про весь народ, а так, со стороны власти, я так думаю, это идет. А так-то люди, они добрые. Есть нормальные. Вопрос: Это простые жители, да? Ответ: Да»¹⁴.

Этот респондент не пытался казаться терпимым и воспроизводить «правильные формулы» в отношении Чечни и ее населения. Однако среди чеченцев у него появилось несколько настоящих друзей, которым он доверяет и с которыми до сих пор поддерживает контакт. Причем, эти дружеские отношения появились вследствие нарушения милиционером правил безопасности, то есть, ухода с базы в одиночку. Вот как он описывает одну из дружеских встреч.

«Будешь пить?» Я говорю: «Ну, если угощаешь – не вопрос». «Вот, – говорит, – не боишься ехать?» «Че бояться?» Взял автомат, разжег гранату – поехали. Приехали к нему домой, посидели, выпили. А отцу не понравилось. У них по обычаю нельзя с оружием в дом входить. У них заходишь если в дом, то без оружия тебя там никто не тронет, так и быть. А я, получается, с оружием. Ему-то пофиг, а отец, короче, обиделся. Куда-то позвонил, его отругал. Он заходит: «За тобой приехали». Я говорю: «В смысле?». «Я не знаю, – говорит, – кто такие, может, и боевичье, может, просто бандиты какие-то. Пошли, я тебя, – говорит, – буду выводить задними дворами». Вот он меня выводил очень долго. Я ушел нормально, даже никого не пострелял, как бы. А че – у меня там 30 патронов, ну, гранату кинул бы, если бы удачно попал, человек пять завалил – все»¹⁵.

Таким образом, за достаточно резкой оценкой чеченского общества и видимой нетолерантностью проступает отношение к чеченцам, основанное на собственном опыте. Явление, когда у ветеранов за толерантными по форме описаниями чеченцев стоит неприязнь и опасение, а за резким и нетерпимым отношением к Чечне вообще можно увидеть скорее положительные эмоции по отношению к отдельным ее представителям, достаточно распространено.

По-настоящему искреннее отношение к местному населению можно выявить, лишь оценивая опыт непосредственных контактов ветеранов с местными жителями. Однако, учитывая замкнутость командировочного быта, можно предположить, что в основном отношение ветеранов к местному населению обуславливается в большей степени контактами, связанными со служебной деятельностью. А участвующие в такого рода

¹² Из интервью №3 с сотрудником ОВД. Тверская область.

¹³ Из интервью №3 с сотрудником ОВД. Республика Коми.

¹⁴ Из интервью №2 с бойцом ОМОНа. Республика Коми.

¹⁵ Там же.

контактах неизбежно вынуждены играть соответствующие роли, что не способствует возникновению взаимопонимания между ветеранами и местными жителями.

Кроме местных жителей, ветераны в ходе выполнения некоторых заданий взаимодействовали с чеченской милицией. Отзывы о сотрудничестве и о самой милиции, как правило, формально-нейтральные в том случае, если ветераны говорят об этом сотрудничестве односложно и не дают его описания. Однако если ветераны оценивают опыт непосредственного общения с местной милицией, то их отзывы, скорее, негативные.

Некоторые ветераны высказывали мнение, что местная милиция не может ничего сделать самостоятельно. «Если там конкретно наводить порядок, то там нужна только наша милиция. Потому что местная милиция там ничего не может сделать. Потому что каждый (друг другу. – К.Б.) брат, сват. Они с нами приезжают, задерживают жулика и перед ним оправдываются, что это не мы, это вот они. Вот таким образом. Т.е. они никого не могут ни задержать, ни отобрать ни у кого ничего. Они все знают, все преступления, но они ничего не могут сделать»¹⁶. Видимо, милиция из других регионов служит своеобразным «пугалом» в ходе некоторых операций, когда местные правоохранительные органы не могут эффективно действовать против «своих».

Иногда, по словам ветеранов, действия местной милиции и вовсе не отличались от действий местных преступников. Поэтому взаимодействие с местными правоохранительными органами подчас имело весьма своеобразный характер. По словам одного из респондентов, местная милиция, например, участвовала в одном из самых распространенных правонарушений в Чечне – нелегальной добычи и переработке нефти, а также в кражах металла. «Эта чеченская милиция, она очень такая... У них как бы даже должности покупаются. Вот рядовой в милиции, потому что у тебя, значит, власть, значит, ты можешь делать все. Конфликты в основном в последнее время только с местной милицией и есть. Из-за того, что они воруют. Ты их задерживаешь, а они начинают! Как, блин, нормальная банда, толпой блок окружают с гранатометами. Че там, блин, сделаешь, (нас. – К.Б.) 15 человек, их человек 300, ничего ты не сделаешь. Наши подмогу вызывают. Ханкала же, как всегда, на трупы приезжает только, через день, когда всех уже хлопнули. Стоят там танками»¹⁷. Нужно отметить, респондент говорит о событиях, произошедших во время командировки 2004 года. До практически полной ликвидации этого «бизнеса» в настоящее время нелегальная добыча нефти производилась во многих местах, находившихся под неофициальным патронатом некоторых лиц. Те, кто добывал нефть, выплачивали последним определенную часть от выручки. Видимо, некоторые работники местной милиции также участвовали в этом «бизнесе».

Кроме того, некоторые ветераны видят милицию из других регионов в качестве противовеса местным силовикам. «Вопрос: Какова роль нашей милиции в конфликте? Ответ: Ну, это, наверно, единственные, которые не боятся кадыровцев. Местная милиция в простых райотделах, они, если кадыровцы приезжают, они сразу расходятся куда-то. Одни кадыровцы остаются. Я думаю, со всех же регионов России ездят, и не по одному отряду. Русские негативно к ним относятся, отпор дают, постоянно возникает конфликт»¹⁸. При этом нужно учитывать историческую подоплеку ситуации. «Многие с кем я общался, к примеру, Кадырова как человека очень многие ненавидели, лица, которые вообще за Россию были. Кадыров при первой чеченской войне был с Дудаевым вместе. Там их бригада генералов расправу делала немалую. Многие местные жители, которые попали под эту опалу, это знали. И поэтому сотрудники милиции приезжают с основного отдела, местные как бы не хотят с ними общаться, они просто говорят – это кадыровцы, мы с ними общаться не будем, мы будем общаться с ними по-другому»¹⁹.

¹⁶ Из интервью №1 с бойцом ОМОНа. Алтайский край.

¹⁷ Из интервью №2 с бойцом ОМОНа. Республика Коми.

¹⁸ Из интервью №2 с бойцом ОМОНа. Алтайский край.

¹⁹ Из интервью №1 с бывшим сотрудником ОВД. Республика Коми.

Если в местных правоохранительных органах служат люди, в прошлом противостоявшие или же пострадавшие от тех, кто в настоящее время состоит в официальных силовых органах Чечни, или от тех, кто с этими органами ассоциируется, конфликтные ситуации практически неизбежны. Поэтому можно предположить, что милиция из других регионов в каких-то случаях играет роль третьей стороны, снимающей напряжение, обусловленное памятью о недавнем прошлом.

Иногда ветераны говорили о том, что местная милиция мешала в выполнении обязанностей. «Вопрос: Что мешает более качественному выполнению задач? Ответ: Местная милиция»²⁰. Это мнение о местных правоохранительных органах основывается на опыте взаимодействия с ними, с местными жителями вообще, оценке этого опыта, а также на общем, сложившемся у ветеранов образе республики. «Чечня – это отдельное государство, которое... не знаю, как объяснить это. Такие законы, как у нас в милиции... здесь эти законы, как правило, не соблюдаются. Если получили форму милицейскую, удостоверение, автомат, пистолет – все, значит они – полноправные деятели»²¹.

Некоторые ветераны говорили о том, что в настоящее время наведению общественного порядка в Чечне мешает милиция из других регионов. «Вопрос: Как Вы считаете, каким способом можно решить проблему Чечни? Ответ: <...>Сейчас там вся проблема, она в нас заключается. Чем быстрее мы оттуда уйдем, тем будет проще, меньше будет проблем. Палка о двух концах: если мы уйдем оттуда полностью, то лет через 5 опять бойня начнется – это 100%. Вопрос: Так как же решить эту проблему? Ответ: ... Я не знаю»²².

Вообще в ответе на вопрос о способах решения проблемы Чечни иногда проявлялось самое искреннее отношение респондентов к этой проблеме. Мнения встречаются самые разные:

«Надо было в свое время дать Чечне независимость. Теперь это делать бессмысленно. Надо доводить дело до конца. Пресекать нарушения закона, кто бы ни совершил преступление»²³.

«Я думаю, что проблема уже решена. А как еще проблему решить, я не знаю. Может, расстрелять всех или отправлять в Чечню очень много денег? Не знаю»²⁴.

«Сделать из Чечни погранзону»²⁵.

«Я просто не вижу, в чем проблема Чечни, выводили бы войска эти все свои наши, пусть они там живут, как хотят. Если они сами говорят, что не нуждаются в нашей помощи, то зачем мы стараемся оказывать им эту помощь?»²⁶

«Да так и решить, что нужно было огородить Чечню забором, да и все. Пусть бы они жили за забором! Вот тогда бы они быстро поумнели бы, сами приползли бы, так ведь? Вот и все решение!»²⁷.

«Да никак. Решения нет. Вопрос: Вы предлагаете вводить больше людей, техники – это не решит проблему? Почему? Ответ: Нет. Понимаете, это такая нация – вы их ничем не поломаете никогда. Они привыкли жить по-своему»²⁸.

«Это большая политика – в этом тяжело разобраться. Я думаю, наверно, просто нужно перестать финансировать. Там и так и денег много, и всего. И нефть на сторону уходит. И еще страна наша финансирует клочок России, наверно, больше, чем любой другой регион»²⁹.

²⁰ Из интервью №1 с бойцом ОМОНа. Республика Коми.

²¹ Там же.

²² Из интервью №2 с бойцом ОМОНа. Республика Коми.

²³ Из интервью №1 с бывшим сотрудником ОВД. Тверская область.

²⁴ Из интервью №2 с сотрудником ОВД. Тверская область.

²⁵ Из интервью №1 с сотрудником ОВД. Алтайский край.

²⁶ Из интервью №3 с бойцом ОМОНа. Алтайский край.

²⁷ Из интервью №1 с бойцом ОМОНа. Тверская область.

²⁸ Из интервью №4 с бойцом ОМОНа. Алтайский край.

²⁹ Из интервью №2 с бойцом ОМОНа. Алтайский край.

«Если бы был ответ на этот вопрос, то его давно бы уже решили, правильно? Тут нужен ряд мер, но, к сожалению, не все в этом заинтересованы. Так что я ничего нового по этому вопросу не скажу. Все всё про это знают. А сотрясать воздух не хочется»³⁰.

Из всего многообразия мнений вырисовывается следующая картина – ветераны не понимают, как проблему Чечни можно решить окончательно. К тому же, даже несмотря на то, что в публичном поле этой проблемы уже не существует, для ветеранов она остается реальностью. Между строк можно прочесть, что они не понимают, или не хотят говорить о ее причинах. Нередко за этим стоит невысказанное или полувывысказанное суждение: Чечня – это не Россия.

«Вопрос: А есть какие-то общие черты между российским обществом и, ну, Чечня, конечно, часть России, но вот между чеченцами и Россией?

Ответ: Общее?... Ну, общее, конечно, есть. Много общего в том плане только, что это все Россия, это как бы один народ российский. Ну, а так, чеченцы, они же уже давно, они – это обособленное государство. Официально оно входит в состав Российской Федерации, а неофициально они все равно, они же горцы там или, как их называют, они сами по себе. То есть их никогда не склонить, их не поставить на колени, закаленные люди уже не знаю с каких времен. И, я думаю, если бы им дать свободу, то они бы отделились в конце-концов, то есть было бы у них свое государство, свои законы. Не знаю, долго бы они продержались или нет, но, возможно, это было бы, ... не знаю, центром, как бы, штаб-квартирой терроризма, может быть. Бен Ладен туда бы переехал, может быть.

Вопрос: А на, Ваш взгляд, это было бы хорошо, если бы Чечня отделилась все-таки и стала суверенным государством или лучше было бы, чтобы она частью России стала?

Ответ: ... Это уже, наверное, да, больше десяти лет вот это вот все идет. Еще отголоски, конечно, есть вот этой войны чеченской. И, может быть, даже некоторым людям особенно, если они каких-то близких людей потеряли в Чечне, они бы, если было бы голосование, проголосовали за то, чтобы Чечня отделилась, за то, чтобы ребята туда наши не ездили, чтобы меньше умирало людей там.

Вопрос: А лично Вы?

Ответ: Лично я... Я думаю, если сейчас каждая республика, там, или какая-то область будет отделяться, что же останется от России? Я в принципе патриот как бы своей страны. И я думаю, что Россия должна оставить свою целостность. Лучше быть вместе. Всем, наверное, легче. Ну, хотя есть, конечно, трудности, но все равно»³¹.

Принадлежность к государственной структуре обязывает ветеранов воспроизводить официальную формулу – Чеченская Республика является частью Российской Федерации. Но как можно увидеть из интервью выше, восприятие Чечни как отдельного государства проступает гораздо более отчетливо, к тому же основано на реальном личном опыте и личном понимании истории республики. Одной из причин такого восприятия является и мифологизация представлений о местном населении. Многие ветераны воспринимают местных как жителей другой, непонятной и, в целом, враждебной страны. Эта рамка продуцируется различными обстоятельствами, в том числе и описанным выше характером взаимодействия ветеранов и граждан Чечни, но такой стиль взаимодействия и поддерживает мифологизированный образ местных жителей.

Подводя итог, можно отметить, что ветераны в большинстве своем не могут четко описать, что происходит в Чечне. Можно предположить несколько причин, объясняющих это явление. Во-первых, видимо, версия ветеранов достаточно сильно противоречит официальной версии, доминирующей в настоящее время в массовом публичном пространстве. Во-вторых, некоторые ветераны не хотят не только говорить о том, что происходило в командировках, но и даже вспоминать об этом. У других ветеранов вследствие командировок выработалась особая модель отношения к своей деятельности в Чечне: нам поставили задачу, мы выполнили задачу. Такое отношение позволяет им не задаваться лишними вопросами.

³⁰ Из интервью №3 с сотрудником ОВД. Тверская область.

³¹ Из интервью №3 с сотрудником ОВД. Республика Коми.

Ограниченность контактов с местным населением, обособленный командировочный быт, неясность происходящего, напряженность и опасность обстановки, недоверие как к простым жителям, так и местным органам власти, а также воспоминания о войне в прошлом – эти факторы прежде всего формируют представление ветеранов о современной Чечне. Именно в силу этих факторов в большинстве своем даже самые патристичные милиционеры воспринимают республику как территорию другого государства, со своими законами и порядками. И поэтому утверждение «мы несем закон на территорию Чечни», которое высказывалось некоторыми ветеранами, выглядит неубедительно даже для них самих.

Причины, по которым милиционеры едут в командировку в Чечню

Ксения Браиловская,
Центр «Демос» (г. Москва)

Причины, по которым сотрудники милиции едут в командировки, условно можно разделить на продиктованные личным желанием и продиктованные внешней необходимостью. В случае каждого отдельного милиционера они зависят, прежде всего, от того, в каком подразделении служит сотрудник, в какой личной, семейной и профессиональной ситуациях оказывается милиционер на момент формирования группы для отправки в командировку, а также наличием и характером предыдущего опыта командировок.

Если рассматривать историю каждого милиционера, то окажется, что его решение поехать в командировку – результат многих взаимосвязанных причин и обстоятельств, и порой сложно отделить причины от контекста конкретной ситуации. Несмотря на эти сложности, мы намеренно выносили за скобки некоторые детали персональных историй¹, с тем чтобы четче выделить одни и те же причины, проявившиеся в различных ситуациях. Зная типичные причины и обстоятельства контекста, возникает возможность понять мотивации милиционеров к службе в Чечне.

И хотя реальная жизнь не укладывается в аналитические схемы, тем не менее, результаты исследования позволяют выделить несколько основных причин, которые мы условно назвали: неформальное принуждение, выплата «боевых», чувство долга, интерес и желание «попробовать себя», надежда на карьерный рост после командировок, наличие выговоров, желание отдохнуть от служебной рутины, желание отдохнуть от семьи, успешная адаптация к условиям командировки.

Неформальное принуждение

В настоящее время основной причиной, по которой милиционеры едут в командировки, является ситуация, которая создается в отделах милиции из-за периодических разнарядок на отправку определенного числа милиционеров в командировку, а также фактической невозможности для милиционеров отказаться от поездки, если они не хотят быть уволенными из правоохранительных органов. Следствием этих обстоятельств является неформальное принуждение, которое поддерживается сформировавшимися из этой же ситуации групповыми нормами.

Часто в ответах на вопрос о том, почему они поехали в командировку, ветераны указывали как на отсутствие выбора, так и на своего рода этические причины. «Вопрос: Почему вы приняли решение поехать в командировку в Чечню? Ответ: Тогда нас никто не спрашивал. Был приказ. А в следующие командировки тоже был такой принцип приходил приказ: хочешь – едешь, хочешь – нет, но отказаться было признаком трусости»².

Похожие ответы достаточно распространены в интервью и в других формах, чаще всего их смысл следующий: я не могу отказаться, когда все остальные едут. Объяснить эти ответы можно двумя обстоятельствами.

Первое заключается в существовании разнарядки – каждое подразделение обязано откомандировать определенное число сотрудников в Чечню. Разнарядка носит

¹ Анализ строился на основе массива интервью с сотрудниками ОВД и ОМОНа, и их женами, также привлекались данные из интервью с начальниками ОВД и психологами из системы МВД.

² Из интервью №1 с сотрудником ОВД. Республика Адыгея.

приказной характер, и утвержденное число сотрудников должно быть отправлено, не смотря ни на какие обстоятельства. «Когда приходит разнарядка или приказ из МВД вот такому выезжать, а у него, например, свадьба у дочери и она запланирована за два месяца до этой телеграммы или, например, жена оказалась в больнице, когда пришла телеграмма. Вот знаю офицера такого, зам. начальника ГУВД, который вынужден был написать рапорт (у него была свадьба у дочери) у меня такая-то причина, не могу ехать. Ничего подобного. Начальнику ГУВД сразу выговор. И он вынужден был написать рапорт об уходе»³.

Сотрудники ОМОНа по контракту обязаны ездить в командировки, в том числе и на Северный Кавказ, то есть фактически они не имеют права выбора и не могут отказаться. «Вопрос: Почему вы приняли решение поехать в командировку в Чечню? Например, в последнюю? Ответ: Когда я поступал на службу, мне сказали, что придется работать в городе, а также выезжать в Северо-Кавказский регион. Я никогда не отказывался»⁴.

Однако и командировки сотрудников ОВД лишь номинально добровольны. Фактически же эти командировки зачастую оказываются принудительными. «Его поставили перед фактом и сказали: выбирай или увольняйся или езжай в Чечню»⁵, – говорит о решении мужа ехать в командировку супруга сотрудника ОВД из Коми.

С первым связано и второе обстоятельство. Если милиционер все же откажется от командировки, то автоматически кто-то должен будет ехать вместо него, и этим кем-нибудь может оказаться любой другой сотрудник подразделения. Соответственно, возникает групповая норма, предотвращающая ситуацию неопределенности, нестабильности и возможности конфликта в коллективе: если выбор пал на определенного сотрудника милиции, тот должен ехать. Этой нормой и объясняется чувство «неправильности» отказа ехать в командировку, которое может принять форму – «если я не еду, то в глазах товарищей я становлюсь трусом» или же просто «кто не едет в командировку – тот трус». Поэтому, даже если сотрудника милиции не пугает возможность увольнения или других санкций начальства в его отношении, его «желание» поехать может быть сформировано такой групповой нормой.

По словам сотрудника ОВД из Республики Коми⁶, у них в подразделении существовала практика добровольных замен, когда добровольцев было много. В этой ситуации милиционер мог отказаться от командировки, если понимал, что своим отказом он не обречет сослуживца на поездку в командировку. Милиционер просто предварительно договаривался с кем-нибудь из сотрудников своего подразделения, что тот поедет вместо него. Однако большое количество желающих поехать в командировку объясняется тем, что респондент говорил о периоде, когда еще выплачивались «боевые».

Те суммы, которые получали командированные милиционеры, были достаточно мощным стимулом для действительно добровольных поездок в Чечню.

Выплата «боевых»

Выплата «боевых» являлась одной из главных причин добровольных командировок сотрудников ОВД и ОМОНа в Чечню до последнего времени. С 1 января 2006 года выплаты за участие в боевых операциях были отменены⁷. В самом начале конфликта суммы «боевых» были настолько весомы, что, например, позволяли решать сотрудникам милиции проблемы с жильем. «Раньше за боевые некоторые ребята могли купить

³ Из интервью с руководителем центра социальной реабилитации. Алтайский край.

⁴ Из интервью №1 с бойцом ОМОНа. Республика Коми.

⁵ Из интервью с супругой сотрудника ОВД. Республика Коми.

⁶ Из интервью №1 с сотрудником ОВД. Республика Коми.

⁷ Постановление от 8 декабря 2005 г. № 747 «О внесении изменений в Постановление Правительства РФ от 9 февраля 2004 г. № 65». Источник: www.mvdinform.ru.

жилье, а сейчас на эти деньги, что дают за командировки, нельзя ничего купить»⁸. «В командировку я поехал только ради денег. Вот и все мои ожидания. Поэтому и ожидал я только получить деньги, которые и получил. А что еще? Какие ожидания? Вопрос: Оправдались ли ваши ожидания от командировки? Ответ: Мои ожидания оправдались, я получил деньги, купил вот квартиру»⁹.

Даже несмотря на изменения в законодательстве, которые привели к уменьшению суммы, а также на трудности с учетом количества дней для начисления «боевых», до 2006 года многим милиционерам удавалось получить положенные им выплаты.

По словам сотрудника ОМОНа из Тверской области, в его отряде проблема с выплатами «боевых» отразилась на численности состава. «В отряде-то, если честно, народ не задерживается... Обновление постоянное. Особенно много, говорят, поувольнялось в 2002 году. “Боевые” перестали платить, вот народ и попер из отряда»¹⁰.

По свидетельствам множества опрошенных милиционеров, вскоре после изменения системы начисления «боевых» стали нарушать порядок учета количества боевых дней и последующей их оплаты. «В Ханкале, я уже не помню кто, подписывал эти приказы все, у них, допустим, закрывают боевые дни. Например, один боевой день приравнивается к трем, и за него платят определенные деньги, у нас закрывали по 9, по 12, может, раз 15 дней закрыли. А вообще положено закрывать по 30 дней»¹¹.

Многие милиционеры использовали правовые механизмы для разрешения подобных ситуаций. «Вопрос: А “боевые” вам платили? Ответ: “Боевые”? Хорошая тема. Ну, как сказать, платили? Они платили то, что начислялось, но начислялось не все. И пришлось судиться с МВД, и уже потом через суд выигрывать и получать положенные деньги. То есть, в 2001-м я съездил, а “боевые” получил, в конечном счете, в прошлом, 2005 году. Просто потому, что я поздно подал исковое заявление в суд, я просто не знал, что они мне положены, эти деньги. А вот ребята подсказали просто и научили, как написать заявление исковое в суд, что я и сделал. Собрал необходимые документы и даже не пришел на суд, потому что знал, что я его выиграю»¹².

Дело в том, что система начисления «боевых» предусматривала их выплату за непосредственное участие в работе, имевшей статус боевых действий. Количество засчитанных боевых дней, по рассказам респондентов, стало далеко не всегда соответствовать реальным. «Тогда платили “боевые”, платили “окопные”. Разница между ними была большая. 900 рублей “боевые”, и 300 рублей – это были “окопные”. Вот если боевые операции, “зачистки”, например, то платили “боевые”, а если было все тихо, то тогда “окопные”. Кто-то на этом наживался. Деньги-то распределяли москвичи. Они, бывало, не подписывали в счет “боевых” несколько дней, и поэтому “боевых” выходило меньше»¹³.

У сотрудников милиции сложилась практика оформления необходимых документов до начала и во время командировки для того, чтобы получить причитающиеся выплаты в полном объеме по возвращении из командировок, а не по прошествии нескольких лет, в течение которых суммы в значительной степени обесценивались. О том, что им приходилось судиться за выплату положенных сумм, а также за корректное начисление стажа и некоторые другие положенные им по закону льготы, говорили многие опрошенные милиционеры.

Практика «отсуживания» выплат стала настолько распространенной, что у тех, кто собирался в командировку, была уверенность в получении «боевых» спустя некоторое время и при условии затраты с их стороны некоторых усилий. Таким образом, даже после сокращения установленных сумм «боевых», а процесс снижения «расценок»

⁸ Из интервью с супругой бойца ОМОНа. Республика Адыгея.

⁹ Из интервью №1 с сотрудником РОВД. Тверская область.

¹⁰ Из интервью №1 с бойцом ОМОНа. Тверская область.

¹¹ Из интервью №1 с сотрудником РОВД. Алтайский край.

¹² Из интервью №1 с сотрудником РОВД. Республика Коми.

¹³ Из интервью №2 с бойцом ОМОНа. Тверская область.

начался в 2001 году, материально милиционеры оказывались хоть и менее, но все же заинтересованными в поездках в Чечню.

С 2006 года за командировку в Чечню стали платить лишь «командировочные» в трехкратном размере, и это существенно снизило привлекательность поездок в этот регион для многих сотрудников милиции. В настоящее время, после отмены «боевых», основной причиной командировок является их приказной порядок.

Кроме материальных стимулов и неформального принуждения, в некоторых случаях влияние оказывают и другие причины для командировок.

Чувство долга

Многие респонденты говорили, что они ездили в Чечню исполнять свой долг. «Это было мое решение, потому что служба в армии, да и воспитание у меня было довольно-таки спартанское, так что понимал, что исполнять долг надо, независимо (от того. – К.Б.) нравится это кому-то или нет. Я привык исполнять (долг. – К.Б.), другое дело, с желанием ли это делал или без желания. А первые командировки у меня происходили, когда и дети еще маленькие были... Все это, конечно, было сложно, но это надо пройти. Ведь у нас не зря говорят, если не мы, то кто?»¹⁴

Однако далеко не во всех случаях такой мотив можно рассматривать как безусловно искренний. Скорее, для многих чувство долга является чем-то вроде оправдания их деятельности в ситуации отсутствия альтернативы. Это объясняется тем, что за несколько командировок сотрудники милиции часто теряют уверенность в необходимости и эффективности своей работы в Чечне, но все же вынуждены периодически туда отправляться. «Я относился к пребыванию в Чечне как весьма обременительному, но долгу. И, возможно, это помогло не сорваться во вторую командировку. К тому же я знал, что если не убьют, то я уже никогда в такие командировки не поеду»¹⁵.

Этот респондент действительно уволился после второй командировки и успешно продолжает свою карьеру уже не в правоохранительных органах. Но для многих милиционеров исполнение долга по-прежнему является оправданием их периодического пребывания в Чечне.

Нужно отметить, что абстрактное понятие «долг» наполняется здесь специфическим реальным содержанием, возникающим в ответ на действия трех обстоятельств – принудительный характер командировок и связанное с ним нежелание увольняться из милиции в сочетании с пониманием неэффективности своей деятельности в Чечне.

Из-за специфики обстановки в Чечне сотрудники милиции часто сталкиваются с невозможностью качественно выполнять свои непосредственные функции, то есть осуществлять охрану правопорядка в республике.

Неэффективность работы милиции в целом отмечали многие ветераны. «Вопрос: В какой степени милиции удастся решать поставленные перед ней задачи в Чечне? Ответ: Удастся не на 100%. Вопрос: А что мешает? Ответ: Мешает то, что как бы мы находимся все равно в другой стране, это не наше все. Потому что в России оперуполномоченному можно найти какого-то агента, где-то информашку какую-то. Там это сделать невозможно. Во-вторых, все те люди, через которых и можно было бы это сделать, они сами все в этом заинтересованы. Вопрос: А как вы думаете, что мешает более качественному выполнению этих задач? Ответ: Количество личного состава – его мало. Надо увеличивать обязательно. Во-вторых, чтобы находился хотя бы какой-то высокопоставленный чиновник, который непосредственно уже бы налаживал контакты какие-то с мобильными отрядами, с руководством в республике, т.е. вот это все дело делал. Ну, не знаю, финансовое обеспечение тоже скудное – ни пеленгаторов, ни радиостанций путевых, так, ни техники,

¹⁴ Из интервью №2 с сотрудником РОВД. Тверская область.

¹⁵ Из интервью с бывшим сотрудником РОВД. Тверская область.

толком ничего нет. Вопрос: Как вы считаете, как можно решить проблему Чечни вообще? Ответ: Да никак. Решения нет»¹⁶.

Как видно из этого фрагмента интервью, энтузиазм и заинтересованность в решении проблемы Чечни практически нивелируются оценкой ситуации в регионе, основанной на собственном опыте, и пониманием бессилия милиции. Далеко не все готовы признать бесцельность своей собственной службы в Чечне, однако такая неоднозначная оценка собственной деятельности прослеживается во многих интервью. Ветераны часто характеризуют свою личную работу в Чечне как хорошо выполненную, но при этом действия милиции вообще признают неэффективными и часто ставят под вопрос необходимость присутствия там представителей правоохранительных органов из других регионов. Поэтому позитивная оценка деятельности этих ветеранов вряд ли может выдержать их собственную критику.

Усугубляет эту проблему несоответствие реально выполняемой в Чечне работы осознаваемой ветеранами миссии милиции. «Вопрос: Какова же роль милиции в этом конфликте? Ответ: Ну, я уже говорил, что милиция там занимается в основном своими функциями... Обеспечивает общественный порядок. А вы меня спрашиваете как сотрудника милиции или как гражданина? Вопрос: А это разные вещи? Ответ: Ну, это как посмотреть! Бывает милиционер должен выполнить служебный долг, который, как бы это сказать, не стыкуется с его гражданской... гражданской позицией, что ли. Вы же понимаете, что армию нельзя использовать против своего народа, Чечня-то входит в состав России. И поэтому войсковым подразделениям трудно применять активные действия в отношении населения, и естественно, что эти функции выполняли органы внутренних дел»¹⁷.

Здесь очевидно противоречие, встречающееся в различных формах в ряде интервью. Оно заключается в следующем: милиция выполняет в Чечне свои обычные функции, однако реальное содержание этих функций не соответствует ее официальной миссии. Проще говоря, исполнение, например, фактически военных задач не может соответствовать заявленной миссии охраны общественного порядка.

Логично было бы для тех сотрудников, которые осознают это противоречие и относятся негативно к такой ситуации, отказаться от командировок. Однако чаще всего из-за принудительного характера командировок, они могут это сделать лишь ценой увольнения из милиции.

Для тех сотрудников милиции, которые работают в правоохранительных органах по призыву и стараются ответственно подходить к своему делу, такая ситуация неприемлема, как и для любого хорошего специалиста. Принуждение делать работу, которая осознается слабозффективной или нецелесообразной, не может не вызывать негативного отношения к своей деятельности в Чечне.

Выбор, который реально есть у ветеранов, – продолжать ездить в командировки или же уйти из милиции – заставляет профессионального и добросовестного сотрудника, который надеется сделать хорошую карьеру в правоохранительных органах и не хочет уходить из милиции, продолжать поездки в Чечню. «Исполнение долга» как внутреннее обоснование поездок в командировку может стать для него своеобразной защитой профессиональной гордости, поскольку таким образом деятельность представляется более осознанной и оправданной для него самого. Но это обоснование, в силу понимания отсутствия необходимости исполнения такого долга, достаточно зыбко, что и проявляется в противоречивых ответах. Поэтому со временем подобное «оправдание» поездок в Чечню может исчезнуть.

Таким образом, если у сотрудника милиции, который обосновывает свои поездки в Чечню чувством долга, появится желание и возможность продолжить карьеру в другом месте, то скорее всего это чувство не станет препятствовать его уходу из милиции.

¹⁶ Из интервью №1 с бойцом ОМОНа. Алтайский край.

¹⁷ Из интервью №2 с сотрудником РОВД. Тверская область.

Надежда на карьерный рост после командировок

Внеочередное получение звания после командировки может быть причиной добровольного желания поехать в Чечню. По словам руководителя РОВД, он часто мотивирует своих подчиненных обещаниями служебного роста после командировок, но при этом повышение звания «происходит, когда человек не только поехал в Чечню, но и хороший специалист своего дела»¹⁸. По словам некоторых респондентов, для получения звания также необходимо высшее образование. Таким образом, в надежде получить внеочередное звание в Чечню могут ехать хорошие специалисты с высшим образованием, недовольные своей карьерой в регионе.

Нужно отметить, что специфические условия службы в Чечне, а также полугодовое отсутствие на работе негативно влияют на профессиональные качества милиционеров, что, в частности, признается тем же руководителем ОВД: «Вопрос: Какой опыт милиционеры приобретают в Чечне? Ответ: Разный опыт, в том числе и отрицательный. Прежде всего, сотрудники в определенной мере дисквалифицируются, особенно когда командировки стали по полгода. Там в Чечне имеет место неумеренное употребление спиртных напитков, а здесь приходится приводить их в нормальные чувства, напоминать о субординации, дисциплине, исполнительности. У сотрудников в Чечне однообразная служба: на посту, на охране здания, поесть – и спать. И на следующий день все то же самое. Какие-то выезды – это редко. И по большому счету они попросту дисквалифицируются! Вопрос: Это что, так заметно после командировок? Ответ: Более чем заметно».

Поэтому мотивация поехать в Чечню за званием вряд ли будет свойственна специалисту, который стремится сделать хорошую карьеру. Но в случае наличия каких-либо провинностей, например, выговоров на работе, такая мотивация действительно возникает у некоторых сотрудников милиции.

Наличие выговоров

Наличие нарушений на работе и последующих выговоров может быть причиной условно-добровольной поездки в командировку. «Так получилось, что мне должны были присвоить очередное звание, а у меня были выговоры. Вы же понимаете, что получить выговор в милиции общественной безопасности – проще простого. Ну, вот мне сказали, что если я поеду, то и выговоры снимут, и очередное звание присвоят без проблем. Вот такие дела. Как отказаться?»¹⁹

Судя по дополнительной информации, в том числе и из региональных СМИ, практика отсылки провинившихся или неугодных сотрудников в Чечню достаточно распространена в правоохранительных органах. То есть, если у милиционера есть официальные выговоры или же какие-либо служебные провинности и при этом он хочет продолжать работать в милиции, командировка может стать своеобразным, добровольно отбываемым наказанием.

Желание отдохнуть от служебной рутины

Часто одной из дополнительных причин, влияющих на желание поехать в командировку, является недовольство рутинной работой в регионе. Это обстоятельство не всегда проговаривается и не всегда осознается, но в ответах проявляется достаточно четко.

«Вопрос: Довольны ли вы своей прошлой работой в милиции?

Ответ: Ну, доволен. Почему нет?

¹⁸ Из интервью с начальником РОВД. Тверская область.

¹⁹ Из интервью №2 с сотрудником РОВД. Тверская область.

Вопрос: Что больше всего нравилось, что расстраивало?

Ответ: Как может нравиться? Это работа – это рутина, это бумаги. В большей степени бумаги. И общение с людьми, возможно, не всегда нормальными. Так, скажем, в большинстве случаев. Они убегают, ты – догоняешь. Бежим-то в одну сторону, сами понимаете.

<...>

Вопрос: Как вы считаете, есть ли у вас желание еще туда (в Чечню. – К.Б.) поехать?

Ответ: Если предоставят возможность, я бы все-таки съездил. Не знаю... Съездил бы»²⁰.

При этом до сих пор непростая обстановка в Чечне не отталкивает, а зачастую и привлекает некоторых ветеранов, уже бывавших в командировках в этом регионе. Дело в том, что рутина работы в регионе, в частности, заключается в ежедневном оформлении процессуальных документов и еженедельном конспектировании новых приказов или нормативных актов. В Чечне от милиционеров не требуется оформления бумаг в таком объеме. Поэтому те ветераны, для кого оформление документов и другие рутинные занятия являются тягостной, не отвечающей их представлениям о работе в милиции обязанностью, могут ехать в Чечню добровольно.

Но за шесть месяцев командировки профессиональные навыки быстрого и правильного оформления документов утрачиваются и восстанавливаются нескоро. К тому же в период отсутствия милиционеров выходит большое количество приказов и нормативных документов, на ознакомление с которыми ветеранам нужно большое количество времени по возвращении из командировок. Поэтому «рутины» прибавляется после возвращения и, более того, на нее уходит гораздо больше времени и сил отвыкших от привычных милицмейских будней ветеранов. Соответственно, для тех сотрудников милиции, кто уезжал, стремясь «отдохнуть от рутины», такая мотивация усиливается после командировки.

Желание отдохнуть от семьи

По словам одного из начальников РОВД, некоторые милиционеры едут в командировку для того, чтобы отдохнуть от семейных проблем. «... Есть и такая мотивация: проблемы в семье. Надо побыть порознь»²¹.

Учитывая частоту ухудшения семейных отношений после командировок²², которую отмечают милицмейские психологи, и руководители, и сами ветераны, такая причина может быть достаточно распространенной, но неосознанной.

При этом командировки не решают, а, как правило, усугубляют семейные проблемы. Такая тенденция связана с тем, что, во-первых, семья остается без поддержки на полгода. Во-вторых, многие жены против командировок, но мужья в некоторых случаях просто ставят их перед фактом предстоящей поездки, не желая обсуждать эту ситуацию, поскольку сами не могут отказаться. Таким образом, зачастую жены исключаются из круга принятия решения о командировке, что может быть как следствием уже существующих проблем в семье, так и фактором усугубления этих проблем. В-третьих, многие жены отмечали, что их мужья изменились в худшую сторону после командировок, а также говорили о том, что возникло отчуждение, которое можно преодолеть только благодаря усилиям обоих супругов. Дополнительную негативную роль играет нежелание ветеранов рассказывать женам о времени, проведенном в Чечне. Часто они обосновывают это нежелание тем, что жены их все равно не поймут.

²⁰ Из интервью №2 с сотрудником РОВД. Республика Коми.

²¹ Из интервью №1 с начальником РОВД. Тверская область.

²² Подробнее о влиянии командировок на семьи ветеранов см.: Шепелева О. Семьи ветеранов: до и после командировок.

Сочетание материальных трудностей, отчуждения после длительных командировок, взаимных претензий и обид может привести к сильному ухудшению отношений в семье. Для некоторых ветеранов это ухудшение может стать дополнительной причиной для «бегства» в командировку от семьи.

И хотя таких сотрудников не рекомендуют отправлять в Чечню, они могут попасть в этот регион из-за нехватки кадров, точнее отсутствия нужного количества сотрудников, требующихся по разнарядке для командировок от определенного подразделения.

Интерес и желание «попробовать себя»

Некоторые опрошенные милиционеры искренне хотели поехать в свою первую командировку. Их желание было продиктовано прежде всего интересом к тому, что «на самом деле» происходит в Чечне, а также просто желанием «посмотреть мир» и «попробовать свои силы». Об интересе часто говорили молодые еще на время первой командировки люди, не имеющие семьи и детей. «Я тогда еще относительно был молодой, 21 года мне тогда еще не было. Может быть, как-то, в кавычках сказать, мальчишеский задор, может, интерес или как, не знаю. Посмотреть, как там, что там на самом деле творится, ну и вообще свой вклад какой-то внести, наверное. Ну и в том числе смена обстановки, конечно. Немножко от мирной жизни отвлечься, ну, может быть, это неправильно звучит – вот так вот, наверное, было»²³.

Однако тот же респондент решительно сказал, что если бы сейчас он должен был ехать в командировку и имел возможность отказаться, то отказался бы. «Не хочется больше. Все, что я хотел увидеть, узнать, я узнал. Да и сейчас в принципе узнаю от ребят, которые туда ездят». Получается, что «спортивный» интерес, как правило, проходит после первой командировки в Чечню.

Кроме простого интереса, свойственного молодым сотрудникам милиции, в качестве причины можно выделить и профессиональный азарт, иногда становящийся частью личности. Иллюстрирует такое обоснование поездок в Чечню фрагмент из интервью бывшего сотрудника ОВД: «Я человек – любитель риска. Я и поехал оперативником, потому что [и здесь] рискованную жизнь. Какой-то адреналин есть в этом. Некоторые любят погонять на огромной скорости. У каждого свой адреналин. Тем более, что когда работаешь оперативником – это уже склад ума. Риск, риск. Когда я уволился, знаешь, как наркомана ломало, никто на тебя не кидается, нету такого, чтобы преступника задержать, разоблачить кого-то там, даже того же преступника переиграть по тем или иным фактам»²⁴. Однако в ответах и этого сотрудника прослеживается крайне противоречивая оценка полученного опыта. В частности, у этого респондента пересекаются желание поехать в Чечню в качестве специалиста (следователя) и желание никогда не вспоминать о службе в Чечне.

Как правило, опыт первой командировки сказывается на отношении к дальнейшим поездкам в Чечню. Если этот опыт оказывается преимущественно позитивным для ветеранов, то они относятся к самой практике командировок сдержанно-позитивно или же нейтрально. Факторы, которые влияют на восприятие опыта как позитивного, следующие: милиционерам удавалось заниматься в Чечне своими непосредственными обязанностями, они получили поощрения по службе, за время командировки их жизнь или жизнь их товарищей не подвергалась непосредственной опасности.

Впрочем, в случае «привыкания» к условиям командировки наличие этих факторов в совокупности с некоторыми другими особенностями профессиональной и личной ситуации производит обратный эффект – ветераны стремятся уехать обратно в Чечню. Особенно вероятным это стремление становится в том случае, если семейные

²³ Из интервью №1 с сотрудником РОВД. Республика Коми.

²⁴ Из интервью №1 с бывшим сотрудником РОВД. Тверская область.

трудности как следствие командировок не оказались значимыми для ветеранов настолько, чтобы влиять на оценки командировок.

Успешная адаптация к условиям командировки

Наличие семейных и бытовых проблем, недовольство рутинной работой и некоторые другие личные причины делают командировки в Чечню привлекательными для некоторых милиционеров даже при отсутствии материальных стимулов. Некоторые ветераны, по словам алтайского психолога ГУВД, «... настолько адаптировались и привыкли, что им здесь становится тяжелее. Иногда руководители, кстати, говорят, что у меня есть сотрудники, которые там по 4-5 командировок отъездили, они фактически здесь уже не могут нормально работать, у них интерес к работе здесь пропал»²⁵.

В самых крайних случаях некоторых ветеранов привлекает отсутствие строгой дисциплины (которая была свойственна периоду активных боевых действий) и большого количества работы, возможность в неограниченных количествах принимать алкоголь, необязательность тщательного оформления документов и соблюдения других служебных формальностей²⁶.

Такая форма адаптации к условиям командировки может стать следствием «невозвращения» в общество. То есть в этом случае для ветеранов привлекательность условий в командировке формируется благодаря непривлекательности их личной и профессиональной ситуации в их регионе. Последняя же объясняется личными, социальными и профессиональными проблемами, возникающими в период после возвращения из командировок.

Для женатых ветеранов огромную роль здесь играют семейные отношения, на которые командировки оказывают негативные последствия. Некоторые семьи с ними справляются, другие балансируют на грани необратимого ухудшения отношений. Накопившиеся за время командировки семейные проблемы в некоторых случаях приводят к критическим негативным последствиям для семьи и, как следствие, к разводу. А поскольку именно семья главным образом способствует реинтеграции, то есть «возвращению» в общество, то ветераны в случае критического ухудшения отношений в семье лишаются такой помощи.

Если ветеран не женат, то некоторые особенности его опыта²⁷ в командировках, а также ситуации, в которых он оказывается сразу после командировки, могут сказываться таким образом, что завести семью ему будет гораздо труднее. Соответственно, полноценное «возвращение» в общество станет гораздо более проблематичным.

В случае если ветеран успешно привыкает к условиям командировки, находясь в Чечне вследствие различных причин ему нравится больше, чем в его регионе, а связи с семьей не удерживают его дома, главной мотивацией поездок является возвращение в обстановку, ставшую привычной и более комфортной.

* * *

После отмены выплат «боевых», неформальное принуждение остается главной причиной, по которой сотрудники ОВД продолжают служить в Чечне.

Для бойцов ОМОНа поездки в Чечню являются требованиями их контракта, поэтому можно предположить, что, подписывая контракт, омовцы дают добровольное согласие на командировки. Однако общее, скорее, негативное отношение милиционеров к службе в Чечне может стать причиной их последующего увольнения.

²⁵ Из интервью с психологом ГУВД. Алтайский край.

²⁶ Из интервью с психологом УВД и начальником РОВД. Тверская область.

²⁷ Об особенностях опыта, приобретенного в командировках, см.: Браиловская К. Социальная карьера ветеранов.

Такая ситуация возможна потому, что на протяжении многих лет основной причиной действительно добровольных поездок в Чечню была выплата «боевых». Даже при условии принудительности командировок возможность получить сумму, решающую материальные проблемы ветеранов, способствовала формированию их мотивации «еду в командировку для того, чтобы заработать». То есть основная мотивация в этом случае совершенно не соответствовала официальной миссии милиции, а именно – охране общественного порядка в Чечне. Впрочем, как уже было отмечено, их основная деятельность также редко соответствовала этой миссии.

Несоответствие мотивации, реально выполняемых задач и декларативной миссии в некоторых случаях привело к потере понимания смысла деятельности милиции с точки зрения официально поставленных перед ней в Чечне задач.

«Вопрос: А какую функцию там выполняет милиция?

Ответ: Ту же, что и здесь, – охрана общественного порядка.

<...>

Вопрос: Как вы оцениваете свое участие в конфликте? Какова была ваша миссия, с вашей точки зрения?

Ответ: Да я уже сказал, ехал туда деньги зарабатывать. Вот и вся моя миссия.

Вопрос: Удалось ли милиции решить поставленные перед ней задачи?

Ответ: Конечно, там намного тише стало. И я считаю, что это заслуга спецподразделений.

Вопрос: Как вы считаете, каким способом можно решить проблему Чечни?

Ответ: Не знаю, может, выселить их куда-нибудь?»²⁸

Такое противоречивое понимание чеченского опыта свидетельствует о фактическом отделении официальной миссии милиции от смысла, который вкладывали многие ветераны в командировки в Чечню, – зарабатывания денег. Поэтому логичен и результат – ветераны едут в Чечню для того, чтобы решать свои материальные проблемы, а не для того, чтобы осуществлять охрану общественного порядка.

Отмена «боевых» создает негативные последствия, поскольку сложившийся тип мотивации не может быть с легкостью «заменен» на другой. Практика поездок милиционеров «на заработки» сложилась достаточно давно и коренным образом повлияла на понимание личного смысла командировок. Однако такое понимание деятельности приводит к потере профессиональных качеств, поскольку сотрудники милиции научаются вкладываться в исполнение своих обязанностей в той степени, в которой их работа будет оплачена. А по сравнению с заработком в Чечне эта сумма в несколько раз меньше. Поэтому ожидание меньшего вознаграждения может сказаться на качестве выполняемой работы.

Потеря материальной мотивации и невозможность отказаться от командировок могут привести к уходу ветеранов из милиции. Удержать от увольнения из милиции мотивированных таким образом сотрудников могут два фактора: желание продолжать работать в милиции, в том числе из-за сложностей на рынке труда, и желание ездить в Чечню, являющееся следствием успешной адаптации к условиям в командировках. Однако оба фактора являются источником мотивации, которая может иметь негативные последствия для ветеранов и милиции в целом.

В первом случае, когда основной мотивацией ветерана для поездок в командировки в прошлом было денежное вознаграждение, ее место заменяет желание продолжать работу в милиции. Как уже было отмечено, если милиционер хочет продолжать работать в милиции, он должен ездить в командировки. Но в этом случае потеря выработанного ранее личного смысла командировок не компенсируется. То есть формула «я работаю в милиции и еду в командировку для того, чтобы заработать деньги» превращается в формулу «я работаю в милиции и еду в командировку для того, чтобы продолжать работать в милиции». Возникшая мотивация достаточно зыбка и не предохраняет от последующего ухода сотрудника. К тому же такая ее эволюция может привести к

²⁸ Из интервью №3 с бойцом ОМОНа. Тверская область.

формальному или недобросовестному исполнению профессиональных обязанностей. Это объясняется тем, что, во-первых, выработанные ранее ожидания денежного вознаграждения за службу не могут быть так просто отброшены, поэтому вся последующая работа может рассматриваться сотрудником как «неоцененная», что в ответ может сказаться на качестве его работы. Мотивация же «ездить в командировки для того, чтобы работать в милиции» гораздо более слабая, чем предыдущий ее вариант, и поэтому не может стимулировать сотрудников милиции.

В случае успешной адаптации к условиям командировки ветераны по-настоящему добровольно едут в Чечню. Однако здесь следует обратить внимание на те обстоятельства, которыми продиктовано это желание. Как было отмечено ранее, на его формирование могут оказать бегство от плохих отношений в семье, «рутинной работы», ставшей некомфортной личной ситуации в регионе. Все эти причины приводят к тому, что с каждым разом ветерану становится все труднее «возвращаться в общество», и, соответственно, с каждым разом мотивация уехать в Чечню, где обстановка для него более знакомая и комфортная, становится все сильнее. Однако периодически они все же «вынуждены» возвращаться в свои регионы, где не могут преодолеть проблем, возникающих в тот период, когда должна происходить реинтеграция, то есть возвращение в местное сообщество. В результате они больше не чувствуют себя «частью общества», что сказывается и на личных, и на профессиональных качествах.

Исполнение долга является своего рода псевдомотивацией для тех милиционеров, которые побывали уже во многих командировках и не видят необходимости присутствия в Чечне милиции из других регионов. Но такая мотивация может быть вполне искренней для тех, кто едет в командировку в первый раз, и на чье решение не повлияло негативное отношение «старших товарищей» к их чеченскому опыту.

Фактически же, как было описано выше, этот тип мотивации либо недолговременный, либо же является не мотивацией, а оправданием поездок в Чечню в том случае, если ветеран не хочет уходить из милиции, но вынужден ездить в командировки.

Также добровольные поездки в Чечню могут быть результатом предыдущей успешной деятельности и желания быть и дальше «по-настоящему нужным» в этом регионе, занимаясь своей профессиональной деятельностью. Однако это возможно в том случае, если у милиционера нет семьи или планов завести семью. Разлуку с женой и с детьми на шесть месяцев для семейных милиционеров не оправдывают никакие высокие достижения в области охраны общественного порядка. Поэтому, если у ветерана есть семья, которой он дорожит и которую не хочет потерять, такая мотивация не может быть сильнее желания сохранить семью, поскольку, как уже отмечалось, последствия командировок негативно влияют на семейные отношения.

Если при этом учесть тот факт, что далеко не всем милиционерам удастся заниматься непосредственной деятельностью в Чечне и лишь единицам с результатом, который они оценивают как однозначно положительный, то можно предположить, что такая мотивация является исключительно редкой.

Надежда на внеочередное присуждение звания может стать основной мотивацией для тех сотрудников милиции, которые являются хорошими специалистами и имеют высшее образование. Для правоохранительных органов это означает, что профессиональный сотрудник отрывается от работы в регионе на шесть месяцев, а затем на время, положенное для реабилитационного периода. При этом неизбежно возникает проблема депрофессионализации, связанная с трудностями реинтеграции²⁹, а также с такими условиями, как обновление нормативной базы, изменения в кадровом составе и другими переменами во время его отсутствия. Поэтому первоначальная мотивация, то есть желание получить внеочередное звание, может исчезнуть после первой же командировки, превратиться в мотивацию, связанную с успешной адаптацией в Чечне в том случае, если проблемы, возникающие при «возвращении в общество» после командировок, не будут преодолены. Как было описано выше, последствия поездок в ко-

²⁹ См.: Браиловская К. Социальная карьера ветеранов.

мандировки, вызванных такой мотивацией, негативны для личных и профессиональных качеств ветеранов. Также мотивация поездки получением звания может превратиться в псевдомотивацию «еду из чувства долга», которая иллюзорна по сути и в итоге может привести к уходу из милиции.

Таким образом, единственное по-настоящему искреннее желание поехать в командировку мы находим в персональных историях, в которых также можно найти свидетельства того, что ветераны «бегут» в Чечню от проблем, а не едут туда охранять общественный порядок. Все дополнительные стимулы, такие как повышение звания, и связанные с ним льготы, если и порождают мотивацию, то ненадолго, поскольку они нивелируются проблемами, возникающими вследствие командировки.

Главным выводом в оценке существующей на данный момент мотивации для поездок в Чечню может стать следующий: однозначно позитивной мотивации ехать в этот регион в настоящее время не существует. Поэтому от милиционеров, выполняющих задачи по охране общественного порядка в Чечне, не стоит ожидать по-настоящему добросовестного, высокопрофессионального исполнения служебного долга. А поскольку командировки длятся шесть месяцев, негативные последствия для милиции могут проявляться не только в виде временной или прогрессирующей депрофессионализации сотрудников, но и в уходе из милиции большого количества хороших специалистов, не находящихся больше смысла в своей работе.

РАЗДЕЛ 2.

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ВОЙНЫ. РЕАБИЛИТАЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ВETERANОВ КОНФЛИКТА

Психологическая служба МВД

Асмик Новикова,
Центр «Демос», (г. Москва)

Федеральный закон «О ветеранах» гарантирует право ветеранов и участников боевых действий – в том числе, служащих МВД, – на реабилитацию. В приложении к закону перечислены конфликты, участие в которых дает право на получение статуса ветерана боевых действий или участника боевых действий¹. Локализация перечисленных в приложении конфликтов, время их возникновения и завершения, продолжающийся характер некоторых конфликтов (например, «выполнение задач в ходе контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона: с августа 1999 года»)², убедительно показывают, что практика использования сотрудников органов внутренних дел в конфликтах имеет давнюю историю, а вопрос о реабилитации давно стоит на повестке дня МВД.

В МВД созданы и работают несколько самостоятельных подразделений по оказанию реабилитационных услуг ветеранам и участникам боевых действий. Это медицинские части, Центры психодиагностики, и психологическая служба. Каждая из структур, кроме задач реабилитации, выполняет и ряд других функций (например, отбор на службу в МВД и пр.). МВД развивает как психологическую службу, так и другие структуры, в чьи задачи входит поддержание профессионального здоровья и долголетия сотрудников.

Одно из старейших подразделений, вовлеченных в процесс реабилитации, – это медицинские части МВД, к которым относятся лечебницы, реабилитационные центры, госпитали. Эти учреждения имеют богатый и разнообразный опыт медицинской реабилитации.

В дополнение к ним в середине 90-х гг. были созданы центры психодиагностики³. Основная задача этих центров заключается в том, чтобы проводить всестороннюю диагностику сотрудников органов внутренних дел для дальнейшего направления на реабилитационные мероприятия. Помимо этого, в задачи центров входят обязанности по диагностированию и оценки состояния кандидатов с точки зрения пригодности на должности в системе МВД.

Медицинские части и центры психодиагностики относятся к Медицинскому управлению МВД. Сейчас в МВД идет процесс реформирования ведомственного здравоохранения. Одной из целей этого реформирования заявлено улучшение здоровья сотрудников органов внутренних дел. Так, в соответствии с распоряжением Правительства РФ от 16 июля 2005 года № 1018-р на базе медицинских и оздоровительных подразделений МВД и региональных управлений должны быть созданы 82 федеральных государственных учреждений здравоохранения – медико-санитарные части, в состав которых войдут и центры психодиагностики. В процессе их создания основные усилия будут направлены, в частности, на реализацию задач по медико-психологической реабилитации сотрудников, получивших ранения, травмы, заболевания в ходе выполнения служебных задач, в том числе при участии в контртеррористических операциях⁴. Проводить реабилитационные мероприятия должны врачи медицинских частей и клинические психо-

¹ Приложение к Федеральному закону «О ветеранах» Перечень государств, городов, территорий и периодов ведения боевых действий с участием граждан российской федерации (в ред. ФЗ №158-ФЗ от 27 ноября 2002 г.).

² Абзац введен Федеральным законом от 27 ноября 2002 г. № 158-ФЗ.

³ Приказ МВД России «О центрах психологической диагностики (ЦПД) МВД, ГУВД, УВД» от 22 августа 1995 г. № 330.

⁴ <http://www.mvdinform.ru/news/6292/>

логи центров психодиагностики. Именно для этого создаются медико-санитарные части, объединяющие специалистов центров психодиагностики и специалистов госпиталей и других медицинских учреждений системы МВД. Реформа предполагает развитие совместной деятельности по медико-психологической реабилитации сотрудников органов внутренних дел.

Необходимость развития программ именно психологической работы, психологического сопровождения сотрудников и их реабилитации и адаптации после участия в локальных конфликтах была осознана достаточно недавно. Поэтому психологическая служба является самой молодой структурой, встроенной в возникшую ранее систему реабилитации сотрудников органов внутренних дел. В отличие от медицинских частей психологическая служба не является самостоятельным управлением и относится к Департаменту кадрового обеспечения МВД (Управлению кадров).

МВД России и региональные управления органов внутренних дел считают развитие психологической службы актуальным направлением своей деятельности⁵. С точки зрения федерального Департамента кадрового обеспечения психологической службе удалось добиться многого, в том числе в области оказания психологической помощи сотрудникам органов внутренних дел. «В последнее десятилетие Департаментом принимаются разноплановые меры по развитию ведомственной психологической службы. Организовано психологическое обеспечение профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел, в том числе и в экстремальных условиях. Особым направлением является оказание психологической помощи сотрудникам в решении острых межличностных проблем, по предупреждению профдеформации и снятию последствий перенапряжений в служебной и боевой деятельности, профилактике суицидов среди сотрудников. В поле постоянного внимания Департамента находится организация социальной работы с семьями погибших сотрудников, инвалидами и ветеранами службы»⁶.

Нормативным актом, который определяет положение и направления деятельности психологической службы, является Приказ №770⁷. В соответствии с ним на психологическую службу возложен широкий перечень задач. Во-первых, служба должна обследовать кандидатов при приеме на работу в органы внутренних дел и перемещении действующих сотрудников на другие должности. Во-вторых, задачи психологов включают обеспечение благоприятного социально – психологического климата в коллективах и консультирование руководителей органов внутренних дел в вопросах его достижения. В-третьих, психологи должны поддерживать сотрудников, проводить работу по психологической реабилитации и восстановлению профессиональной работоспособности милиционеров. В-четвертых, психологи должны помогать сотрудникам адаптироваться к профессиональной деятельности в милиции.

В регионах России психологическая служба стала создаваться с недавнего времени. Если согласится с тем, что началом институционализации службы является выпуск Положения о психологическом обеспечении работы органов внутренних дел от 26 июня 2000 года⁸, то ее история совсем короткая. Упомянутый нормативный акт содержал основные указания по поводу направлений деятельности службы, полномочий психологов и их обязанностей. Но из материалов интервью известно, что в некоторых регионах служба была создана задолго до выхода этого постановления. Например, в Алтайском крае и Тверской области специалисты службы говорили о 1992/94 годах как начале работы психологической службы.

⁵ <http://www.mvdinform.ru/struct/3300/3566/>. Как сообщает официальный сайт Министерства внутренних дел РФ, МВД принимает разноплановые меры по развитию ведомственной службы психологического обеспечения.

⁶ Из описания основной деятельности департамента кадрового обеспечения МВД России. См.: <http://www.mvdinform.ru/struct/3300/3566/>

⁷ Приказ от 29 сентября 2006 г. № 770 «Об утверждении положения об основах организации психологического обеспечения работы с личным составом органов внутренних дел».

⁸ Первое Положение об организации психологического обеспечения личного состава органов внутренних дел был принят в 2000 г. Положение было утверждено приказом МВД №690 от 26 июня 2000 г.

В разных регионах процесс создания этой службы проходил по-разному и зависел от финансовых и кадровых возможностей УВД. Но во многом региональные истории возникновения психологических служб похожи. Основное различие – это время формирования службы. Так, в Республике Адыгея служба была создана в 2000 году, а, например, в республике Коми – в декабре 2004 года: «В нашем регионе служба существует 2 года. И я уже 2 года работаю в должности психолога здесь, с самого-самого начала»⁹.

Точкой отсчета в создании психологической службы в регионах страны нужно считать утверждение должности Главного психолога УВД и введение штатных единиц в расписании отделов внутренних дел. Если службы начинали с двух-трех специалистов, то сейчас, по оценкам психологов МВД, специалистов достаточно для решения поставленных перед психологической службой задач.

Служба создавалась и работает внутри Управлений кадров ГУВД и УВД регионов, и относится к отделам по воспитательной работе кадровых управлений. Общее руководство осуществляет Департамент кадрового обеспечения МВД России при участии Координационно-методического совета, созданного при МВД незадолго до институционализации психологической службы.¹⁰ Совет осуществляет общую неформальную координацию деятельности психологов с целью упорядочивания их деятельности, придания методического единообразия в работе на местах¹¹. Решения совета имеют рекомендательный характер.

По логике федерального МВД психологическая служба является важным звеном в обеспечении профессионального долголетия сотрудников органов внутренних дел. Создание психологических служб подразумевает, что специалист-психолог работает в каждом отделе милиции, тем самым на месте, в условиях работы этого отдела милиции оказывает необходимую помощь, проводит кадровую работу и пр. Среди функциональных задач, которые закреплены за психологической службой, большая часть относится к реализации кадровой политики МВД¹², а также мер, «направленных на повышение эффективности деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, совершенствование работы с личным составом на основе применения психологических технологий, мобилизации психологического потенциала личности каждого сотрудника и служебных (учебных) коллективов»¹³.

Психологическая служба дополняет работу центров психодиагностики и медицинских частей МВД. Ряд задач психологической службы дублируют задачи центров психодиагностики. В первую очередь, это касается отбора кадров на службу в милицию, обследования сотрудников органов внутренних дел для принятия решений об их повышении или перемещении на другую должность, а также выявления сотрудников с признаками дезадаптации¹⁴.

Положение о психологическом обеспечении сотрудников подразумевает, что в случае, если психолог по результатам обследования обнаруживает признаки дезадаптации у сотрудников, он подготавливает заключение о необходимости направить этого сотрудников в лечебно – профилактические учреждения органов внутренних дел для

⁹ Из интервью с психологом РОВД. Республика Коми.

¹⁰ Приказ №770 п. 3. Возложить организационное и научно-методическое руководство психологическим обеспечением деятельности органов, подразделений внутренних дел и образовательных учреждений МВД России на Департамент кадрового обеспечения МВД России. А также 17. Перечень психологических и психофизиологических методик, используемых психологами, устанавливается Департаментом кадрового обеспечения МВД России на основании рекомендаций Координационно-методического совета МВД России по психологическому обеспечению деятельности органов внутренних дел и внутренних войск МВД России.

¹¹ Приказ МВД от 9 июля 1997 года № 422 «О создании координационно-методического совета по психологическому обеспечению деятельности органов внутренних дел и внутренних войск МВД России».

¹² Приказ от 29 сентября 2006 г. № 770.

¹³ Там же.

¹⁴ Приказ МВД России «О центрах психологической диагностики (ЦПД) МВД, ГУВД, УВД» от 22 августа 1995 г. № 330, п. 2

углубленного обследования и оказания специализированной медико-психологической помощи¹⁵. Заключение психолога имеет рекомендательный характер, окончательное решение о том, что сотруднику необходима медико-психологическая реабилитация, принимает врачебная комиссия, в состав которой включены врачи медицинских частей и психологи центров психодиагностики.

Такой параллелизм функций не случаен. Первичную работу проводят психологи районных отделений. Информация от них поступает в центры психодиагностики. Взаимодействие между психологической службой и Центрами психодиагностики построено на обеспечении информацией центра и отбора для него сотрудников для осуществления лечебных профилактических мероприятий.

Центр создается один на регион, а психологическая служба имеет сетевую структуру, оптимально подходящую для постоянного наблюдения за сотрудниками органов внутренних дел. За счет сетевой структуры психологи в отделениях являются ценным поставщиком оперативной информации для управлений кадров и центров психодиагностики. Взаимодействие центра и психологов районных отделов не прямое, а осуществляется через управления кадров¹⁶.

По мере развития психологической службы ее численность возрастала, но структура не усложнялась. В 2002 году в службе трудились 1700 психологов¹⁷, в 2006 – около 3 тысяч¹⁸. Психологи работают в районных отделах внутренних дел и тем самым подчиняются начальникам отделов. От Главного психолога (Управления кадров) и экспертов центров психодиагностики специалисты на местах получают методические и нормативные предписания.

Таким образом, в системе предоставления реабилитационной помощи сотрудникам органов внутренних дел участвуют медицинские части МВД (с 2006 года – медико-санитарные части), центры психодиагностики, психологическая служба, косвенно – Координационно-методический отдел МВД. Не имея медицинского статуса, психологическая служба ориентирована на взаимодействие с медицинскими частями и опирается на наработанный в МВД опыт лечебной реабилитации сотрудников органов внутренних дел. В таком контексте психологическая служба выглядит инновационной, так как по идее должна использовать немедицинские средства реабилитации. Кроме того, устройство службы, предполагающее, что в каждом отделе милиции работает штатный психолог, позволяет помогать сотрудникам прямо по месту работы и действовать сразу же, как в помощи возникнет необходимость.

Но на практике получается иначе: психологи обследуют милиционеров по возвращении из командировок, направляют их с результатами этого обследования врачебной комиссии, которая уже принимает решение о назначении реабилитационных, по существу, лечебных, мероприятий.

По большому счету, психологическая служба во всех направлениях своей работы выполняет «функцию селекции»: при приеме на работу в органы внутренних дел, при перемещении сотрудников на другие должности внутри МВД, при отборе сотрудников для направления в командировку, при отборе вернувшихся из командировок милиционеров на получение реабилитационных услуг. «При направлении на реабилитацию мы сначала узнаем, в каком подразделении проходил службу сотрудник в Чечне. Ведь не каждый сотрудник участвовал в боевых операциях. Есть же службы тыла, не каждый

¹⁵ П. 23.2 Приказа.

¹⁶ См. Приказ №330, п. 3.5. Взаимодействует с военно-врачебными комиссиями, лечебно-профилактическими учреждениями и кадровыми службами МВД, ГУВД, УВД и внутренних войск по вопросам профессионального отбора и координирует их деятельность по вопросам психопрофилактики; получает от них необходимую информацию, характеризующую личность и поведение сотрудников и военнослужащих.

¹⁷ Шканкина Ирина Владимировна. Организационно-педагогические условия профессионального становления практического психолога ОВД: Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08: Н. Новгород, 2002, 217 с. РГБ ОД, 61:03-13/618-2.

¹⁸ Интервью заместителя Министра внутренних дел России генерал-полковника Евгения Соловьева газете «Щит и меч». <http://www.mvd.rupress/interview/1692/1692/>

сотрудник служит в огневой роте. После чего мы спрашиваем, что хочет сотрудник в плане реабилитации. Желаящим предоставляются путевки в санатории»¹⁹.

Материалы исследования позволяют сделать вывод, что психологическая помощь, направленная на потребности милиционеров, реабилитация, основанная именно на психологических техниках работы, находятся в стадии становления. «Как таковая реабилитация у нас еще не поставлена. Как правильно человека принять, как правильно ввести его в курс реабилитации, – у нас еще этого нет. Служба в данный момент еще на стадии развития. Она не сформировалась еще как следует... Надо учиться работать именно в структуре МВД, именно вот как понимать сотрудника, как его чувствовать»²⁰.

Несмотря на методическую помощь со стороны Координационно-методического совета МВД и курсы повышения квалификации, на которые раз в год направляют по одному психологу из региональных управлений, многие психологи на местах не чувствуют уверенности в том, что они правильно выполняют свои задачи. «Мы собирались – психологи МВД, и у нас хотя бы хоть какие-то прояснения... если бы мы вот так вот чаще собирались и какие-то люди приезжали бы к нам с кадрового обеспечения с Москвы, нам было бы проще понимать, что они от нас требуют и как мы вообще должны делать в сфере. Потому что психологическая служба – она новая, и нам всем тяжело. Мы даже иногда не знаем, что нам всем нужно, что требуют от нас»²¹.

Исследование показало, что проблема методического обеспечения психологической службы до сих пор не решена. «Работа службы должна быть четко регламентирована, разработана документация, единая форма заключения. А здесь каждый психолог выкручивается, кто как может ... Есть такой приказ №690 МВД, который должен регламентировать нашу работу, но он очень общий, неконкретный такой документ»²². Психологи жаловались, что они чувствуют себя дезориентированными из-за отсутствия четких методических указаний, детальных инструкций, наработанного опыта практической психологической работы. «Мы не знаем, мы делаем правильно или мы делаем неправильно. И даже сказать не можем, мы же как эти вот котятки слепые, тыкаемся вот чисто на человека»²³. «Диагностики, допустим. Кто-то проводит по своим, я провожу по другой, мы приходим к единому мнению, чтоб проводить одинаково. Люди с Северо-Кавказского региона приходят с командировки, должна быть единая методика, обследование диагностическое»²⁴.

При более четкой организации работы психологов, снабжении их утвержденными инструментами и методиками, формами отчетности и пр. часть проблем по профессиональному развитию службы удастся решить. В частности, проблем, связанных с обобщением опыта психологической работы в милиции. Последнее необходимо для развития службы, повышения качества и эффективности работы психологов и становления школы психологической работы в милиции.

Сейчас, как следует из материалов интервью с психологами, накапливающиеся в разных подразделениях и регионах данные, имеют низкий потенциал для сравнения. Каждый психолог работает, как считает нужным в пределах общих рамочных предписаний, установленных в МВД. Из-за того, что отсутствует единый банк сравнимых данных, существуют сложности для проведения научных исследований, что в конечном итоге тормозит профессионализацию службы.

Не менее, а скорее более важной является задача по повышению уровня квалификации психологов. О том, что сейчас квалификация психологов является недостаточной, говорили и психологи отделений, и начальники отделов внутренних дел. На-

¹⁹ Из интервью со специалистами отдела психологической работы ГУВД Нижегородской области.

²⁰ Из интервью №1 с психологом РОВД. Республика Коми.

²¹ Из интервью №2 с психологом РОВД. Республика Коми.

²² Из интервью №1 с психологом УВД. Тверская область.

²³ Из интервью №1 с психологом РОВД. Республика Коми.

²⁴ Из интервью №2 с психологом РОВД. Республика Коми.

ибо более критичные оценки профессионализму психологов высказывали жены ветеранов и сами ветераны.

Приказом №770, регламентирующим вопросы психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел, утвержден образовательный минимум. Кандидат, не имеющий высшего психологического образования, должен пройти психологическую подготовку на базе учебных центров и с этим сертификатом может устраиваться психологом в МВД. Как таковое психологическое образование приветствуется, но его наличие не является жестким требованием. С одной стороны, такое снижение планки объяснимо стремлением МВД развивать психологическую службу и обеспечить нужное, в соответствии с нормативами, число психологов. С другой стороны, отсутствие жесткого требования о психологическом образовании создало на практике ситуацию, когда психологами работают очень разные специалисты, в лучшем случае с гуманитарным образованием. «Квалификация психологов... ну у нас сейчас только 50% специалистов, имеющих специальное психологическое образование, либо имеющих высшее образование, но прошедших специальную переподготовку в системе МВД»²⁵. «У нас ни одно профессиональное учебное заведение в системе МВД не готовит психологов, те которые приходят в МВД даже не медицинские психологи, а социальные и их готовят к работе с детьми, а они приходят работать со взрослыми мужиками»²⁶.

Имеющая система подготовки может дать необходимый минимальный объем знаний для работы психологом в милиции, например, натренировать на использование утвержденных в МВД методик тестирования, но не может дать серьезной теоретической подготовки и привить практические навыки.

Отсутствие фундаментального психологического образования является серьезной проблемой. На базе иного гуманитарного образования и после прохождения курсов в МВД специалист получает знания о том, как пользоваться утвержденными методиками. Но любая нетипичная ситуация создаст для него неразрешимую проблему, т.к. у него отсутствует ментальный аппарат для поиска ответа. К тому же без хорошей теоретической базы и практика оказывается не очень полезной для развития профессионала.

Дефицит практических навыков – проблема, которую пытаются преодолеть как психологи с высшим психологическим образованием, так и те психологи, которые сертифицированы после курсов МВД. Действительно, навыки психологической работы с людьми не могут возникнуть за счет курсов в МВД, как и за счет фундаментального психологического образования в вузе. Практика нарабатывается годами. Работающие в системе МВД психологи это понимают, и по возможности, используя внешние контакты, пытаются компенсировать свое незнание за счет консультаций с «гражданскими» психологами. «Я обращаюсь за практическими советами к психологам центров занятости, к своим знакомым. Они могут помочь, посоветовать»²⁷.

Необходимость психотерапевтической работы понимается и психологами, и специалистами центров психодиагностики. Но как раз такого специалиста в системе оказания психологической помощи МВД не предусмотрено. При этом очень многие проблемы, которые возникают у сотрудников милиции после возвращения из командировок, могут быть сняты методами психотерапии. «У нас психотерапевты не работают. Но такая задача ставится, но нет специалистов. Наиболее важное – это их реабилитация, помощь, поддержка и возможность предоставления им именно психотерапевтической помощи и направление данных сотрудников специализированные центры реабилитации»²⁸. Сейчас психологи могут самостоятельно, за счет личных средств, получить дополнительное психотерапевтическое образование и использовать его в работе.

Курсы повышения квалификации, которые централизованно организуются в МВД, в той или иной степени выручают в вопросах приобретения практических навы-

²⁵ Из интервью с психологом республиканского МВД. Республика Адыгея.

²⁶ Из интервью с психологом центра реабилитации. Алтайский край.

²⁷ Из интервью №1 с психологом РОВД. Республика Коми.

²⁸ Из интервью с психологом республиканского МВД. Республика Адыгея.

ков. Многие опрошенные психологи давали высокую оценку этим курсам и, в первую очередь потому, что на этих курсах собирается много психологов из разных регионов. Там они обмениваются опытом, ищут решения сложным вопросам психологической практики. Не обсуждая, насколько эффективны такие способы восполнить пробелы, отметим, что психологи используют те возможности, которые им доступны.

Оценка курсов повышения квалификации далеко не однозначна. Во-первых, на них может поехать не каждый психолог, а только один из региона. Как рассказывали психологи из Нижегородской области, отдел психологической работы отправляет одного психолога на обучение, а по возвращении он должен провести аналогичные занятия для остальных психологов области²⁹.

Некоторые психологи всегда со знаком плюс оценивают возможность пройти дополнительное обучение, в особенности те, кто совсем недавно начали работать³⁰. Для других – курсы бесполезны, потому что, многое, что на них преподается, не находит применения в практике работы психолога районного отдела. «Те, кто из коллег там был, рассказывают, что программа переподготовки практически ничего не дает. Считают, что обучение там оторвано от жизни, тем более жизни низовых структур. Они там учат хорошим вещам, но они не применимы на практике в условиях работы подразделений. Все их разработки годятся там, где есть центры реабилитации, комнаты релаксации»³¹.

Получается, что система обучения психологов МВД не учитывает реальной ситуации, которая складывается в отделах и в повседневной работе. Вместо сведений, как действовать «здесь и сейчас», психологи получают информацию о том, к чему нужно стремиться. Но стремиться к идеалу ведомственной психологической службы не получается из-за нерешенных проблем ресурсного обеспечения.

Все без исключения психологи, которые были опрошены в рамках исследования, жаловались на нерешенность проблем материально-технического характера. Собственные кабинеты для работы психолога, оборудованные персональным рабочим местом и оргтехникой, остаются роскошью. «Нет у нас не то чтобы персонального, а просто выделенного для психолога компьютера. И я вынуждена оставаться после работы, чтобы поработать на освободившемся компьютере»³². «Ну, во-первых, не хватает компьютеров, даже самых примитивных, негде работать психологам, один компьютер на кадры и все, и должны сидеть в очереди, ждать»³³.

Для работы психолога в соответствии с установлениями службы в МВД требуется кабинет психологической разгрузки. У большинства психологов, принявших участие в экспертном опросе, таких кабинетов нет. Они вынуждены изыскивать различные способы, чтобы создать доверительную обстановку и работать с обратившимися к ним людьми. «У меня нет кабинета психологической разгрузки, где я могу побеседовать с людьми один на один. Все время приходится находить свободный кабинет. Я прихожу в подразделение, где там освобождаются кабинетики. Это и есть главная проблема. Тяжело человеку говорить о своей какой-то личной проблеме. Чтоб быть услышанным еще кем-то. Проблема не выходит, скажем, за рамки кабинета, за стены кабинета, она остается внутри, а человек, который видит, там еще кто-то, как то там услышал, и это повод для уже каких-то сплетен, ну вообще, человеку неприятно»³⁴. «Кабинета нет и о том, что он появится, можно только мечтать»³⁵.

²⁹ Из интервью с психологами отделения психологической работы Отдела воспитательной работы ГУВД Нижегородской области. Нижний Новгород.

³⁰ Например, психологи из Республики Коми очень положительно настроены на обучение, хотели бы, что программ было больше, чтобы семинары устраивались и в Москве, и выездные в регионах. Они больше остальных чувствуют потребность в обучении, так как служба в республике была создана только в конце 2004 года.

³¹ Из интервью №1 с психологом УВД. Тверская область.

³² Из интервью №2 с психологом УВД. Тверская область.

³³ Из интервью с психологом республиканского МВД. Республика Адыгея.

³⁴ Из интервью №2 с психологом РОВД. Республика Коми.

³⁵ Из интервью с психологом РОВД. Алтайский край.

«Не во всех подразделениях у нас имеются комнаты психологической реабилитации. То есть комнаты разгрузки. На всю республику всего лишь две комнаты. Это в отдельном батальоне ДПС и Тахтамукайском РОВД. А в самом аппарате МВД такой комнаты нет, помещение и специальное оборудование выделено, но нет оснащения»³⁶.

Отсутствие помещений не только мешает психологу организовать прием сотрудников, но и не позволяет пользоваться специальным оснащением. Хотя МВД выделяет дорогостоящее оборудование для психо-эмоциональной разгрузки, оно часто хранится в сейфах и не используется на практике. «У нас есть аппарат «Вояджер», есть еще аппарат «Цвет-1». Но для этого нужен экран, на который можно было бы проецировать цвета для создания настроений. У нас экрана нет. и нет такой комнаты, где бы можно было разместить такой экран. Комната должна быть оборудована шумоизоляцией»³⁷. «Мне сказали, что оборудование будет у меня только тогда, когда будет у меня свой кабинет. Приборы должны быть под ответственностью, так как они очень дорогие. И поэтому, когда только у меня будет кабинет, только тогда смогу ими пользоваться»³⁸.

Ситуация, когда психологи не имеют собственных кабинетов, персональных компьютеров, и т.д. прямо противоречит предписаниям Приказа №770. В соответствии с ним «для осуществления профессиональной деятельности психологу выделяются рабочий кабинет, персональная электронно-вычислительная машина, программные продукты, аудио – и видеотехника, учебные и методические пособия, психологические тесты и методики, психодиагностические и психокоррекционные приборы. В каждом органе внутренних дел, образовательном учреждении МВД России, в которых предусмотрена штатная должность психолога, создается кабинет психологической регуляции»³⁹. Аналогичное требование предыдущего нормативного акта – Приказа МВД №690 – отличается незначительно⁴⁰.

Условия работы психологов не позволяют им заниматься собственно психологической работой. Зачастую для того, чтобы помочь сотруднику, обратившемуся за помощью, необходимо преодолевать неустроенность, которая на первый взгляд может показаться бытовой, но в реальности делает невозможной психологическое консультирование. «В условиях подразделения оказывать психологическую помощь ветеранам конфликта в Чечне практически невозможно»⁴¹.

Недостаток финансирования, нерешенность проблем с материально-техническим обеспечением службы, ставка на привлечение личных ресурсов психологов указывает на низкий статус психологической службы в МВД и пока еще декларативный характер объявленных МВД целей по ее развитию.

Даже при условии решения проблем образования психологов МВД, развития методик и практик работы, улучшения материально-технического и финансового обеспечения службы существуют объективные причины, в серьезной степени препятствующие профессиональному развитию психологической службы в милиции.

И хотя внутри МВД исходят из своих критериев при оценке того, что считать профессиональной психологической работой – эти оценки отличаются от тех, которые приняты в экспертном сообществе «гражданских» психологов – тем не менее, систем-

³⁶ Из интервью с психологом республиканского МВД. Республика Адыгея.

³⁷ Из интервью №2 с психологом УВД. Тверская область.

³⁸ Из интервью №1 с психологом РОВД. Республика Коми.

³⁹ П. 18 и п. 19 Приказа МВД №770.

⁴⁰ «Для осуществления профессиональной деятельности психологу выделяются: рабочий кабинет, персональная электронно – вычислительная машина, программные продукты, аудио- и видеотехника, учебные и методические пособия, психологические тесты и методики, диагностические и психокоррекционные приборы. На подразделение, в котором предусмотрена штатная должность психолога, выделяется дополнительный кабинет психологической регуляции». С текстом Приказа №690 и приложения можно познакомиться на странице проекта на сайте Центра «Демос» по адресу www.demos-center.ru на странице проекта в разделе «Библиотека нормативно-правовых актов».

⁴¹ Из интервью №2 с психологом УВД. Тверская область.

ные установления в МВД не позволяют развиваться даже такой службе, которая бы соответствовала их представлениям о «ведомственной психологической работе».

Дело в том, что психологи милиции являются такими же милиционерами, как и те сотрудники, о чьем психическом благополучии они обязаны заботиться. Они встроены в ту же систему карьерного роста, что и милиционеры патрульно-постовой службы или криминальной милиции. В этой системе критерием личного профессионального роста является присвоение очередного офицерского звания. Однако для психологов существует ограничение. Наивысшее офицерское звание, которое они могут получить – это старший лейтенант. «В нашей службе ограничение по званию. Достиг звания старшего лейтенанта и все!»⁴². На практике это означает, что как бы хорошо ни работал психолог, каких бы результатов он ни достигал в своей работе, насколько исполнительным он ни был бы – а исполнительность является безусловным профессиональным качеством сотрудника милиции⁴³ – он все равно должен довольствоваться званием старшего лейтенанта.

Таким образом, на системном уровне заложено непреодолимое препятствие, которое демотирует многих психологов развивать уровень своей экспертизы и навыки работы с милиционерами, и создает ситуацию, когда психологи на своих должностях «не задерживаются». Лучшим развитием личной профессиональной карьеры рассматривается переход в медицинские части МВД, где накапливается многолетний опыт, и которые пользуются репутацией эффективных центров лечения и реабилитации. При этом медицинское управление в МВД является самостоятельным, в отличие от той же психологической службы, встроеной в Управление кадров. Очевидно, что в таких условиях развитие профессиональной ведомственной психологической службы навряд ли возможно, и сам статус службы будет оставаться маргинальным.

Изменения в сторону повышения статуса службы внутри МВД не произойдут до тех пор, пока будет действовать система двойного подчинения психологов. Психологическая служба встроена в районные отделения милиции, при этом относится к Управлениям кадров. Таким образом, на практике психолог подчиняется и начальнику отдела, в котором работает, и главе службы в регионе. «Штатные психологи подразделений подчиняются отделу по воспитательной работе, а этот отдел входит в состав управления кадров УВД. Получается, что психологи отделов подчиняются и начальнику отдела, и замначальнику УВД по кадрам»⁴⁴. То есть, психологи в первую очередь работают в интересах конкретного отделения милиции, а уже во вторую очередь в интересах психологической службы региона. Материалы интервью свидетельствуют, что психолог вынужден адаптировать требования психологической работы к потребностям отделения с целью добиться «оптимально сбалансированного кадрового корпуса органов и подразделений внутренних дел»⁴⁵ и выполнения текущих задач отделения. Одна из них – командировки в Чечню.

На протяжении уже как минимум 10 лет на органы внутренних дел возложена задача командировать в Чечню милиционеров. В начале второго конфликта в республике срок командировки для милиционеров был месяц, сейчас – полгода. Но вне зависимости от того, как часто отделам приходится собирать группы в Чечню, иначе говоря, «обеспечивать федеральную разнарядку по численности командироваемых в Чечню милиционеров»⁴⁶, служба в Чечне стала одной из постоянных обязанностей, возложенных на милицию.

⁴² Из интервью №1 с психологом УВД. Тверская область.

⁴³ О критериях оценки, принятых в милиции, в частности критериях профессионализма в милиции см.: Реформа правоохранительных органов: преодоление произвола. М.: Центр Демос, 2006 (Публикация размещена в Интернете на сайте Центра «Демос» www.demos-center.ru в разделе «Издания»); Новикова А. Портреты рядовых милиционеров в современной правоохранительной системе // Неприкосновенный запас. №4 (42), 2005.

⁴⁴ Из интервью с психологом РУВД. Тверская область.

⁴⁵ <http://www.mvdinform.ru/struct/3300/3566/>

⁴⁶ Из интервью с начальником районного отдела милиции. Тверская область.

Психологи выполняют обязанности по отбору милиционеров для отправки в командировку, а также по контролю за их состоянием после возвращения из командировок. Для того чтобы «обеспечить разнарядку» психологи подразделений проводят обследования и по их результатам рекомендуют или не рекомендуют сотрудников к отправке в Чечню. Понимая важность всестороннего и тщательного обследования милиционеров, многие психологи не могут дать высокую оценку своей работе. «Мы должны на глаз, не используя надежные какие-то инструменты, определить пригодность кандидата. И написать заключение, которое ничего практически не отражает, не показывает»⁴⁷. Так происходит, потому что психологи отделов внутренних дел осуществляют «первичный отбор», а окончательный вердикт по поводу пригодности кандидата к отправке в Чечню принимают в Центрах психодиагностики. Решения психологов и специалистов центров психодиагностики не имеют директивного статуса, их рекомендации могут учитываться при принятии окончательного решения по поводу того или иного милиционера.

Материалы исследования говорят о том, что рекомендации психологов не всегда берутся в расчет при формировании отряда милиционеров в Чечню. «Да и само это заключение никуда не идет. Ну да, покажу начальнику подразделения, но, как правило, это заключение не читают, а я его попросту подшиваю»⁴⁸.

В работе психолога отдела получается так, что главная задача – сформировать группу сотрудников от отдела и отправить на обследование в ЦДП. Такая практика, когда точка зрения психолога, который непосредственно в подразделениях работает с кандидатами, знает их личные ситуации, наблюдает их в рабочей обстановке, – игнорируется, сводит на нет вполне разумную идею: сетевая структура (психологическая служба) проводит тщательный отбор, после чего уже хорошо изученные люди отправляются на медико-психологическое обследование. «У зав. кадрами своя политика, ему главное набрать (сотрудников в командировку. – А.Н.) Иной раз его не волнует, кого он берет, т.е. не волнует, у него там некомплект большой, они начинают бегать, икру метать, ему надо человека набрать. Говоришь, не надо, у него проявления, он все равно сбой даст. Нет, надо, бегом, всех под одну гребенку сгребли»⁴⁹.

При этом психологи и специалисты центров психодиагностики не несут формальной ответственности за кандидата, отправленного в командировку или принятого на службу в милицию. Это логично в контексте рекомендательного характера их решений. Но на практике может создавать ситуации риска и прямой угрозы для милиционеров в Чечне. Из материалов исследования по Тверской области известно о случае, когда сотрудник милиции, не рекомендованный психологами, был отправлен в командировку в Чечню. Там он не справился со сложностями, у него снизился потенциал самоконтроля, и он расстрелял своих сослуживцев.

В целом, система рекрутирования милиционеров опирается на работу нескольких служб – психологической, медицинской, – а также на руководство отделами милиции, но не один из участников этой системы не несет формальной ответственности за милиционера. В случае ненормативного поведения милиционера в командировке, как например в рассказанном выше случае, спрашивать будут с командира отряда в Чечне, а не с психологов и милицейского руководства в регионе, откуда командировался милиционер. Это пример показывает, как механизм распределительной и разноуровневой ответственности, где она не прописана формально, создает на практике ситуацию, когда милиционер «ничего никому не должен, и ему никто ничего не должен».

Когда милиционер возвращается из командировки, то он с большей вероятностью оказывался в ситуации «ему никто ничего не должен». Материалы исследования свидетельствуют, что во всех без исключения регионах ветераны сталкивались со сложностями при получении положенных им выплат, оформлении стажа, пересчете

⁴⁷ Из интервью с психологом УВД. Тверская область.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Из интервью с психологом РОВД. Алтайский край.

денежного довольствия, получении очередного звания, при прохождении реабилитации, которая включает в себя отдых в санаториях и требует оформления льготной путевки. Если ветераны рассчитывали на психологическое сопровождение своих проблем или проблем своей семьи, – таких немного, – то они, скорее всего, этого не получали.

Игнорирование психологических проблем ветеранов и проблем посткомандировочной адаптации милиционеров к жизни и работе в регионе является скорее результатом реального положения психологической службы в системе МВД, чем направленной политикой министерства и позиции психологов.

На тот факт, что необходимость психологического сопровождения ветеранов после командировок в Чечню, является не надуманной проблемой, указывает и официальное признание наличия посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) у милиционеров. «Известно, что воздействие экстремальных факторов боевой обстановки, минно-фугасной войны, различных террористических актов и связанные с ними физическое и психическое перенапряжение являются источником развития состояний психической дезадаптации, формирования негативных изменений личности сотрудников. Пессимизм и недоверие к другим, потеря смысла жизни, конфликтность, агрессивность, поиск новых приключений, алкоголизм и другие негативные явления – вот лишь некоторые характеристики стрессогенных расстройств, возникающих у людей после экстремальных событий»⁵⁰. Далее заместитель министра внутренних дел Е. Соловьев приводит статистику: «Должен сказать, что в настоящее время у 20 % сотрудников после выполнения служебно-боевых задач при проведении контртеррористической операции развиваются посттравматические стрессовые расстройства»⁵¹.

Психологи, принявшие участие в экспертном опросе, более осторожны в своих оценках наличия у милиционеров ПТСР. Они скорее склонны отрицать эту проблему. «Скажем так, люди действительно очень много работали с оружием, и были в горячих точках. И вполне вероятно, что может развиваться посттравматический синдром. Но сейчас... Нет, нет такой проблемы»⁵².

Обращает на себя внимание тот факт, что отрицание проблемы ПТСР является скорее вынужденной и логически сконструированной реакцией психологов. Если они согласятся, что такая проблема существует, они тем самым признаются в том, что их работа по отбору милиционеров в командировку неэффективна.

Логика таких оценок предельно проста: от того, насколько тщательно, выверено и грамотно психолог сформировал группу для отправки в Чечню, насколько серьезно проработал с ними механизмы коллективной адаптации в экстремальных условиях и предупреждения межличностных конфликтов – т.е. подготовил основу для того, чтобы процесс посткомандировочной адаптации проходил гладко и не требовал серьезных интервенций психолога -- зависит предупреждение развития ПТСР после командировок. Таким образом, психологи настроены на отбор таких сотрудников, у которых, как они считают, ПТСР не может развиваться по определению. «ПТСР возникает не у каждого. Это как человек приспособлен. ... Вот мы перед Чечней, мы же не каждого сотрудника посылаем, кто захотел. Мы, естественно, ведем тщательный отбор этих сотрудников. Я вижу, у которых не нарушена адаптация, который очень легко адаптируется, склонность к риску у него есть на среднем там уровне, но не на низком. Коммуникативные очень ребята, которым легко вжиться. И мы отправляем их сформированной группой. И когда формируется групп, я также провожу тесты на совместимость, на сработанность, я им объясняю, что иногда следует идти на компромисс, надо друг с другом срабатываться»⁵³.

⁵⁰ Интервью заместителя Министра внутренних дел России генерал-полковника Евгения Соловьева газете «Щит и меч». <http://www.mvd.ru/press/interview/1692/1692/>

⁵¹ Там же.

⁵² Из интервью №2 с психологом РОВД. Республика Коми.

⁵³ Из интервью №1 с психологом. Республика Коми.

Такой подход верен: не каждого милиционера можно отправлять в командировку, и его необходимо готовить к командировке и желательно заблаговременно. Безусловно, при четком следовании такому подходу можно избежать серьезных и «неоперябельных» случаев ПТСР. Но расчет на то, что проблема ПТСР полностью снимается в том случае, если отправлять «устойчивого» милиционера, лишен оснований. ПТСР имеет отложенные во времени последствия, может проявляется по-разному, и не так прямолинейно зависит от внутренних психических и физических ресурсов человека⁵⁴.

В профессиональной среде психологов МВД существует стереотипы, которые уводят от реалистичной и корректной оценки проблемы ПТСР. Например, преобладает мнение, что такая проблема может возникнуть только у тех, кто принимал участие в боевых действиях. «Ведь развитие этого синдрома зависит от степени участия в боевых действиях, и от того как часто человек принимал участие в боевых действиях. Хотя, конечно, и одного раза участия в боевых действиях бывает достаточно... Я пока не наблюдаю предпосылок развития этого синдрома среди наших сотрудников»⁵⁵. Профессиональные стереотипы мешают формированию адекватной оценки последствий участия милиции в вооруженном конфликте, но при этом лежат в основе действий психологов по предупреждению развития ПТСР и работы с ним.

С точки зрения психологов, ничтожная часть милиционеров страдает ПТСР и нуждается в специализированной помощи, а большинство – «сильные такие мужики, такие крепкие, и они привыкли решать все свое, вот у них сила характера есть, может есть такие любители выпить, но это же везде есть»⁵⁶.

Необходимо отметить, что среди специалистов за пределами МВД отсутствует консолидированная точка зрения по поводу того, что считать ПТСР, какие проявления указывают на наличие именно этого синдрома, является ли ПТСР заболевание и потому требует клинического подхода либо это расстройство, которое нуждается только в психологическом сопровождении⁵⁷.

В милицмейской среде ПТСР приравнивается к серьезному психическому заболеванию, требующему психиатрических и медикаментозных средств терапии. По всей видимости, отталкиваясь от такой точки зрения, многие психологи в МВД спешили отрицать наличие проблемы ПТСР и указывали лишь на единичные случаи диагностирования синдрома. С учетом того, что последствия ПТСР проявляются не сразу и часто через многие годы, то закономерно, что сейчас, когда прошло около 10 лет участия милиции в конфликте в Чечне, милицмейские психологи могут говорить о единичных случаях клинических проявлений ПТСР. Настораживает тот факт, что ни один психолог не обозначил необходимости заниматься профилактикой ПТСР среди личного состава органов внутренних дел.

Милиционеры, у которых фиксируется клинические проявления ПТСР, относятся психологами к группе «безнадежных». Их проблемы выносятся за пределы сферы ответственности психологов, милиционеры, как правило, увольняются из органов и с этого момента перестают интересоваться МВД. Имея ярлык «безнадежных», они пополняют ряды стигматизируемых.

Такова общая тенденция – отрицать проблему ПТСР, не работать на ее профилактику, и сводить психологическое сопровождение к краткосрочным программам адаптации и реабилитации для большинства вернувшихся из командировок милиционеров.

Работа психолога с милиционерами после командировок включает в себя их повторное тестирование, направление этого заключения и самих ветеранов в центры психодиагностики для дальнейшего комплексного обследования. Непосредственно в

⁵⁴ Рабочие материалы проекта. Хмельницкая Е. ПТСР: определение, структура, последствия. Аналитический обзор. <http://www.demos-center.ru/projects/66AA75D/66AAC26/1148655709>

⁵⁵ Из интервью №2 с психологом УВД. Тверская область.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Рабочие материалы проекта. Хмельницкая Е. ПТСР: определение, структура, последствия. Аналитический обзор. <http://www.demos-center.ru/projects/66AA75D/66AAC26/1148655709>

отделениях психологи могут предложить милиционерам процедуры, которые помогают снять напряжение. Но только в том случае, если психолог имеет в своем распоряжении необходимое оборудование и отдельное помещение для проведения разгрузочных мероприятий. Личные беседы также являются практикуемым методом работы с милиционерами. Выполняя эти обязанности, психолог действует в рамках ведомственного приказа, который регулирует вопросы оказания психологической помощи. Но даже этот утвержденный перечень психологической работы наталкивается на сложности, которые в конечном итоге делают психологическую работу малоэффективной, а иногда и не востребованной в реальной практике работы отдела милиции.

Психологическое консультирование и помощь эффективны тогда, когда человек осознает необходимость такой помощи и обращается к ней самостоятельно. «Психолог работает по запросу. Я ведь не могу навязываться этому сотруднику, я его могу спугнуть, я могу его напугать навязчивым своим поведением»⁵⁸. В условиях отдела милиции, в среде самих милиционеров инициатива со стороны сотрудников милиции возникает нечасто, а когда такая потребность и осознается милиционерами, они не всегда могут ее реализовать. Милиционеры возвращаются из командировок, отгуливают положенный им отпуск⁵⁹, и погружаются в работу отделения. У них часто просто не остается времени на общение с психологом. «Вы знаете, как правило, все проходят (обследование. – А.Н.), но наспех, впопыхах. Сотрудник, который добросовестно выполняет свои обязанности, не имеет времени на общение с психологом. Вот сейчас все сотрудники бегают с вытаращенными глазами с кучей материалов. Их же всех поджимают сроки. И получается, что сам психолог бегаёт за сотрудниками. Ну, выберет сотрудник 10 минут. Придет на релаксацию. Я его только-только подключила (к прибору для снятия напряжения. – А.Н.), а его уже вызывают по громкой связи, он должен подписать материал»⁶⁰. По мнению большинства психологов, опрошенных в рамках экспертного опроса, в течение рабочего дня психолог не может осуществлять работу с сотрудником.

То, что вернувшиеся из командировок милиционеров редко проявляют инициативу в обращении за помощью к психологу связано не только с тем, что в условиях работы отдела это практически невозможно. Многие ветераны просто не воспринимают психолога как человека, способного помочь справиться с проблемами. На формирование такой репутации психологов сильное влияние оказывают сами начальники отделов.

С точки зрения руководства, психологи в отделах – это специалисты кадровой службы воспитательного отдела. Соответственно, начальники видят в психологах именно «воспитателей» – людей, которые должны работать на поддержание дисциплины и «морального климата в коллективе». Такая установка, в том числе, задается со стороны федерального МВД. «Актуальным направлением является совершенствование воспитательной работы и психологического обеспечения деятельности личного состава. Особое внимание уделяется работе по воспитанию личного состава органов внутренних дел в духе гражданственности, патриотизма, неукоснительного соблюдения законодательных и иных нормативных правовых актов, этических норм, а также выработке мер и координации действий, направленных на укрепление законности и служебной дисциплины»⁶¹.

Но, как справедливо замечали психологи, воспитательная работа не имеет ничего общего с задачей психологического сопровождения. Психологическая работа «должна быть направлена на помощь конкретному человеку»⁶², в то время как воспитательная – на коллектив в целом. Если психолог видит свою задачу в том, чтобы

⁵⁸ Из интервью №1 с психологом РОВД. Республика Коми.

⁵⁹ Из интервью с ветеранами конфликта в Чечне, известно, что не всегда удается уйти в полагающейся отпуск после командировок. Бывает так, что ветеран сразу же выходит на работу в отделение, фактически на второй день после приезда.

⁶⁰ Из интервью №2 с психологом. Тверская область.

⁶¹ <http://www.mvdinform.ru/struct/3300/3566/>.

⁶² Из интервью с психологом республиканского МВД. Республика Адыгея.

добиться доверия со стороны милиционера и помочь милиционеру, – а такую задачу ставят себе все психологи, опрошенные в рамках исследования, то воспитатель оказывает «педагогическое воздействие».

Психологическая работа требует четкого отделения личного от служебного и внимания именно к личностной стороне любой проблемы, в то время как воспитательная работа – по определению носит публичный характер. непонимание этой разницы со стороны начальства создает ситуации, когда доверие со стороны милиционеров, с трудом завоеванное психологом, исчезает, что делает последующую работу психолога бессмысленной. «Некоторые начальники отделов могли сказать: «Вот даже психолог говорит о тебе то-то и то-то». Но я ведь не для того составляю характеристики, чтобы «воспитывать» сотрудников таким образом»⁶³.

Закономерно, что приравнивание психологической работы к воспитательной задает не только дополнительный объем работы для психологов, но и формирует критерии для оценки эффективности работы психологов в отделах и задает тон отношения к психологу. Если в воспитательном отделе УВД сотрудники заняты «покупкой и раздачей поздравительных открыток», то и психолог отделения должен заниматься тем же самым. Низкий статус задач психологической службы в представлениях милиционерского руководства формирует отношение к психологам как к «бездельникам», людям, которые всегда «на подхвате». «Все, кто пришел на работу в подразделение, ищут другую работу. На это влияет, прежде всего, отношение руководства к самой работе психолога. Я неоднократно слышала мнение: “бездельники”. Очень обидно, когда тебя считают бездельником. Ты в такой ситуации эмоционально выгораешь»⁶⁴.

Как следствие, психологи заняты не только своими прямыми обязанностями. Дежурство «на тумбочке» (прием заявлений от граждан), работа по поддержанию общественного порядка во время праздников и многое другое на практике включены в обязанности психологов, хотя это не соответствовало предписаниям Приказа №690, действовавшего на момент опроса. В соответствии с ним, «привлечение психолога к другим видам деятельности, исключающим или затрудняющим выполнение его профессиональных задач, запрещается, за исключением случаев привлечения его к выполнению задач в экстремальных ситуациях»⁶⁵. Такое положение дел возможно еще по той причине, что, как уже было сказано, психологи являются в первую очередь милиционерами, а уже во вторую очередь – собственно психологами⁶⁶.

Психологи, опрошенные в рамках экспертного опроса, не скрывали своего раздражения по поводу того, что их привлекают к работе, выходящей за рамки психологической. Помимо того, что это отвлекает их от своих прямых обязанностей и нарушает нормативные предписания, понижается их статус как специалистов. Сотрудники органов внутренних дел перестают доверять им как профессионалам. «Психолог отдела – это человек “подай-принеси”»⁶⁷.

Структурное нахождение психологической службы внутри Управления кадров создает на практике ситуацию подмены психологической работы на кадровую и воспитательную. Психологическая работа основана на доверии по отношению к психологу со стороны тех, кто нуждается в психологической помощи, кадровая работа построена на взаимодействии с руководством отдела и требует доверия между психологом и начальником. Второе исключает первое, т.к. «руководитель может использовать характеристику для давления на подчиненного. И психолог в небольшом коллективе находится между двух огней: с одной стороны сотрудники, с другой – требования службы и начальство»⁶⁸.

⁶³ Из интервью №2 с психологом УВД. Тверская область.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ П.11 Приказа.

⁶⁶ Из интервью с бывшим психологом РОВД. Приморский край.

⁶⁷ Из интервью №2 с психологом УВД. Тверская область.

⁶⁸ Из интервью №2 с психологом УВД. Тверская область.

То, что психолог по роду своей деятельности ведет личные дела сотрудников, составляет характеристики, абсолютно очевидно для милиционеров. Психолог, который одновременно является инспектором по кадрам, не пользуется доверием со стороны ветеранов. Они справедливо боятся, что те или иные проблемы могут стать причиной их увольнения или препятствием для карьерного роста.

И хотя ситуация стала меняться⁶⁹, в основном, благодаря огромным усилиям со стороны психологов, понимающих это противоречие и умеющих разделять личное от служебного, пока репутация психологов невысока, а психологическая помощь в условиях отделения сведена к формальному тестированию и проведению процедур, не требующих личного, доверительного отношения между психологом и милиционером.

Ценой преодоления недоверия со стороны милиционеров становится подозрительность руководства в том, что психолог «не всю информацию доводит до сведения начальника». Добросовестное выполнение задач по психологическому сопровождению милиционеров может приводить к конфронтации с руководителем.

С точки зрения начальства психологическая служба должна работать на оптимизацию милицмейской работы и выявлять дезадаптивных сотрудников. Такая установка не противоречит заявленной официально в МВД: «Эта служба решает задачи профессионального психологического отбора кандидатов, осуществляет мероприятия по психологической реабилитации и организации социально-психологической работы в подразделениях, серьезно влияя на формирование благоприятного климата в коллективах, на повышение уровня профессиональной психологической подготовленности сотрудников, что в конечном итоге позитивно отражается на результатах оперативно-служебной деятельности»⁷⁰. Таким образом, психологическая служба является инструментом повышения эффективности и работоспособности милиции, а не структурой, созданной для помощи милиционерам.

Психологи, работающие в системе МВД и настроенные на помощь людям, не скрывают своего недовольства и критично относятся к качеству своей работы. Результаты исследования убедительно свидетельствуют, что при честном следовании профессиональной этике психологи не смогут работать в структуре Управления кадров. Они обречены во главу угла ставить кадровую работу и подчинять потребностям отделения работу с людьми. «В таком виде служба не нужна» – мнение многих опрошенных психологов.

Для того чтобы повысить качество психологической работы, сделать так, чтобы деятельность службы соответствовала ее названию, а статус психологов изменился, недостаточно вывести службу из состава Управления кадров и сделать ее самостоятельной, хотя такие рекомендации психологи высказывали. «Она должна быть самостоятельной и независимой службой, во главе которой должен стоять психолог, который отстаивал бы интересы службы»⁷¹. Но проблема не только в том, что психологическая служба не является самостоятельным управлением в структуре МВД, равнозначным по уровню с Медицинским управлением или, например, с тем же Управлением кадров.

Основная проблема заключается в ведомственном характере службы. Ведомственная психологическая служба, неважно в структуре какого министерства она находится, в первую очередь будет всегда работать в интересах ведомства, а не конкретного человека. «Системная, комплексная организация их (психологов. – А.Н.) труда оказывает положительное влияние на стабилизацию кадровой ситуации»⁷². В сущности, здесь содержится основной критерий оценки эффективности ведомственной психологической службы. И исходя из этого критерия, действующая в милиции

⁶⁹ Из интервью с психологом республиканского МВД. Республика Адыгея.

⁷⁰ Интервью заместителя Министра внутренних дел России генерал-полковника Евгения Соловьева газете «Щит и меч». <http://www.mvd.rupress/interview/1692/1692/>

⁷¹ Из интервью №2 с психологом УВД. Тверская область.

⁷² Интервью заместителя Министра внутренних дел России генерал-полковника Евгения Соловьева газете «Щит и меч». <http://www.mvd.rupress/interview/1692/1692/>

психологическая служба со своими задачами в той или иной степени справляется. Другое дело, что сотрудник милиции «выключен» из этой работы как человек и благополучатель.

Такая ситуация будет сохраняться до тех пор, пока психологическая служба будет иметь ведомственный характер. «Я считаю, что психологическую службу нужно сделать независимой. Я чувствую некоторое давление со стороны МВД. Необходимо углублять профессиональную подготовку и выводить подразделение из состава МВД».⁷³

⁷³ Из интервью психолога республиканского МВД. Республика Адыгея.

Реабилитация ветеранов Чечни

Асмик Новикова,
Центр «Демос» (г. Москва)

Вторая чеченская кампания не имеет статуса вооруженного конфликта: в нормативных документах происходящее в Чечне с 1999 года определяется как «контртеррористические операции»¹. Сейчас зона контртеррористических операций расширена на территорию Северного Кавказа, но и началась история «боевого» участия милиции тоже не с Чечни.

Практика использования милиции в военных операциях началась задолго до начала второй чеченской кампании и в принципе до начала конфликта собственно в Чечне. «Еще в начале 90-х годов, где-то в конце 80-х годов – начале 90-х годов, мы стояли на границе Дагестана и Чечни. Тогда мы еще были РСН (рота специального назначения, созданная на базе патрульно-постовой службы (ППС). – А.Н.), и уже тогда приходилось отбивать чеченцев»². «Наш отряд ППС с 1993 года участвует в разрешении конфликтов. Тогда это был осетино-ингушский конфликт»³.

Как бы официально ни именовалось происходящее в Чечне, все ветераны, принявшие участие в опросе, называют события в Чечне войной.

Ни одна война не обходится без погибших и раненых. МВД России, направляя милиционеров в зону боевых действий, быстро осознало неизбежность реабилитации вернувшихся из командировок милиционеров, и первый документ, посвященный медико-психологической реабилитации сотрудников органов внутренних дел, был принят МВД в 1991 году⁴.

В дальнейшем нормативная база усложнялась. В том числе были приняты положения о центрах психодиагностики и психологической службе МВД⁵, возлагающие на эти структуры, в частности, задачи по реабилитации сотрудников органов внутренних дел после служебных командировок в зону контртеррористических операций на Северном Кавказе. Сейчас реабилитационные мероприятия осуществляются в соответствии с приказом МВД № 273. «На момент когда сотрудник работает, все строится на основании приказа. 273-й приказ МВД и наш приказ № 33 ГУВД, по-моему, от 41 января 2005 года. Там все расписано, начиная от момента встречи отряда, там прохождения медкомиссии...»⁶

Работа по развитию реабилитационных программ не прекращается. МВД полагает, что существующие возможности недостаточны. Например, в рамках круглого стола на тему «Проблемы социальной адаптации сотрудников органов внутренних дел», организованного Всероссийским научно-исследовательским институтом МВД России (ВНИИ МВД России) совместно с Центром социальных программ МВД России, была дана невысокая оценка имеющимся ресурсам по проведению реабилитационных мероприятий и мерам по социальной и профессиональной реинтеграции.

Специалисты из МВД пришли к выводу о необходимости развития комплексной реабилитации для милиционеров, имеющих опыт участия в контртеррористических мероприятиях и приняли решение содействовать принятию федерального закона о ком-

¹ Федеральный закон «О ветеранах». Приложение к ФЗ.

² Из интервью с бывшим бойцом ОМОНа. Нижегородская область.

³ Из интервью с заместителем начальника РОВД. Тверская область.

⁴ Приказ МВД РФ от 4 февраля 1991 г. № 14 «О мерах по медико-психологической реабилитации работников органов внутренних дел». С текстом приказа можно ознакомиться в библиотеке нормативных актов проекта «Ветераны Чечни» на сайте Центра «Демос» по адресу: <http://www.demos-center.ru>

⁵ Подробнее о Центрах психодиагностики и психологической службе МВД см. соответствующий раздел книги: Новикова А. Психологическая служба МВД.

⁶ Из интервью с психологом ГУВД. Алтайский край.

плексной реабилитации. По мнению руководителя ВНИИ МВД России Сергея Гирько, «государственная политика по обеспечению достойных условий жизни военнослужащих и сотрудников органов внутренних дел, отдавших силы и здоровье защите законности и правопорядка, должна рассматриваться как одно из самых приоритетных направлений на сегодняшний день».⁷ Согласно принятым рекомендациям, пристальное внимание следует обратить на вопросы социально-профессиональной адаптации сотрудников ОВД и внутренних войск, для чего, в частности, предлагается предусмотреть расширение сети реабилитационных учреждений МВД.

Упомянутый 273й приказ – пока единственный известный профильный документ, который лежит в основе программ реабилитации для сотрудников органов внутренних дел. Именно на него ссылаются психологи УВД, рассказывая о своей работе с возвращающимися из Чечни милиционерами.

Порядок реабилитации, который утвержден этим приказом, подразумевает медицинские меры и психологические. Так, в МВД действует программа медико-психологической реабилитации. «У нас только медико-психологическая реабилитация. Социальный компонент – в соответствующих государственных службах»⁸. Тем самым подчеркивается, что под реабилитацией подразумевается два направления работы: медицинское и психологическое. Соответственно распределяются и задачи. За медицинский компонент реабилитации отвечает Медицинское управление, за психологический – психологическая служба МВД. По идее, действующая в соответствии с этим приказом программа реабилитации разработана для решения проблем социальной дезадаптации милиционеров, а также восполнения физических ресурсов сотрудника после службы в Чечне. Последнее необходимо для тех, кто получил ранения, либо в серьезной степени истощил резервы организма в течение командировок.

Медицинская составляющая реабилитации осуществляется медико-санитарными частями МВД, созданными в 2006 году на основе медицинских частей УВД в рамках реформирования ведомственной медицины. Новшество реформы заключается в объединении медицинских подразделений УВД с центрами психодиагностики и медицинскими структурами учебных заведений. Вместо медотделов и подведомственных им учреждений организована медико-санитарная часть с единой структурной системой управления, финансирования и кадровой политики. Она войдет в единую систему здравоохранения России, что, по мнению специалистов, позволит значительно улучшить качество медицинского обслуживания сотрудников органов внутренних дел.

Медицинский компонент реабилитации предоставляется сотруднику органов внутренних дел по результатам обследования военно-врачебной комиссии. Ее состав включает в себя врачей, клинических психологов, психологов УВД, психиатров. Военно-врачебная комиссия собирается как минимум дважды: когда формируется отряд для отправки в командировку в Чечню и когда отряд возвращается. Предполагается, что в посткомандировочный период милиционеры сначала проходят психологическое обследование по месту службы, после чего они получают направление в центр психодиагностики и на военно-врачебную комиссию. По результатам работы комиссии принимается решение о целесообразности направления милиционеров на восстановительное лечение.

Если по заключению военно-врачебной комиссии медицинского вмешательства не требуется, то процесс реабилитации полностью ложится на психологическую службу, а точнее на психологов, работающих в штате отдела милиции. В соответствии с логикой устройства службы предполагается, что она способна оперативно решать психологические проблемы милиционеров, т.к. психологи работают непосредственно в подразделениях милиции. Это является одной из причин, по которой работа психологической службы расценивается психологами как важный элемент системы реабилитации, которая осуществляется в отношении сотрудников органов внутренних дел.

⁷ <http://www.mvd.ru/news/6470/>

⁸ Из интервью со специалистами психологической службы ГУВД. Нижегородская область.

Психологическая служба призвана предупреждать проблемы дезадаптации, помогать милиционерам войти в служебный ритм работы после командировок. Если одной из конечных целей реабилитации является минимизация на практике дезадаптивных проявлений среди ветеранов конфликта (снижения числа личностных девиаций в целом, сохранения устойчивого профессионального поведения), то эффективность реабилитации зависит, в частности, от того, насколько успешно до командировки была проведена психологическая работа по подготовке к ней. Тем самым успех реабилитации после командировки зависит от работы психологической службы до отправки милиционеров в командировку. Усилия психологов должны быть направлены на формирование потенциала устойчивости милиционеров к стрессам и к дезадаптивным проявлениям после командировки в Чечню. «Наиболее важно работать на опережение. Большинство психотравм будут самортизированы или их удастся избежать при хорошей предварительной работе»⁹.

Таким образом, по логике МВД, реабилитационный период начинается не после возвращения милиционеров из командировки, а до того, как они туда направились. Реабилитационный процесс условно можно разделить на три этапа: период до командировки, период во время командировки, посткомандировочный период.

Период подготовки к командировке в Чечню

В соответствии с приказом МВД № 770 психологическая служба участвует в процессе формирования отряда милиционеров для отправки в зону контртеррористических операций на Северном Кавказе. На этом этапе она призвана решить две задачи: провести психологическое обследование сотрудников – кандидатов для отправки в командировку, а также организовать и провести занятия с отобранными кандидатами по сплочению группы и усвоению навыков снятия и предупреждения стрессов и межличностных конфликтов. Последнее направление работы крайне важно с точки зрения последующей адаптации милиционеров как к службе во время командировки, так и в посткомандировочный период. При этом в процессе организации работы с кандидатами на поездку в Чечню психологи вынуждены в существенной степени брать во внимание длительность планируемых командировок.

Основными методами работы психологов МВД являются тестирование и собеседование. По результатам обследования и психологической подготовки группы психолог готовит заключение, в котором оценивается приемлемость кандидата для службы в Чечне, в частности его психо-физиологическая готовность вынести службу в пролонгированной стрессорной ситуации. Надо отметить, что на языке нормативных актов МВД, командировки в Чечню именуются «выполнением служебных обязанностей в экстремальных условиях».

Работа психолога по формированию группы милиционеров в командировку является первым этапом в действующем в МВД алгоритме отбора сотрудников ОВД на службу в Чечне. В соответствии с этим алгоритмом, психологическая служба осуществляет первичный отбор. После этого кандидаты проходят второе, более тщательное, обследование в центрах психодиагностики, а также получают заключение военно-врачебной комиссии.

При проведении обследования милиционеров психологи районных отделов могут пользоваться теми методиками, которые утверждены Управлением кадров УВД по рекомендациям Координационно-методического совета при МВД России и региональных УВД. С точки зрения специалистов службы, они ограничены в своем выборе методическими указаниями¹⁰, но при этом бесконтрольно могут выбирать в пределах методик, разрешенных МВД. Последнее обстоятельство серьезно затрудняет работу психологов

⁹ Из интервью с психологом ГУВД. Алтайский край.

¹⁰ Из интервью с психологами ГУВД. Нижегородская область.

потому, что на практике приводит к разнородности подходов к оценке потенциала кандидатов на службу в экстремальных условиях. Так, психолог УВД Тверской области со знаком минус оценивала тот факт, что в МВД отсутствуют единые формы заключений и отчетности по обследованным кандидатам. Но при этом, предписания УВД существенно ограничивали ее возможности по тщательному обследованию кандидатов, она была вынуждена пользоваться теми методиками, которые не взяты в практику работы центров психодиагностики – структуры, дающей окончательное заключение о психофизиологической пригодности кандидата на службу в экстремальных условиях. «Мы как бы осуществляем первичный отбор. Но нам запрещают использовать методики, которые используют ЦДП (центр психодиагностики.– А.Н.). Считается, что после этого кандидат становится “испорченным испытуемым”»¹¹.

На практике складывается противоречивая ситуация: с одной стороны, психологи могут выбирать методики из достаточно широкого перечня, с другой стороны, у них нет доступа ко всем надежным инструментам обследования. При этом предписания, необходимые с точки зрения некоторых психологов для проведения единообразной диагностики, отсутствуют.

Вместо того чтобы развивать техники интервьюирования кандидатов, ставка делается на тестирование – достаточно грубый инструмент диагностирования психологического состояния, более уместный для периодических мониторинговых исследований больших групп «испытуемых», а не для тщательного отбора кандидатов на службу в экстремальных условиях. А с учетом того, что первичный отбор проводят психологи районных отделов внутренних дел по месту службы кандидатов, то использование гибких методов диагностирования представляется не только более верным, но и осуществимым. Ведь диагностировать нужно не более 3–9 человек, обычно столько милиционеров требуется откомандировать от РОВД для формирования сводного отряда милиции¹².

Несмотря на «благоприятствующие» обстоятельства – прямой доступ к милиционерам и их небольшое число – даже тестирование не всегда удается провести, соблюдая базовые требования к проведению этой процедуры. В частности, объективные сложности возникают из-за подчиненного положения потребностей психологической службы оперативным задачам работы отделов милиции. Например, необходимость подписать процессуальные документы ставится выше, чем необходимость пройти тестирование. «Вот я заставляю заполнить тесты. А это более 500 вопросов. И как их сотрудник заполняет? Бывает, что сегодня несколько вопросов, через два дня еще столько-то и т.д. И получается, что каждый раз он отвечает на вопросы в разном психологическом состоянии. Конечно, о качестве обследования говорить в таком случае не приходится»¹³.

Большинство ветеранов не скрывали своего снисходительного, а порой и насмешливого отношения к работе психологов. «По штату психолог есть, но как она работает – понятия не имею. Ну как, че-то она там суетится конечно, подсунет иногда какие-то анкеты, то еще какую-то хиромантию, для галочки просто»¹⁴. С их точки зрения, прохождение тестов является не более чем дежурной формальностью, которая в последнюю очередь может стать препятствием для отправки в Чечню. «Сначала сотрудников отбирало руководство отделов. И уже не важно, какое заключение даст центр психодиагностики. Ведь все исходят из того посыла, что в органах должны работать здоровые люди. Следовательно, все сотрудники так здоровы и могут ехать в Чечню»¹⁵.

Среди ветеранов доминирует мнение, что психологическая служба является необходимым бюрократическим элементом системы формирования отряда, но не фильтром, отсекающим «неподходящих» кандидатов в командировку. Такое отношение к

¹¹ Из интервью с психологом УВД. Тверская область.

¹² В каждом регионе формируется сводный отряд милиции для отправки в Чечню. Отряд формируется за счет командирования сотрудников от различных подразделений и отделов УВД.

¹³ Из интервью с психологом УВД. Тверская область.

¹⁴ Из интервью №2 с милиционером. Алтайский край.

¹⁵ Из интервью №1 с милиционером. Тверская область.

работе психологов и, в частности, к тестированию объясняется тем, что задача по обеспечению разнарядки занимает приоритетное положение по сравнению с задачей отбора. Тем более что отбирать, особенно после отмены «боевых» выплат, практически не из кого. Многие ветераны едут в командировку в порядке ротации среди личного состава отделения и относятся к своей поездке как к служебной повинности. Желая отправиться в командировку на полугодовой срок мало, поэтому на практике психолог часто вынужден «угovarивать» милиционеров, а порой и «агитировать» сотрудников на поездку в командировку¹⁶.

В период, когда за командировки в Чечню выплачивались значительные суммы денег, а милиционерам еще был свойственен своеобразный «спортивный интерес» к конфликту, добровольцев было больше и психологи в принципе могли заниматься отбором. Но на самом деле и тогда проводить тщательное обследование было сложно, так как методики тестирования не претерпевали изменений и милиционеры перенимали друг у друга навык «правильного» заполнения стандартных тестов.

«Находчивые» кандидаты консультировались со знакомыми психологами из других отделов милиции. «У меня психолог приятель. Он рассказывал мне все это. Я его еще сам заранее спрашивал, что нужно делать, чтоб не отсеяли. Он мне сказал, чтобы я крокодилу зубы не рисовал. Во время теста просили кандидатов нарисовать крокодила. Советовал рисовать море, солнце»¹⁷.

Сама идея тщательного обследования несовместима с ситуацией, когда инструменты знакомы «испытуемым», да и сам порядок работы психологической службы предсказуем. Эта проблема – прямое следствие ведомственного характера службы, когда правила и техники работы формализованы самим ведомством. Как уже было указано выше, специалисты психологической службы МВД отдают себе в этом отчет, но решение, которое принято в некоторых регионах для обеспечения чистоты диагностики – поделить методики между психологами РОВД и психологами ЦПД, – может быть только частично признано удовлетворительным в случае тестирования кандидата, который впервые командировается в Чечню.

Собеседование с кандидатами является вторым основным видом работы психологов, когда они обследуют милиционеров перед командировкой. Это не означает, что каждый психолог сначала тестирует кандидата, а потом проводит с ним собеседование. Часто собеседование совмещено с тестированием или предваряет его. По идее с помощью собеседования можно застраховаться от проблемы того, что милиционеры «выучили тесты наизусть», – «Выходит, я заполнял эти тесты 18 раз! У меня 9 командировок»,¹⁸ – используя неформализованное интервьюирование кандидатов в качестве контрольного механизма.

«Мы, естественно, ведем тщательный отбор сотрудников. Я вижу, кто очень легко адаптируется, склонность к риску у него есть, но на среднем уровне, но не на низком. Коммуникативные очень ребята, которым легко вжиться. И мы их отправляем сформированной группой, например, шесть человек сейчас поехало, раньше девять было. И когда формируется группа, я также провожу тесты на совместимость, на сработанность, я им объясняю, что иногда следует идти на компромисс, надо друг с другом срабатываться»¹⁹. Но на практике существует комплекс проблем, которые делают практически невозможным проведение полноценного собеседования.

Во-первых, для того чтобы построить содержательную и доверительную беседу, психологу необходим как минимум отдельный кабинет, который внушал бы кандидату уверенность в сохранении приватности. Во-вторых, у милиционеров должно быть свободное от служебных обязанностей время, когда он смог бы сконцентрироваться на беседе с психологом. В-третьих, у милиционера должна быть уверенность, что приватная

¹⁶ Из интервью с психологом УВД. Тверская область.

¹⁷ Из интервью с участковым милиционером. Нижегородская область.

¹⁸ Из интервью с сотрудником РОВД. Тверская область.

¹⁹ Из интервью с психологом ОВД. Республика Коми.

информация, переданная психологу, не будет использована против него. Пока все три условия, необходимые для проведения психологического собеседования, выдерживаются с трудом, не обеспечены институционально и изредка действуют на практике ценой персональных инвестиций психологов.

Если первые две проблемы можно решить в рамках действующей системы – оборудовать отдельные кабинеты (в ряде регионов у психологов некоторых отделов и подразделений оборудованы кабинеты психологической разгрузки, например, в республиках Коми и Адыгея) и выделить время милиционеру на общение с психологом, то третья проблема в условиях современной организации психологической службы не имеет системного решения.

Психологическая служба входит в Департамент кадрового обеспечения, тем самым психологи должны быть одновременно и собственно психологами, и инспекторами по кадрам, т.е. людьми, ведущими личные дела милиционеров. Личное дело протоколирует профессиональную историю и характеристику человека и является одним из ключевых документов, когда решается вопрос повышения по службе. Доверяя свои проблемы психологу-инспектору по кадрам, милиционер рискует тем, что в служебные характеристики будет попадать информация личного характера и психологическая оценка закроет ему путь к карьерному росту в органах правопорядка. «Когда служил в милиции, доверия не было. Это ведь все-таки ведомственные врачи»²⁰.

Доверительные отношения, лежащие в основе психологической работы, в большинстве случаев просто не возникают. Милиционеры склонны настороженно относиться к психологам, сводить общение с ними к бессодержательному. Из-за этого работа психологов по психологическому сопровождению милиционеров, составлению психологических портретов кандидатов, а также по сплочению группы для службы в Чечне, серьезно затруднена.

Психологам требуется приложить огромные усилия, чтобы завоевать доверие своих клиентов. Это удастся не всегда и скорее является исключением из правил. Более того, добросовестный с этической точки зрения подход психолога к клиенту может приводить к ситуации конфронтации психологов с милицейским начальством, поскольку тогда психолог не разглашает определенной информации о сотрудниках руководству и тем самым вызывает подозрительность и настороженность со стороны последнего. Но даже такое развитие событий приводит на практике к тому, что психолог превращается в «заботливую мать»²¹, «добрую учительницу»²², «товарища»²³, но никак не в специалиста, оказывающего психологическую помощь.

Описанный выше «позитивный» сценарий для работы психолога с милиционерами не приводит на практике к возникновению необходимой для психокоррекции и психологического сопровождения ситуации «психолог – клиент». В рамках этого сценария появляется доверие, но отсутствует социальная дистанция. А для успеха психологической и психотерапевтической работы необходимо, чтобы психолог не был связан никакими формальными и неформальными контактами с клиентом. Психолог должен иметь своего рода ничем не обусловленный, не подготовленный взгляд на человека. Но это невозможно просто в силу ведомственного характера психологической службы, когда психолог является таким же сотрудником отдела милиции, как и люди, которым он призван помогать. «Видите, в чем сложность. Здесь все равно, мы друг друга как бы знаем... они не договаривают... Мои (сослуживцы психолога по отделу милиции. – А.Н.) все равно, до конца как бы не рассказывают, боятся, вдруг я жене там расскажу, они как бы защищают эту информацию, свое личное окружение, чтобы не переживали»²⁴.

²⁰ Из интервью №1 с милиционером. Тверская область.

²¹ Из интервью с психологом УВД. Тверская область.

²² Из интервью №1 с бойцом ОМОНа. Алтайский край.

²³ Фрагмент из интервью с психологом ОВД (Республика Коми): «Здесь я варюсь вместе с ними, и они меня воспринимают как своего же милиционера».

²⁴ Из интервью с психологом РОВД. Алтайский край.

Таким образом, системное установление, относящее психологическую службу к кадровому департаменту и делающего психолога сотрудником милиции, создает на практике непреодолимое препятствие для эффективной психологической работы, что зачастую оборачивается либо фактическим отказом от ее выполнения, либо формализмом, либо конфликтом с руководством, либо подменой психологической работы на сочувствие и дружеские советы. При любом развитии событий становится сложно говорить об эффективности психологической подготовки милиционеров к службе в Чечне, а также психологического сопровождения ветеранов²⁵.

Но отсутствие должного доверия со стороны милиционеров к психологу вызвано не только тем, что психолог является инспектором по кадрам, но и тем, что многие милиционеры ставят под сомнение профессионализм и опытность психологов МВД.

Многие психологи сами не выезжали в командировку в Чечню. Не имея такого опыта им сложно подготовить милиционеров, дать нужные рекомендации. «Кадры для нас не в том смысле проблема, что негде взять специалистов, а в том смысле, что редко получается, что специалист уже готовый, т.е. имеет достаточный практический опыт для работы с таким контингентом, как наши сотрудники»²⁶.

Ситуация усугубляется тем, что многие кандидаты, с которыми работают психологи, имеют неоднократный опыт прохождения службы в Чечне. «И ребята, которые ездили в Чечню, им намного легче понять того сотрудника, который был в Чечне, потому что он также пробыл в тех условиях, он знает те ситуации, которые возникают, как человек реагирует в этих ситуациях, как именно они возникают. Я же это все только предполагаю, но сказать, как человек сработает на это... Я чисто предполагаю... Нам нужна практика, как работать с данным человеком, как работать с данной ситуацией. И это должно именно проигрываться в этих проблемных ситуациях, практических, нас должны ставить вот в эти трудные условия психологов»²⁷.

В глазах ветеранов психолог выглядит как человек, слабо ориентирующийся в предмете своей работы. Из-за чего отношение к нему варьирует от формального до снисходительно-дружеского. В ряде случаев уважение к психологам отсутствует полностью. «Кто? Психолог занимался с нами психологической подготовкой к командировкам? Это мы его психологически настраивали! Мы его Зайчиком звали. А настраивали как? Настраивали мы его так: получали деньги за командировку и предлагали ему: "Ну, что, Зайчик, пошли?". Зайчик много не пил. Раз, два и готов! Ну, какой он психолог, он обыкновенный человек, хотя корчит из себя такого грамотного, образованного. Но на что он может настроить?»²⁸

Из-за «кабинетного» характера опыта психологов очень часто психологическая подготовка в командировке не учитывает реальной ситуации, в которую попадают милиционеры в Чечне. Рекомендации психологов-практиков, знающих обстановку в Чечне и особенности «клиента», востребованы ветеранами, и их работа по-настоящему нужна. «Был у нас один психолог. Он по разнарядке попал в ОМОН. Он был сначала немного растерян... потом (уже после Чечни. – А.Н.), он стал занимать должность начальника медицинской службы. К нему всегда было можно прийти запросто, и ребята ходили»²⁹.

Приведенный пример – скорее исключение. На практике распространенное отношение к психологам мешает серьезному восприятию и усвоению рекомендаций, в частности котинг-стратегий³⁰, которые ими предлагаются. Фактически очень часто ре-

²⁵ Подробнее о психологической службе в целом, о проблеме совмещения кадровой и психологической работы и ее негативных последствиях для отношений милиционер–психолог и психолог–руководитель см.: Новикова А. Психологическая служба МВД.

²⁶ Из интервью с психологом ГУВД. Алтайский край.

²⁷ Из интервью с психологом ОВД. Республика Коми.

²⁸ Из интервью №1 с бойцом ОМОНа. Тверская область.

²⁹ Из интервью со специалистом реабилитационного центра. Алтайский край.

³⁰ Котинг-стратегия – стратегия совладания, когда создается модельная ситуация конфликта и человек экспериментально учится ее прорабатывать, с тем чтобы на практике, в случае реального возникновения этой ситуации, выбрать верный тип поведения и отношения.

комендации психологов имеют низкий статус. Их слышат, но не придают им значения либо не слышат вовсе.

Сложившаяся ситуация не может не вызывать негативной оценки со стороны самих психологов. Большинство специалистов, опрошенных в ходе исследования, видят свою задачу в том, чтобы добросовестно подготовить милиционеров к службе в Чечне, предупредить на будущее проблемы дезадаптации, создать условия для эффективной профессиональной реабилитации после командировки, а также должным образом включить семью ветерана в процесс реабилитации. «Немаловажный аспект, чтобы его не упустить, – это работа с семьей сотрудника, потому что идет процесс реадaptации. От тех условий к этим. Они же, многие, когда уезжают туда на полгода, они что думают? Что они приедут и здесь все само собой нормализуется. А уезжают в основном проблемы ведь оставляют. Приезжают – проблем еще больше за полгода накапливается плюс какие-то определенные обиды со стороны второй половины. Так или иначе, и это все надо проработать. Но у нас само отношение к психологической помощи – это когда заходит и говорит: “У меня все плохо, помогите мне”. А ведь нужно, чтобы ты сам осознал, что у тебя плохо, что ты сам хочешь получить, чтобы было хорошо. Вот на это и тратится большая часть времени. Сюда можно подводить и реабилитацию, и реадaptацию, и адаптацию. То есть помочь человеку, сотруднику найти оптимальный баланс именно своего и социального окружения, своего внутреннего состояния, чтобы он чувствовал себя комфортно, чтобы он был трудоспособен, чтобы он получал вообще удовольствие от жизни. Иначе для чего тогда работать, заводить семью, если все это будет в тягость»³¹.

Объем задач внушительный, но условия работы, созданные на нормативном и фактическом уровне, делают его «неподъемным». В результате с семьями ветеранов не работают вовсе. «С семьями мы не работаем. Нам и здесь работы хватает»³². «Это не одного года работа. Обязательно с семьями. Ведь семья, она тихонечко, она планомерно, она своего мужа реабилитирует. Необходима именно семейная психотерапия (рекомендация психолога для усовершенствования реабилитационных программ. – А.Н.), семейная подготовка, потому что семья и сотрудник должны быть готовы к любым экстремальным условиям»³³.

Преодолевая системные установления и недоверие со стороны милиционеров, работая во внеурочное время с той лишь целью, чтобы занять пустой кабинет, находя массу других способов, в то же время психологи понимают, что скорее всего их усилия обречены на провал самим фактом длительности командировки, срок которой на сегодняшний день составляет полгода. Психологи отдают себе отчет в том, что установленный срок службы командированных в Чечне превышает допустимый предел и попросту не совместим с резервами человеческого организма. «Я считаю и по медицинским всем показателям доказано, что максимальное пребывание на такой территории, где все сжато, где очень плотно работает организм человека... врачи давно высчитали оптимальный срок и доказали, что предел – это 45 суток, потом уже начинает организм вырабатывать свои запасы. Чисто мужской момент. Пребывание дольше мужчин, которые имеют семью и которым за 20 лет, оно очень сказывается на мужской потенции, это очень важный вопрос, который почему-то стыдливо замалчивается»³⁴.

Все без исключения психологи УВД указывали, что первое, что необходимо сделать для реабилитации милиционеров и предупреждения социальной дезадаптации, – это сократить срок командировок, который сейчас составляет полгода. «Командировка должна быть три месяца – не больше»³⁵.

³¹ Из интервью с психологом ГУВД. Алтайский край.

³² Из интервью с психологом УВД. Тверская область.

³³ Из интервью с психологом ОВД. Республика Коми.

³⁴ Из интервью с психологом реабилитационного центра. Алтайский край.

³⁵ Из интервью с психологом ОВД. Республика Коми.

Такое увеличение срока командировки до полугода было принято в 2002 г. федеральным МВД из соображений экономии средств и предупреждения потерь среди личного состава. Нельзя не согласиться с тем, что ротировать отряды численностью от 150 до 250 человек каждые три месяца дорого, и в процессе транспортировки отрядов часто происходили нападения, приводящие к жертвам среди милиционеров.

Но это решение МВД России встретило молчаливое, а иногда и нескрываемое, сопротивление со стороны регионов. ГУВД Нижегородской области прямо выступало против увеличения сроков: «Мы выступали за сокращение срока. Позиция правительства, что надо направлять на полгода, потому что это организационно проще и дешевле»³⁶. На практике в ряде регионов, например в Нижегородской области, в Тверской области, в Республике Коми, а также в Кемеровской области³⁷, милиционеры, особенно омовцы, выступали категорически против увеличения сроков и многие наотрез отказывались ехать в командировку на такой срок³⁸. В результате, для обеспечения задач, поставленных федеральным МВД перед органами внутренних дел в регионах, самим регионам приходилось изыскивать способы и дополнительные ресурсы для рекрутирования нужного числа милиционеров в командировку.

Эта сложная задача порой решается только посредством фактического отказа направлять отряды на полгода, при безусловном выполнении самой задачи по обеспечению нужной численности региональной милиции в Чечне. Так, некоторые регионы сохраняли трехмесячный срок командировки для своих милиционеров, но это оказывалось возможно лишь в случае наличия не только доброй воли, но и дополнительных материальных ресурсов в самом регионе. Например, в Нижегородской и Тверской областях органы внутренних дел находят средства (финансы, транспорт и пр.) для смены милиционеров в Чечне каждые три месяца, в том числе с помощью «благодарных жителей области», а также профильных ветеранских НПО.

Помимо того, что экономия федерального МВД обеспечивается за счет регионов, решение об увеличении срока командировок не подкрепилось на практике изменениями в системе реабилитации милиционеров. По справедливому замечанию психологов, «чем дольше срок, тем дольше и дороже реабилитация»³⁹. Тем самым, экономя на транспортировке, МВД по идее должно было «разориться» на реабилитации сотрудников, причем не только заложить дополнительные финансовые средства, но и учесть затрату больших временных ресурсов, которые должны быть направлены соответствующими подразделениями на реабилитацию милиционеров. Материалы исследования говорят о том, что этого не произошло и ранее предусмотренный механизм реабилитации не претерпел существенных изменений. В этой ситуации психологи острее чувствуют необходимость тщательной и всесторонней подготовки милиционеров к длительной службе в Чечне.

Разные психологи выдвигают разные требования к качеству собственной работы. Но исследование показало, что ни один из опрошенных психологов не испытывает удовлетворения от качества своей работы. Помимо того, что они ограничены в выборе методик, вынуждены подлаживать свою работу под работу основных служб отдела, нарушать процедурные требования методик, преодолевать недоверие милиционеров, существует еще и проблема того, что рекомендации психологов РОВД на практике зачастую не принимаются во внимание. По действующим правилам, заключения психолога, вынесенное по результатам обследования, доводится до сведения руководителя, но остается внутри подразделения⁴⁰. Такая ситуация позволяет на практике игнорировать выводы психологов отделов при прохождении кандидатами следующих этапов отбора в командировку.

³⁶ Из интервью с сотрудниками ГУВД. Нижегородская область.

³⁷ ОМОН готов снять погону / Честное слово. Кемеровская область. www.flb.ru/info/6312.html

³⁸ Из интервью с психологом УВД. Тверская область.

³⁹ Из интервью с психологом ГУВД, Нижегородская область.

⁴⁰ Из интервью с психологом УВД. Тверская область.

Сложности, препятствующие тщательному отбору милиционеров и их психологической подготовки к службе в Чечне, не позволяют сформироваться потенциалу, необходимому для успешной реадaptации после командировки.

Психологическая служба в Чечне

Как объяснил проинтервьюированный в ходе исследования бывший психолог РОВД, сам имеющий опыт командировок в Чеченскую Республику, в состав отряда милиционеров, отправляемого в Чечню, обязательно должен быть включен психолог. Находясь с отрядом в Чечне, психолог должен помогать милиционерам справляться с различными проблемами, которые могут возникать как в процессе адаптации к условиям прохождения службы, так и внутри милицейского коллектива. Таким образом, в обязанности психолога во время командировки входит круг задач по психологическому сопровождению милиционеров во время службы в Чечне.

Находясь в новой для себя обстановке, существенно отличающейся от привычной в регионе, многие милиционеры усваивают новые модели взаимодействия в коллективе. Ощущение опасности, настороженное отношение к местным жителям в сочетании с постоянным нахождением на базе – локализованном пространстве приводят на практике к сокращению коммуникаций с внешним миром и делают контакты внутри коллектива более интенсивными и эмоционально окрашенными. Отношения между сослуживцами становятся более яркими и контрастными, что может способствовать как укреплению дружбы, так и росту враждебности.

Закономерно, что реальный статус психолога в условиях командировки претерпевает изменения. Если в обычных условиях, в регионе, психолог воспринимается как сотрудник отдела кадров, отслеживающий адекватность милиционеров с точки зрения их работы в органах внутренних дел, т.е. как своего рода помощник начальника РОВД, то в Чечне психологи воспринимаются по-другому. Они, так же как и милиционеры, переживают сложности нахождения в Чечне, живут жизнью отряда, в целом приобретает схожий эмоциональный опыт. В результате это сближает психологов и милиционеров и доверие к психологу усиливается. «Многие милиционеры обращались ко мне за помощью. Их волновали их проблемы, и они советовались со мной. Это было здорово»⁴¹.

Надо отметить, что такое развитие событий в отношениях между психологом и милиционерами сложно трактовать как безусловно положительное. Панибратство, возникающее между милиционерами и психологами, окончательно ликвидирует социальную дистанцию, которая необходима психологу как специалисту для проведения психокоррекции. Поэтому такую работу психолога можно уверенно назвать «профессиональной дружеской поддержкой», а не собственно психологическим и психотерапевтическим сопровождением милиционеров.

Если принять во внимание отношение, распространенное в органах внутренних дел к психологам, когда психолог рассматривается в качестве такого же сотрудника милиции, как и все остальные, то ситуация сближения психологов и милиционеров в Чечне оказывается в существенной степени predetermined. Так происходит потому, что на психологов, сопровождающих отряд в Чечне, распространяются многие обязанности, закрепленные за милиционерами. Они так же, как и, например, сотрудники ППС, патрулируют территории, участвуют в «зачистках», приобретают тот же опыт службы в боевой обстановке, что и милиционеры. «Психолог в первую очередь милиционер, а уже потом психолог»⁴². Но в действительности ситуация «уже потом психолог» тоже не возникает, психолог становится просто еще одним членом отряда. Доверие, столько необходимое и с трудом достижимое при работе психологической службы в регионе, в

⁴¹ Из интервью №2 с бывшим психологом РОВД. Приморский край.

⁴² Из интервью №2 с бывшим психологом РОВД. Приморский край.

Чечне появляется, но дает обратный эффект, делая психологическую работу фактически невозможной.

Впрочем, ситуация превращения психолога в «товарища по оружию» возможна в том случае, если за отрядом в Чечне в принципе закреплен психолог и если командир отряда в Чечне не пытается использовать психолога как сотрудника кадровой службы, опираясь на его формальные возможности.

Многие ветераны конфликта, которые были опрошены в рамках исследования, говорили о том, что с их отрядом психолог не выезжал. Для некоторых сам факт того, что в отряде в Чечне должен был быть психолог, оказался неожиданностью. Как правило, в отряде есть врач – сотрудник медицинского управления. Иногда – психолог из того же управления, но которого воспринимают именно как врача, который в случае проблем может предложить какие-либо медикаментозные восстановительные средства. «Ну да, там был сотрудник санитарной части. Таблетку даст, если что»⁴³.

Для милиционеров в целом характерно ставить знак равенства между психологом и врачом. Такая точка зрения создает на практике ситуацию, что милиционеры видят себя в ситуации общения с психологом только в случае, когда психологические проблемы перерастут в психические расстройства с клиническими проявлениями. Обратится к психологу – это значит «признать себя психом»⁴⁴. Еще и по этой причине многие проинтервьюированные ветераны в ответ на вопросы про психологическую службу спешили ограничиться неловкими и пустыми высказываниями, давая понять, что вопрос не по адресу. На проблему неразвитости и неэффективности психологической работы из-за стереотипов отношения к ней указывал психолог военного госпиталя в Нижнем Новгороде⁴⁵.

Желание не ассоциировать себя с теми, кто нуждается в психологической помощи, может быть связано также с тем, что опыт знакомства ветеранов с реальной работой психологов сводится к случаям, связанным с открытыми проявлениями дезадаптации в Чечне. Ветераны рассказывали, что психологи появляются тогда, когда в отряде происходит эксцесс, требующий вмешательства командира и психолога. Например, кто-то из сослуживцев совершает ненормативный поступок в результате срыва из-за физических или психических перегрузок.

О таких случаях известно, в частности, из Тверской и Нижегородской областей, а также из Алтайского края. Милиционеру, виновнику эксцесса, оказывается помощь, которая скорее носит характер срочной, и он отправляется обратно в регион. «Знаете, плохая установка была, если откровенно... тоже если какой-то человек в чем-то провинился, то сразу звали психолога, то есть меня, давали конкретные указания составить на него отрицательную характеристику и отправить домой. Но ведь так же нельзя»⁴⁶. В этом случае от «провинившегося» сотрудника просто отказываются из прагматических соображений. Причем психологическая служба, учитывая ее принадлежность к кадровому управлению, используется как формальное средство ликвидации проблемы.

Действующая практика формальной дисквалификации милиционеров вызывает сомнения. Многие милиционеры нуждаются в специализированной помощи. Но часто получается, что дисциплинарными воздействиями все ограничивается: милиционер возвращается в регион с испорченной профессиональной историей, при том что тщательного отбора и адекватной предупреждающей работы на снятие стрессов перед отправкой в командировку в полном объеме, как правило не ведется. Отметим, что по логике самих принятых программ в МВД такой милиционер с большой вероятностью просто не должен был оказаться в командировке.

⁴³ Из интервью со специалистом реабилитационного центра. Алтайский край.

⁴⁴ Из интервью с сотрудником РОВД. Тверская область.

⁴⁵ Отметим, что такое отношение к психологам свойственно не только ветеранам, но и многим другим людям и такие стереотипы существенно мешают развитию как психологической работы в МВД, так и культуры отношения к своему психологическому состоянию в нашем обществе в целом.

⁴⁶ Из интервью с работником милиции, бывшим психологом. Алтайский край, 2006 г.

Решение о прекращении командировки для милиционеров, потерявших способность к самоконтролю и исчерпавших свои ресурсы, следует признать верным. Но представляется, что каждый случай открытых проявлений дезадаптации должен тщательно изучаться, с тем чтобы принять сбалансированное решение в отношении «провинившегося» милиционера. Пока же на практике доминирует установка на репрессивные методы работы с такими милиционерами в ущерб восстановительным.

Восстановительные методы психологической работы практикуются в Чечне мобильной группой психологов, которая постоянно находится в Ханкале, на базе российской военной группировки. Мобильная группа выезжает, например, после того, как отряд милиции попал в засаду и понес потери. В таком случае бригада психологов приезжает в отряд и помогает милиционерам справиться со стрессом, вызванным переживанием гибели сослуживцев. Мобильная бригада оснащена специальным оборудованием, снимающим стресс и психическое напряжение, они могут оказывать профессиональную помощь. Но деятельность бригады скорее напоминает работу с бывшими заложниками или работу с людьми, потерявшими близких; это своего рода срочная медико-психологическая помощь. То есть мобильная бригада оказывает срочные реабилитационные меры, и ее работа не ориентирована на постоянное сопровождение процесса адаптации и службы в экстремальных условиях.

Полугодовые командировки являются неприемлемо затяжными с точки зрения большинства милиционеров, а также членов их семей. Милиционеры переживают за своих близких, которые в течение этого периода остаются без поддержки главы семьи, а сами семьи живут в условиях информационного дефицита⁴⁷ и страха за своих мужей. И те и другие в течение всего этого периода испытывают чувство повышенной тревожности. Среди жен милиционеров распространена точка зрения, что ждать сложнее и тяжелее, чем все это время находиться вдали от семьи. Некоторые считают, что для них было бы правильнее поехать с мужем вместе. Во время отсутствия главы семьи семья нуждается в психологической поддержке, но, как правило, ее не получает⁴⁸.

На практике психологи помогают семьям в организации отправки посылок в Чечню, иными способами стараются обеспечить связь между семьей и мужем. «Мы взаимодействуем, мы письма собираем, передаем... Они письма приносили, бандероли. Либо мы машину заказывали, объезжали, собирали. Т.е. мы с отделом кадров старались постоянно взаимодействовать, чтобы до всех все вовремя доходило, все же переживают, естественно. Они также мне на сотовый, допустим, позванивали. И сами сотрудники оттуда позванивали, и я там была уверена, что у них там все живы-здоровы. Они узнавали, что у нас в отделе нового. Им приятно, что они знают, что у нас тут нового, что о них тут помнят. Если у кого-то день рождения, я поздравляю»⁴⁹. Не умаляя значения этой работы, отметим, что это не психологическая работа в точном смысле слова, а скорее деятельность, которой обычно занимаются социальные работники.

Как следует из этого и других интервью, собственно психологической работой с семьями во время отсутствия мужа, а также с милиционерами, когда они находятся в Чечне, психологи не заняты.

Профессиональная психологическая помощь в Чечне оказывается мобильной группой психологов из Ханкалы, но эта помощь носит характер кратковременный. В остальном, психологи отрядов являются либо рядовыми милиционерами, выполняющими тот же объем задач, как и все остальные милиционеры, либо сотрудниками кадровой службы, которых могут использовать для того, чтобы формально ликвидировать проблемы дезадаптации на стадии их открытого проявления, отправив сорвавшегося сотрудника обратно в регион, либо медиками, использующими примитивные медика-

⁴⁷ Эта проблема стала менее острой с тех пор, как на территории Чечни появилась доступная мобильная связь (т.е. после 2005 г.)

⁴⁸ О семьях и их проблемам в связи с командировками подробнее см.: Шепелева О. Семьи ветеранов: до и после командировок.

⁴⁹ Из интервью с психологом РОВД. Алтайский край.

ментозные средства для снятия напряжения. Работы по адаптации к условиям службы в Чечне, по снятию коммуникативных проблем, по психологической поддержке милиционеров и т.п., практически не ведется.

Милиционеры возвращаются в регионы, не разобравшись в том, какой опыт они получили во время службы в Чечне и как быть с этим опытом в дальнейшей своей профессиональной деятельности. Многие задаются вопросом, ради чего их отправили в Чечню, что они там делали, за что они рисковали, и не находят ответов. В результате демотивация к профессиональной деятельности очень часто сопровождает дальнейшую работу милиционеров в органах внутренних дел⁵⁰.

Психологическая служба в посткомандировочный период

В соответствии с требованиями МВД, по возвращении из командировки все милиционеры должны пройти психологическое обследование и быть направлены в реабилитационный отпуск в санатории системы МВД.

Как и в период формирования отряда и его подготовки к командировке, посткомандировочное обследование делится на два этапа. Сначала милиционера обследует по месту службы психолог отдела, потом он получает направление в ЦДП и на военно-врачебную комиссию.

Психологи отделов проводят тестирование на основе тех же методик, которые они используют при отборе кандидатов в командировку. Приобретенный милиционерами навык заполнения тестов не принимается в расчет. Использование одних и тех же методик практикуется для того, чтобы иметь возможность сравнивать результаты докомандировочного периода с посткомандировочным и анализировать динамику психологического состояния милиционеров. Повторные замеры с помощью тестов должны осуществляться еще дважды: по прошествии полугода и года после командировки⁵¹. «Эти тесты проводятся с целью отследить наличие изменений у сотрудников. При этом результаты каждого теста сравниваются с результатами предшествовавшего тестирования»⁵².

После тестирования с милиционерами проводится беседа, в ходе которой выясняются их пожелания относительно содержания реабилитации. Некоторые психологи предпочитают тестирование откладывать во времени на период после отдыха милиционеров. «Я как бы стараюсь в первые дни чисто беседами, стараюсь тестами сильно не грузить. Они очень тяжело воспринимают, тем более что все в бумажном варианте. Только после того, как они выходят после отдыха, тогда уже начинаю работать. И то, говорят, ты замучила, да я нормальный»⁵³.

По результатам тестирования и бесед с ветеранами психолог готовит заключение, в котором дает свою оценку психологического состояния милиционера и его потенциала реадaptации после службы, а также рекомендации в отношении реабилитационных мер, необходимых милиционеру. После этого психолог вручает ветерану направление на обследование в ЦДП.

В ЦДП ветераны проходят повторное тестирование и обследование, в случае необходимости медики центров психодиагностики и врачи, входящие в военно-врачебные комиссии, направляют милиционеров на медицинскую реабилитацию. Как правило, такая необходимость возникает, когда милиционер был ранен в командировке, серьезно травмирован, контужен. В сущности, таких милиционеров отправляют на лечение в гос-

⁵⁰ Подробнее о проблеме демотивации см.: Браиловская К. Причины, по которым милиционеры едут в командировку в Чечню.

⁵¹ При этом следует отметить, что многие сотрудники ОМОНа живут по схеме «полгода в Чечне, полгода дома», и годичного разрыва между командировками в их случае не получается.

⁵² Из интервью с психологами ГУВД. Нижегородская область.

⁵³ Из интервью с психологом РОВД. Алтайский край.

питаль. В случае если стационарного лечения не требуется, а милиционер нуждается в специализированной медицинской помощи, ему могут рекомендовать пройти обследование и лечение у врачей-специалистов в поликлинике УВД.

Например, с точки зрения психологов центров психодиагностики, ветеранам часто может требоваться помощь у наркологов и психотерапевтов. Но именно этих специалистов нет в поликлинике УВД, где сотрудник обслуживается и куда он может получить направления от ЦДП. Ставка нарколога была сокращена, а психотерапевты, как правило, не идут в такие поликлиники из-за низкого уровня зарплаты. «У нас отсутствует врач-психотерапевт. Мы, к сожалению, не можем проводить психотерапию. И вот это звено в нашей работе как бы выпадает. Ситуация усугубилась еще и тем, что из самой больницы УВД уволился врач-психотерапевт. Врач эта перешла на работу в "Скорую помощь", где зарплата выше. Еще одна есть у нас большая проблема – это сокращение должности нарколога. А ситуация какая? В органах внутренних не должны служить сотрудники, склонные к злоупотреблению спиртным. А раз не должны служить, то не должно быть и такого специалиста – так рассуждает начальство. Но это же – абсурд. Ведь проблема злоупотребления спиртным сотрудниками "органов", к сожалению, есть. Есть сотрудники, которых надо направить на лечение. Но направить их к своему специалисту мы не можем...»⁵⁴ Отметим, что обрисованные причины сокращения ставки нарколога вызывают по меньшей мере недоумение, а по большому счету противоречат здравому смыслу.

Как было указано выше, программа реабилитации, которая разработана в МВД и распространяется на всех милиционеров, состоит из двух компонентов: медицинского и психологического. Медицинский компонент предполагает реабилитационное лечение, психологический компонент – психологическую помощь в процессе адаптации после командировок и восстановительные процедуры. Реабилитационное лечение назначается по результатам обследования военно-врачебной комиссии и, соответственно, предлагается не всем милиционерам, а в зависимости от наличия медицинских показаний в каждом конкретном случае.

Психологический компонент реабилитации заключается в помощи, которую оказывает психолог по месту работы милиционера, а также в обязательном отдыхе после командировок. Отдых заключается в 10-дневном реабилитационном отпуске и в обычном отпуске, который образуется за счет работы в выходные дни в Чечне.

Милиционеров направляют в реабилитационный отпуск фактически сразу же после их возвращения. Таково требование приказа МВД. «У нас как бы есть приказ, что мы в первые дни должны туда направить»⁵⁵ Оставшийся отпуск милиционерам предлагается провести по их усмотрению. Например, они могут воспользоваться услугами санаториев и домов отдыха системы МВД и подать рапорт на предоставление путевки. Но в реальности многие проводят «набежавший» отпуск дома с семьей. Нежелание сотрудников ехать в санатории часто объясняется как сложностями взять с собой членов семьи и желанием после долгого отсутствия побыть дома, так и неудовлетворенностью качеством санаторных учреждений МВД и сложностями с получением действительно хороших путевок⁵⁶.

Медицинский компонент реабилитации развит лучше, поскольку возник намного раньше, чем психологический, и опирается на сеть учреждений, в которых наработан опыт реабилитационного лечения. «В госпитале врачи очень хорошие. Они могут поставить на ноги»⁵⁷. Реабилитация в госпиталях предполагает не только лечение ранений, но также и восстановительные процедуры, направленные на восполнение ресурсов организма. Медицинский компонент реабилитации опирается на опыт врачей системы МВД.

⁵⁴ Из интервью №2 с психологом УВД. Тверская область.

⁵⁵ Из интервью с психологом РОВД. Алтайский край.

⁵⁶ Подробнее об этих проблемах см. в рамках данной главы в подразделе «Реабилитационный отпуск».

⁵⁷ Из интервью с женой бойца ОМОНа. Нижегородская область.

Психологический компонент реабилитации не имеет такой институциональной поддержки. Психологическая служба является достаточно молодой и испытывает на себе все проблемы периода становления. Например, в Республике Адыгея отсутствует координирующий центр, работают только психологи на местах. Такое положение дел позволило психологу республиканского УВД в ответ на вопрос, когда была создана психологическая служба, сказать, что психологической службы в республике как таковой нет⁵⁸.

Многие психологи, работающие в МВД, не имеют необходимого опыта работы именно с милиционерами. Квалификация психологов, по их же признанию⁵⁹, пока остается невысокой. В госпиталях работают опытные врачи, но в санаториях и домах отдыха, куда направляют в рамках обязательного реабилитационного отпуска милиционеров, не имеющих «видимых признаков» необходимости лечебной реабилитации, должны работать психологи. Теоретически такая работа ведется, но ее организация не позволяет психологам рассчитывать на ощутимый результат своих усилий. «Сейчас обсуждается, что туда (в санатории. – А.Н.) нужно стационарного психолога. У меня проблема была. Я приехала, люди (милиционеры, вернувшиеся из командировки. – А.Н.) все разные, незнакомые, дали 75 человек. Обещали 30. Я думала, что с ними делать? Что хочешь, то с ними и делай. Они на тебя смотрят, что будет дальше. Чем ты сможешь их занять, так и делай»⁶⁰.

Неразвитость психологической службы на фоне профессионализма лечебных учреждений МВД создает такую ситуацию, в которой получить хотя бы какие-то реабилитационные услуги можно только на базе медицинских учреждений МВД. Но доступ к реабилитационному лечению и восстановительным медицинским процедурам ограничен.

Во-первых, количество мест в госпиталях МВД существенно меньше, чем количество ветеранов. Дефицит расчетных мощностей госпиталей в сочетании с необходимой длительностью реабилитационного лечения заставляет на практике отказывать многим ветеранам в лечении и принимать в основном тяжелых пациентов – раненых милиционеров, получивших направление военно-врачебной комиссии.

Во-вторых, в каждом регионе существуют госпитали для ветеранов войны, которые не относятся к системе МВД. Именно там, наряду с госпиталями МВД, очень качественно поставлена реабилитация, но оказывается она пенсионерам системы МВД, а не действующим сотрудникам.

Для того чтобы действующий сотрудник милиции мог получать стационарную помощь в госпитале ветеранов войны, милиционерскому руководству нужно приложить дополнительные усилия и договориться с руководством «гражданских» госпиталей. Проблема в том, что действующие сотрудники МВД не имеют общегражданского полиса медицинского страхования, что позволяет отказывать им в лечении в «гражданских» госпиталях. «Система ФСБ, МВД, ГУИН не имеют страховки. Все зависит от того, подпишет ли командир, начальник медицинской службы или врач направление в госпиталь»⁶¹. «Есть гражданские организации. Им идут бюджетные средства, и мы с ними договариваемся, изыскиваем возможности и направляем к ним людей. Например, неврологический госпиталь ветеранов войны есть в Нижнем Новгороде и Дзержинске»⁶².

Получается, что доступ милиционера к качественной медицинской реабилитации и восстановительному лечению существенно ограничен из-за дефицита мест в госпиталях МВД и сложностей устройства милиционеров в «гражданские» госпитали, которые не относятся к системе МВД.

Более того, получить стационарное лечение в системе МВД не так просто и по причине личного фактора – подпишет или нет начальник медицинской службы направ-

⁵⁸ Из интервью с психологом республиканского МВД. Республика Адыгея.

⁵⁹ Подробнее о квалификации психологов см.: Новикова А. Психологическая служба МВД.

⁶⁰ Из интервью с психологом РОВД. Алтайский край.

⁶¹ Из интервью со специалистом реабилитационного центра. Алтайский край.

⁶² Из интервью с психологами ГУВД. Нижегородская область.

ление. Кроме направления от начальника медицинской службы требуется ходатайство руководителя подразделения, в котором служит милиционер.

В-третьих, доступ к прохождению медицинской реабилитации затруднен действующей на практике системой принятия решений по поводу ее необходимости в каждом индивидуальном случае. Как уже было сказано выше, рекомендации относительно содержания реабилитации разрабатывает психолог, опираясь на результаты тестов и беседы с ветераном. Во время беседы психолог узнает, в каком подразделении служил милиционер в Чечне. «Мы выясняем, в каком подразделении сотрудник проходил службу, каков был характер служебных заданий, которые он выполнял в командировке. Более спокойная служба в хозчасти или выполнение боевых заданий»⁶³.

Если оказывается, что милиционер формально служил «более спокойно», не в огневом взводе, то его шансы получить рекомендацию к прохождению реабилитационного лечения сразу понижаются. Без такой рекомендации не появится и ходатайства к медицинской службе от начальника отдела, в котором служит милиционер. То есть на практике действует грубый и формальный критерий, исходя из которого в медицинской реабилитации нуждаются те, кто участвовал в боевых операциях. Этот критерий не учитывает того, что многие милиционеры, которые формально не должны были выполнять боевых задач, в действительности оказывались в Чечне в ситуации риска и весь период службы переживали стресс от понимания иллюзорности своей безопасности. «По телевизору неправду говорят, что там все нормально. Я был в должности участкового. Мы были в Гудермесе. Работал в составе временного отдела. Мы должны были обучать чеченскую милицию. Мы там отрабатывали материал, проводили зачистки, ну и если откуда-то гранату кинули, туда пустишь пару очередей. Попал не попал – кто знает. Я научился обращаться с оружием, растяжки обезвреживать и устанавливать. Может пригодиться, ведь жизнь у нас криминогенная. Все время было спокойно, а в последние месяцы в Чечне – мандраж. У нас два человека погибли. Машину взорвали, и они погибли»⁶⁴.

Вслед за ветеранами многие начальники отделов милиции скептически оценивают декларируемый «спокойный» характер обстановки в Чечне. «Говорят мирно, а передают, то там кого-то убили, от этого ведь никто не застрахован. Конфликт сильно затянулся»⁶⁵.

Некоторые психологи не ставят знак равенства между частотой боестолкновений и глубиной и сложностью психического состояния ветеранов. «Открытое столкновение всегда предпочтительнее. "Лучше тигр в пустыне, чем змея в камышах". Тишина все же вещь обманчивая. Конфликт не разрешен, конфликт из горячего состояния перешел в притухшее»⁶⁶. Большинство ветеранов конфликта по своему восприятию происходящего в Чечне оказываются как раз в ситуации постоянной, но неочевидной опасности.

Многие ветераны указывали на формализм и коррумпированность в подходе МВД к установлению фактов участия в боевых операциях, в целом в оценке специфики службы в Чечне. В МВД действует система, которая требует подтверждения участия в решении боевых задач. Например, милиционеры были официально отправлены на выполнение конкретной задачи, заведомо сопряженной с боестолкновениями. В таком случае, милиционеры могут подтвердить «боевые» дни соответствующим приказом. Обычная же работа по проверке паспортного режима сейчас получает оценку дежурных обязанностей по поддержанию общественной безопасности. Такой подход совершенно не учитывает реального характера службы в Чечне.

Официальное признание окончания боевой фазы конфликта в Чечне привело к тому, что служба милиционеров в Чечне стала рассматриваться как рутинное исполнение своих обязанностей, не требующее серьезного реабилитационного вмешательства

⁶³ Из интервью с психологами ГУВД. Нижегородская область.

⁶⁴ Из интервью с участковым милиционером. Нижегородская область.

⁶⁵ Из интервью с начальником РОВД. Алтайский край.

⁶⁶ Из интервью с психологом ГУВД. Алтайский край.

после возвращения милиционеров. В соответствии с такой логикой закономерно, что большинству милиционеров на практике предлагается отдохнуть после командировки, на чем реабилитационные мероприятия можно считать исчерпанными.

Надо отметить, что медицинская реабилитация может быть только частью реабилитационной программы, а не заменять собой другие реабилитационные услуги. По логике МВД психологическая служба, работающая в районных отделах, должна помогать милиционерам после командировки справляться с проблемами реадaptации, снимать напряжение и в том числе социально реабилитировать милиционеров. Вполне возможно, что многим милиционерам ни к чему проходить курс медицинской реабилитации, но им может требоваться психологическая поддержка и помощь. А в контексте тех проблем, которые испытывает психологическая служба, пока рано говорить о том, что после возвращения из командировок ветераны могут рассчитывать на психологическое сопровождение и помощь в процессе реадaptации. «Когда у человека есть какие-либо изменения – их откорректировать в личностной структуре, что-то поменять достаточно сложно или надо заниматься этим достаточно плотно, что в наших условиях нереально. Либо, допустим, я не знаю, какой уровень мастерства должен быть»⁶⁷.

«Если что-то проводить, то бегаю, бегаю, собираю у кого телевизор, у кого видеомагнитофон, так, чтобы нам отдельно, – у нас такого ничего нет. Вот только мой кабинет и все, поэтому очень сложно какую-то коррекцию проводить. Невозможно. Очень тяжело. Компьютера тоже нет. Я, единственное, пользуюсь в кадрах, но и то только какая-то документация. То бланки распечатать. А так, чтобы я человека посадила на какой-то тест – я не могу пользоваться. Поэтому у нас с этим сложно. Я поднимала этот вопрос, ну, сказали, что будем надеяться, что что-нибудь получится»⁶⁸.

Установленный обязательный минимум – отбор кандидатов в командировку и обследование возвратившихся милиционеров после командировки и отправка их в санатории – нередко формирует основную деятельность психологов МВД, направленную на ветеранов конфликта. Так получается на практике, несмотря на усилия психологов, предпринимаемые с целью оказать ветеранам собственно психологическую помощь, и соответствующее функциональное требование к психологической службе, закрепленное в приказе № 770. «Помочь масштабно я не могу. На местах мы им (милиционерам. – А.Н.) помочь не можем глобально, только сгладить. Я таких иллюзий не строю»⁶⁹.

Помимо нерешенных проблем с обеспечением психологической службы, ненадежной репутации, недостатком квалификации и т.д., попытки психологической службы систематически работать с ветеранами конфликта наталкиваются на ограничения, созданные тем же приказом. Согласно последнему, психологи несут большое число обязанностей по кадровой работе, а психологическое сопровождение милиционеров просто перечислено в числе закрепленного функционала. «Все идет периодами. Вот есть такой период – выпускаются выпускники, приходят в подразделения, надо посмотреть процесс адаптации выпускников вузов. В большей степени занимаешься этим. Потом раз, по разрядке, у нас идет смена подразделений на территории Северо-Кавказского региона – занимаешься подготовкой отряда, отрабатываем, кто поедет, как обстоят дела с медицинской комиссией, сама психологическая подготовка, также проводы отряда, такая комбинация – посадили в поезд и отправили, все. Возвращаются другие – отслеживаем их реабилитацию. То есть мы сами их не реабилитируем, а у нас уже более такая пролонгированная реабилитация. То есть отследить во времени психоэмоциональное состояние, когда он уже в подразделение приходит после тех мероприятий, которые медицинский отдел проводит, или после отпуска. И вот так оно все меняется»⁷⁰.

На практике это создает ситуацию, когда психологи не успевают заниматься ветеранами, поскольку вынуждены обеспечивать отчетность по другим направлениям ра-

⁶⁷ Из интервью с психологом ГУВД. Алтайский край.

⁶⁸ Из интервью с психологом РОВД. Алтайский край.

⁶⁹ Из интервью с психологом РОВД. Алтайский край.

⁷⁰ Из интервью с психологом ГУВД. Алтайский край.

боты. «Что чаще всего приходится делать? – Да, оно в принципе все понемногу, потому что у нас отчетность, естественно, мы должны определенные нормативы нарабатывать, поэтому приходится заниматься и отбором учащихся»⁷¹. Период отбора кандидатов на обучение в вузах МВД или на работу в органах внутренних дел может совпасть со временем возвращения милиционеров из командировки. Психологическая реабилитация, даже тот минимальный объем, который на практике могут предлагать психологи, откладывается во времени или не происходит вовсе, при этом «если бы негативные впечатления от войны были бы проработаны до или сразу после – это бы не имело таких последствий»⁷².

Как было сказано ранее, милиционеры проходят тестирование, после чего их направляют в ЦДП на повторное обследование. Использование тестирования как основного метода работы превращает психологическую службу в своего рода мониторинговый центр, который способен отслеживать наиболее явные проявления дезадаптации. Выявленные таким образом милиционеры рекомендуются к прохождению лечения. Но это означает лишь то, что психологическая помощь безнадежно опоздала и ситуация этих милиционеров запущена до такой степени, что фиксируется самыми грубыми инструментами. Фиксация открытых проявлений дезадаптации при групповом тестировании указывает на то, что задачу по предупреждению проблем дезадаптации психологическая служба не выполняет.

Более «тонкие» случаи неуязвимы для тестирования. Они требуют кропотливой и индивидуальной работы с каждым милиционером как на стадии выявления психологических проблем, так и при их коррекции. «Если они (милиционеры. – А.Н.) чисто индивидуально приходят, значит, мы там уже смотрим, какая проблема. Некоторые заходят. Я применяю методику дебрифинга, разговорного такого варианта. Это внимательно нужно очень слушать, не перебивая, чтобы человек высказался. У них в этом нужда есть... Они приносят фотографии, рассказывают. Даже иногда тест не покажет то, что их волнует. В тесте все равно. Они уже чувствуют, как надо ответить, они уже тесты знают как облупленные. Т.к. тесты в основном не меняются, поэтому у них как от зубов отскакивает. А когда вот так вот побеседуешь, все равно какой-то акцент человек сам делает на то, что его действительно волнует»⁷³.

В целом психологическая работа по восстановлению психологического здоровья милиционера эффективна тогда, когда она систематическая и индивидуализированная. Достичь такого уровня и качества работы с милиционерами психологам МВД не удастся. Более того, упомянутая система отчетности делает индивидуальную работу невыгодной, т.к. эта отчетность основана на количественных критериях оценки психологической работы, которые не могут адекватно учитывать качество этой работы.

Пока преобладают групповые методы работы. Но не групповая терапия, которая с точки зрения специалистов⁷⁴ может быть крайне эффективной в случае ветеранов конфликта, а просто одновременная работа психолога с группой милиционеров. Она чаще всего приобретает форму лекционных занятий, на которых психолог учит милиционеров техникам дыхательной гимнастики и другим способам самопомощи. «Книжечка у нас была выпущена. По организации работы с этой категорией. Там и рецептики травяного набора, то что элементарно, то, что может помочь, техники точечного массажа»⁷⁵. Фактически речь идет о восстановительных техниках, и психологическая служба

⁷¹ Из интервью с психологом РОВД. Алтайский край.

⁷² Из интервью с психологом ГУВД. Алтайский край.

⁷³ Из интервью с психологом РОВД. Алтайский край.

⁷⁴ Об этом, в частности, много говорила психолог из Тверской области. Такой же точки зрения придерживается Пажильцев И.В., психотерапевт, подготовивший диссертационное исследование на тему «Психологические особенности личности сотрудников спецподразделений МВД России – участников контртеррористической операции на Северном Кавказе и их психотерапевтическая коррекция». На правах рукописи.

⁷⁵ Из интервью с психологом РОВД. Алтайский край.

пытается восполнить отсутствие всеобщего доступа к помощи, оказываемой в рамках медицинской реабилитации в лечебных учреждениях МВД.

При этом запрос на эффективную психологическую службу имеется, особенно среди жен ветеранов. «Психолог ему нужен, им всем нужен, чтоб помог им. Настоящий, специалист. Он ведь ничего не рассказывает, не может довериться, и не пойму я, ничем помочь не смогу. Специалист нужен. У них ведь как – перед Чечней медкомиссия, но он-то уже ехать настроился и просто говорит: “Здоров”. Когда возвращается, скажет что-то, ну, там, поясница болит, и это подлечат. А психологи вообще с ними не работают. Ну, при каждом подразделении есть, конечно, только не умеют они ничего и не делают. Это ж все девочки блатные сидят. Я вам точно говорю, я ж сколько в эмвэдэшной поликлинике работала лет, медработник я... И он мне тоже говорил: “Они сопливые совсем, девчонка такая сидит, что ж я ей рассказывать что ли буду”. В ветеранском госпитале там настоящие психологи есть, но он туда попасть не может, он ведь не на пенсии, не инвалид, а если не на пенсии, то только своя поликлиника, а там нет ничего! Пенсионерам, значит, помогать нужно, а служащим нет! И им так необходимо! У них вся психика подорвана! А женам тоже необходимо! Вот мы все какие! Ведь женам-то как приходится? Ведь с ума просто сходим! А никто ничего не предлагает!»⁷⁶

В условиях становления психологической службы, когда психологическое сопровождение ветеранов является редкостью и скорее исключением, доступ к восстановительному лечению может ограничиваться лишь в минимальной степени, а предусмотренные возможности для отдыха должны исполняться в полной мере. «Эти медицинские программы были бы очень большим подспорьем. Потому что здесь я, на месте, такую помощь оказывать не могу»⁷⁷.

Реабилитационный отпуск

Отпуск, который в обязательном порядке предоставляется милиционерам после командировки, длится 10 дней. В соответствии с приказом № 895 особый характер службы дает право на получение дополнительных 10 дней к ежегодному оплачиваемому отпуску. Реабилитационный отпуск не может быть заменен денежной компенсацией. Таким образом, следуя предписаниям нормативных актов, сотрудник должен отдыхать⁷⁸.

К этим десяти дням добавляются набежавшие за полугодовой период отгулы, так как официально в период командировки в Чечню у милиционеров отсутствуют выходные. Некоторые милиционеры плюсут реабилитационный отпуск, отгулы и очередной отпуск и в результате отдыхают около трех месяцев. Но не многим это удастся, и не все милиционеры, по ряду причин, связанным с проблемами социальной адаптации, стремятся к такому продолжительному отдыху⁷⁹.

Программы медико-психологической реабилитации подразумевают, что реабилитационный отпуск проводится на базе лечебно-восстановительных учреждений МВД. «В течение года после возвращения из командировки сотрудникам выделяют путевки в ведомственные санатории отдыхать или лечиться»⁸⁰. Милиционеру предоставляется бесплатная путевка, а также оплачивается проезд в обе стороны. Реабилитационный отпуск можно провести с семьей, и члены семьи имеют право на льготные расценки.

Психологи отделов прилагают усилия, чтобы мотивировать вернувшихся из командировок милиционеров воспользоваться правом на бесплатную путевку в санато-

⁷⁶ Из интервью жены бывшего омоновца, сейчас сотрудника ГАИ. Нижегородская область.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Подробнее о нормативных требованиях к реабилитационному отпуску и восстановительному лечению см.: Сухарева О. Правовое регулирование реабилитации сотрудников органов внутренних дел – ветеранов чеченского конфликта.

⁷⁹ Стремление некоторых милиционеров к самоизоляции на рабочем месте см.: Браиловская К. «Социальная карьера ветеранов».

⁸⁰ Из интервью с начальником Отделения психологической работы ГУВД. Нижегородская область.

рии, где и предполагается недельный отдых в счет реабилитационного отпуска. «Мы же направляем в первые дни буквально после командировки. Мы должны направить его в этот центр. Недовольство в том, что они (милиционеры. – А.Н.) настолько друг другу уже надоели – вот эти вот лица, им хочется сменить обстановку. А приходится опять же в той же среде. Они – я не поеду, побуду дома. Я говорю – ну надо, для тебя же лучше. Нет, говорят, не поеду, мне надоели эти рожи, не хочу туда ехать. Ну, давай с семьей, – нет, лучше тут, ну давайте отсрочим. Т.е. с большим боем нам приходится заказывать эти путевки»⁸¹. «Ну, лучше всего куда-нибудь съездить с семьей, отключиться и отдохнуть. В санаторий, чтобы не здесь даже, не в крае, а за пределы края, чтобы тебя никто достать не мог, чтобы ни одной знакомой рожи»⁸².

При этом сами психологи признают, что условия в ведомственных санаториях непривлекательны для отдыха. «Из отдыха, если честно, там у них глушь. Если только сам организуешь что-то: выезды, походы. Если они там предлагают выезд, то это за плату определенную. Она уже в эту путевку не входит. Так он стоит на островке, тут три домика – персонал живет и все. Особо там ничего такого нет. Ну, условия, если честно, то там, конечно, не фешенебельные номера»⁸³.

Условия пребывания в санаториях приобретают ключевое значение, если учесть, что как таковых системных, продуманных программ реабилитации там не действует. Ветеранам доступны восстановительные процедуры, например, электросон для снятия нагрузки, массаж, фитотерапия. «А так широкого выбора нет. Я считаю, смотрели бы врачи, и какую-то программу они бы разработали, специфическую. А так у них никакой программы нет. Программы у всех разные»⁸⁴. Если ветераны и едут в такие учреждения, то, как правило, для того, чтобы «просто отоспаться, просто отдохнуть».

Нежелание милиционеров отправляться сразу по приезде домой в реабилитационный отпуск связано также с банальной усталостью от дороги. Ведь часто дорога домой занимает неделю. Поэтому «сильно далеко не хотят ехать – это дорога опять, это мотыляться. Это я туда доеду, что толку пока я оттуда буду четыре дня на поезде трястись. Их это тоже не развлекает»⁸⁵.

Многие ветераны «из под палки» соглашаются на поездки в санатории, т.к. не считают нужным тратить средства скудного семейного бюджета на сомнительный отдых, тем более что многие поехали в командировки именно за пополнением этого бюджета. «Путевки на семью там предлагают, но они, во-первых, и стоят. Точную цифру сказать не могу, но ни разу не решался ехать, не хватало денег. Шибко-то никаких программ реабилитации не предлагали, а вот в приказном порядке в «Катунские зори» всех отправляли. Прямо, я даже специально подходил к командиру спрашивал, разрешите я эти десять дней лучше в деревне проведу, помогу там что-нибудь родителям. Нет и все, надо ехать туда. Ну там такая же, точно такая же деревня, но вдоль деревни текет река. На которой стоит санаторий. Но единственное, только что там кормят пять раз в день и все»⁸⁶.

Многим хорошо известно, что из себя представляет пребывание в санаториях, и даже предлагаемые восстановительные процедуры, в принципе востребованные ветеранами, не пересиливают их нежелания. Проблема не только в том, что милиционеры за полгода устают от одного и того же окружения, но и в том, что отдых в санаториях скучный, однообразный, оставляющий только возможность к неформальным посиделкам. Часто на практике все заканчивается неумной выпивкой. «Реабилитационный отдых построен на системе санаториев МВД. Но это не реабилитация, когда они всем отрядом приехали, потом часть этой группы попадает вместе на реабилитацию, там они

⁸¹ Из интервью с психологом РОВД. Алтайский край.

⁸² Из интервью №2 с милиционером. Алтайский край.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Из интервью с психологом РОВД. Алтайский край.

⁸⁵ Из интервью с психологом РОВД. Алтайский край.

⁸⁶ Из интервью №4 с бойцом ОМОНа. Алтайский край.

начинают "присаживаться на горло"⁸⁷. «Главное, чтобы реабилитационный отдых не превратился в коллективную пьянку»⁸⁸.

Здесь срабатывает простой социальный механизм. Оказавшись в привычном коллективе людей, с которыми тебя связывает не просто времяпрепровождение, а эмоциональные переживания опасностей службы, совместное общение обречено на «военные воспоминания» и повторные переживания. В лучшем случае такие застолья заканчиваются сильным опьянением, в худшем – механизмы социальной сплоченности выливаются в привычные стереотипы поведения. В случае ветеранов конфликта это «профессиональное» поведение, привычное для этого коллектива и усвоенное за время службы в Чечне. «Ну, приехали мы в этот санаторий. Напились и пошли защищать соседний поселок. Еле замяли уголовное дело»⁸⁹.

Мерой, способной предупредить превращение реабилитационного отдыха в коллективные воспоминания с соответствующими негативными последствиями, является разобщение группы ветеранов и отправка их в разные места для прохождения реабилитационного отдыха. Но МВД не может пока этого реализовать на практике. Санаториев мало, реабилитационных центров еще меньше. «Например, приехал отряд в 60 человек ОМОНа. Как можно разбросать ребят?»⁹⁰.

Помимо реабилитационного отпуска и восстановительного отдыха, ветераны могут рассчитывать на льготные путевки в санатории системы МВД. Но таких путевок выдается ограниченное количество, и они квотируются по группам. Большая часть отдается пенсионерам МВД, небольшая квота (5%) выделена для бойцов ОМОНа и милицкого спецназа, для сотрудников органов внутренних дел, выполняющих задачи в Северо-Кавказском регионе, специальный резерв путевок не предусмотрен, несмотря на указание о «первоочередном порядке» их выделения⁹¹.

Поэтому необходимо приложить усилия для получения такой путевки – «занятие просто изматывающее»⁹². Нередко путевка выделяется в зимний период или так, что не учитываются реальные возможности семьи поехать именно в этот период. В целом, среди ветеранов распространено мнение, что хорошие путевки и в нужное время выделяются руководству, а не милиционерам, вернувшимся из полугодовых командировок. Некоторые ветераны, не желая напрасной траты сил, предпочитают получить компенсацию от МВД за неиспользованную путевку.

Но такая компенсация по своему номиналу в разы меньше, чем в средняя стоимость путевки в обычный санаторий. И получая компенсацию, ветераны просто плюсуют ее к своему доходу, тем самым отказываясь от полноценного отдыха. Зная сложности с получением путевок в дома отдыха, некоторые руководители сами сразу же предлагают милиционерам отказаться от этой затеи в пользу денег. Такой подход свидетельствует о реальном отношении руководства к необходимости полноценной реабилитации.

Возможности семейного отдыха крайне ограничены, а те, что предоставляются, как правило, оцениваются женами ветеранов со знаком минус. Некоторые обоснованно резки в своих оценках. «После последней, самой тяжелой командировки ему путевку дали под Туапсе. Нет, правда, ему совсем бесплатно, мне со скидкой и сыну со скидкой. Ой, думаю, на море же отдохнем наконец, ведь счастье такое... Мы на машине своей туда приехали. Специально за сутки приехали, думали, лучше в машине одну ночь переночуем, зато комнату нормальную получим, если, значит, приехать заранее. Приезжаем, а нам говорят: "Что, бесплатная путевка? А нет у нас семейных номеров. Будете отдельно жить". Он, значит, с пятью мужиками в одной комнате, я с женщинами, ну и сын,

⁸⁷ Из интервью со специалистом реабилитационного центра. Алтайский край.

⁸⁸ Из интервью с бывшим психологом РОВД. Приморский край.

⁸⁹ Из интервью с бывшим омовцем. Нижегородская область.

⁹⁰ Из интервью со специалистом реабилитационного центра. Алтайский край.

⁹¹ О порядке прохождения медицинской реабилитации подробнее см.: Сухарева О. Правовое регулирование реабилитации сотрудников органов внутренних дел – ветеранов чеченского конфликта.

⁹² Из интервью с психологом ГУВД. Алтайский край.

значит, где-то на подселении. Он был белый весь, тряся просто, так кричал! Ну, они испугались, наверное, все-таки дали комнату потом, но это такое унижение страшное! Больше никогда не поедem, если предложат»⁹³. Отсутствие реальной возможности для совместного проживания и семейного отдыха ставит под сомнение саму идею семейной реабилитации.

Подневольность реабилитационного отдыха, стремление избежать поездки в санаторий сразу после приезда, сложности и несправедливость в распределении путевок создают ситуации, когда многие ветераны проводят отпуск дома, без какой-либо специализированной поддержки со стороны МВД. «Ну, не было у меня ничего. Я приехал в отпуск и все. У меня была такая мысль, думал, может, пригласят куда подлечиться в поликлинику или где-то с кем-то побеседовать, но даже... ничего. Дома отсыпался и все»⁹⁴.

Часто бывает, что вернувшимся из командировок милиционерам нужно сразу же выходить на службу. «С этим-то вообще тяжело. Бывает, и сразу после командировки, после последней как раз здесь, ну я, все кто в санаторий, кто куда, и кому-то надо было выходить. И вот я дней через пять после командировки вышел сразу и работал месяц, пока все отдыхали. Правда, мне потом за это дали отдохнуть. Но работать было некому, во-первых, здесь отряд сам себя поменял, не Бийские поехали, а сами себя заменили. Народу вообще никого не было. И пришлось вот так. Потом еще вызвали парней, нас отправили, новых вызвали. И вот так круговорот получился»⁹⁵.

* * *

Потребности подразделения ставятся выше, чем необходимость полноценного отдыха и реабилитации. Логика реабилитационного процесса подразумевает, что сотрудник милиции, получивший опыт службы в экстремальных условиях, требующих больших психических и физических резервов человека, без серьезных, в том числе временных, потерь для правоохранительных органов включается в работу после командировки. В идеале реабилитационный период должен быть сведен к минимуму с той целью, чтобы не нарушать размеренного порядка работы милиции в регионе. Такая же установка доминирует среди психологов. «Если мы будем работать на опережение, нам не придется потом так тотально напрягаться, чтобы всех реабилитировать или реадaptировать. Люди должны ехать подготовленные к условиям, не надо опыты проводить на выживание: "Сейчас всех высадим на эту кочку на полгода, а потом заберем и посмотрим, как вы у нас будете, и реабилитировать будем..." Это не тот вариант»⁹⁶.

Длительный срок командировки сводит на нет многие усилия психологов. Зачастую, психологическая служба пытается улучшить на практике процесс до- и посткомандировочного сопровождения милиционеров, но часто это сопряжено с преодолением позиции руководства, которое считает, что «действующей системы совершенно достаточно, проблем нет»⁹⁷, с плохим обеспечением службы, когда психолог не может воспользоваться выделенным из Москвы оборудованием для проведения телесно-ориентированной терапии, а также проблемами повышения собственного статуса в глазах милиционеров, завоеванием доверия среди них.

Подчеркнем, что при решении этих вопросов психологи фактически все равно остаются сослуживцами ветеранов, что делает практически невозможным эффективную психологическую работу с каждым из них. Условия работы отделения, нагрузка на милиционеров, приоритет оперативно-служебных задач и пр. оставляют психологам мало времени на собственно профессиональную деятельность. Многие это понимают и воз-

⁹³ Из интервью с женой бывшего омовца, сейчас сотрудника ГАИ. Нижегородская область.

⁹⁴ Из интервью №2 с милиционером. Алтайский край.

⁹⁵ Из интервью №4 с бойцом ОМОНа. Алтайский край.

⁹⁶ Из интервью с психологом ГУВД. Алтайский край.

⁹⁷ Из интервью №1 с начальником РОВД. Республика Коми.

лагают надежды на медицинскую реабилитацию, доступ к которой ограничен, а система направления милиционеров – формальна и забюрократизирована.

Милиционеры вынуждены справляться с проблемами дезадаптации самостоятельно, опираясь на свои истощенные ресурсы и находя стихийные способы реабилитации. В лучшем случае они опираются на неформальную поддержку сослуживцев, своих друзей и семей и могут рассчитывать на восстановительное лечение после командировки. В худшем – остаются наедине со своими проблемами.

Психологическая служба все еще находится в стадии становления. При ее дальнейшем развитии целесообразно учесть все те препятствия, из-за которых оказание психологической помощи в существенной степени затруднено, а психологическая работа с милиционерами, направленная на проработку опыта Чечни, – практически невозможна. В контексте развития психологической службы представляется особенно важным учесть рекомендации психологов, работающих на местах.

В краткосрочной перспективе необходимо открывать реабилитационные центры, в которых милиционеры могут получать все виды необходимой помощи. «На уровне МВД надо задуматься и развивать свои собственные реабилитационные центры, а не пользоваться гражданскими»⁹⁸. Помимо этого, целесообразно выводить психологическую службу из системы МВД или, по крайней мере, развивать связи с «гражданскими» психологами.

В тех центрах, которые уже действуют, необходимо изучать накопленный опыт и разрабатывать комплексные программы реабилитации, направленные именно на ветеранов чеченского конфликта. «Этот центр существует, значит, там должно быть усовершенствовано, чтобы там им было интересно, чтобы они были чем-то заняты. Естественно, какая-то программа должна быть. Потому что то, что там предлагают, я считаю, недостаточно. Должны быть созданы центры именно психологической реабилитации сотрудников, служивших в Чеченской Республике. И до командировки, и после командировки»⁹⁹.

В санаториях системы МВД, куда направляют милиционеров в рамках обязательной медико-психологической реабилитации, должен на постоянной основе работать психолог и разрабатывать программы реабилитации. «В центрах и санаториях должен быть стационарный психолог. Должны быть разработаны программы, а не так, что каждый психолог приехал с группой, и каждый кто во что горазд»¹⁰⁰.

Очевидно, что нужно уменьшить сам срок командировки. Сохранение полугодового срока будет существенно усложнять и удорожать процесс реабилитации, требовать больших усилий со стороны психологов, при том что уверенность в наступлении положительного эффекта останется низкой из-за необратимого характера влияния такого срока на сотрудников.

Психологическая работа по решению проблем адаптации требует индивидуального подхода. «Что касается реабилитации – не так всех под одну гребенку грести, а чисто индивидуальный подход»¹⁰¹. «Необходим индивидуальный подход, мы же реабилитируем конкретного человека»¹⁰².

Необходимо разработать программы семейной реабилитации. «Разработать курсы для семей, для жен, допустим, как себя вести, как действовать, как встречать». И индивидуализировать работу с каждой семьей. «У каждой семьи должен быть свой психолог»¹⁰³.

Отдельного решения требует вопрос по преодолению проблем, связанных с ведомственным характером психологической службы и ее принадлежности к Управлению

⁹⁸ Из интервью со специалистами психологической службы ГУВД. Нижегородская область.

⁹⁹ Из интервью психолога РОВД. Алтайский край.

¹⁰⁰ Из интервью психолога РОВД. Алтайский край.

¹⁰¹ Из интервью психолога ГУВД. Алтайский край.

¹⁰² Из интервью №1 с психологом ОВД. Республика Коми.

¹⁰³ Из интервью №2 с психологом ОВД. Республика Коми.

кадров. Большинство психологов считают, что необходимы серьезные структурные изменения, которые на практике должны привести к независимости психологической службы. Так, с точки зрения психологов из Адыгеи и Алтайского края, психологическую службу необходимо выводить из состава МВД. Другой позиции придерживается психолог из Тверской области, предлагая сделать психологическую службу самостоятельным подразделением. Но если реализовать второй вариант, то можно добиться независимости службы внутри МВД, но не преодолеть ведомственного характера. Пока среди психологов отсутствует единая точка зрения на позитивный сценарий развития службы. Но за короткий срок своего существования уже накоплено столько проблем, что психологи говорят о необходимости серьезных изменений.

Семьи ветеранов: до и после конфликта

Ольга Шепелева,
Центр «Демос» (г. Москва)

Большинство сотрудников милиции, служивших в Чечне, являются людьми семейными. Для многих семья занимает важное место в жизни, а ее благополучие становится предметом постоянных переживаний. Многие изначально пошли на службу в милицию, потому что в условиях безработицы, которую до сих не удалось преодолеть во многих российских регионах, устройство на службу в правоохранительные органы было наиболее доступным способом решить проблему материального обеспечения семьи.

Семейная жизнь ветеранов складывается по-разному. У некоторых ее в реальности нет, т.к. служба в милиции, зачастую требуя полной вовлеченности сотрудника, превращается в образ жизни. Перегрузки, ненормированный рабочий день и другие особенности службы не позволяют сотрудникам милиции поддерживать многочисленные и разнообразные личные контакты за пределами рабочего коллектива. Часто ветераны, будучи семейными, являются таковыми номинально. У других – семьи устойчивы, и семейная жизнь насыщена событиями и переживаниями.

Как бы на практике ни складывалась семейная ситуация, изменения, происходящие с сотрудником милиции в связи с его профессиональной деятельностью, оказывают прямое влияние на членов его семьи и на семейные отношения. Семьи милиционеров вынуждены переживать и длительное отсутствие отправленного в командировку главы семейства (с 2002 года сотрудники милиции командировались в Чечню на полгода), и изменения в его поведении после возвращения из командировки.

В свою очередь, уравновешенная семейная жизнь (пусть даже обедненная эмоционально) помогает ветерану легче справиться с неизбежными проблемами после командировки. Семейная ситуация в той или иной степени определяет психологическое состояние милиционера и тем самым влияет на его профессиональную деятельность, которая «предъявляет повышенное требование к нервно-психической сфере сотрудника»¹.

Как заметил один из опрошенных сотрудников милиции: «Когда знаешь, что дома ждут, дома любят, и работать веселее»². Семья приобретает значение как условие успешной реабилитации ветерана и, таким образом, создает предпосылки для дальнейшей эффективной работы сотрудника. С точки зрения психологов МВД, «для тех, кто такой поддержкой (семьи. – О.Ш.) не обделен, и сама командировка, и период реабилитации проходит, если и не гладко, то более эффективно, чем у тех, кто лишен такой поддержки со стороны близких своих»³.

После возвращения из командировок многие ветераны начинают острее воспринимать ценность своей семьи. Но в отсутствии реабилитации и поддержки извне даже такие чувства к близким и семье недостаточны для преодоления тех проблем, с которыми большинство ветеранов сталкивается после возвращения из командировок. Зачастую цена такого «провала» – распад семьи.

Благополучие семьи ветерана, посткомандировочная семейная ситуация ветерана и, в целом, семейный фактор должны учитываться руководством МВД как при организации командировок сотрудников в горячие точки, так и при развитии программ реабилитации для вернувшихся из командировок сотрудников.

¹ Из интервью с психологом УВД. Тверская область.

² Из интервью с сотрудником милиции. Республика Коми.

³ Из интервью с психологом УВД. Тверская область.

* * *

Реабилитация, нацеленная не просто на ветерана, а на ветерана в контексте его семейной ситуации, должна исходить из разнообразия семей и быть основана на дифференцированном подходе к сопровождению каждой нуждающейся в поддержке семьи. Единообразный подход к семьям разных типов может существенно снизить эффективность реабилитационных программ.

Материалы исследования позволяют предложить несколько типов современных ветеранских семей, а также обозначить основные их проблемы. На практике, конечно, семейная жизнь не укладывается в жесткие рамки типологий, но мы вынуждены прибегнуть к подобному схематизму для систематического взгляда на проблему.

Типы семей ветеранов

Среди семей, включенных в исследование, были как семьи с детьми, так и бездетные семьи. Наличие детей или планы завести детей в ближайшем будущем влияют на решение сотрудником милиции вопроса об участии в командировках. Кроме того, семьи с детьми иначе переживают период нахождения главы семейства в командировке и период адаптации, следующий за его возвращением. Как отметил один из специалистов по реабилитации ветеранов боевых действий: «Те дети, которые выросли в эту войну, которые начали говорить, пошли в школу, я говорю про ОМОНовских, СОБРовских детей, у нас есть еще спецназ, они очень сильно отличаются, и этой проблемой еще никто не занимался»⁴.

Среди респондентов в рамках исследования были как супруги, состоящие в зарегистрированном браке, так и пары, не оформившие официально свои семейные отношения. Особенно много сотрудников милиции, состоящих в незарегистрированном браке, было выявлено при опросе в Республике Коми. Создается впечатление, что незарегистрированные семьи не менее устойчивы, чем семьи, связанные узами официального брака, и также нацелены на рождение и воспитание детей. Например, одна из пар на момент опроса состояла в незарегистрированном браке восемь лет и имела ребенка⁵. Другая пара, пока бездетная, прожила вместе четыре года⁶. Показательно, что не только женщины, но и мужчины, отвечая на вопросы исследователей о семейном положении, уверенно называли свой незарегистрированный брак семьей. То есть основным отличием семьи от других форм отношений между мужчиной и женщиной является совместное проживание и ведение общего хозяйства, а не регистрация в государственных органах.

В рамках исследования были выявлены семьи, в которых оба супруга являются сотрудниками органов внутренних дел. Основная проблема этих семей – ограниченные возможности для общения, совместного проведения досуга и занятия семейными делами. Как сообщила одна из опрошенных: «Мы работаем в разные смены и все. Два [дня] через два мы работаем по 12 часов, он в роте, а я в другой, то есть нас так распределили, что мы не попадаем... Фактически вообще не видимся: он спит, (а я ему мешать что ли буду?), потом встает, одевается – и на работу»⁷.

Вместе с тем для таких супругов характерно взаимное понимание ограничений и сложностей, связанных с профессиональной деятельностью. По мнению одного из опрошенных психологов, семьи, где оба супруга служат в милиции, более крепкие: «У нас в отделе очень много милицеевских семей, где муж и жена – милиционеры, и практически такие семьи не распадаются»⁸. Представляется, что такие семьи легче воспринимают

⁴ Из интервью с работником центра социальной реабилитации. Алтайский край.

⁵ Из интервью с женой сотрудника милиции. Республика Коми.

⁶ Из интервью с женой бойца ОМОНа. Алтайский край.

⁷ Из интервью с женой сотрудника милиции. Республика Коми.

⁸ Из интервью с сотрудником психологической службы РОВД. Республика Коми.

необходимость командировок в Чечню. Например, одна из опрошенных жен сотрудников милиции, тоже работающая в органах внутренних дел, сказала, что сама хотела бы поехать вместе со своим мужем в Чечню: «Значит, вместе поедем – я как кинолог поеду, он как водитель».⁹

Для многих семей, вне зависимости от того, есть ли у них дети, один или оба супруга работают в системе МВД, зарегистрирован брак официально или нет, характерны одни и те же основные проблемы.

Во-первых, это проблемы, связанные с нехваткой финансовых средств. Интервью с бывшими и действующими сотрудниками милиции и их женами показывают, что значительное число семей испытывают финансовые затруднения. В некоторых случаях тяжелое материальное положение семьи отчасти компенсируется помощью со стороны родственников (чаще всего – родителей одного или обоих супругов). Вместе с тем ряд семей сотрудников милиции не только не получают поддержки от родственников, но сами несут ответственность за престарелых родителей, за разведенных сестер с детьми и т.д. «Отца уже не было. Умер. Мать – учительница. Ничем помочь не могла, сестра училась. Деньги за мою работу нужны были всем»¹⁰.

Во-вторых, это проблемы, связанные с отсутствием приемлемого жилья. Многие семьи сотрудников милиции страдают от тяжелых жилищных условий: не имеют собственного жилья и вынуждены снимать квартиру или жить в общежитии, или теснятся в маленькой квартире с другими родственниками, или не могут накопить средства для ремонта и приведения в порядок имеющейся жилплощади. Например, по оценкам психолога одного из отделов внутренних дел Республики Коми, 80% семей сотрудников этого отдела вынуждены снимать жилье¹¹. А начальник одного из районных отделений милиции в Тверской области сообщил следующее: «Проблемы с жильем есть у многих наших сотрудников. Из 140 человек личного состава отдела 25 живут в общежитии, кто-то квартиры снимает, кто-то живет хоть и в своей квартире, но тесно»¹². При этом жилищная проблема является актуальной не только для молодых семей. Например, семья сотрудника, проработавшего в милиции 12 лет и 5 раз ездившего в командировки в Чечню, живет в таких условиях: «И квартира это не наша, свекрови. В этой комнате мы втроем с сыном все время жили (комната пенал – три метра в ширину и шесть в длину), а свекровь в той, она еще меньше. Сейчас свекровь умерла, так мы сына в ее комнату поселили, ему 18 почти»¹³.

Финансовые и жилищные трудности являются важным фактором с точки зрения влияния как на семейное общение в целом, так и на отношение к командировкам в «горячие точки», которые нередко рассматриваются как возможность решить материальные проблемы семьи: «Люди возвращаются, приобретают квартиры, машины, потому что все равно сумма намного увеличивается»¹⁴.

Но несмотря на значимость материальных факторов, реакция семей сотрудников органов внутренних дел на командировки в «горячие точки» и влияние семей на процесс реабилитации в большей степени зависит от степени доверительности внутрисемейных отношений, наличия или отсутствия конфликтов и т.п. Исходя из материалов полевого исследования (интервью с действующими и бывшими сотрудниками милиции, а также с их женами), семьи сотрудников милиции можно условно разделить на три типа.

Один из типов – это «семья-партнерство», для которой характерен диалог супругов, их равное участие в решении проблем семьи, внимание членов семьи друг к другу. Например, в таких семьях муж без возражений берет на себя часть домашних обязанностей и обязанностей по уходу за детьми, если у жены напряженный рабочий график

⁹ Из интервью с женой сотрудника милиции. Республика Коми.

¹⁰ Из интервью с бывшим бойцом ОМОНа. Республика Адыгея.

¹¹ Из интервью с сотрудником психологической службы РОВД. Республика Коми.

¹² Из интервью с начальником РОВД. Тверская область.

¹³ Из интервью с женой сотрудника милиции. Нижегородская область.

¹⁴ Из интервью с начальником РОВД. Республика Коми.

или если она получает образование: «Если я работаю, он, например, в выходной ужин приготовит всегда, там приберется, даже посуду помое, стирает, ну он стирает даже, знает свое дело, помогает»¹⁵. Супруги стараются проводить вместе свой досуг, отказываясь от развлечений, которые отвлекают их от семьи: «Если меня куда-то отдельно от семьи отрывают, там позовут или еще что-то, я стараюсь отказать. Я лучше буду с семьей, чем куда-то пойду»¹⁶. В таких семьях каждый партнер признает тяготы, которые испытывает другой и ценит заботу о себе. Например, один из опрошенных бойцов ОМОНа высказался о своей жене так: «Очень поддерживает, только она и поддерживает. Пошла на рынок трусами торговать, чтобы выжить, детей поднять, я ей доверяю как себе и даже больше, она для меня все»¹⁷.

Другой тип семьи можно охарактеризовать как «кооператив по выживанию». Яркой иллюстрацией такой семьи является интервью жены вышедшего на пенсию бойца ОМОНа. Описывая переживаемые семьей трудности (низкие заработки, большое количество иждивенцев, страх потерять работу, сложности с ремонтом квартиры), она неоднократно повторяла: «Вот так вместе и выживаем... Выживаем пока»¹⁸. При анализе интервью с членами таких семей создается впечатление, что согласие между ними в большей степени обусловлено не взаимным доверием и интересом друг к другу, а необходимостью кооперироваться для противостояния жизненным трудностям или соображениями комфорта. Такое отношение выразилось, в частности, в оценках, которые респонденты давали своим партнерам. Например, одна из опрошенных охарактеризовала свой брак: «Муж человек нормальный – не пьющий и, надеюсь, не гуляющий. Поэтому есть за что держать»¹⁹. Из интервью с членами таких семей следует, что диалог и равное участие супругов в принятии решений для таких семей менее характерны, чем для «семьи-партнерства».

Третий тип – это семьи с внутренним конфликтом, который сказывается не только на степени доверительности в отношениях между супругами, но и на способности семьи успешно распределять обязанности между членами семьи, решать финансовые вопросы и вопросы воспитания детей.

Участие семьи в принятии решения о командировке

Отъезд главы семейства в длительную и опасную командировку может существенно изменить жизнь его семьи. Возможность обсудить решение о командировке в «горячую точку» и соотнести ее с семейными событиями и планами имеет большое значение как для самого сотрудника милиции, так и для его родных.

Интересно, что различия между описанными выше типами семей сотрудников милиции достаточно ярко проявляются на стадии обсуждения планов поехать в командировку в зону контртеррористической операции. В ходе опроса выяснилось, что для некоторых сотрудников желание поехать в командировку связано с проблемами семейных отношений или с усталостью от домашней рутины. О таких случаях, в частности, рассказывали психологи, работающие с сотрудниками милиции: «У меня был один сотрудник – он хотел разрешить таким образом семейный конфликт, но мы постарались не пустить. Он сам просился. У него сложная семейная ситуация – у него была ситуация бегства, чем дальше, тем лучше. Чтоб не решать то-то, уеду, а вы что хотите – делайте»²⁰.

¹⁵ Из интервью с женой сотрудника милиции. Республика Коми.

¹⁶ Из интервью с сотрудником милиции. Республика Коми.

¹⁷ Из интервью с бойцом ОМОНа. Республика Адыгея.

¹⁸ Из интервью с женой бывшего бойца ОМОНа. Республика Адыгея.

¹⁹ Из интервью с женой сотрудника милиции. Тверская область.

²⁰ Из интервью с психологом РОВД. Алтайский край.

В семьях, в которых существуют конфликты или отсутствует диалог между супругами, решение поехать в командировку в Чечню не обсуждается. «Я очень хотел поехать потому, что я там денег заработал, ну и характер там можно было проверить. Жена не хотела. Но у нас дома я как скажу, так и будет. Что мне слушать ее?»²¹ В некоторых случаях, желая избежать семейной дискуссии о необходимости ехать в командировку, сотрудники сообщают родным о принятом решении накануне отъезда: «Я узнал (что выбран участвовать в командировке. – О.Ш.) раньше. Да, я сказал (с семье. – О.Ш.) даже не за неделю, а дней за 5. Пришел, принес форму. Спросили: это что? Я сказал, что так и так, это мое решение и обратного пути нет, потому что командировочные я получил уже. Вот и все. Истерик не было. Какие истерики? Я принял решение»²².

Таким образом, по результатам исследования, в семьях типа «кооператив по выживанию» и в семьях с внутренними конфликтами мужа просто ставят своих родных в известность о командировке, не только не объясняя необходимость такой поездки, но даже не особенно задумываясь о чувствах и отношении членов семьи к этой новости: «Как родственники отнеслись, я даже и не знаю. Я просто их поставил перед фактом»²³.

С другой стороны, в семьях партнерского типа мужа-милиционеры могут обсуждать со своими женами возникшее желание поехать служить в «горячую точку» и принимать совместное решение. Например, одна из участниц опроса описала процесс обсуждения вопроса о командировке мужа: «Когда он ехал в первую командировку, то мы сознательно с ним решили, что надо ехать. Во-первых, это надо было в плане карьерного роста. Со второй командировкой ситуация повторилась с точностью, как говорится, до запятой. Тоже неудобно было не поехать! Муж очень дорожил своей репутацией, и я его понимала»²⁴.

Вместе с тем даже в «семьях-партнерствах» мужа не всегда находят в себе силы советоваться с родными до принятия решения о поездке в Чечню, поскольку заранее предвидят негативное отношение семьи к этой идее. Однако, после того как решение о командировке уже принято, они стараются убедить родных не волноваться: «Конечно, никто не хотел, чтобы я ехал туда. Но я пытался их успокоить, как-то убедить. Само собой, это было сложно, да, наверное, у меня и не получилось, потому что ... наверное, ни у кого не получится убедить свою семью, что будет спокойно на войне и что я приеду в целости и сохранности, живым то бишь»²⁵.

Результаты опроса показывают, что осознанное и согласованное с семьей решение о службе в «горячей точке» увеличивает способность сотрудника милиции переносить тяготы командировки. А его родные имеют больше возможностей подготовиться к тем сложностям, с которыми они могут столкнуться в отсутствие отца и мужа.

Вместе с тем сотрудник милиции не всегда принимает решение об участии в командировке добровольно. О невозможности отказаться от командировок в ходе интервью сообщали не только рядовые сотрудники милиции и их жены, но и сотрудники психологических служб и начальствующий состав органов внутренних дел: «Туда должны люди ехать в добровольном порядке, но едут они в другом порядке – приказом»²⁶.

В том случае если мнение милиционера не учитывается при принятии решения о направлении его в командировку, обсуждение вопроса о поездке внутри семьи практически не ведется – оно лишено смысла. Он лишь сообщает членам своей семьи о планируемой поездке. Исходя из данных интервью, семьи тяжело воспринимают известие о командировке, особенно если сотрудника милиции направляют в «горячую точку» в первый или второй раз. Как сообщила супруга одного из сотрудников милиции: «Когда

²¹ Из интервью с бывшим сотрудником милиции. Нижегородская область.

²² Из интервью с бывшим сотрудником милиции. Республика Коми.

²³ Из интервью с сотрудником милиции. Тверская область.

²⁴ Из интервью с женой бывшего сотрудника милиции. Тверская область.

²⁵ Из интервью с сотрудником милиции. Республика Коми.

²⁶ Из интервью с начальником РОВД. Тверская область.

узнала, что по жребии должен ехать и мой муж, то я была первое время в шоке. Я в истерике ходила в отдел кадров, там меня успокаивали. Я была в шоке: почему? У нас свадьба была в августе 2000 года, а в феврале 2001-го он уезжал в командировку. Мы прожили с ним буквально полгода. Я, конечно, очень отрицательно относилась к этой командировке»²⁷.

Если сотрудник милиции придает значение эмоциональным реакциям и переживаниям своей жены, что характерно для семей партнерского типа, он нередко просто боится сообщить об этом своим родным. «Больше всего он этого боялся. И боялся сказать мне и маме. Мама узнала еще позже. Ну, две ... две-три недели, не могу точно сказать. Мама узнала позже. Уже маме я сказала – он не мог»²⁸. Некоторые пытаются скрыть от родных, что едут в Чечню: «Я обычно скрывал, что еду в командировку, говорил, что еду на учения, но по приезду домой все это раскрывалось»²⁹.

В тех случаях, когда командировки в Чечню становятся регулярными (это характерно для бойцов ОМОНа и других спецподразделений), реакция семьи на известие о новой командировке несколько притупляется. Многократно бывавшие в таких командировках омовцы во время интервью говорили, что их семьи «смирились» с неизбежностью таких поездок. Тем не менее, заботясь о родных, они стараются как-то подготовить семью к своему отъезду. «Обычно стараешься постепенно готовить, говоришь ей о долге, который, кроме нас, никто не исполнит, это моя работа, моя профессия, стараешься морально подготовить. Если все распланировано и командировка не экстренная, стараешься задолго сказать, что вроде как, может быть, готовить. Я каждый раз свою семью готовил по-разному. Иногда можно поставить перед фактом, конечно, но жалко ведь...»³⁰

Но как бы сотрудник милиции ни старался морально подготовить своих родных к отъезду, приказной порядок направления милиционеров в командировку и обусловленное этим порядком отстранение семьи от участия в принятии решения о командировке снижает мотивацию сотрудника милиции и формирует у его семьи негативное отношение к службе в правоохранительных органах.

Семьи в период командировки

Независимо от того, была ли отправка в Чечню добровольной и обсуждался ли вопрос о командировке с родными, командировочный период тяжело переживается семьей сотрудника милиции. В отсутствие мужа и отца семья может столкнуться с материальными и бытовыми сложностями. Например, один из опрошенных милиционеров так описал положение своей семьи во время своего пребывания в Чечне: «Я уверен, что семье было очень тяжело. И морально, и, в принципе, и в финансовом плане, наверное, тоже было. Как бы, можно сказать, я считаюсь кормильцем. Не хочу это громко говорить, как говорится, но тем не менее так получается, что я – кормилец. И, как бы, трудности с деньгами у них были»³¹.

Женам уехавших в командировку милиционеров бывает очень нелегко в одиночку справиться со всеми бытовыми обязанностями. «Естественно, конечно, (не хватало. – О.Ш.) мужской силы...Мы вдвоем живем, ребенок маленький. На тот период у нас дача только появилась. В мае землю выдали – забросить ее тоже никак. Тогда и работы у меня не было, и ребенок – надо было в садик и..., конечно, тяжело тогда было и материально, и морально, физически»³². Особенно тяжело в отсутствие мужа прихо-

²⁷ Из интервью с женой сотрудника милиции. Тверская область.

²⁸ Из интервью с женой сотрудника милиции. Республика Коми.

²⁹ Из интервью с сотрудником милиции. Республика Адыгея.

³⁰ Из интервью с бойцом ОМОНа. Алтайский край.

³¹ Из интервью с сотрудником милиции. Республика Коми.

³² Из интервью с женой сотрудника милиции. Республика Коми.

дится беременным женщинам или женщинам с детьми. «А девчонки, я вот не знаю, как беременные ходят: она ни нагнуться, ничего не может, она вообще ничего не может, она здесь одна»³³.

В некоторых случаях, когда семья срочно нуждается в деньгах, женщина может получить помощь от руководства подразделения, в котором работает ее муж. «Муж поехал в командировку и оставил жену с двумя детьми. А так как жена находилась в отпуске по уходу за младшим ребенком, то жила она фактически на одну зарплату, и ей приходилось тяжело. Как-то я ее встретила, и она рассказала, что у нее на рынке украли кошелек и ей не на что жить. Я тогда пошла в отдел и сама разговаривала там с начальником финансовой части, просила, чтобы нашли возможность оказать помощь этой семье. И помощь, хоть и небольшую, оказали»³⁴. В некоторых случаях семья может попросить денег в долг по месту работы мужа: «Один раз, когда он был в командировке, я очень сильно нуждалась в деньгах, мне надо было две тысячи, сыну на маленькую операцию. Женя позвонил им, сказал, что жена нуждается в помощи, попросил, займите там или в счет зарплаты дайте, я приеду – рассчитаюсь. Да и они сразу откликнулись, выписали материальную помощь, привезли домой прям. Не то чтобы там, а в долг»³⁵.

Руководство подразделений внутренних дел иногда организует бытовую помощь семьям сотрудников милиции, которые находятся в командировке. «Материально, рабочей силой, вплоть до помочь посадить или выкопать картошку, привезти дров – нарубить дрова, привезти уголь – закидать уголь, как силами сотрудников, так и привлеченными силами»³⁶. В некоторых случаях руководство органов внутренних дел сообщает семьям, что в случае возникновения каких-то проблем они могут обращаться за помощью. «Нам еще перед отъездом, матери и мне сказали, что если нужна будет помощь, то обращайтесь, мол, поможем»³⁷.

Однако из интервью с женами сотрудников милиции и интервью с руководством органов внутренних дел следует, что активная помощь семьям со стороны органов внутренних дел скорее характерна для подразделений, находящихся в сельской местности. Жены сотрудников милиции, проживающие в городах, указывали на то, что помощь с работы мужа им не предлагалась и не поступала: «Но [помощь] только со стороны товарищей. Руководство занимается другими делами»³⁸. Такие женщины во время нахождения мужей в командировке чаще получают помощь в решении бытовых и материальных проблем от родственников (если те живут в том же населенном пункте и в состоянии оказать какую-либо поддержку). Иногда помогают друзья семьи, в том числе сослуживцы мужа: «Когда муж был в командировке, я ощущала поддержку со стороны своих знакомых, друзей семьи, так скажем. Вот, наверное, пожалуй, и все. Потому что со стороны родственников не было, я считалась самой сильной, мне, наоборот, родственники приходилось поддерживать, вот там мать его, которая чуть не до сердечного приступа, а со стороны друзей, сослуживцев – да, вот они поддерживали»³⁹.

Отсутствие гарантированной поддержки для семьи, боязнь не справиться с решением семейных проблем в отсутствие мужа становятся источником стресса и переживаний для жен сотрудников милиции. Одна из респонденток так описала эти переживания: «Вот уехал он – и все на тебе, ты одна совсем... С работы пришла, и в квартире, и ночью все думаешь... И все на тебе! Вот у меня ребенок, родители-инвалиды – случись что со мной, а его нет, и даже похоронить меня не смогут, ведь денег нет...»⁴⁰ Сами сотрудники милиции, находящиеся в командировке, также испытывают беспокойство о

³³ Из интервью с женой бойца ОМОНа. Алтайский край.

³⁴ Из интервью с женой сотрудника милиции. Тверская область.

³⁵ Из интервью с женой бойца ОМОНа. Республика Коми.

³⁶ Из интервью с начальником РОВД. Алтайский край.

³⁷ Из интервью с женой сотрудника милиции. Тверская область.

³⁸ Из интервью с женой сотрудника милиции. Республика Адыгея.

³⁹ Из интервью с женой сотрудника милиции. Алтайский край.

⁴⁰ Из интервью с женой сотрудника милиции. Нижегородская область.

ситуации в семье. «Самая главная проблема – это то, что сотрудник теряет возможность помогать семье в командировке»⁴¹.

В не меньшей степени семьи сотрудников милиции в период командировок страдают от разлуки с близким человеком, от беспокойства за его судьбу и благополучие. Жены сотрудников милиции так описывают период ожидания мужа из командировки. «Тянулись долго (три месяца командировки. – О.Ш.). Я считала часы, мне кажется. Хотя я работала – я считала каждый час. Да-а-а. Я такая эмоциональная. Я два дня вообще ходила... ранимая, я реву, у меня такие глаза...»⁴² «Время, когда он был в командировке 180 дней, я не хочу даже вспоминать! Я ведь дошла до того, хотела сама ехать в Чечню»⁴³. Стресс, переживаемый женами сотрудников милиции в период командировок, может привести к тяжелым последствиям. Например, в одной из обследованных семей во время командировки мужа у жены был выкидыш, и женщина полагает, что несчастье случилось из-за нервного напряжения и переживаний, вызванных отъездом мужа. «Я была беременна, и, может, из-за переживаний у меня начались проблемы со здоровьем, и меня положили на "сохранение". Но ребенка я потеряла... Врачи сказали так. "Ребенок был здоров – мама не выдержала"».⁴⁴

Переживания родных за уехавших в командировку сотрудников милиции усугубляются отсутствием информации об условиях, в которых находятся командированные, и от базовой нехватки информации о ситуации в Чечне. «Очень тяжело выносить эти командировки, потому что ожидание страшнее, чем пребывание там, потому что, во-первых, незнание обстановки, непонимание этого всего»⁴⁵.

Исходя из результатов опроса, родственники сотрудников милиции, пытаясь преодолеть информационный вакуум, стремятся получить сведения из разных доступных им источников. В первую очередь выручает общение с семьями других командированных. «От друзей, конечно, от жен сослуживцев (поступает информация об условиях прохождения командировки. – О.Ш.) – какие новости, мы всегда тут же звоним, говорим»⁴⁶. Вместе с тем такие контакты позволяют получить лишь пересказ сведений, полученных из других источников – из письменных или телефонных сообщений самих сотрудников милиции, находящихся в командировке, и отчасти из СМИ. Однако родственники сотрудников милиции не всегда уверены в достоверности сообщений СМИ. «То, что показывают по телевизору о Чечне – это не вся правда. Мне муж многое объяснил, разложил по полочкам... Он считает, что многое до сведения людей не доводят»⁴⁷. Кроме того, семьи полагают, что сами командированные склонны приукрашивать условия своей службы в Чечне, поскольку не хотят их волновать: «Он мне вообще ничего не рассказывает, не знаю. А если и рассказывает, то у них там все хорошо, как в турпоходе»⁴⁸.

Об условиях в командировке родственникам могли бы сообщать подразделения, чьи сотрудники были направлены в «горячие точки». Исходя из интервью с женами сотрудников милиции, отделы, в которых служат их мужья, доводят до семей некоторую информацию, но достаточно скудную. В частности, семьям сообщается о прибытии сотрудников к месту командировки: «Через две недели получили сообщение в отделе кадров, где он находится»⁴⁹.

Вместе с тем для семей сотрудников милиции эта информация часто недостаточна, и они хотели бы получать больше сведений от руководства органов внутренних дел. «Я сама поддерживала связь с отделением... Когда муж был в командировке, то у меня

⁴¹ Из интервью с психологом республиканского МВД. Республика Адыгея.

⁴² Из интервью с женой сотрудника милиции. Республика Коми.

⁴³ Из интервью с женой бывшего сотрудника милиции. Тверская область.

⁴⁴ Из интервью с женой сотрудника милиции. Тверская область.

⁴⁵ Из интервью с сотрудником центра социальной реабилитации. Алтайский край.

⁴⁶ Из интервью с женой бойца ОМОНа. Алтайский край.

⁴⁷ Из интервью с женой сотрудника милиции. Тверская область.

⁴⁸ Из интервью с женой бойца ОМОНа. Алтайский край.

⁴⁹ Из интервью с женой сотрудника милиции. Тверская область.

была практика как раз в РОВД. И я где-то что-то узнавала в отделе, как там в командировке. А другие семьи практически ничего не знали о своих близких... А ведь тогда постоянно передавали по телевидению, что-то там взорвали, то в другом месте, а то еще и кого-то убили. А нам никто не удосуживался сообщать, что с нашими близкими все в порядке. Вот и сидишь, думаешь, не моего ли там мужа убили? А когда спрашиваешь у начальства, что там и как, то смотрят на тебя как на дурачку. Начальство не считает нужным даже по-человечески разговаривать с близкими. А ведь когда не имеешь информации, то накручиваешь сам себя!»⁵⁰

Некоторые из опрошенных женщин сообщали о том, что их не ставили в известность о ранении мужа. «Узнала я чисто случайно...Город маленький. Информация просочилась, и я узнала чисто случайно, через его сослуживцев... Нет, никто не пришел, никто не сообщил [официально]. Узнала через посторонних людей. Я сама бегала, сама все узнавала, что, как и где. Долгое время не могла найти концов. Мне начальство говорило: "не беспокойтесь, такого не может быть! Мы бы первые об этом узнали". Хотя сами прекрасно знали, что мой муж был ранен. Только потом все выяснилось... Муж позвонил из госпиталя ...»⁵¹.

Семьи испытывают нужду не только в информации об условиях, в которых находится командированный в Чечню сотрудник милиции. Большое значение имеет поддержание эмоционального контакта с близким человеком. В общении с родными во время командировки нуждается и сам сотрудник милиции: «И в командировках их напрягало что? Отсутствие близких...»⁵². Как следует из интервью с сотрудниками милиции и их женами, руководство органов внутренних дел старается помогать находящимся в командировке сотрудникам милиции поддерживать контакт со своими семьями.

Существует, например, практика передачи видеосообщений: находящиеся в командировке сотрудники записывают на видео приветы родным, запись передается в подразделение, из которого были командированы милиционеры, после чего руководство подразделения организует для родственников коллективный просмотр видеосообщения или передает родственникам копии записей. Организуются запись и отправка видеосообщений родных сотрудникам милиции, находящимся в командировке. «Для жен в управлении стол, чаепитие собирали и снимали на камеру. Это была крайняя командировка, перед новым годом. Собрали жен с детьми, сняли все это на камеру – генерал ехал и так сделал видеописьмо, чтобы он отвез подарок»⁵³.

Респонденты указывали, что подразделения органов внутренних дел переправляют письма и посылки от родственников к находящимся в командировке сотрудникам и обратно. Вместе с тем передача писем и посылок происходит достаточно редко. «Вот тогда собирали в хозчасти МВД – там посылки, письма отправляли туда. Но это, по-моему, один раз было всего лишь. Может быть, в каждую смену по разу и бывало так, что отправляли что-то»⁵⁴.

Исходя из результатов опроса жен сотрудников милиции, разные подразделения органов внутренних дел по-разному подходят к организации передачи писем и посылок. В некоторых случаях должностные лица или психологи подразделения сами обзванивают семьи и сообщают о появившейся возможности что-то отправить: «Он, допустим, мне позвонит и скажет – вот собирается кто-то ехать из края, можно письма и посылки собрать... Вот в этом никогда без информации не оставляли»⁵⁵.

Подразделения органов внутренних дел не всегда учитывают семьи, не оформившие официально свои отношения. Например, одна из респонденток сообщила, что подразделение, в котором работает ее супруг, в период командировок не поддержива-

⁵⁰ Из интервью с женой сотрудника милиции. Тверская область.

⁵¹ Из интервью с женой сотрудника милиции. Тверская область.

⁵² Из интервью с психологом УВД. Тверская область.

⁵³ Из интервью с женой бойца ОМОНа. Алтайский край.

⁵⁴ Из интервью с женой сотрудника милиции. Республика Коми.

⁵⁵ Из интервью с женой сотрудника милиции. Алтайский край.

ло с ней связи, и добавила, что «поддерживало бы, наверно, если бы я была официально женой»⁵⁶.

В ряде подразделений вообще не проводится информирования семей о возможности направить корреспонденцию. «Нет-нет. Мы сами вызванивали, сами узнавали, когда посылку, потому что нам ничего не говорили»⁵⁷. Иногда из-за невнимания руководства процесс передачи посылки превращается в стрессовую ситуацию для семьи: «Я звоню к руководству, они мне – приезжай туда-то с этими вещами. Днем, значит. А это другой конец города, и у меня-то работа и свекровь больна, и я умоляю просто: “Может, сами заберете?” Они обещали как бы, а потом каждый день обманывали. Все не приезжают. Я им: “Колонна-то когда? В какой день?”. А они не знают как бы. А потом звонят вдруг и говорят, если через час там-то не будешь с вещами, уходит колонна. И я бегом, знаете, как я бежала, и мешок огромный, сапоги эти, и еще я ему собрала... Ой, даже не знаю, как успела!»⁵⁸

В ходе интервью многие жены сотрудников милиции упоминали, что руководство их мужей организует для них сеансы телефонной связи с мужьями. Специально организованных сеансов связи, как правило, недостаточно ни для сотрудников милиции, ни для их семей. Находящиеся в командировке милиционеры за свой счет пользуются местными переговорными пунктами. Однако поход в переговорный пункт может быть сопряжен с риском для жизни: «Ну, раз, ну, два, может быть, раза в месяц мне получалось звонить. У нас там недалеко был переговорный пункт, куда мы ходили группой, вооруженные. Одному нельзя было просто ходить»⁵⁹. Ситуация с телефонными переговорами несколько улучшилась тогда, когда на территории Чечни была налажена мобильная связь. Сотрудники милиции активно ею пользуются для поддержания контактов с семьей. «Во вторую командировку он поехал с сотовым телефоном, и, хотя связь также была плохая, мы могли разговаривать чаще»⁶⁰.

Семьи после командировок

Несмотря на все усилия по поддержанию контактов между находящимся в командировке сотрудником и его родными, длительная разлука неизбежно приводит к эмоциональному отчуждению членов семьи. «Сотрудник в командировке полгода на казарменном положении. Это накладывает отпечаток. К тому же, пока он там, здесь разные изменения происходят, к которым он должен по возвращении привыкать. У него другое восприятие, другие реакции. Разные реакции у мужа и жены»⁶¹. На эту проблему указывали в ходе интервью и сами сотрудники милиции. «После командировки, правда, пришлось заново привыкать к жене»⁶². Кроме того, за время, проведенное вне семьи, сотрудник милиции может отвыкнуть от своей социальной роли мужа и отца. «В командировках сотрудники живут своей субкультурой. Они теряют свои социальные связи, какое-то чувство реальности»⁶³.

Очевидно, что отчуждение между супругами зависит от времени, которое они прожили в отрыве друг от друга, то есть от срока командировок. Длительные командировки могут привести к распаду семейных отношений. Например, один из сотрудников милиции, который год работал в Чечне участковым, сообщил, что во время его пребывания там с ним развелась жена.

⁵⁶ Из интервью с женой сотрудника милиции. Республика Коми.

⁵⁷ Из интервью с женой сотрудника милиции. Республика Коми.

⁵⁸ Из интервью с женой сотрудника милиции. Нижегородская область.

⁵⁹ Из интервью с сотрудником милиции. Республика Коми.

⁶⁰ Из интервью с женой бывшего сотрудника милиции. Тверская область.

⁶¹ Из интервью с сотрудниками психологической службы УВД. Нижегородская область.

⁶² Из интервью с бойцом ОМОНа. Тверская область.

⁶³ Из интервью с начальником РОВД. Тверская область.

Но, даже если развода во время командировки не происходит, по мнению психологов, длительное (более трех месяцев) отсутствие мужа крайне негативно сказывается на семейных отношениях. Такого же мнения придерживаются и жены сотрудников милиции. «Я понимаю, что государство, быть может, как-то сэкономить решило, возможно, на дороге. Да это невозможно. Это настолько тяжело и травматично, полгода – это... да это приравнивается к какому-то сроку жизни прямо. Это для семьи какая травма! Для них какая травма! Полгода – это невозможно, три месяца – ну, куда ни шло»⁶⁴.

Интервью с психологами, с бывавшими в командировках сотрудниками милиции и с их женами показывают, что степень эмоционального отчуждения в семье зависит от того, каковы были семейные обстоятельства на момент отъезда в «горячую точку», и что пережила семья в отсутствие мужа и отца.

Для семей с внутренними конфликтами отъезд мужа в командировку нередко служит катализатором разрыва отношений: «Зависит от того, какими отношения были до командировки во многом. Если семья была на грани распада и, если вместо того, скажем так, чтобы что-то предпринимать, человек уезжает и бросает свою семью здесь в этот момент, то большой процент вероятности, что, приехав, он узнает, что остался без семьи»⁶⁵.

Однако и в семьях с нормальными взаимоотношениями могут возникнуть проблемы, если командировка мужа совпадает по времени с каким-то особенным периодом в жизни семьи, например, с медовым месяцем или с беременностью жены. У женщины, покинутой мужем в такой ситуации, может возникнуть острое чувство обиды. Эта обида может привести к разрыву семейных отношений. Например, в упомянутой в предыдущем подразделе семье, где у жены случился выкидыш во время командировки мужа, отношения ухудшились настолько, что супруги собрались разводиться⁶⁶. Работающие в органах внутренних дел психологи считают, что «нельзя отправлять в Чечню того, у кого есть проблемы в семье»,⁶⁷ «чтобы не отправляли сотрудника в командировку, когда у него тяжелая семейная ситуация, больные родители, допустим, жена беременная...»⁶⁸.

Вместе с тем из процитированных выше фрагментов интервью с женами сотрудников милиции следует, что семейные обстоятельства сотрудника далеко не всегда учитываются при принятии решения о его направлении в командировку. Фактически существующая практика недобровольного направления сотрудников милиции в командировки и увеличение срока командировок до шести месяцев ставят под удар семейную жизнь сотрудников органов внутренних дел. Некоторых сотрудников милиции, ставящих семью во главу угла, это вынуждает отказаться от работы в системе МВД.

Если семья дождалась возвращения сотрудника милиции из командировки, супруги сталкиваются с необходимостью преодолеть взаимное отчуждение, заново наладить свои отношения. «То есть у них как бы снова идет стадия привыкания, стадия адаптации»⁶⁹. Препятствиями на этом пути могут стать поведенческие, психологические и другие изменения, произошедшие с сотрудником милиции в период командировки.

Одним из таких последствий может быть развившаяся в командировке привычка к алкоголю. «У многих командировка – повод для того, чтобы начать пить или продолжить пить»⁷⁰. Злоупотребление спиртным приводит к конфликтам в семье. «После Чечни как муж приехал, проблемно, что стал выпивать. Это одна из проблем. А на почве выпивки – естественно, скандалы. Самая такая большая проблема»⁷¹. Специалисты от-

⁶⁴ Из интервью с женой сотрудника милиции. Алтайский край.

⁶⁵ Из интервью с психологом ГУВД. Алтайский край.

⁶⁶ Из интервью с женой сотрудника милиции. Тверская область.

⁶⁷ Из интервью с психологом УВД. Тверская область.

⁶⁸ Из интервью с психологом ГУВД. Алтайский край.

⁶⁹ Из интервью с психологом РОВД. Республика Коми.

⁷⁰ Из интервью с психологом УВД. Тверская область.

⁷¹ Из интервью с женой сотрудника милиции. Республика Коми.

мечают, что, кроме алкоголя, в период командировки сотрудник милиции может начать употреблять и наркотики⁷², что также приводит к семейным конфликтам. Специалисты указывали и на расстройства сексуального характера. «Из-за малоподвижного образа жизни в командировке, злоупотребления спиртным страдает физиология мужчины. А простатит вызывает уже нарушения эректильной функции, и т.д. и т.п. Отсюда и семейные проблемы...»⁷³

Не менее серьезными проблемами для родственников сотрудников милиции, побывавших в командировках в «горячих точках», могут стать психологические изменения, влияющие на способность человека к общению. Опыт, пережитый человеком в «горячей точке», затрудняет его контакты с людьми, подобным опытом не обладающими. «Они (сотрудники милиции. – О.Ш.) приезжают (из командировки. – О.Ш.), им кажется, что их не понимают, человек, который там не был, – он их не может понять. И в семье у них что-то возникает – ты там не была, не знаешь»⁷⁴. У некоторых развивается своего рода гордость, препятствующая адекватному восприятию чужих слов. «Он (ветеран. – О.Ш.) приезжает как герой, а жена ему говорит – вынеси мусор»⁷⁵. Жены сотрудников милиции, побывавших в командировках, указывали, что у мужа может проявиться агрессивность. «Раньше он был спокойный, рассудительный, более мягкий человек. Сейчас стал жестоким, грубым, неуравновешенным человеком»⁷⁶. Чаще же всего проблемой в семейных отношениях становится замкнутость и неконтактность сотрудника милиции. «А он часами перед телевизором сидит, перед собой смотрит, не говорит ничего, не шевелится. А по ночам дергается! Я сначала, ну, прыгала перед ним, развлечь пыталась, сю-сю, там. И ничего не помогает, будто не видит меня. Я уже потом на крик: "Я тоже человек! Ты не говоришь со мной даже!"»⁷⁷.

Семьям, переживающим внутренний конфликт, наиболее сложно преодолеть возникшие после командировки дополнительные сложности с общением. Ранее существовавшие проблемы во взаимоотношениях между супругами лишь усугубляются изменениями в поведении мужа, вызванными командировкой. Во многих случаях дальнейшее существование брака встает под вопрос.

Семьи типа «кооператив по выживанию» и семьи партнерского типа оказываются более устойчивыми, несмотря на возникшее отчуждение, поскольку в таких семьях ценность совместной жизни партнерами осознается. В ходе интервью члены семей обоим типам подчеркивали, что вернувшийся из командировки мужчина начинает больше ценить семью, больше работать на семью. «Командировки, наверное, могут влиять на изменение этих взглядов... У некоторых на первое место выходит семья как жизненная ценность. Разлуки в принципе способствуют или развалу семьи, или ее укреплению. Разумеется, я имею в виду небольшие по срокам командировки»⁷⁸.

Вместе с тем, как следует из результатов опроса, в семьях типа «кооператив по выживанию», в отличие от семей партнерского типа, не обсуждаются связанные с командировками изменения в психологии мужа и в характере отношений внутри семьи. Возможно, что супруги могут просто не осознавать возникшее эмоциональное отчуждение, поскольку они поглощены борьбой с материальными проблемами. Возможно, что отказ от обсуждения каких-либо вопросов, связанных с командировками в Чечню, – это неосознанная попытка избежать возникновения взаимных претензий и конфликта, который может негативно сказаться на способности семьи противостоять внешним трудностям. На такое предположение наводит, в частности, высказывание психолога о причинах незначительного числа разводов у находящихся под ее наблюдением семей

⁷² Из интервью с сотрудником центра социальной реабилитации. Алтайский край.

⁷³ Из интервью с психологом УВД. Тверская область.

⁷⁴ Из интервью с психологом РОВД. Алтайский край.

⁷⁵ Из интервью с сотрудниками психологической службы УВД. Нижегородская область.

⁷⁶ Из интервью с женой сотрудника милиции. Республика Коми.

⁷⁷ Из интервью с женой сотрудника милиции. Нижегородская область.

⁷⁸ Из интервью с психологом УВД. Тверская область.

сотрудников милиции: «В Сыктывкаре, может, женщинам намного легче выжить (без супруга. – О.Ш.) или где-то в больших городах, здесь у нас у каждой муж – это прежде всего хозяин вот этого огромного хозяйства»⁷⁹.

Вместе с тем отказ от осознания и обсуждения возникшего коммуникативного барьера и психологических проблем супругов может в дальнейшем привести к ухудшению семейных отношений. Особенно если часть материальных проблем семьи, стремление решить которые объединяет супругов, отпадет (когда подрастут дети, когда кто-то из супругов закончит образование и найдет более высокооплачиваемую работу и пр.). Кроме того, психологические проблемы у побывавшего в горячих точках сотрудника милиции, а следовательно, и сложности со взаимоотношением между супругами могут проявиться с течением времени. «Если говорить о посттравматическом стрессовом синдроме, то действительно он отсрочен во времени. И я слышала от психологов, что, возможно, в будущем этот синдром даст о себе знать»⁸⁰.

Напротив, в семьях партнерского типа оба супруга оценивают происходящие с каждым из них психологические изменения и способны говорить о возникших проблемах с общением. Более того, каждый из супругов стремится предпринять усилия для восстановления нормального эмоционального контакта.

Эти пары могут столкнуться с немалыми сложностями на пути преодоления возникшего эмоционального отчуждения из-за недостатка знаний о том, как правильно вести себя в период после командировки. «Психика должна отдохнуть, люди должны оттаять. К сожалению, не все жены понимают это. Вот, муж вернулся живым и здоровым, и им кажется, что все в порядке. А что он вспыхивает, что немотивированно грубит, это не так страшно. Некоторые жены даже чувствуют в некотором смысле себя виноватыми перед мужем. Как же? Они жили спокойной, привычной жизнью, а он, дорогой и любимый, там страдал»⁸¹.

Некоторые из опрошенных жен сотрудников милиции из семей разных типов в ходе интервью сообщили, что они хотели бы получать консультации психолога о том, как наладить отношения в семье после возвращения мужа из командировки. «Мне надо было бы к нему (психологу. – О.Ш.) сходить, чтобы лучше это все понять и по-другому к этому относиться. Может, действительно, надо как-то по-другому встречать из командировки?»⁸²

Действующие программы реабилитации и психологической помощи

Психологическая помощь семьям могла бы стать частью реализуемых МВД программ реабилитации вернувшихся из командировок сотрудников.

На сегодняшний день реабилитационные программы включают в себя направление вернувшегося из командировки сотрудника милиции в санаторий или дом отдыха вместе с семьей. При этом сотрудник милиции может рассчитывать на бесплатную путевку, а его жена и ребенок – на путевки по льготной цене. Но на практике концепция семейного отдыха в реабилитационный период реализуется с большим трудом.

Лишь небольшое число респондентов из числа сотрудников милиции и их жен сообщали, что им удалось без проблем и сложностей воспользоваться семейными путевками: «Я помню, собрали нас семей двадцать со всей России сотрудников ОМОНа, и поехали мы на Кипр. Не помню, в каком году это было. Я с женой поехал. Были там

⁷⁹ Из интервью с психологом РОВД, Республика Коми.

⁸⁰ Из интервью с психологом УВД, Тверская область.

⁸¹ Из интервью с женой бывшего сотрудника милиции, Тверская область.

⁸² Из интервью с женой сотрудника милиции, Тверская область.

неделю. Хорошо было, но мало, грубо говоря. Потом я слышал, что также на Кипр выезжал кто-то из наших еще раз»⁸³.

Отдых на Кипре – это неожиданное и приятное исключение из принятой практики. В основном семейный отдых предлагается в расположенных поблизости санаториях и домах отдыха. Но милиционеры и члены их семей не всегда могут воспользоваться путевками даже в ближайший дом отдыха. Например, из-за того, что жена сотрудника милиции не может получить по месту работы отпуск на тот период, на который предлагается путевка. «Длительный совместный отпуск после разлуки – какая женщина не мечтает об этом. Но в нашей стране женщина об этом может только мечтать. Во-первых, потому что она сама работает, во-вторых, она ведет домашнее хозяйство и воспитывает детей»⁸⁴. Однако проблемы такого рода при распределении путевок не учитываются.

Другие респонденты сообщали о том, что семейные путевки приходилось «выбивать», преодолевая различные бюрократические препоны. Например, одна из женщин сообщила, что ее семье удалось достать путевку за счет личных связей. «Мы съездили в Чехословакию. Но здесь я должна сказать, что помогли мои связи. Но, чтобы получить путевки в хороший санаторий, надо задействовать все связи. На УВД, насколько я знаю, выделяется недостаточное количество путевок. И часто они достаются не тем, кто в них остро нуждается»⁸⁵. Другая семья столкнулась с проблемой оплаты отдыха. «Мы в этом году первый раз съездили отдохнуть в санаторий, так мне пришлось идти к генералу на прием, чтобы выплатили компенсацию за проезд на самолете, хотя это положено вообще-то по закону о ветеранах и о милиции. Я лично брала на себя кредит, чтобы оплатить эти билеты, но пришлось идти к генералу, чтобы спустя восемь месяцев получить эти деньги»⁸⁶.

Часть сотрудников милиции отказывается от реализации права на отдых вместе с семьей, поскольку не имеет времени и сил на преодоление бюрократических барьеров. «Ну, я знаю, что можно съездить в отпуск в Сочи. Или еще куда-то. Но все это надо выбивать, в очереди становиться. И за свои деньги, и потом неизвестно, когда тебе их выплатят. Короче, никто туда и не едет»⁸⁷.

Кроме того, льготы по оплате семейного отдыха распространяются только на официально зарегистрированные семьи. «Людям дают на летний период путевки. Если в официальном браке состоят, то с семьей, с детьми»⁸⁸. В случае если брак не зарегистрирован, семья должна сама изыскивать средства на оплату отдыха супруги. «Паша сказал, что если бы мы были зарегистрированы, то могли бы ехать вместе. А так поехала за свой счет вместе с ним»⁸⁹. Поскольку многие семьи сотрудников правоохранительных органов испытывают финансовые трудности, у многих из них нет возможности обеспечить семейную реабилитацию за свой счет.

Сложности с организацией семейного отдыха приводят к тому, что сотрудник милиции вынужден либо проводить реабилитационный период в отрыве от семьи, либо отказываться от него вовсе, довольствуясь компенсацией за неиспользованную путевку. Однако, по мнению психологов, «семья имеет мощнейшее терапевтическое воздействие: человек там такой, какой он есть, не надо надевать маску»⁹⁰.

Исключение семьи снижает эффективность реабилитационных программ. Кроме того, падает мотивация сотрудника милиции к прохождению курса реабилитации, поскольку человек вынужден отрываться от семьи, по которой он соскучился за время ко-

⁸³ Из интервью с бойцом ОМОНа. Тверская область.

⁸⁴ Из интервью с женой бывшего сотрудника милиции. Тверская область.

⁸⁵ Из интервью с женой бывшего сотрудника милиции. Тверская область.

⁸⁶ Из интервью с женой сотрудника милиции. Алтайский край.

⁸⁷ Из интервью с женой бойца ОМОНа. Алтайский край.

⁸⁸ Из интервью с бойцом ОМОНа. Республика Коми.

⁸⁹ Из интервью с женой бывшего сотрудника милиции. Алтайский край.

⁹⁰ Из интервью с психологом РОВД. Республика Коми.

мандировки. «Сотрудник придет за направлением, а за дверью его жена ждет. В идеале, конечно, психолог должен работать с сотрудником, когда он вернулся из командировки и отдыхает. Но его не дозовешься не то, что на беседу, а прийти взять направление в ЦПД (центр психодиагностики. – О.Ш.). И все это бегом, бегом, а его дома ждут родственники, друзья»⁹¹.

В принципе, даже вне рамок семейного отдыха можно было бы организовать систему консультаций и психологической поддержки для вернувшихся из командировки сотрудников и их семей. Однако, из результатов опроса следует, что такая работа психологической службой МВД не ведется.

Членам семей сотрудников психологическая поддержка оказывается только в случае гибели милиционера во время командировки. Например, психолог подразделения внутренних дел на вопрос о работе с семьями сотрудников ответила так. «Семьями? Нет. Я работала только с семьей погибшего сотрудника»⁹². Аналогичные ответы давали и начальники подразделений органов внутренних дел: «Ну, с семьями ветеранов в большинстве работают – это те сотрудники, которые погибли»⁹³.

В отношении прочих семей психологическая служба МВД в основном осуществляет помощь в передаче писем и посылок в период командировок, а после командировок – консультирует по поводу путевок и пр. Например, один из опрошенных психологов описал свою работу с семьями сотрудников милиции следующим образом. «Поддержка оказывается обязательно... Во время отсутствия (командированных. – О.Ш.) мы взаимодействуем. Во-первых, мы и письма собираем, передаем. Обходили также, особенно когда, допустим, я выясняю, когда им путевки заказать, по возвращении реабилитацию пройти. То есть как удобно, чтобы совпали дни, чтобы можно было с семьей, с ребенком поехать...»⁹⁴. Из интервью с психологами следует, что собственно психологической поддержкой семей ни до, ни после командировок они не занимаются. Психологи, работающие в региональных управлениях внутренних дел, указывают на то, что семейная терапия входит в обязанности психологов районных подразделений: «Есть такое понятие "семейная терапия", но, к сожалению, мы ее не проводим. Это не входит в наши функциональные обязанности. Это скорее работа психологов подразделений. Если необходимо, то там проводят»⁹⁵. Вместе с тем психологи, работающие в низовых подразделениях, говорят, что психологическая помощь семьям относится к компетенции психологической службы региона. «Это не я – это в Сыктывкаре»⁹⁶.

Причины неэффективности поддержки ветерана и семьи

Отсутствие работы с семьями обусловлено рядом факторов. Во-первых, необходимость как-то подключить семьи к реабилитационному процессу была осознана МВД сравнительно недавно. Соответствующие программы и инструкции еще не освоены в полной мере. «Ну, к этому нужно просто привыкнуть. Этого никогда и не было, эта программа введена совсем недавно, год назад. Кто, ты думаешь, по ней работал – никто не работал. Я думаю, что продолжение, вот это все будет развиваться, вот эти программы, то есть начало как бы есть потихонечку, то есть психологи как бы ознакомились, да? Сейчас они в реальность вводят»⁹⁷.

⁹¹ Из интервью с психологом УВД. Тверская область.

⁹² Из интервью с психологом УВД. Тверская область.

⁹³ Из интервью с начальником ОВД. Республика Коми.

⁹⁴ Из интервью с психологом РОВД. Алтайский край.

⁹⁵ Из интервью с психологом УВД. Тверская область.

⁹⁶ Из интервью с психологом РОВД. Республика Коми.

⁹⁷ Из интервью с психологом РОВД. Республика Коми.

Во-вторых, налаживанию работы с семьями сотрудников милиции препятствует недостаточное ресурсное обеспечение психологической службы: «Как вот я, например, буду проводить те же мероприятия с семьей, если у меня нет своего кабинета?»⁹⁸ Помехой в работе психологов с семьями является и загруженность этих специалистов решением кадровых вопросов (отбор кандидатов на службу, подготовка характеристик и пр.). Одна из респонденток в ответ на вопрос, ведет ли психолог работу с семьями, сказала: «Ну, что вы! Психологам работы хватает в отделе!»⁹⁹

Кроме того, по сообщениям самих психологов органов внутренних дел, «семьи иногда не идут на контакт»,¹⁰⁰ «сюда охотно не ходят»¹⁰¹. Исходя из ответов жен сотрудников милиции, некоторые в принципе не верят в эффективность психологической помощи. Многие, доверяя психологам в целом, не верят в профессионализм сотрудников психологической службы МВД. «Как я могу доверять квалификации психолога, если он по своему основному образованию педагог, юрист или еще кто-то. Да, он получил второе высшее образование и стал психологом, но получил его заочно. А в отделе он не имеет полноценной психологической практики»¹⁰². Жены сотрудников милиции также не идут на контакт с работниками психологической службы МВД из-за того, что эти работники принимают участие в решении кадровых вопросов. «Когда они (мужья. – О.Ш.) были в крайней командировке, она (психолог. – О.Ш.) обходила семьи. Спрашивала, как там муж, что пишет... Но наши к ней не очень хорошо относятся и предупредили нас, чтобы мы сильно перед ней не раскрывались»¹⁰³.

* * *

Семьи сотрудников милиции не получают от МВД той поддержки, которая помогла бы им восстановить нормальные семейные отношения в период после командировок. Более того, жены сотрудников милиции фактически должны обеспечить реабилитацию вернувшегося из Чечни супруга самостоятельно: «И здесь жена должна сказать свое веское слово и брать весь процесс реабилитации в свои руки. Иначе потом жене придется жить с инвалидом»¹⁰⁴. Как показывают результаты опроса, не все женщины справляются с этой задачей. А у тех, кто справился, зачастую формируется убеждение, что командировки в «горячие точки» являются угрозой для здоровья мужа и благополучия семьи. «Я знаю, что большинство жен категорически против командировок в Чечню»¹⁰⁵. Это убеждение подтверждается практикой. «У сотрудников органов внутренних дел, которые часто выезжают в командировки в Чечню, часто распадаются семьи. Особенно это характерно для спецподразделений. Многие бойцы СОБРа или ОМОНа женаты по 3-4 раза»¹⁰⁶, «у омонцев распалось до 80% семей»¹⁰⁷.

Как отметил один из опрошенных психологов, в существующей ситуации «решать проблему распада семьи, наверное, можно – не ездить в командировки»¹⁰⁸. Однако, пока порядок отправки в Чечню является приказным, и не учитывает мнения сотрудника и его семьи, единственным способом прекратить такие поездки становится увольнение из МВД. Показательно, что среди проинтервьюированных жен сотрудников только те респондентки, которые отчетливо понимали, что у их мужей отсутствуют возможности трудоустройства за пределами органов внутренних дел, негативно относились к возможности увольнения супруга. «Все равно поедет в Чечню, не сейчас, так потом...

⁹⁸ Из интервью с психологом УВД. Тверская область.

⁹⁹ Из интервью с женой бывшего сотрудника милиции. Тверская область.

¹⁰⁰ Из интервью с психологом республиканского МВД. Республика Адыгея.

¹⁰¹ Из интервью с психологом РОВД. Алтайский край.

¹⁰² Из интервью с женой бывшего сотрудника милиции. Тверская область.

¹⁰³ Из интервью с женой бойца ОМОНа. Республика Коми.

¹⁰⁴ Из интервью с женой бывшего сотрудника милиции. Тверская область.

¹⁰⁵ Из интервью с психологом УВД. Тверская область.

¹⁰⁶ Из интервью с психологом УВД. Тверская область.

¹⁰⁷ Из интервью с сотрудником центра социальной реабилитации. Алтайский край.

¹⁰⁸ Из интервью с психологом УВД. Тверская область.

А уходить из органов? Куда ему уходить? Что он умеет? Нет, вы мне скажите, куда? Где он работать будет? Кому он такой нужен?»¹⁰⁹

Однако, если сотрудник милиции имеет хорошее образование и навыки, применимые за пределами органов внутренних дел, вероятность увольнения в связи с желанием сохранить семью повышается. Часть из опрошенных нами женщин сообщали, что они добиваются увольнения своих мужей. В нескольких обследованных семьях женам это удалось. О том, что желание сохранить семью нередко подвигает сотрудников милиции к увольнению, свидетельствуют и психологи. «Даже в начальствующем составе были увольнения, и в основном это было связано с семьей, когда семья категорически против, т.е. когда ставится вопрос "или-или"»¹¹⁰; «Некоторые увольняются по настоянию жен, некоторые это делают по собственной инициативе»¹¹¹.

Увеличение срока командировок до полугода и исключение семьи из программ реабилитации после командировок провоцирует текучку кадров и уход наиболее квалифицированных сотрудников из органов внутренних дел.

Если руководство МВД заинтересовано в уменьшении текучки кадров, в сохранении наиболее профессиональных сотрудников в профилактике психологических срывов и связанного с ними снижения качества работы, ему следует принимать во внимание факторы, связанные с семьями сотрудников милиции, как при организации командировок в «горячие точки», так и при организации реабилитационных программ.

Исходя из данных опроса психологов, сотрудников милиции и членов их семей, представляется необходимым изыскать возможности для сокращения сроков командировок. Также требуется пересмотреть порядок направления сотрудников в «горячие точки», чтобы исключить командировки в тот период, когда семейная ситуация требует присутствия сотрудника дома (например, сразу после свадьбы, во время беременности жены или сразу после рождения ребенка, в случае болезни близких родственников и т.д.). Представляется, что такие меры помогут повысить мотивацию сотрудников к службе и неукоснительному выполнению задач, предотвратят возникновение семейных конфликтов и в долгосрочной перспективе могут способствовать снижению текучки кадров.

Планы развития психологической службы МВД и дальнейшее совершенствование программ реабилитации сотрудников милиции, вернувшихся из командировок в горячие точки, также должны учитывать необходимость работать не только с самими сотрудниками, но и с членами их семей. В частности, значительную пользу могло бы принести психологическое консультирование семей в период командировки, подготовка семьи к встрече сотрудника из командировки, работа с семьей непосредственно после возвращения сотрудника.

Реабилитационные программы должны быть модифицированы, с тем чтобы сотрудник проходил хотя бы часть реабилитационных мероприятий вместе с членами семьи. Для этого, в частности, следует обеспечить возможности варьировать реабилитационные мероприятия в зависимости от семейной ситуации сотрудника милиции. Например, если по семейным обстоятельствам отдых ветерана вместе с семьей после командировки невозможен, следует обеспечить сотруднику и его семье совместные реабилитационные мероприятия (например, консультации и тренинги) по месту жительства. Положительного эффекта удалось бы достичь при развитии сотрудничества психологической службы МВД с гражданскими центрами психологической и социальной поддержки, которые могут дополнить усилия ведомственных психологов. Задействовать гражданских психологов на системной основе важно и с точки зрения возникновения у сотрудников уверенности, что ничто из сказанного ими не получит распространения внутри системы МВД и не отразится на их личном деле.

¹⁰⁹ Из интервью с женой сотрудника милиции. Нижегородская область.

¹¹⁰ Из интервью с сотрудником центра социальной реабилитации. Алтайский край.

¹¹¹ Из интервью с чиновником областной администрации. Тверская область.

Правовое регулирование социальной реабилитации сотрудников органов внутренних дел – ветеранов чеченского конфликта

Сухарева Ольга,
Фонд «Общественный вердикт» (г. Москва)

Одним из важнейших показателей степени заинтересованности государства в преодолении какой-либо проблемы является качество нормативно-правового регулирования соответствующей сферы. Изучение правового материала позволяет определить задачи, поставленные властью перед собой в той или иной области, методы их решения, отделить декларируемое от реального и, таким образом, выявить «государственную» точку зрения на проблему, степень ее осмысленности на самом высоком уровне.

Структура нормативно-правовой базы

Российские правовые акты и нормы, регулирующие вопросы социальной реабилитации сотрудников органов внутренних дел, взаимосвязаны между собой и имеют иерархию. Правовой статус той или иной категории граждан (например, ветеранов боевых действий или участников контртеррористической операции) определяется федеральными законами. В них, как правило, устанавливается круг лиц, имеющих право на льготы и привилегии, а также условия их получения.

Принципиальными для исследования являются:

- Закон РФ от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 «О милиции»;
- Федеральный закон от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах»;
- Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»;
- Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»;
- Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел РФ, Государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников федеральных органов налоговой полиции»

и ряд других.

Порядок предоставления льгот в общих чертах определяется Правительством страны, а конкретный механизм – соответствующими министерствами и ведомствами (МВД, Минздравсоцразвития, Пенсионный фонд и т.д.). Министерства издают либо нормативные (то есть обязательные для всех), либо ненормативные (обязательные лишь внутри самого ведомства) акты. Нормативно-правовой акт более низкого уровня должен соответствовать акту более высокого уровня. Ненормативные акты – это чаще всего информационные письма, которые разъясняют положения нормативных актов.

Иерархия правовых актов по степени юридической силы (в порядке убывания) выглядит так:

- Конституция
- Федеральный закон
- Указ Президента

- Постановление Правительства
- Нормативно-правовые акты министерств и ведомств
- Ненормативные акты министерств и ведомств

Таким образом, чтобы выяснить, на что гражданин имеет право, надо открыть закон, а чтобы понять, какие документы и куда нести для получения льгот или проведения реабилитационных мероприятий – постановление Правительства или приказ министра. При этом никакие дополнительные требования, обуславливающие получение льгот, помимо уже установленных законом, ни Правительством, ни министерствами вводиться не могут. Более того, тот факт, что органы исполнительной власти не установили механизм получения какой-либо льготы, теоретически не лишает гражданина права на нее. На практике же именно от содержания подзаконных нормативных актов (а порой и информационных писем) зависит реальное получение тех или иных благ и проведение реабилитационных мероприятий.

Отдельно следует упомянуть утверждаемые Правительством РФ федеральные целевые программы. Хотя по юридической силе эти документы являются всего лишь подзаконными нормативно-правовыми актами Правительства, фактически федеральные целевые программы порой имеют не меньшее влияние на ситуацию в какой-либо сфере, чем федеральное законодательство.

Следует отметить, что большая часть федеральных законов носит общий характер и вопросы социальной защиты и реабилитации сотрудников органов внутренних дел входят в них отдельными статьями. Подзаконные нормативные акты обычно целиком посвящены регулированию конкретных аспектов.

Федеральная целевая программа

Федеральная целевая программа (ФЦП) – это комплекс различных мероприятий, увязанных между собой по целям, ресурсам и срокам осуществления. С помощью ФЦП государство пытается решить наиболее масштабные, важные для общества проблемы, которые требуют значительных затрат и совместных усилий разных органов власти. В настоящее время проводятся ФЦП, направленные на социальную поддержку инвалидов (ФЦП «Социальная поддержка инвалидов на 2006–2010 гг.»), обеспечение населения РФ жильем (ФЦП «Жилище»), развитие информационных технологий (ФЦП «Электронная Россия») и другие. ФЦП может включать в себя различные подпрограммы. Так, например, ФЦП «Социальная поддержка инвалидов на 2006–2010 гг.» включает в себя подпрограмму «Социальная поддержка и реабилитация инвалидов вследствие боевых действий и военной травмы».

Порядок разработки и реализации ФЦП регулируется Федеральным законом «О поставках продукции для федеральных государственных нужд» от 13 декабря 1994 г. № 60-ФЗ и постановлением Правительства РФ от 26 июня 1995 г. № 594. ФЦП разрабатывается различными министерствами и ведомствами в соответствии с тематикой их работы и утверждается Правительством.

Разработчики программы предлагают конкретные меры (выпуск жилищных сертификатов, строительство и ремонт больниц, закупка оборудования и обучение персонала и т.д.), направленные на достижение социально значимой цели, которой посвящена отдельная программа. Они же представляют смету расходов по программе, определяют качественные и количественные результаты, к которым должна привести реализация ФЦП, и промежуточные показатели эффективности реализации ФЦП.

Правительство РФ своим постановлением утверждает ФЦП и перечень государственных заказчиков по программе, в их роли выступают министерства-разработчики (одно из них назначается государственным заказчиком-координатором), поскольку именно они в наибольшей степени заинтересованы в осуществлении ФЦП. Государственные заказчики путем открытого конкурса размещают на разных предприятиях государственные заказы на закупку продукции, реализацию работ и предоставление услуг, необходимых для выполнения ФЦП. Финансируются расходы по ФЦП из бюджетов разных уровней и внебюджетных средств.

ФЦП как таковая может быть эффективным средством решения тех или иных масштабных проблем, поскольку предполагает проведение практических мероприятий в соответствующей сфере, координацию усилий, как правило, нескольких министерств и ведомств и серьезные финансовые вливания. Однако панацеей ФЦП не является и таит в себе немало подводных камней.

Во-первых, ФЦП – всегда в какой-то мере рискованный проект: мероприятия программы могут дать, а могут и не дать желаемый результат. Программа может быть сокращена или свернута раньше времени.

Причин низкой эффективности ФЦП может быть множество. Если проект недостаточно проработан, запланированные меры не помогут достичь поставленной цели (например, напечатать 100 тыс. букварей не значит покончить с безграмотностью). В таком случае даже успешная с формальной точки зрения реализация ФЦП не приведет к значительным улучшениям в соответствующей области. Такая ситуация возможна, поскольку, как уже упоминалось, перечни индикаторов и показателей эффективности ФЦП разрабатываются теми же министерствами (государственными заказчиками программы), что потом будут руководить программой, то есть заинтересованное лицо само для себя устанавливает критерии оценки качества работы. Они же организуют независимую оценку показателей результативности программных мероприятий. В качестве гарантии качества разработки ФЦП выступает экспертиза проекта ФЦП, которую проводит целый ряд министерств по вопросам своего ведения – от Министерства экономической торговли до МВД России.

Другой причиной провала ФЦП могут стать трудности с финансированием. Так как ФЦП – весьма затратный и одновременно комплексный проект, недостаток финансирования в какой-либо части программы может привести к ее неэффективности в целом.

Следует иметь в виду, что не все ФЦП связаны с предоставлением услуг или благ конкретным гражданам. Во многих программах и подпрограммах их цели и мероприятия сформулированы таким образом, что заинтересованное лицо не может ничего требовать, основываясь исключительно на постановлении Правительства РФ, которым утверждена та или иная ФЦП. К примеру, согласно подпрограмме «Социальная поддержка и реабилитация инвалидов вследствие боевых действий и военной травмы», в течение 2007 г. в центре восстановительной медицины и реабилитации «Зеленая роща» должны пройти реабилитацию 30 инвалидов вследствие боевых действий и военной травмы. Само по себе это положение не дает инвалиду оснований требовать прохождения курса реабилитации именно в этом центре.

Терминология

Российский законодатель оперирует двумя терминами: «социальная реабилитация» и «социальная поддержка».

Социальная реабилитация включает в себя психологическую, медицинскую, профессиональную реабилитацию, правовую помощь, содействие в трудоустройстве, предоставление жилья. Социальная реабилитация проводится в целях социальной адаптации лиц, принимавших участие в борьбе с терроризмом, и их интеграции в общество¹.

Социальная поддержка (или защита) подразумевает право на пенсионное обеспечение, выплату пособий и ряд льгот социально-экономического характера².

Таким образом, принципиальное различие между реабилитационными мерами и социальной защитой заключается в том, что первые нацелены на максимальное восстановление как психофизического благополучия человека, так и его профессионального и социального статуса, в то время как социальная поддержка состоит в предоставлении

¹ Ст. 19 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

² Ст. 13 Федерального закона от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах», ст. 20 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

конкретных материальных благ, носит компенсаторный характер и направлена на поддержание достойного уровня жизни.

Особые статусы

Право на некоторые льготы и реабилитационные мероприятия обусловлено присвоением сотруднику органов внутренних дел особых статусов, введенных Федеральным законом «О ветеранах»: ветеран боевых действий и инвалид боевых действий. Обладание этими статусами – а значит, и правом на льготы – подтверждается специальными удостоверениями. Присвоение соответствующего статуса и выдача удостоверения производится исключительно по инициативе самого гражданина. В случае инвалидов боевых действий такой подход оправдан, поскольку, во-первых, признание себя лицом с ограничением жизнедеятельности – личное дело каждого, а во-вторых, получение удостоверения инвалида связано с прохождением медицинского освидетельствования. В свою очередь, ничто не мешает при соблюдении условий, установленных Законом «О ветеранах», автоматически признавать граждан ветеранами боевых действий и выдавать им удостоверения по возвращении из командировок, чтобы тем самым ускорить реализацию права на льготы.

Ветераны боевых действий

К ветеранам боевых действий федеральным законом среди других категорий граждан отнесены лица рядового и начальствующего состава и работники органов внутренних дел, принимавшие участие в соответствии с решениями органов государственной власти РФ в боевых действиях на территории России.

Согласно разделу III Приложения к Закону «О ветеранах», под участием в боевых действиях на территории РФ понимается:³

- выполнение задач в условиях вооруженного конфликта в Чеченской Республике⁴ и на прилегающих территориях, отнесенных к зоне вооруженного конфликта, с декабря 1994 г. по декабрь 1996 г.;
- выполнение задач в ходе контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона с августа 1999 г.

Таким образом, сотрудники органов внутренних дел, служившие в Чечне с декабря 1994 г. по декабрь 1996 г., или принимавшие участие в контртеррористической операции на Северном Кавказе с 1999 г., могут претендовать на статус ветерана боевых действий и связанные с ним льготы.

Федеральным законом «О ветеранах» право на статус ветерана было предоставлено участникам чеченского конфликта в 2002 г., а действовать начало только с 2004 г. Однако на законодательном уровне впервые некоторые социально-экономические льготы для участников операций в «горячих точках» на Северном Кавказе были закреплены в 1995 г., когда на них было распространено действие Закона РФ от 21 января 1993 г. № 4328-1 «О дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим, проходящим военную службу на территориях государств Закавказья, Прибалтики и Республики Таджикистан, а также выполняющим задачи в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах» (далее – Закон «О дополнительных гарантиях»).

В том же 1995 г. на Правительство РФ была возложена обязанность определить зону и время вооруженного конфликта в Чечне, т.е. указать, служба на каких террито-

³ См. ФЗ от 27 ноября 2002 г. № 158-ФЗ.

⁴ Первая чеченская кампания не имела статуса вооруженного конфликта. Он ей был присвоен постфактум в декабре 2001 года. В период самой кампании конфликт в Чечне именовался «наведение конституционного порядка».

риях и в какие даты является основанием для получения льгот. Правительство выполнило эту обязанность лишь в конце 2001 г., издав Постановление «О зонах вооруженных конфликтов»⁵, согласно которому:

Служба на всей территории Чеченской Республики в декабре 1994 – декабре 1996 г. была отнесена к выполнению задач «в зоне вооруженного конфликта».

Служба на территории Северной Осетии и Ингушетии в октябре – ноябре 1992 г. была отнесена к выполнению задач «при вооруженных конфликтах».

Незначительная разница в терминах привела к существенным различиям в правовом положении участников осетино-ингушского и чеченского конфликтов. Основная часть льгот и компенсаций, установленных Законом «О дополнительных гарантиях и компенсациях», распространяется как на лиц, выполнявших задачи «при вооруженных конфликтах», так и на лиц, выполнявших задачи «в зоне вооруженного конфликта». Однако для последних – т.е. для участников чеченского конфликта – Федеральным законом «О дополнительных гарантиях» установлены дополнительные льготы по сравнению с первыми: льготный учет стажа (один месяц службы в Чечне за три), поступление в вуз без экзаменов, первоочередное направление в санатории. С 2004 г. участники чеченского конфликта получают статус ветерана боевых действий, а участники осетино-ингушского конфликта такой привилегии не имеют, т.к. этот конфликт не указан в разделе III Приложения к Федеральному закону «О ветеранах».

В связи с определением зон вооруженных конфликтов необходимо обратить внимание еще на один аспект.

Во-первых, хотя фактически события в Чечне были признаны «вооруженным конфликтом» в 1995 г., его точная территория и время существования были определены лишь в 2001 г., т.е. пять лет спустя после его официального завершения. До этого момента территориальные и временные рамки конфликта были размыты, а значит, получение льгот конкретными участниками боевых действий зависело во многом от усмотрения должностных лиц.

Для того чтобы претендовать на статус ветерана боевых действий, в случае если сотрудник командировался на Северном Кавказе с 1999 г., то подразделение, в котором он служил, должно официально быть привлеченным к проведению контртеррористической операции.

Согласно ст. 13 Федерального закона от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», конкретный состав сил и средств, применяемых при проведении контртеррористической операции, определяется руководителем оперативного штаба.

Согласно указу Президента РФ от 22 января 2001 г. № 61 в редакции от 2006 г., руководство Оперативным штабом по управлению контртеррористической операцией на территории Северо-Кавказского региона возложено на руководителя Департамента по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом ФСБ РФ. Непосредственное руководство специальными силами и средствами в Чечне осуществляет Оперативный штаб в Чеченской Республике, возглавляемый заместителем министра внутренних дел. Также существует Объединенная группировка войск (сил) по проведению контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона РФ. При этом министр внутренних дел осуществляет общее руководство оперативным штабом в Чеченской Республике и Объединенной группировкой. При таком обилии органов управления контртеррористической операцией не ясно, какое именно должностное лицо ответственно за привлечение конкретных подразделений МВД к участию в борьбе с терроризмом.

Следует отметить и тот факт, что, согласно указу Президента РФ от 30 ноября 1995 г. № 1203 в ред. от 11 февраля 2006 г., сведения, раскрывающие силы и средства проведения контртеррористических специальных операций, отнесены к государственной тайне. В связи с чем получение документов, подтверждающих факт участия в борьбе с терроризмом, сотрудником, уволившимся из органов внутренних дел, может быть существенно затруднено.

⁵ Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2001 г. № 896.

Статус ветерана боевых действий подтверждается соответствующим удостоверением или свидетельством о праве на льготы установленного образца. Удостоверение ветерана боевых действий выдается кадровыми или пенсионными (бывшим сотрудникам органов внутренних дел, уволенным с правом на пенсию) подразделениями МВД, ГУВД, УВД субъектов РФ. Порядок его выдачи установлен постановлением Правительства РФ от 19 декабря 2003 г. № 763 и приказом МВД от 7 мая 2004 г. № 282.

Ветеран или участник

В настоящее время существует неопределенность относительно статусов участников и ветеранов боевых действий на Северном Кавказе, поддерживающаяся СМИ, которые зачастую, упоминая об участниках, имеют в виду ветеранов.

Правовое положение сотрудников органов внутренних дел, принимавших участие в чеченском конфликте, окончательно оформилось лишь с 1 января 2004 г. С этой даты, согласно Закону «О ветеранах», рассматриваемые лица имеют право на статус ветерана боевых действий. В Законе «О ветеранах» статус участника боевых действий не предусмотрен. Однако формулировка соответствующего положения закона «на лиц, принимавших участие в боевых действиях [...] распространяется действие статей 3 (ветераны боевых действий) и 4 (инвалиды боевых действий)» породила устойчивое представление о том, что участники боевых действий «были приравнены» к ветеранам.

Теоретически из процитированного положения закона можно сделать вывод о том, что лица, участвовавшие в боевых действиях во время чеченского конфликта, могут пользоваться правами и льготами ветеранов еще до получения статуса ветерана.

Но такой вывод ошибочен. В соответствии с постановлением Правительства от 19 декабря 2003 г. № 763, реализация льгот и прав, закрепленных в законе «О ветеранах», обусловлена наличием удостоверения ветерана боевых действий либо свидетельства (удостоверения) о праве на льготы (образцы свидетельств были утверждены до 1 января 1992 г.).

Согласно п. 2.11 «Инструкции о порядке и условиях реализации прав и льгот ветеранов ВОВ, ветеранов боевых действий и иных категорий граждан, установленных законом «О ветеранах»»⁶, права ветеранов боевых действий на территории России удостоверяются свидетельством о праве на льготы. Свидетельство о праве на льготы выдается в соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 17 января 1983 г. № 59-27. В свидетельстве о праве на льготы делается отметка о праве на льготы по п. 1 ст. 16 Закона «О ветеранах» (статья «Меры социальной поддержки ветеранов боевых действий»).

Как видим, в указанных актах такая категория, как «участники боевых действий», не упоминается. Более того, исходя из смысла подзаконных нормативных актов, устанавливающих правила реализации льгот по Закону «О ветеранах», можно сделать однозначный вывод о том, что льготы, предоставленные ветеранам (и «приравненным» к ним лицам, если бы такие были), реализуются исключительно на основании удостоверения ветерана либо свидетельства о праве на льготы. Никакие другие удостоверения основанием для предоставления «ветеранских» льгот не могут являться.

Форма удостоверения ветерана боевых действий была установлена тем же постановлением Правительства № 763. До этого момента на федеральном уровне существовало только свидетельство о праве на льготы, разработанное и утвержденное в советское время. Не исключена вероятность, что с 1995 г. такие удостоверения выдавались и участникам чеченского конфликта. Более того, действующая сейчас нормативно-правовая база такова, что препятствий к выдаче свидетельства о праве на льготы рассматриваемой группе лиц не существует.

Тем не менее, независимо от того, какой документ – свидетельство о праве на льготы или удостоверение ветерана – выдан сотруднику органов внутренних дел, он считается именно ветераном, а не участником.

⁶ Утверждена постановлением Минтруда России от 11 октября 2000 г. № 69.

Общеизвестно, что власти некоторых субъектов РФ предпринимали попытки социальной защиты жителей соответствующих регионов, участвовавших в борьбе с терроризмом. По информации из сети Интернет, в некоторых регионах даже выдавались соответствующие удостоверения⁷. Такие документы подтверждают право лишь на «местные» льготы, за пределами субъекта РФ не действуют и не могут являться основанием для получения льгот, предоставленных федеральными нормативными актами: законами, указами президента, постановлениями правительства или приказами министерства.

В настоящее время действуют различные нормативно-правовые акты (например, Закон «О дополнительных гарантиях», постановление Правительства РФ от 9 февраля 2004 г. № 65), которые предоставляют различные льготы и компенсации – в основном касающиеся выслуги лет, денежных выплат и санаторно-курортного лечения – именно «участникам» боевых действий. Это означает, что граждане пользуются указанными льготами независимо от наличия статуса ветерана. Основанием для предоставления таких льгот является подтвержденный факт участия в боевых действиях (подтверждается выписками из приказов начальников (командиров), записями в удостоверениях личности, военных билетах и трудовых книжках, командировочными удостоверениями), либо просто служба в составе специальных сил и средств по обнаружению и пресечению деятельности террористических организаций. Никакое специальное «удостоверение участника» для получения льгот и компенсаций, утвержденных этими нормативными актами, не требуется.

Основанием для выдачи удостоверения ветерана боевых действий является подтвержденный факт выполнения задач, прохождения службы, работы или нахождения в командировке на территориях, отнесенных к зоне вооруженного конфликта и контртеррористической операции. В качестве подтверждающих документов рассматриваются выписки из приказов начальников (командиров), записи в удостоверениях личности, военных билетах и трудовых книжках, командировочные удостоверения.

Документы в органы, выдающие удостоверения, направляются кадровыми департаментами органов внутренних дел, в которых служит сотрудник органов внутренних дел.

Поскольку ни в постановлении Правительства России, ни в приказе МВД прямо не установлена обязанность кадровых органов выдавать удостоверения ветерана боевых действий по собственной инициативе, можно сделать вывод, что получению удостоверения должно предшествовать обращение гражданина в кадровое подразделение по месту службы.

Инвалиды боевых действий

Инвалидами боевых действий признаются сотрудники ОВД, ставшие инвалидами вследствие ранения, контузии, увечья или заболевания, полученных при исполнении служебных обязанностей в районах боевых действий⁸, то есть вследствие «военной травмы». Понятие «инвалид боевых действий» указывает лишь на причины инвалидности, следовательно, на них распространяются все положения законодательства РФ об инвалидах. Общие принципы признания лица инвалидом устанавливаются Федеральным законом от 24 ноября 1995 г. № 181 «О социальной защите инвалидов в РФ». Гражданин признается инвалидом по результатам медико-социальной экспертизы.

Условиями признания гражданина инвалидом являются:

а) нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами;

⁷ <http://www.vsluh.ru/news/society/41938.html?print=1>

⁸ Ст. 4 п. 3 ФЗ «О ветеранах».

б) ограничение жизнедеятельности (полная или частичная утрата гражданином способности или возможности осуществлять самообслуживание, самостоятельно передвигаться, ориентироваться, общаться, контролировать свое поведение, обучаться или заниматься трудовой деятельностью);

в) необходимость в мерах социальной защиты, включая реабилитацию⁹.

При этом наличие только одного из перечисленных условий не является основанием для признания лица инвалидом.

Получение статуса инвалида боевых действий – довольно сложный процесс, требующий от гражданина значительных затрат времени и постоянного внимания, поскольку результат зависит от усмотрения самых разнообразных должностных лиц и органов.

Решение о причинах инвалидности принимается бюро медико-социальной экспертизы (БМСЭ) на основании заключения военно-врачебной комиссии (ВВК) о связи травмы с исполнением служебных обязанностей. При этом специалисты БМСЭ обязаны в точности воспроизвести формулировку, указанную в заключении ВВК¹⁰. В свою очередь, ВВК – формально уполномоченная делать выводы о связи травмы с исполнением служебных обязанностей – руководствуется справкой о травме, выданной начальником органа внутренних дел, а если справка по какой-либо причине не выдавалась, материалами расследования обстоятельств получения травмы. Согласно п. 331 Инструкции о порядке проведения военно-врачебной экспертизы, справка о травме должна быть составлена в течение трех месяцев с момента получения травмы. При этом инструкция не уточняет, начальник какого именно органа внутренних дел должен составить справку: того, где сотрудник работает постоянно, или того, куда он был прикомандирован. Логика подсказывает, что справка составляется лицом, имеющим представление об обстоятельствах получения ранения или увечья. Однако отсутствие формальной конкретизации лица, ответственного за наличие справки и содержание ее формулировок, в случае возникновения проблем со справкой усложняет процесс обжалования незаконных действий и – самое главное – поиск лица, правомочного усстранить нарушения.

Представим себе следующую ситуацию. Сотрудник органов внутренних дел, командированный в Чечню, был ранен и отправлен для лечения в Москву. До его отправки руководитель органа внутренних дел справку не составил, поскольку обстоятельства происшествия еще не были выяснены. Началось расследование, в котором сам раненый, разумеется, участвовать не мог. Потом обострилась оперативная обстановка, начальнику органа внутренних дел стало не до того, расследование обстоятельств происшествия спустили на тормозах, справку не составили, либо составили с формулировкой «увечье не связано с исполнением служебных обязанностей». Через какое-то время пострадавший сотрудник начал оформление инвалидности и выяснилось, что справки нет (или формулировка в справке не дает оснований для получения инвалидности вследствие военной травмы). Милиционер вынужден либо обращаться к своему «постоянному» начальству, которое, скорее всего, не в курсе событий и выдавать, а тем более исправлять справку не станет; либо пытаться получить с территории Чеченской Республики материалы расследования обстоятельств получения увечья, либо переписываться с начальником органа внутренних дел, куда он был командирован. Все три варианта требуют времени и серьезных усилий.

Таким образом, уже на стадии присвоения гражданам статуса ветерана, или инвалида боевых действий мы сталкиваемся с некоторыми упущениями в правовом регулировании, и это при том, что именно процедура признания лица ветераном или инвалидом боевых действий прописана гораздо четче, чем механизмы проведения реабилитационных мероприятий или предоставления льгот.

⁹ Постановление Правительства РФ от 20 февраля 2006 г. № 95 «О порядке и условиях признания лица инвалидом».

¹⁰ Постановление Министерства труда и социального развития РФ от 15 апреля 2003 г. № 17.

Меры реабилитации

Право лиц, участвующих в борьбе с терроризмом, на социальную реабилитацию и – одновременно – на социальную защиту установлено ст.ст. 19, 20 Федерального закона «О противодействии терроризму»¹¹. Федеральный закон содержит лишь общее определение социальной реабилитации, конкретный порядок проведения которой должен быть установлен Правительством РФ. Однако в Правилах социальной реабилитации лиц, пострадавших в результате теракта, а также лиц, участвующих в борьбе с терроризмом¹², Правительство России ограничилось общим указанием, что социальная реабилитация участников борьбы с терроризмом должна проводиться федеральными органами исполнительной власти, осуществляющими борьбу с терроризмом, с учетом правового статуса таких лиц, устанавливаемого федеральными законами и иными нормативными правовыми актами РФ. Таким образом, единый порядок социальной реабилитации участников борьбы с терроризмом нельзя считать установленным. Фактически Правила никого ни к чему не обязывают. Они содержат только отсылку к действующим нормативно-правовым актам, то есть к тем же законам «О милиции», «О ветеранах», «О социальной реабилитации инвалидов в РФ» и т.д., и актам министерств и ведомств. На практике вопросы реабилитации сотрудников решаются силовыми министерствами самостоятельно, а значит, в рассматриваемом случае регулируются приказами министра внутренних дел, который может по своему усмотрению как расширить, так и сузить сферу реабилитационных мероприятий. К тому же тот факт, что в постановлении Правительства РФ от 16 января 2007 г. № 6 не обозначены хотя бы основные реабилитационные меры, означает, что дополнительное финансирование на эти цели выделяться не будет. Отсюда можно сделать вывод, что введение в действие Закона «О противодействии терроризму» – во исполнение которого принято упомянутое постановление – фактически на ситуацию с реабилитацией участников борьбы с терроризмом не повлияло.

Помимо права на социальную реабилитацию Федеральный закон «О противодействии терроризму» устанавливает и право участников борьбы с терроризмом на социальную защиту. При этом конкретные меры в этой области установлены лишь для непосредственных участников контртеррористических операций, и заключаются в выплате единовременных пособий в связи с ранениями, повлекшими инвалидность (300 тыс. руб.) либо не повлекшими (100 тыс. руб.), а также в возмещении стоимости утраченного или поврежденного имущества. Упомянутые меры скорее можно считать реабилитационными, чем реально относящимися к социальной защите, как она понимается в иных федеральных законах. Там социальная защита состоит из регулярных и долгосрочных мероприятий, на которые косвенно ссылается Закон «О противодействии терроризму».

В отношении же прочих лиц, участвующих в борьбе с терроризмом (в предупреждении, пресечении, раскрытии и расследовании террористических актов), законодатель ограничился заявлением, что их социальная защита должна осуществляться с учетом их правового статуса, установленного действующими законами и иными нормативно-правовыми актами.

Таким образом, Федеральный закон «О противодействии терроризму», несмотря на наличие в нем соответствующих статей, фактически не создает правовых условий для эффективной реабилитации сотрудников силовых ведомств, принимающих участие в борьбе с терроризмом, ограничившись лишь указанием на то, что такая реабилитация должна осуществляться. Принятое в этой связи постановление Правительства РФ несколько не изменяет ситуацию. Представляется, что одной из причин такого положения вещей является объединение вопросов социальной реабилитации лиц, пострадавших от теракта, и лиц, принимавших участие в борьбе с терроризмом, в один блок (общая статья в Федеральном законе «О противодействии терроризму» и общее постановление Правительства РФ от 16 января 2007 г. № 6. Очевидно, что сотрудники правоохрани-

¹¹ Далее – Закон «О противодействии терроризму».

¹² Постановление Правительства РФ от 16 января 2007 г. № 6.

тельных органов и простые граждане нуждаются в различных реабилитационных мероприятиях, которые будут проводиться разными структурами. Разница настолько велика, что сколько-нибудь детальная проработка правил социальной реабилитации пострадавших и «силовиков» в едином подзаконном акте невозможна, что подтверждается на практике лишенным конкретики постановлением правительства. В итоге медицинская, психологическая, профессиональная реабилитация милиционеров, принимавших участие в чеченском конфликте, осуществляется в соответствии с самыми разнообразными, не сведенными в систему нормативно-правовыми актами различного уровня и тематики: от федеральных законов до министерских инструкций.

Психологическая реабилитация

Психологическая реабилитация сотрудников МВД после работы в экстремальных условиях относится к сфере ведения психологической службы МВД, руководство которой возложено на Департамент кадрового обеспечения МВД России. Штатная должность психолога предусмотрена в кадровых подразделениях органов внутренних дел всех уровней: от районных отделов до министерства. Психологи работают также в центрах психофизиологической диагностики¹³, санаториях и прочих медицинских учреждениях МВД, подчиненных Медицинскому управлению МВД. Для координации усилий «кадровиков» и «медиков» на уровне Министерства и органов внутренних дел субъектов действуют Координационно-методические советы по психологическому обеспечению деятельности органов внутренних дел и внутренних войск.

Структура психологической службы МВД России

1. Отдел организации психологической работы Управления организации работы с личным составом Департамента кадрового обеспечения МВД РФ (руководитель отдела является начальником психологической службы)
 - Психологические службы: отделы, отделения и группы – МВД, ГУВД, УВД субъектов РФ, УВДТ, ведомственных учебных и научно-исследовательских заведений
 - Психологи отделений (групп) воспитательной работы УВД города, района, линейного управления внутренних дел на транспорте
2. Координационно-методический совет по психологическому обеспечению деятельности органов внутренних дел и внутренних войск
 - Координационно-методические советы по психологическому обеспечению деятельности МВД, ГУВД, УВД, УВДТ субъектов РФ
3. Главный центр психофизиологической диагностики МВД России
 - Центры психофизиологической диагностики в регионах России

Деятельность психологической службы МВД ведется по трем основным направлениям:

- психолого-профессиональный отбор;
- работа по поддержанию благоприятного морально-психологического климата в коллективе, помощь сотрудникам органов внутренних дел в адаптации к условиям службы, решении личных проблем, профилактика нарушений законности и неадекватного поведения;
- подготовка личного состава к выполнению служебных задач в экстремальных условиях, проведение реабилитационных мероприятий и восстановление профессиональной работоспособности сотрудников.

В сентябре 2006 г. приказом МВД № 770 было утверждено новое Положение об основах организации психологического обеспечения работы с личным составом органов внутренних дел¹⁴. Тот факт, что контроль за выполнением приказа министр внутренних

¹³ Приказ МВД России от 22 августа 1995 г. № 330.

¹⁴ Приказ МВД России от 29 сентября 2006 г. № 770.

дел Р. Нургалиев оставил за собой, свидетельствует о значимости этого документа и урегулированных им вопросов с точки зрения МВД России.

Положение касается психологов, работающих в кадровых подразделениях, определяет принципы и функции их профессиональной деятельности. Вместе с типовой должностной инструкцией психолога¹⁵ Положение является основным руководящим документом для сотрудников психологической службы.

На языке приказа № 770 участие милиционеров в мероприятиях по борьбе с терроризмом именуется «выполнением оперативно-служебных задач в экстремальных условиях». Нельзя сказать, что подготовка личного состава к «экстремальным условиям» и проведение реабилитационных мероприятий после них является, согласно Положению, основной задачей психологов органов и подразделений внутренних дел. Скорее, эта деятельность рассматривается как составная часть комплекса различных мероприятий, направленных на обеспечение нормального функционирования МВД. В структуре Положения психологические профилактические и реабилитационные мероприятия, связанные с несением службы в экстремальных условиях, не вынесены в отдельный блок, а указаны как конкретные функции психологов в рамках различных направлений их деятельности. Такой подход может свидетельствовать как о недостаточном внимании, уделяемом в системе МВД реабилитации сотрудников после командировок в Чечню, так и о комплексном взгляде на проблему. Необходимо отметить, что спектр задач, стоящих в этой связи перед сотрудниками психологической службы, довольно обширен и охватывает не только саму реабилитацию, но и постреабилитационное наблюдение, а также подготовку милиционеров к работе в условиях повышенных психических нагрузок.

Однако сформулированы должностные функции психологов чрезмерно расплывчато: «организация и проведение реабилитационной работы с сотрудниками, имеющими признаки психической дезадаптации», «осуществление мероприятий по поддержанию психологической готовности сотрудников к выполнению профессиональных задач», «оказание психологической помощи личному составу после выполнения оперативно-служебных задач в экстремальных условиях» и тому подобная терминология не способствует пониманию того, в чем конкретно должны состоять «работа», «помощь» и «мероприятия». Разумеется, с изменением потребностей в реабилитации и развитием психологической науки методы работы психологов МВД неизбежно будут изменяться, однако конкретные виды мероприятий требуют детализации. Дело в том, что чем более низок уровень нормативно-правового акта, тем меньшее количество лиц бывает с ним ознакомлено. Перечень обязанностей психологической службы МВД утверждается ДКО, и весьма сомнительно, что рядовой сотрудник ОВД будет иметь к нему доступ. Рассматриваемое Положение об основах психологического обеспечения работы с личным составом тоже не является общедоступным документом, но все-таки оно утверждено приказом министра, а значит, шансы ознакомиться с ним все же выше. При этом почти никакой практически полезной для рядового сотрудника информации оно не содержит. Таким образом, заинтересованное лицо – сотрудник – фактически не имеет представлений о том, на что конкретно он может рассчитывать в плане психологического сопровождения и помощи. Это открывает широкое поле для злоупотреблений и формального подхода психолога к исполнению своих обязанностей.

В качестве положительного момента следует отметить, что в целом деятельность психологической службы МВД в том виде, в каком ее идеальный вариант установлен нормативно-правовыми актами, направлена на непрерывное, постоянное наблюдение за психологическим состоянием сотрудников. В приказе № 770 прослеживаются попытки ввести в деятельность психологической службы элементы системности. Тем не менее, некоторые нормы Положения об основах психологического обеспечения не нашли отражения в иных нормативно-правовых актах, а потому могут быть слабо реализуемы на практике. Так, согласно Положению, рекомендации психолога должны в обязатель-

¹⁵ Типовая должностная инструкция старшего психолога (психолога) органа внутренних дел, утв. заместителем министра внутренних дел 29 марта 1996 г.

ном порядке учитываться при командировании сотрудников в регионы со сложной криминогенной обстановкой. Между тем в приказе МВД от 5 октября 2006 г. № 780, регулирующем порядок направления сотрудников в командировки, аспект психологической готовности милиционеров к службе в «горячей точке» и участия психолога в подготовке таких командировок обойдены тактичным молчанием (отметим, что на момент издания приказа № 780 Положение уже существовало). Указано лишь, что командируемые сотрудники по уровню подготовки должны соответствовать целям и задачам служебной командировки, обеспечивать выполнение задания в полном объеме. Их начальство обязано «убедиться в готовности сотрудников к служебной командировке» путем «личного опроса». Более того, хотя по общему правилу срок пребывания в служебной командировке не должен превышать 40 суток¹⁶, командировка для участия в контртеррористической операции может быть продлена на год министром внутренних дел, его заместителями, начальниками Главных управлений МВД по федеральным округам¹⁷ (в настоящее время продолжительность служебной командировки в Чечню составляет 180 суток). Последствия такого продления для психического благополучия сотрудников, несущих службу в экстремальных условиях, могут быть приняты министром во внимание исключительно в порядке жеста доброй воли. Приказ № 780 его к тому не обязывает. При этом милиционер, испытывающий психические перегрузки, может покинуть зону конфликта «на совсем» в двух случаях: либо по болезни, либо нарушив служебную дисциплину. Такой подход к организации командировок в районы контртеррористических операций в целом не способствует поддержанию психологического благополучия личного состава.

Что же касается степени эффективности деятельности психологической службы как таковой, то судить о ней затруднительно, поскольку многое зависит от конкретных методик, материального обеспечения работы психологов, уровня их квалификации и укомплектованности штатов. Нормативно-правовыми актами МВД устанавливается, что должности психологов замещаются исключительно лицами, имеющими высшее психологическое или высшее медико-педагогическое образование, что является некоторой – пусть и не абсолютной – гарантией качества оказываемых психологических услуг. В примерном штатном расписании отдела воспитательной работы районного ОВД¹⁸ предусмотрен один – два психолога при численности отделения от 150 до более чем 600 человек, а при численности отделения менее 150 человек психолога может не быть вовсе. В таких условиях физическая возможность психолога успешно выполнять все должностные обязанности вызывает сомнение.

В материально-техническом плане психологу, согласно Положению об основах организации психологического обеспечения, должны предоставляться рабочий кабинет, оборудованный компьютером, аудио- и видеотехникой, психодиагностическими и психокоррекционными приборами, а также программные продукты, методические материалы и пособия. В каждом органе внутренних дел, где предусмотрена штатная должность психолога, создается кабинет психологической регуляции. При условии обеспечения психологов указанными средствами материально-техническую базу психологической службы МВД можно признать удовлетворительной.

Перечень психологических и психофизиологических методик, применяемых в системе МВД, утверждается Департаментом кадрового обеспечения МВД на основе рекомендаций Координационно-методического совета. В открытых источниках информация о том, существует ли этот перечень, как часто он обновляется, какие именно методики в него включены, отсутствует.

¹⁶ П. 23 Инструкции об организации служебных командировок. Утв. приказом МВД России 5 октября 2006 г. № 780.

¹⁷ П. 25 Инструкции об организации служебных командировок. Утв. приказом МВД России 5 октября 2006 г. № 780.

¹⁸ Приказ МВД России от 25 сентября 2000 г. № 995 «О мерах по совершенствованию воспитательной работы в органах внутренних дел РФ». Приложение № 3.

Кроме того, значительная часть нормативно-правовых актов, касающихся воспитательной и психологической работы в системе МВД, недоступны и о самом их существовании известно лишь благодаря заявлениям должностных лиц МВД¹⁹, что затрудняет объективный анализ деятельности психологической службы.

Медицинская реабилитация. Восстановительный отдых

За организацию медицинского обеспечения и санаторно-курортного обслуживания в системе МВД России отвечает Управление медико-социальной защиты Департамента тыла МВД России.

Поскольку в медицинских учреждениях МВД обслуживается целый ряд категорий граждан, имеющих самые разнообразные права и льготы в области медицинской помощи, в своей деятельности медики МВД РФ руководствуются широким спектром нормативно-правовых актов (законы «О милиции», «О ветеранах», «О государственной социальной помощи», «О социальной защите инвалидов», ряд постановлений Правительства РФ и Минздравсоцразвития России и т.д.).

В условиях комплекса разноуровневых нормативных актов особенное значение приобретает внутриведомственный правовой механизм оказания медицинских услуг. Такой механизм установлен Положением об организации медицинского обслуживания и санаторно-курортного лечения в медицинских учреждениях системы МВД России²⁰. В целом этот нормативно-правовой акт заслуживает высокой оценки, поскольку регулирует все основные вопросы прикрепления на обслуживание к медицинским учреждениям МВД России, непосредственно обслуживания, обеспечения лекарственными средствами, направления в санатории и т.д. Он официально опубликован, доступен, текст его ясен. Таким образом, любое заинтересованное лицо может ознакомиться с его содержанием и выяснить, нарушаются ли его права в области медицинского обслуживания в системе МВД или нет.

Помимо действующих сотрудников органов внутренних дел, право на обслуживание в поликлиниках МВД сохраняется за ветеранами и инвалидами боевых действий, уволенными из органов внутренних дел с правом на пенсию. Их прикрепление к поликлиникам осуществляется по направлению пенсионных органов МВД.

В поликлиниках ветеранам и инвалидам предоставляется бесплатное медицинское обслуживание, которое включает в себя лечение и обеспечение лекарствами. Между тем бесплатное обеспечение лекарственными средствами и изделиями медицинского назначения проводится лишь в пределах выделенных на эти цели средств и в рамках перечней, утвержденных Министерством здравоохранения и социального развития РФ. Эти перечни время от времени пересматриваются и, к сожалению, сокращаются²¹. Немаловажно и условие об обеспечении лекарствами «в пределах выделенных средств», в целом оно вполне логично и обоснованно, но служит напоминанием о том, что фактическое обеспечение лекарственными средствами напрямую зависит от экономического положения страны и приоритетов ее правительства. На практике бесплатное обслуживание в поликлинике становится малопродуктивным, если больной не может позволить себе купить лекарства. Гарантии в области бесплатного лекарс-

¹⁹ Так, руководитель ДКО Владимир Кикоть в интервью журналу «Профессионал» упоминал о приказе МВД «О воспитательной работе с личным составом органов внутренних дел» от 1 февраля 2006 г., который не удалось найти в открытом доступе. Анализируемое Положение об основах организации психологического обеспечения работы с личным составом органов внутренних дел не было опубликовано официально.

²⁰ Утв. приказом МВД России от 8 ноября 2006 г. № 895.

²¹ Перечень лекарственных средств, отпускаемых бесплатно по рецептам врача, утвержденный приказом Минздравсоцразвития России от 18 сентября 2006 г. № 665, содержит значительно меньше позиций, чем действовавший ранее Перечень, утвержденный приказом Минздравсоцразвития России от 28 сентября 2005 г. № 601.

твенного и медицинско-технического обеспечения далеки от идеальных и в настоящее время постепенно сужаются. Учтем, что ветераны и инвалиды, отказавшиеся от социальной услуги в виде дополнительной медицинской помощи, вынуждены приобретать самостоятельно все лекарства (технические средства реабилитации продолжают предоставляться). Справедливости ради следует отметить, что в этом плане ветераны и инвалиды боевых действий находятся в равных условиях с прочими получателями набора социальных услуг.

Набор социальных услуг

Право ветеранов и инвалидов боевых действий на так называемый «набор социальных услуг» (НСУ) устанавливается ст. 23.1 Федерального закона от 12 января 1995 г. «О ветеранах» № 5-ФЗ и ст. 6.1 Федерального закона от 17 июля 1999 г. «О государственной социальной помощи» № 178-ФЗ.

Согласно ст. 23.3 Закона «О ветеранах», ветераны боевых действий получают ежемесячную денежную выплату (ЕДВ). Часть ЕДВ может быть направлена на финансирование НСУ по желанию получателя, т.к. получение НСУ взаимосвязано с получением ЕДВ.

В НСУ входит:

- предоставление дополнительной бесплатной медицинской помощи, в том числе лекарств и изделий медицинского назначения по рецептам врача, а также при наличии медицинских показаний – санаторно-курортное лечение;
- бесплатный проезд на пригородном железнодорожном транспорте и проезд к санаторию и обратно.

НСУ предоставляется на один год. От получения НСУ в следующем году можно отказаться полностью или частично, подав заявление в пенсионный орган до 1 октября текущего года. В таком случае увеличится ежемесячная денежная выплата. Если гражданин не подал заявление, он продолжает получать НСУ в полном объеме.

Согласно Закону «О ветеранах», ветераны и инвалиды боевых действий имеют право и на внеочередную медицинскую помощь, правила оказания которой утверждены Правительством РФ. Внеочередная медицинская помощь оказывается бесплатно в федеральных учреждениях здравоохранения, специализирующихся на лечении определенных видов заболеваний. Для того чтобы получить доступ к этому лечению, необходимо иметь медицинское заключение из поликлиники, в которой обычно наблюдается ветеран или инвалид, а также направление Минздрава субъекта РФ. Хотя сроки для рассмотрения медицинских документов на всех уровнях установлены минимальные, оказание внеочередной медицинской помощи лишено оперативности, поскольку для ее получения необходимо пройти минимум три инстанции: комиссия в поликлинике, Минздрав субъекта, комиссия в учреждении, оказывающем внеочередную помощь. Перечень федеральных медицинских учреждений, оказывающих внеочередную медицинскую помощь, утверждается Минздравсоцразвития России. Всего таких учреждений различного профиля 188 на всю страну, и ни одно из них не входит в систему медицинских учреждений МВД России.

Для действующих сотрудников органов внутренних дел, охраняющих общественный порядок на территории Северо-Кавказского региона, установлен ряд льгот в сфере оздоровительного отдыха, которые не распространяются на других милиционеров. Наиболее существенной из них является предоставление раз в год после выполнения задач в Северо-Кавказском регионе, при наличии медицинских показаний, путевок в санатории МВД в первоочередном порядке. Это право закреплено за ветеранами постановлением Правительства РФ от 9 февраля 2004 г. № 65 «О дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим и сотрудникам федеральных органов исполнительной власти, участвующим в контртеррористических операциях и обеспечивающим правопорядок и общественную безопасность на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации» и приказом МВД России от 9 сентября 1992 г. № 315. Но получить путевку непросто.

Во-первых, для получения путевки необходимо пройти отборочную комиссию и заручиться ходатайством руководителя сотрудника, желающего получить путевку. Сам порядок направления на санаторно-курортное лечение утвержден приказом МВД России от 8 ноября 2006 г. № 895 и предполагает, что сначала лечащий врач медицинского учреждения МВД должен найти медицинские показания у сотрудника к санаторному лечению, затем сотрудник должен пройти санаторно-отборочную комиссию, в которую входят медики, представители отдела кадров и финансовых служб. Одним из документов, рассматриваемых комиссией, является ходатайство руководителя сотрудника о направлении его в санаторий. Безусловная обязанность руководителя подписывать ходатайства не установлена. Основания для отказа в направлении ходатайства также не определены. Таким образом, получение санаторно-курортного лечения сотрудником зависит от усмотрения его начальства, поскольку без приложенного ходатайства санаторно-отборочная комиссия не станет рассматривать документы.

Во-вторых, количество путевок ограничено. Пять процентов от их числа распределяется между сотрудниками ОМОН и ОМСН²², 10% – между пенсионерами МВД. Для сотрудников, выполняющих задачи в Северо-Кавказском регионе, специальный резерв путевок не предусмотрен, несмотря на указание о «первоочередном порядке». Представляется целесообразным закрепить за сотрудниками, обеспечивающими правопорядок в зоне контртеррористической операции, определенный процент ежегодных путевок в санатории. По общему правилу путевки предоставляются за плату, однако по приказу МВД России № 315 от 9 сентября 1992 г. сотрудники, выполнявшие служебные задачи на Северном Кавказе, направляются в санатории бесплатно.

Ветераны и инвалиды боевых действий, не отказавшиеся от НСУ, также имеют право на льготное санаторно-курортное обслуживание, а также на оплачиваемый проезд до санатория и обратно в междугородном транспорте. Их санаторно-курортное обслуживание осуществляется в порядке, установленном Федеральным законом «О государственной социальной помощи», в санаториях, входящих в список, утвержденный Минздравсоцразвития России. Проблема реабилитации инвалидов вследствие военной травмы и боевых действий нашла отражение в специальной подпрограмме ФЦП «Социальная защита инвалидов 2006 – 2010». В результате запланированных мероприятий подпрограммы к 2010 г. в совокупности в шести центрах восстановительной медицины и реабилитации МВД должны будут проходить реабилитацию до 700 человек в год (от 100 до 150 человек в каждом центре). Цифра внушительная, но неизвестно, сколько сотрудников органов внутренних дел к тому времени будет нуждаться в этом. Настораживает и идея самой ФЦП, заключающаяся в стремлении сократить численность инвалидов и тем самым уменьшить расходы бюджета. Вызывает обоснованные сомнения сама возможность 100процентной реабилитации инвалида. Кроме того, возникает подозрение, что после курса реабилитационных мероприятий инвалидность будут просто снимать, тем более что такая возможность предоставлена Законом «О социальной защите инвалидов»: в настоящее время одним из условий признания лица инвалидом является необходимость реабилитации. Одного повреждения здоровья, каким бы серьезным оно ни было, на сегодняшний день недостаточно.

Немаловажным аспектом медицинской реабилитации является предоставление отпусков, поскольку отдых – одно из важнейших средств поддержания здоровья. Милиционеры, принимавшие участие в оперативных мероприятиях, связанных с риском для жизни, имеют право на краткосрочный отпуск (от трех до семи дней) при условии, что психологическая служба органов внутренних дел признает это необходимым²³. Также особый характер службы дает право на получение дополнительных десяти дней к ежегодному оплачиваемому отпуску²⁴. Особенно важно, что этот отпуск не может быть заменен денежной компенсацией. Таким образом, сотрудник вынужден отдыхать, что нельзя не расценить положительно.

²² ОМСН – отряды милиции специального назначения.

²³ П.1.1 приказа МВД РСФСР от 4 февраля 1991 г. № 14.

²⁴ Ст. 51 Положения о службе в органах внутренних дел.

С правовой точки зрения систему медицинской реабилитации можно оценить двояко. С одной стороны, в настоящее время существует широкий спектр нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы медицинской помощи инвалидам и ветеранам, боевых действий, участникам борьбы с терроризмом формально предоставляют-ся разнообразные льготы в медицинской сфере. К тому же существуют необходимые для реализации их льгот и прав юридические механизмы. С другой – очевидно, что государство всеми силами стремится снять с себя ответственность – а вместе с ней и расходы – по восстановлению утраченного рассматриваемой категорией лиц здоровья. Об этом свидетельствует и постепенное сокращение перечней бесплатных лекарств, и необходимость пройти три инстанции, которые занимаются лишь проверкой медицин-ских документов, для получения внеочередной медицинской помощи, и направленность ФЦП на сокращение расходов бюджета. Участники контртеррористических операций на Северном Кавказе вправе требовать путевку в санаторий, но неизвестно, сколько таких путевок реально предоставляется в год. Инвалидам должны быть обеспечены техни-ческие средства реабилитации, но под вопросом их современность и качество, т.к. в установленном правительством списке таких средств отсутствуют положения о стандар-тах, которым должны отвечать средства реабилитации. Право есть, его даже можно ре-ализовать, но на самом деле гарантирован такой минимум минимум, что фактически человек вынужден заниматься реабилитацией за собственный счет.

Страховые выплаты и единовременные выплаты нестрахового характера

Принятие в 1998 г. Федерального закона № 52-ФЗ «Об обязательном государс-твенном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц, рядового и начальствующего состава органов внутренних дел РФ, Государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников федеральных органов налоговой по-лиции» (далее – Закон «Об обязательном страховании») стало революционным шагом в области обеспечения прав лиц, пострадавших на государственной службе. Впервые в нашей стране был применен механизм, который гарантирует получение денежной компенсации независимо от наличия средств в казне. Суть взаимоотношений по обяза-тельному страхованию сводится к следующему. МВД России (страхователь) заключает договор страхования жизни и здоровья сотрудников со страховой компанией (сейчас страховщик МВД – Росгосстрах) и выплачивает ей небольшие суммы – страховые взно-сы. В случае наступления инвалидности, получения увечья или гибели сотрудника (страховой случай) ему либо его родственникам (выгодоприобретателям) страховщик выплачивает компенсацию, порядок расчета которой установлен законом. При этом задержка в выплате страховых взносов не освобождает страховщика от уплаты ком-пенсации. Таким образом, компенсация выплачивается не из средств МВД России. Это означает, что, во-первых, должностным лицам нет смысла скрывать факт наступления страхового случая или приуменьшать размер ущерба, причиненного здоровью сотруд-ника, во-вторых, получение страховой выплаты не зависит от наличия средств у ми-нистерства.

Суммы страховых выплат, определяемые исходя из окладов месячного денежно-го содержания, по сравнению с пенсионными и прочими социальными выплатами более-менее значительны и составляют:

- в случае гибели сотрудника – 25 окладов каждому выгодоприобретателю;
- в случае установления инвалидности 1 группы – 75 окладов;
- 2 группы – 50 окладов;
- 3 группы – 25 окладов;
- в случае получения тяжелого увечья – 10 окладов;
- в случае получения легкого увечья – 5 окладов.

Интересно, Закон «Об обязательном страховании» гласит дословно следующее: «Размеры страховых сумм [...] определяются исходя из окладов месячного денежного содержания этих военнослужащих и приравненных к ним в обязательном государственном страховании лиц, включающих в себя месячные оклады по занимаемой должности и месячные оклады по воинскому (специальному) званию». В Инструкции МВД²⁵, однако, указано, что страховые суммы рассчитываются исходя из окладов месячного денежного содержания застрахованных, включающих в себя месячные оклады по занимаемой должности без учета надбавок и повышений и месячные оклады по воинскому (специальному) званию.

Изначально недостаточно определенное положение закона было истолковано и уточнено МВД с нарушением принципа толкования нормативно-правовых актов, который требует толковать акты в пользу заинтересованных лиц, в данном случае сотрудников органов внутренних дел. Теоретически этот пункт Инструкции может быть оспорен в судебном порядке, поскольку вводит дополнительные, не установленные явным образом в федеральном законе ограничения права на социальное обеспечение.

Идея страховых выплат подразумевает их относительно быстрое получение. Следует отметить, что в правовом аспекте оперативному получению страховки в данном случае ничто не препятствует. В совокупности Закон «Об обязательном страховании», постановление Правительства РФ от 29 июля 1998 г. № 855 о мерах по его реализации, а также приказы МВД России образуют стройную и в целом удовлетворительную систему нормативно-правовых актов, регулирующих страхование жизни и здоровья сотрудников органов внутренних дел. Однако и тут не все благополучно.

Закон «Об обязательном страховании» устанавливает страховщику 15-дневный срок для принятия решения о выплате с момента поступления необходимых документов. Казалось бы, это недолго. Однако документы в страховую компанию еще должны прийти и при том быть надлежаще оформленными. Правильное и своевременное оформление документов зависит уже от чиновников органов внутренних дел. Малейшая ошибка, и страховщик либо отказывает в выплате, либо выплачивает меньшую сумму, либо обращается к гражданину или страхователю с требованием предоставить уточненные и исправленные данные.

Федеральным законом установлена обязанность страхователя, в данном случае МВД России, во-первых, знакомить сотрудника при поступлении на службу с правилами страхования и условиями выплаты страховки, во-вторых, оказывать содействие в истребовании и оформлении необходимых документов. Понятие «оказывать содействие» — чрезмерно общее. Можно «оказывать содействие», например, в течение полугода оформляя справку об окладе месячного содержания, из которого рассчитывается сумма страховки. Законодательно сроки и эффективность «оказания содействия» никак не оговорены. В этом случае, как и в случае рассмотрения любого обращения частного лица в орган государственной власти, действует общее правило о вынесении решения в течение месяца. Если ответ не приходит, можно «подбодрить» страхователя, подав в суд жалобу на бездействие должностного лица. Обычно после получения повестки чиновники развивают активную деятельность, поскольку не имеют желания в суде доказывать, что у них были основания для затягивания дела.

Согласно ст. 7 Закона «Об обязательном страховании», ответственные лица страхователя в случае необоснованного отказа в предоставлении информации или оформлении документов несут ответственность, предусмотренную законодательством. В практическом плане это положение почти бессмысленно. Во-первых, затягивание сроков оформления документов, строго говоря, не является отказом. Во-вторых, ни Уголовный кодекс РФ, ни Кодекс об административных правонарушениях не содержат статей, напрямую карающих подобное бездействие. Его можно квалифицировать как «отказ в

²⁵ Инструкция о порядке проведения обязательного государственного страхования жизни и здоровья сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы в системе МВД России. Утв. приказом МВД России от 16 декабря 1998 г. № 825.

предоставлении информации»²⁶, злоупотребление должностными полномочиями²⁷ или халатность²⁸, однако для этого самому факту бездействия должен сопутствовать целый ряд дополнительных обстоятельств.

Таким образом, фактически от несвоевременности выплаты страховых сумм выгодоприобретатели не защищены, что в значительной степени снижает социальную эффективность обязательного страхования.

Помимо страховых выплат федеральным законодательством (Законом «О милиции» и Законом «О противодействии терроризму») предусматриваются единовременные выплаты нестрахового характера, непосредственно из средств федерального бюджета. Во-первых, это выплата пятилетнего денежного содержания, которое складывается из месячного оклада по занимаемой должности и месячного оклада по специальному званию, в случае увольнения сотрудника из органов внутренних дел в связи с увечьем, полученным при исполнении служебных обязанностей. Во-вторых, сотрудники органов внутренних дел, непосредственно принимавшие участие в мероприятиях по борьбе с терроризмом и получившие увечья, имеют право на выплату в размере 300 тыс. руб. в случае наступления инвалидности и 100 тыс. руб. в случае ранения, не повлекшего инвалидность. Согласно Закону «О противодействии терроризму», возмещение вреда жизни и здоровью борцов с терроризмом должно производиться в порядке, установленном Правительством. Поскольку до сих пор правительство не определило указанный порядок, очевидно, следует руководствоваться Инструкцией МВД о порядке возмещения ущерба в случае гибели (смерти) или причинения увечья сотруднику органов внутренних дел, а также ущерба, причиненного имуществу сотрудника органов внутренних дел или его близких²⁹.

Инструкция имеет общий характер, что позволяет применять ее и для осуществления выплат, установленных позже ее издания. В то же время все существенные моменты – список необходимых документов, ответственные органы, сроки принятия решений о выплатах и т.д. – ею урегулированы. В качестве положительных характеристик этого документа следует отметить норму, напрямую возлагающую ответственность за сбор и оформление документов, необходимых для выплат, на кадровые аппараты органов внутренних дел.

Само по себе установление права на единовременные выплаты необходимо расценить положительно. Следует учесть и то, что суммы значительны и действительно представляют собой существенную материальную помощь. Однако при отсутствии надлежащего финансирования это право превращается в фикцию. Практика Европейского суда по правам человека по делам против России свидетельствует, что отсутствие средств на социальные выплаты не освобождает госорган от обязанности уплатить их. Тем не менее, если на счетах денег нет, единственный путь их получения – судебный. Он долг и сложен, кроме того, вынесения положительного решения недостаточно, необходимо еще добиться его исполнения. Таким образом, фактическая реализация права на единовременные выплаты зависит от ежегодного выделения средств на эти цели. Интересно, что на страницах сайта МВД России, посвященных льготам и компенсациям для сотрудников, обеспечивающих правопорядок на территории Северо-Кавказского региона, единовременные выплаты не упоминаются.

Профессиональная реабилитация

Профессиональная реабилитация подразумевает профессиональную ориентацию, переподготовку, повышение квалификации и содействие в трудоустройстве.

Исходя из смысла Правил реабилитации³⁰, осуществлять профессиональную реабилитацию сотрудников, участвовавших в борьбе с терроризмом, обязано само МВД.

²⁶ Ст. 5.39 КоАП РФ.

²⁷ Ст. 285 УК РФ.

²⁸ Ст. 293 УК РФ.

²⁹ Утв. приказом МВД России от 15 октября 1999 г. № 805.

³⁰ Утв. постановлением Правительства РФ от 16 января 2007 г. № 6.

Несомненно, что в профессиональной ориентации и переподготовке больше всего нуждаются сотрудники, увольняемые из органов внутренних дел, в особенности – по состоянию здоровья.

В системе МВД существует широкая сеть высших учебных заведений с факультетами повышения квалификации, учебных центров и средних профессиональных учебных заведений, урегулирован порядок приема и обучения в них. Основы профессиональной подготовки регулируются Наставлением по организации профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел РФ³¹. Необходимо сразу отметить, что Наставление касается исключительно действующих сотрудников МВД. При этом ни для ветеранов, ни для инвалидов боевых действий Наставлением не предусмотрено никаких льгот: профессиональная подготовка (от текущей служебно-боевой до повышения квалификации) проводится с указанными лицами в общем порядке³². Исключение составляет установленное Законом «О ветеранах» право ветеранов и инвалидов боевых действий на внеконкурсный прием в высшие учебные заведения. Закон «О ветеранах» также предусматривает право на бесплатное обучение на курсах повышения квалификации за счет работодателя, однако в отношении сотрудников органов внутренних дел это положение не имеет большого смысла, поскольку они проходят повышение квалификации и переподготовку в рамках служебной деятельности, в порядке, предусмотренном Наставлением.

Что касается обучения гражданским специальностям лиц, намеренных уволиться со службы (по собственному желанию или в связи с утратой здоровья), этот вопрос Наставлением не урегулирован. В России с 1994 г. существует система профессиональной ориентации, переподготовки и трудоустройства военнослужащих и граждан, уволенных с военной службы³³. Несмотря на то, что служба в органах внутренних дел в условиях вооруженного конфликта, служба в подразделениях ОМОНа и СОБРа, незначительно отличается от военной службы и также требует профессиональных навыков, мало востребованных в мирной жизни, проблема профессиональной адаптации сотрудников органов внутренних дел при увольнении еще не вышла на правительственный уровень. Даже ФЦП развития образования на 2006 – 2010 гг. разработана без учета потребностей в профессиональной переподготовке ветеранов и инвалидов боевых действий.

В настоящее время программы по обучению гражданским специальностям реализуются по инициативе МВД России. Так, ФГУ «Центр социальных программ МВД России» проводит обучение по специальностям, связанным с предпринимательской деятельностью и управлением кадрами.

Таким образом, ветераны боевых действий, уволившись из органов внутренних дел, если им не удалось пройти переподготовку в системе МВД, могут обратиться в службу занятости населения на общих основаниях. Они имеют право на бесплатное предоставление информации и услуги по профориентации. Также центр занятости может направить ветерана на курсы переподготовки для освоения новой специальности. Федеральный закон «О занятости населения» устанавливает группы граждан, имеющих право пройти переподготовку в первоочередном порядке. Среди них указаны инвалиды (независимо от причин инвалидности) и граждане, уволенные с военной службы. Лица, уволенные из правоохранительных органов, льгот в этой области не имеют.

Поскольку инвалиды признаются социально уязвимой группой, законодательством предусмотрены некоторые гарантии их трудоустройства. Любая организация численностью от 100 человек – будь то государственная или частная – обязана принимать на работу инвалидов по установленным квотам, обеспечивая им условия труда, предусмотренные для инвалида в индивидуальном плане реабилитации. Размер квоты устанавливается субъектом Федерации и не может быть меньше двух и больше четырех

³¹ Приказ МВД России от 28 октября 2006 г. № 860.

³² Возможно, в системе МВД России существуют специальные программы дополнительного образования ветеранов, но документов, подтверждающих это, в открытом доступе нет.

³³ Постановление Правительства от 25 ноября 1994 г. № 1300.

процентов от численности работников организации³⁴. При этом работодатель предоставляет конкретные рабочие места по своему усмотрению.

Законопроект № 31748-4 о внесении поправок в Федеральный закон «О занятости населения» с целью ввести квотирование рабочих мест и для ветеранов боевых действий был возвращен субъекту законодательной инициативы еще весной 2004 г. и с тех пор повторно не подавался. Законодательное собрание Санкт-Петербурга вышло с другой законодательной инициативой, в которой предложило возложить обязанность по трудоустройству инвалидов на предприятия с численностью работников от 50 человек, а в случае невыполнения работодателем этой обязанности – взимать с организации обязательную плату за каждого нетрудоустроенного в пределах квоты инвалида³⁵. Этот законопроект уже прошел первое чтение в Государственной Думе России и, возможно, будет принят. Но смысл этого законопроекта только в том, что он сокращает минимальную численность штата для обязательного приема инвалида на работу. При этом этот законопроект не касается ветеранов боевых действий.

Центры занятости населения обязаны в первоочередном порядке направлять инвалидов на переподготовку и содействовать их трудоустройству. Ветераны боевых действий таких льгот не имеют. Установленный Минтрудом России перечень приоритетных профессий, повышающих конкурентоспособность инвалидов на рынке труда, включает самые разнообразные профессии: от банщика до юриста³⁶. Изучение сайтов региональных центров занятости³⁷ показало, что фактически обучение проводится по довольно узкому кругу специальностей, в основном относящихся к сфере обслуживания, а также бухгалтерии и менеджменту. Инвалидам боевых действий, имеющим весьма специфический опыт общения с людьми, своеобразные трудовые навыки, стереотипы, касающиеся некоторых видов деятельности, реализоваться в таких профессиях нелегко. Скорее всего, бывший омовенец, ставший инвалидом, не пойдет работать менеджером по продажам или парикмахером, даже если его бесплатно обучат. Наиболее адекватным решением проблемы стало бы трудоустройство таких граждан в системе органов внутренних дел, но на должности, не требующие железного здоровья и физической подготовки. В этом случае отпала бы необходимость увольнения, а пройти переподготовку сотрудник смог бы в учебных заведениях МВД.

Согласно ст. 9 Федерального закона «О занятости населения в РФ» от 19 апреля 1991 г., каждый имеет право на бесплатные консультации в службе занятости и профессиональное ориентирование. В открытом доступе не удалось найти никаких документов, регламентирующих бы порядок и качество предоставления услуг по профессиональной ориентации. Таким образом, невозможно сделать вывод о том, есть ли у рассматриваемой группы граждан реальная возможность найти в «гражданской» жизни профессию, позволившую бы им самореализоваться. Практика показывает, что бывшие сотрудники органов внутренних дел могут рассчитывать в основном на устройство в частные охранные структуры.

Некоторые шаги по обеспечению трудоустройства инвалидов боевых действий проводятся в рамках мероприятий Федеральной службы по труду и занятости (Роструда) по улучшению социально-экономического положения ветеранов боевых действий³⁸ и подпрограммы «Социальная поддержка и реабилитация инвалидов вследствие боевых действий или военной травмы» ФЦП «Социальная поддержка инвалидов на 2006 – 2010 гг.». Силами центров занятости населения за 2006 г. предполагалось:

³⁴ Ст.ст. 20, 21 ФЗ «О социальной защите инвалидов в РФ» от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ.

³⁵ Законопроект № 155968-4.

³⁶ Перечень приоритетных профессий рабочих и служащих, овладение которыми дает инвалидам наибольшую возможность быть конкурентоспособными на региональных рынках труда. Утв. постановлением Минтруда России от 8 сентября 1993 г. № 150.

³⁷ ГУ «Центр занятости населения г. Саранска» – <http://rabota.saransk.ru>; ГУ «Центр занятости населения г. Казани» – <http://www.kazantrud.ru>; ГУ «Центр занятости населения г. Альметьевска» – <http://www.almatru.ru> и др.

³⁸ Приказ Федеральной службы по труду и занятости РФ (Роструд России) от 28 июля 2006 г. № 143.

- оказать информационные услуги по профориентации инвалидов боевых действий – 4000 чел.;
- провести переподготовку по специальностям, рекомендованным бюро медико-социальной экспертизы – 700 чел.;
- провести профессиональную подготовку инвалидов боевых действий в рамках подпрограммы – 550–580 чел.;
- оказать содействие в трудоустройстве – 1200–1300 чел.

Цифры говорят сами за себя. В рамках подпрограммы планируется довести количество инвалидов боевых действий, прошедших профессиональную переподготовку, до 640 человек в год к 2010 г. Формально государство занимается проблемой профессиональной реабилитации инвалидов боевых действий, на практике же каких-либо серьезных нормативно-правовых актов, за исключением подпрограммы в рамках ФЦП «Государственная поддержка инвалидов», не существует. С учетом тенденции по «насищенной реабилитации» инвалидов, заложенной в ФЦП «Социальная защита инвалидов 2006–2010 гг.», можно прогнозировать, что к 2010 г. значительная часть людей, потерявшие здоровье, окажутся предоставленными сами себе. Что же касается ветеранов боевых действий, очевидно, что сегодня необходимость их профессиональной адаптации осознается в лучшем случае в рамках МВД России. В министерстве, по крайней мере, создан Центр социальных программ, где некая часть ветеранов может пройти переобучение. А Правительство, как уже отмечалось выше, не смогло даже установить критерии и хотя бы самый общий порядок проведения профессиональной реабилитации участников контртеррористической операции. Ветераны боевых действий при обращении в службу занятости или поступлении на работу не имеют никаких льгот.

Центр социальных программ МВД России, разумеется, не в состоянии предоставить возможность получить гражданскую специальность всем, кто нуждается в этом. Право ветеранов и инвалидов на поступление в вуз без экзаменов еще не гарантирует успешного его окончания. Студенты, не имеющие специальной подготовки, не привыкшие к систематической учебе, покидают учебное заведение, как правило, после первой сессии. Кроме того, не все ветераны имеют финансовую возможность потратить несколько лет на учебу, лишившись на это время нормального дохода, который не может быть компенсирован стипендией. Таким образом, проблема профессиональной подготовки ветеранов и инвалидов боевых действий требует гораздо большего внимания со стороны властей, чем ей реально уделяется.

Получение жилья

Хотя ст. 16 Закона «О ветеранах», ст. 30 Закона «О милиции» содержат положения об обеспечении жильем сотрудников милиции в целом и инвалидов и ветеранов боевых действий из их числа в частности, на данный момент эти нормы являются в значительной мере фикцией, как выясняется при их внимательном изучении.

Так, Закон «О милиции» устанавливает право сотрудников органов внутренних дел, признанных нуждающимися в улучшении жилищных условий, на «первоочередное» предоставление отдельной квартиры или дома по установленным законодательством нормам. Прежде всего отметим, что сроки такого предоставления никак не определены³⁹, а значит, не исключена ситуация, при которой милиционер будет годами стоять в списке очередников. Следует учитывать и то, что жилье предоставляется за счет средств того бюджета, из которого содержится и сам милиционер. Таким образом, сотрудники милиции общественной безопасности в большинстве регионов априори находятся в худшем положении по сравнению со служащими криминальной милиции.

Во-вторых, речь не идет о предоставлении жилого помещения в собственность. Поскольку Законом «О милиции» этот аспект никак не конкретизирован, обратимся к

³⁹ Исключение составляют участковые уполномоченные, им жилье должно быть предоставлено в течение 6 месяцев с момента вступления в должность.

действующему Жилищному кодексу РФ (ЖК РФ), которым предусмотрено предоставление либо служебного жилья, либо жилья по договору социального найма, приватизировать такое жилье, полученное после 1 марта 2005 г., невозможно⁴⁰.

Кроме того, ст. 30 Закона «О милиции» предоставляет сотрудникам органов внутренних дел право на получение беспроцентных ссуд на строительство жилья с рас-срочкой на 20 лет и погашением 50% ссуды из средств федерального бюджета. Однако механизм предоставления таких ссуд не установлен.

Социальный найм

Жилье предоставляется по договору социального найма, если гражданин признан нуждающимся в улучшении жилищных условий. Хотя предоставляться могут как помеще-ния муниципального, так и государственного жилого фонда, признание нуждающимся в улучшении жилищных условий зависит только от местных властей. Именно они уста-навливают так называемую «учетную норму площади жилого помещения», т.е. стандарт общей площади жилья на одного человека, при достижении которого претендовать на договор социального найма невозможно. Никаких ограничений при определении «учет-ной нормы» в плане для органов местного самоуправления не установлено. По России учетная норма колеблется в пределах 10–18 м² общей площади жилья на человека⁴¹.

Основанием признания нуждающимся в жилом помещении помимо недостижения учетной нормы, является проживание в условиях, не отвечающих установленным для жилых помещений требованиям. ЖК РФ не уточняет, какой орган и в каком порядке устанавливает упомянутые требования.

Ветераны и инвалиды боевых действий, вставшие на учет в качестве нуждаю-щихся в жилых помещениях до 1 января 2005 г., обеспечиваются жилыми помещениями в порядке ст. 23.2 Закона «О ветеранах». Эти же граждане, но вставшие на учет после указанной даты, получают жилье в порядке, установленном ЖК РФ. Принципиальная разница заключается в следующем.

В первом случае порядок предоставления жилья по договору социального найма или в собственность определяется субъектом Федерации. При этом субъект, вкладываю-щий средства в обеспечение ветеранов и инвалидов боевых действий жильем, получает компенсацию из средств федерального бюджета. Для расчетов между бюджетами при-меняется социальная норма площади жилья, установленная на уровне 18 м² на челове-ка. Во втором случае муниципалитет если что-то и строит, то строит исключительно за свой счет и ориентируется не на социальную норму, установленную Правительством, а на собственные финансовые возможности.

Разумеется, субъекты РФ, как и МВД России, могут принимать различные про-граммы по финансированию строительства или непосредственному созданию жилого фонда, однако у них нет такой обязанности. А значит, гражданин ничего не может требовать.

Не слишком улучшает ситуацию и специальная подпрограмма по обеспечению жильем некоторых категорий граждан Федеральной целевой программы «Жилище». Стать участником подпрограммы и получить субсидию из федерального бюджета на приобретение жилья могут:

– сотрудники органов внутренних дел, содержащиеся за счет средств федераль-ного бюджета, увольняемые со службы по достижении предельного возраста, или по состоянию здоровья, или в связи с организационно-штатными мероприятиями, признан-ные нуждающимися в жилых помещениях, общая продолжительность службы которых составляет от 10 лет и более;

⁴⁰ Ст. 4 Закона РФ «О приватизации государственного жилого фонда в РФ» от 4 июля 1991 г. № 1541-1.

⁴¹ Данные взяты из сети Интернет. Например: <http://www.arhcity.ru/?page=212/3>; http://www.bratsk-city.ru/documents/reshenie/index.php?ELEMENT_ID=17256; <http://www.comhoz.ru/pravo/DocumShow.asp?DocumID=120730&DocumType=11>; <http://www.prsovetnik.ru/files/news/5.jpg>.

– те же лица, если они уже уволены, но продолжают стоять в списках очередников в федеральном органе исполнительной власти;

– сотрудники органов внутренних дел, уволенные со службы по состоянию здоровья, или по достижении предельного возраста, или в связи с организационно-штатными мероприятиями, признанные нуждающимися в жилых помещениях, общая продолжительность службы которых составляет от 10 лет и более и вставшие на учет в органах местного самоуправления до 1 января 2005 г.

Никаких особых льгот по сравнению с прочими сотрудниками органов внутренних дел ветераны и инвалиды боевых действий не имеют.

Государственный жилищный сертификат

Правила выпуска и реализации государственных жилищных сертификатов (ГЖС), касающиеся сотрудников органов внутренних дел, утверждены постановлением Правительства РФ от 21 марта 2006 г. № 153.

ГЖС выдаются бывшим и действующим сотрудникам органов внутренних дел либо органами исполнительной власти субъектов РФ (через органы местной власти), либо МВД России – в зависимости от того, где сотрудник стоит в очереди на жилье.

Выдача сертификата проходит в несколько этапов. Сначала нужно подать заявление о желании участвовать в подпрограмме и пакет документов, подтверждающих право на это, в орган, в котором гражданин числится очередником. Там они будут рассмотрены и гражданина включают в число участников подпрограммы.

Затем для получения самого сертификата необходимо подать еще одно заявление в тот же орган, чтобы гражданина включили в списки лиц, изъявивших желание получить сертификат в планируемом (т.е. следующем) году. В органы местной власти такое заявление подается с 1 января по 1 июля. После этого срока заявления не принимаются. МВД России устанавливает сроки подачи заявлений самостоятельно⁴². Органы местной власти направляют свои списки в органы исполнительной власти субъектов РФ.

К октябрю в органах исполнительной власти субъектов РФ и в МВД России формируются списки желающих получить ГЖС и направляются в Федеральное агентство по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству (Рострой). Исходя из предусмотренного в федеральном бюджете финансирования подпрограммы на следующий год, Росстрой рассчитывает объем бюджетных средств, которые будут предоставлены органам, составившим списки. В этом контексте интересно положение Постановления Правительства № 153, указывающее, что распределение финансирования должно обеспечивать предоставление соответствующему органу исполнительной власти «не менее 1 сертификата».

Не позднее 1 ноября органам исполнительной власти субъектов РФ и в МВД России сообщается, на какой размер финансирования выпуска ГЖС они могут рассчитывать. Органы исполнительной власти субъекта РФ в течение 10 дней формируют списки граждан, которые получают сертификаты в следующем году, и граждан, включенных в резерв. МВД РФ делает то же самое в порядке и в сроки, устанавливаемые самим министерством⁴³.

На следующий год выпускаются сами сертификаты. Органы исполнительной власти субъектов РФ и МВД России обязаны в двухмесячный срок с момента получения бланков ГЖС, оформить их и передать в органы местной власти и подразделения МВД для выдачи гражданам. Если по каким-то причинам сертификат высвобождается, он вручается участнику подпрограммы, включенному в резерв. Интересно, что постановлением Правительства РФ № 153 не предусмотрено автоматическое занесение граждан из списков резерва в число получателей ГЖС в следующем году. Этот вопрос решается органами, формирующими списки, самостоятельно.

⁴² В открытых правовых базах информацию о таком сроке найти не удалось.

⁴³ В открытых правовых базах информацию о таком порядке и сроках найти не удалось.

Таким образом, участие в подпрограмме не гарантирует получение сертификата. Гарантированный постановлением Правительства минимум ГЖС – это один сертификат на МВД России и один на каждый субъект Федерации. Разумеется, выпускается их больше, но установленный минимум говорит сам за себя. Следует учитывать и тот факт, что в органах местной власти на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях стоят не только милиционеры, но и иные категории граждан, имеющих право на участие в подпрограмме. Тот факт, что списки желающих получить ГЖС органами местной власти составляются по категориям граждан, не гарантирует, что «на места» придет хотя бы по одному сертификату на каждую категорию.

О том, насколько реально получить сертификат, свидетельствует новость, размещенная на сайте МВД в мае 2007 г. В ней говорилось о том, что пять сотрудников свердловского гарнизона милиции получили жилищные сертификаты на сумму от 600 тыс. до 1,5 млн руб. Причем вручение сертификатов стало для получателей полной неожиданностью, которой они долго не могли поверить⁴⁴.

Еще один тонкий момент – срок действия ГЖС. Получатель сертификата должен в течение двух месяцев сдать сертификат в банк по месту приобретения жилого помещения и открыть банковский счет. В течение следующих девяти месяцев, участник программы должен предоставить в банк документы, свидетельствующие о приобретении жилого помещения в собственность владельца сертификата, и дать распоряжение о переводе денежных средств в его оплату, оплату ипотечного кредита или услуг по подбору жилья и оформлению документов. На цели, не связанные с приобретением жилища, средства субсидии не переводятся. Сертификаты, не предъявленные в банк в установленный срок, считаются недействительными.

Таким образом, с учетом скромного размера субсидии, на момент получения сертификата участник программы должен уже обладать основной частью денежных средств, необходимых для оперативного приобретения жилья.

Жилищная субсидия представляет собой финансовые средства, выделяемые гражданину из федерального бюджета для покупки жилого помещения. Субсидия предоставляется один раз, возвращать полученные по ней деньги не придется – это не кредит, – но и потратить субсидию на цели, не связанные с решением жилищного вопроса, невозможно. Денег как таковых гражданам на руки не получает. Вместо этого ему выдается государственный жилищный сертификат, подтверждающий право на субсидию. В сертификате указывается сумма субсидии, рассчитанная на день выдачи сертификата, которая остается неизменной на весь срок его действия. Из средств субсидии можно оплатить любые расходы, связанные с приобретением жилья, – ограничений нет. Однако в денежном выражении субсидия невелика и в реальности является лишь небольшим подспорьем гражданину. Такое положение вещей обуславливается способом расчета размера субсидии.

Во-первых, субсидия предоставляется для приобретения определенной общей площади жилья, которая на одного человека составляет 33 м², на двух – 44 м², а на семью численностью от трех и более человек – по 18 м² на каждого. Однако «малогабаритное» жилье сейчас практически не строится: частному инвестору это невыгодно, а у госорганов и местной власти почти нет средств на строительство. Значит, участник подпрограммы либо вынужден покупать квартиру большей площади и оплачивать «лишние» метры самостоятельно, либо обращаться к рынку «вторичного» жилья.

Во-вторых, размер субсидии, предоставляемой сотрудникам органов внутренних дел, рассчитывается исключительно исходя из норматива стоимости одного квадратного метра общей площади жилья по стране, устанавливаемого Министерством регионального развития на каждые полгода. И хотя для расчета субсидии по отдельным регионам применяются увеличивающие коэффициенты:

⁴⁴ www.mvd.ru/news/11451/

- Дальневосточный экономический район, Москва, Московская область, Санкт-Петербург – 1,2;
- Восточно-Сибирский экономический район, Свердловская область – 1,15;
- Западно-Сибирский экономический район и Калининградская область – 1,1,

сумма субсидии не отвечает реальному уровню цен. Кроме того, при расчете субсидии не учитываются дополнительные расходы, связанные с приобретением жилья: оформление документов, оплата услуг агентств, уплата налогов и т.д. Между тем ни федеральные органы государственной власти, ни органы местного самоуправления, в которых граждане стоят в очереди на жилье, услуг по оформлению приобретения жилых помещений не предоставляют.

На второе полугодие 2007 г. норматив стоимости одного квадратного метра общей площади жилья установлен на уровне 22 430 (Двадцать две тысячи четыреста тридцать) рублей⁴⁵. Следовательно, размер субсидии на приобретение жилья проживающим одиноко сотрудником органов внутренних дел в Москве составит во втором полугодии 2007 г. $22430 \times 1,2 \times 33 = 888\,228$ (Восемьсот восемьдесят восемь тысяч двести двадцать восемь) рублей.

По данным сети Интернет, стоимость однокомнатной квартиры на окраине Москвы на рынке вторичного жилья колеблется от 100 до 150 тыс. долларов США, т. е. примерно от 2 570 000 (Два миллиона пятисот семидесять тысяч) до 3 855 000 (Три миллиона восемьсот пятьдесят пять тысяч) рублей.

Следует отметить, что одним из условий получения сертификата является безвозмездная передача имеющегося у получателя или члена его семьи жилого помещения в государственную или муниципальную собственность, т. е. обменять принадлежащее какому-либо члену семьи жилье «с доплатой» или продать его, а вырученные деньги вложить в покупку новой жилплощади не удастся. Таким образом, на практике воспользоваться жилищной субсидией для покупки жилого помещения могут лишь лица, обладающие солидной финансовой базой.

Согласно Закону «О ветеранах», ветераны и инвалиды боевых действий, имеют преимущественное право на вступление в жилищные и жилищно-строительные кооперативы. Ст. 111 ЖК РФ сужает это право, ограничивая его лишь кооперативами, созданными при содействии органов государственной или местной власти. Следует учитывать, что реализация рассматриваемого права обусловлена финансовыми возможностями гражданина, поскольку члены жилищного или жилищно-строительного кооператива своими средствами участвуют в приобретении (строительстве), реконструкции и последующем содержании многоквартирного дома.

Таким образом, ситуация, сложившаяся в области обеспечения жильем рассматриваемой категории граждан, отражает ситуацию с жильем в стране в целом и не может быть ни при каких условиях признана удовлетворительной. Нормативно-правовая база по этому вопросу чрезвычайно бедна и, ограничиваясь формальной декларацией права, фактически не создает условий для его реализации.

Социальная защита

Помимо мер социальной реабилитации милиционеры – участники чеченского конфликта имеют право и на социальную защиту, к которой можно отнести пенсионное обеспечение, ежемесячные денежные выплаты и натуральные льготы. В отличие от реабилитационных мер, которые появились относительно недавно, социальные права и льготы, носящие скорее компенсационный характер, были присущи еще законодательству СССР. И хотя в последние годы объем реально предоставляемых гаран-

⁴⁵ Приказ Министерства регионального развития РФ от 13 июля 2007 г. № 48.

тий значительно сократился, они настолько прочно вошли в сознание как граждан, так и законодателя, что именно они рассматриваются в качестве мер реабилитации. Ошибочное представление о социальной защите как о мерах реабилитации приводит к тому, что в действительности реабилитация не осуществляется. Несомненно, льготное исчисление пенсий, выплата пособий, льготы в сфере коммунальных платежей имеют огромное значение для поддержания достойного жизненного уровня льготополучателя, однако они ни в коей мере не способны заменить мероприятий по реабилитации, основная цель которых – вернуть status quo, реинтегрировать человека в общество, восстановить, насколько это возможно, его здоровье, предоставить ему рабочее место и т.д.

Повышение денежного довольствия

В настоящее время, сотрудники органов внутренних дел, командированные на территорию Северо-Кавказского региона имеют право на:

- 50% надбавку к окладам по штатной должности и специальному званию;
- ежемесячную надбавку за особые условия службы в размере 100% оклада по штатной должности (в который включается 50процентное повышение);
- ежемесячную надбавку за выслугу лет исходя из повышенного оклада денежного содержания;
- полевые (суточные) в трехкратном размере от установленной нормы;
- единовременную выплату денежного пособия в размере месячного оклада пропорционально времени фактического нахождения на территории Северо-Кавказского региона;
- сохранение компенсации за продовольственный паек по постоянному месту службы при обеспечении питанием во время командировки.

В совокупности эти выплаты выливаются в значительное увеличение денежного довольствия. Однако при этом, согласно информации с сайта МВД России (найти соответствующий нормативно-правовой акт в открытом доступе не удалось), не ведется учет рабочего времени милиционеров, не осуществляются доплаты за службу в сверхурочное время, ночные часы, выходные и праздничные дни в Чечне⁴⁶. Таким образом, во время командировки учитывается число дней службы, но количество отработанных часов в сутки не берется в расчет.

Фактически милиционер в Чечне лишен выплат, связанных с переработкой, которые он получал бы на постоянном месте работы. Это значит, что реальный размер выплат во время командировки не так высок, каким он представляется. Вероятно, что, работая в ОВД по месту жительства с той же нагрузкой, милиционер получал бы сопоставимые с «чеченскими» выплаты.

Таким образом, во время командировки в Чечню реально получаемый объем социальных гарантий может увеличиваться незначительно, не меняться или даже уменьшаться в зависимости от фактических обстоятельств службы. Найти логические основания такого положения дел с учетом рабочего времени затруднительно. Служба на территории Северо-Кавказского региона сопряжена с повышенным риском и постоянным напряжением даже при условии нормальной продолжительности служебного времени. Сотрудники органов внутренних дел выполняют там задачи, связанные с обеспечением безопасности не конкретного региона, а государства в целом. Предоставленные им льготы в денежном довольствии являются, таким образом, попыткой справедливого возмещения за риск и тяжесть службы. Поэтому сокращение выплат в Чечне, например отсутствие выплат за сверхурочные часы, на которые они имели бы право на постоянном месте службы, представляется несправедливым и необоснованным.

⁴⁶ <http://www.mvd.ru/struct/3300/100026/>

Продвижение по службе

Для сотрудников, перемещенных по службе в УВД по Чеченской Республике МВД России и его территориальные органы внутренних дел по контракту на срок не менее одного года, предусмотрены льготы в сфере получения званий и должностей.

Во-первых, после одного года службы по контракту в УВД Чечни вопрос о присвоении очередного специального звания начальствующего состава до полковника включительно рассматривается через один год со дня присвоения предыдущего специального звания, либо присваивается специальное звание на одну ступень выше предусмотренного по штатной должности по месту службы.

Во-вторых, по истечении контракта сотрудникам предоставляются ранее занимаемые должности в органах внутренних дел, откуда они были перемещены в УВД Чечни и его территориальные органы, либо, с их согласия, должности, равнозначные занимаемым должностям, или иные должности, в том числе в другой местности.

Льготы в области пенсионного обеспечения

Льготное пенсионное обеспечение – одна из наиболее существенных гарантий социальной защиты участников борьбы с терроризмом на сегодняшний день.

Прежде всего указанные лица могут раньше выйти на пенсию, поскольку за время службы на Северном Кавказе стаж для назначения пенсии идет в полтора-три раза быстрее. С 1 января 2007 г., согласно ФЗ «О противодействии терроризму», расчетной единицей учета стажа стал день, то есть один день учитывается как полтора или три – в зависимости от обстоятельств. Ранее применяемая единица – месяц⁴⁷ сохранилась для учета стажа за время лечения. Уменьшение единицы учета приведет к более точному исчислению льготных сроков, а значит, к усилению социальной защиты в этой области.

Во-вторых, Закон «О ветеранах» устанавливает право ветеранов и инвалидов боевых действий на льготное пенсионное обеспечение в соответствии с законодательством. Пенсионное обеспечение сотрудников органов внутренних дел осуществляется по Федеральному закону от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в РФ», Закону РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» (далее – ФЗ «О пенсионном обеспечении военнослужащих»). В некоторых случаях бывшие милиционеры подпадают под действие Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в РФ». Ни один из этих законов не устанавливает льгот по пенсионному обеспечению для ветеранов или инвалидов боевых действий. Последние пользуются льготами наравне с прочими инвалидами военной травмы.

Всего существует три вида пенсий, на которые могут претендовать бывшие милиционеры:

Пенсия за выслугу лет.

Пенсия по инвалидности вследствие военной травмы.

Трудовая пенсия по старости.

Помимо этого Герои России имеют право на дополнительное материальное обеспечение в размере 415% от базовой части трудовой пенсии по старости (далее – БТП), а инвалиды вследствие военной травмы – в размере 1000 руб. Всем лицам, кому пенсия назначается по ФЗ «О пенсионном обеспечении военнослужащих», установлена доплата к пенсии в размере 240 руб.

Если бывший милиционер имеет право на несколько видов пенсий, выплачиваться будет одна по его выбору. Исключение составляют инвалиды вследствие военной

⁴⁷ Постановление Правительства РФ от 9 февраля 2004 г. № 65.

травмы, которые вправе получать одновременно пенсию по инвалидности и трудовую пенсию по старости. При этом инвалид, имеющий право и на пенсию по выслуге лет, должен выбрать между ней и пенсией по инвалидности.

Пенсия по выслуге лет рассчитывается в процентном отношении к денежному содержанию пенсионера и повышается инвалидам вследствие военной травмы на сумму минимального размера пенсии по инвалидности в зависимости от группы.

В случае если выбор бывшего милиционера остановился на пенсии по инвалидности вследствие военной травмы, то – в зависимости от группы инвалидности – он будет получать 85% (I и II группы) или 50% (III группа) денежного довольствия. Для инвалидов военной травмы установлен и гарантированный минимум пенсионного обеспечения. Для I и II группы он не может составлять менее 300% БТП, для III группы – менее 150% БТП.

Кроме того, инвалиды I группы имеют право на надбавку к пенсии по инвалидности в размере 100% БТП, а неработающие инвалиды II и III групп, имеющие нетрудоспособных членов семьи – от 2/3 до половины БТП на каждого иждивенца.

Индикатором качества пенсионного обеспечения является в первую очередь сумма пенсии. После очередной индексации в апреле 2007 г. размер БТП, служащий расчетной единицей для подавляющего количества выплат, составил около 900 руб. Таким образом, гарантированный минимум пенсионного обеспечения инвалида военной травмы I группы (без учета трудовой пенсии по старости) составит 400% БТП + 1000 + 240, то есть около пяти тыс. руб. На фоне среднестатистического пенсионного обеспечения по стране это неплохая цифра, но чтобы реально обеспечивать потребности лица с серьезными ограничениями жизнедеятельности этой суммы явно недостаточно. При этом, если человек стал инвалидом в относительно молодом возрасте, размер его трудовой пенсии по старости будет не слишком велик. Пакет социальных услуг и ежемесячная денежная выплата кардинально на ситуацию не повлияют. Отметим, что упоминавшаяся надбавка к пенсии инвалидам I группы (100% БТП) направлена, по идее законодателя, на финансирование ухода за больным. Найти сиделку для серьезно больного человека за 900 руб. в месяц можно, пожалуй, лишь в самых неблагополучных регионах.

Таким образом, качество правового регулирования пенсионного обеспечения лиц, участвовавших в борьбе с терроризмом, трудно оценить однозначно: с одной стороны, суммы их пенсий с учетом доплат по сравнению с другими пенсионерами довольно высоки; с другой стороны – сказанное касается исключительно инвалидов (причем пенсия все равно не покрывает их потребностей), пенсионеры же из числа ветеранов боевых действий не имеют никаких льгот, кроме возможности раньше выйти на пенсию в связи с льготным исчислением стажа. Однако конкретный размер пенсии зависит в большей степени от финансово-экономической ситуации в стране, чем от действующих правовых актов. Однозначно порочно в правовом аспекте лишь бездействие законодателя, который, предусмотрев льготы по пенсионному обеспечению в Законе «О ветеранах», не установил их реально в соответствующих законах.

Ежемесячная денежная выплата, социальные услуги и другие социально-экономические права по Закону «О ветеранах»

В Законе «О ветеранах» для ветеранов и инвалидов боевых действий установлен ряд мер социальной поддержки, помимо уже упоминавшихся в других разделах льгот в области медицинских услуг, профессиональной подготовки и переподготовки, получения жилья и т.д.

Одной из наиболее значимых льгот с разработанным механизмом предоставления является ежемесячная денежная выплата (ЕДВ) и набор социальных услуг. ЕДВ была установлена ст. 23.1 Закона «О ветеранах» и первоначально составляла для ветеранов боевых действий 1100 руб. для инвалидов войны 2000 руб. Впоследствии эти вы-

платы регулярно индексировались и в настоящее время составляют около 1400 и 2500 руб. соответственно. Часть средств из ЕДВ может по желанию получателя направляться на оплату набора социальных услуг (НСУ), куда входят:

1) дополнительная бесплатная медицинская помощь, в том числе предоставление лекарств по рецептам врача и изделий медицинского назначения, а также – при наличии медицинских показаний – путевки на санаторно-курортное лечение;

2) бесплатный проезд на пригородном железнодорожном транспорте, а также на междугородном транспорте к месту лечения и обратно.

Получатель ЕДВ вправе до 1 октября текущего года отказаться от всего или части НСУ на следующий год и получать ЕДВ в полном размере. На 2007 г. стоимость НСУ составляет 513 руб., из них 57 – на оплату транспорта, остальное – на медицинские услуги.

О медицинской составляющей НСУ говорилось в разделе о медицинской реабилитации. Остановимся подробнее на транспортных услугах. Для получения безденежного билета в кассу необходимо предъявить удостоверение ветерана/инвалида, паспорт и справку, подтверждающую право на НСУ, либо паспорт и карточку транспортного обслуживания. Инвалиды и ветераны беспрепятственно пользуются правом бесплатного проезда в электричках по всей территории России. Не совсем ясно, почему льгота установлена лишь для проезда на электропоездах, ведь значительная часть пригородного сообщения в нашей стране обслуживается автотранспортом. Однако для многих, особенно инвалидов и лиц, проживающих в крупных городах, гораздо более актуальным является вопрос о городском транспорте. На федеральном уровне такая льгота не установлена, соответственно, ее предоставление зависит от финансовых возможностей субъекта РФ. В случае установления права льготного проезда в городском транспорте пользоваться им смогут только жители субъекта. Показателен пример с Московским метрополитеном, правом бесплатного проезда в котором из числа ветеранов и инвалидов обладают только жители Москвы и Московской области, а также Герои России и СССР, Герои Социалистического Труда, полные кавалеры орденов Славы и Трудовой Славы трех степеней – независимо от места проживания. Подобные ограничения воспринимаются большей частью льготополучателей как несправедливые и дискриминационные и на практике действительно ограничивают свободу передвижения, поскольку стоимость проезда в городском транспорте в крупных городах значительна в сравнении с размером пенсии. Таким образом, единое социальное пространство фактически разорвано и уровень социального обеспечения лиц, имеющих одинаковый статус, зависит от места проживания.

Не менее социально значимыми являются 50% скидки по оплате жилой площади (распространяется на ветеранов и инвалидов) и коммунальных услуг (только для инвалидов). Поскольку на федеральном уровне механизм предоставления этих льгот не прописан, их реальное предоставление зависит от согласованности действий от органов социальной защиты населения коммунальных служб. Отделения Пенсионного фонда России ведут Единый реестр получателей ЕДВ, и отделения соцзащиты, при определении круга льготников, зачастую пользуются сведениями из него. В первое время после так называемой «монетизации льгот» и изменения системы социального обеспечения нередко были случаи ошибочного невключения отдельных лиц в списки льготников по оплате коммунальных услуг.

Часть льгот, предоставленных ветеранам и инвалидам, в том виде, в котором они сформулированы законодателем, не требует закрепления специальных механизмов их реализации. Теоретически гражданину достаточно просто сослаться на Закон «О ветеранах» и потребовать льготы, поскольку их предоставление не связано с финансовыми затратами. К таким относятся:

Первоочередная установка квартирного телефона.

Преимущественное пользование услугами учреждений связи, культурно-просветительских и оздоровительных учреждений, внеочередное приобретение билетов на все виды транспорта.

Преимущество при вступлении в гаражные кооперативы, садоводческие, огороднические и дачные некоммерческие объединения граждан.

Указанные льготы в значительной мере являются фиктивными, поскольку в настоящее время основная проблема состоит не в очередности получения какой-либо услуги, а в финансовой возможности оплатить ее. Более того, введение подобных механизмов в отсутствие необходимости в них не улучшает, а скорее ухудшает ситуацию. Так, в соответствии с договором между Театром «Ленком» и мэрией Москвы, билеты на спектакли продаются в первую очередь льготным категориям граждан, к которым отнесены: Герои СССР и России, инвалиды и ветераны ВОВ, ветераны-блокадники, участники афганских событий и реабилитированные лица. Ветераны и инвалиды боевых действий в Чечне не входят в список, что ни в коей мере не может лишить их права на преимущественное пользование услугами театра, а значит, и на приобретение билетов, установленное законом, однако доказать это кассиру будет более чем затруднительно.

Единственное упоминание о льготах и преимуществах, встречающееся в тексте Федерального закона от 15 апреля 1998 г. № 66-ФЗ «О садоводческих, огороднических и дачных объединениях граждан», указывает на то, что граждане, имеющие в соответствии с российским законодательством или законодательством субъектов РФ преимущественное право на получение садовых, огородных или дачных земельных участков, включаются органами местной власти в отдельный список лиц, нуждающихся в предоставлении земельного участка. Однако преимущество при вступлении в некоммерческое объединение и преимущество при предоставлении земельного участка – далеко не одно и то же, особенно при условии, что обязательным условием членства в садоводческом, огородническом или дачном некоммерческом объединении является наличие земельного участка в пределах такого объединения. Таким образом, чтобы льгота реально «заработала», формулировка Закона «О ветеранах» явно нуждается в уточнении.

Степень социальной защищенности ветеранов и инвалидов боевых действий следует оценить двояко. С одной стороны, необходимо признать, что по сравнению с остальным населением (и даже иными категориями граждан-льготополучателей) предоставленный им спектр прав и гарантий довольно широк. С другой стороны, при более детальном рассмотрении выясняется, что по многим причинам – от правовых до финансово-экономических – часть льгот фактически не может быть реализована, а реально действующие социальные услуги и выплаты не могут обеспечить достойный уровень жизни.

Проблемы и перспективы

К сожалению, приходится констатировать, что подход органов государственной власти к реабилитации участников вооруженных конфликтов и борьбы с терроризмом в целом не отвечает потребностям этих лиц. Главной проблемой теоретического плана является общее представление о реабилитации как о менее важном аспекте по сравнению с социальной защитой. Однако пенсионное обеспечение, единовременные денежные выплаты, прочие социальные льготы по природе своей не могут заменить услуг по психологической и медицинской реабилитации, профессиональной ориентации, переобучению. Небольшие суммы денежных выплат не дают ветеранам возможности пройти курс реабилитации за свой счет или жить, не устраиваясь на работу.

За последние годы через Государственную Думу РФ прошло множество законопроектов (из которых лишь единицы стали в итоге законами), так или иначе касающихся рассматриваемой группы лиц⁴⁸. За редкими исключениями, о которых говорилось выше, законопроекты представляли собой поправки в Закон «О ветеранах» или «О социальной защите инвалидов в РФ» и были направлены либо а) на расширение круга лиц, имеющих право на статус ветерана боевых действий⁴⁹, либо б) на уточнение или рас-

⁴⁸ Ознакомиться с законопроектами можно по адресу asozd.duma.gov.ru

⁴⁹ См. раздел «Основные статусы».

ширение списка мер социальной защиты. Явно нуждающиеся в конкретизации положения закона «О противодействии терроризму», устанавливающие право на социальную реабилитацию, не привлекли внимания ни законодателя, ни Правительства РФ, которое ограничилось формальной отпиской под видом уже упоминавшихся Правил осуществления социальной реабилитации.

Показателен тот факт, что подавляющее большинство законопроектов, проходящих через Комитет Государственной Думы РФ по делам ветеранов, касается положения ветеранов ВОВ, а также семей погибших военнослужащих. На фоне не решенных вопросов социальной защиты этих категорий граждан проблемы ветеранов чеченских войн, не являющихся инвалидами, могут представляться законодателю менее существенными, чем они являются на самом деле.

В 2005 г. на парламентских слушаниях в Государственной Думе РФ и во время круглого стола в МВД⁵⁰ активно обсуждалась необходимость законопроекта «Об основах комплексной реабилитации граждан РФ, исполняющих (исполнявших) обязанности, а также пострадавших в условиях чрезвычайного положения или вооруженных конфликтов». Основой для него мог бы стать снятый в 2001 г. с обсуждения проект, касающийся комплексной реабилитации военнослужащих – участников боевых действий⁵¹. Тем не менее за истекшие два года благие намерения по разработке нового законопроекта не были реализованы.

Не была доведена до конца и работа по законопроекту «О статусе участников вооруженных конфликтов и боевых действий»⁵². Он был отозван субъектом законодательной инициативы. Суть проекта сводилась главным образом к установлению для участников боевых действий в «горячих точках» мер социальной защиты, часть из которых, как и в случае с Законом «О ветеранах», носила реабилитационный характер. Впрочем, проект содержал и специальную статью, посвященную именно реабилитации и носящую довольно общий характер. Поскольку законопроект так и не был доработан, говорить о его качестве и возможном влиянии на ситуацию бессмысленно.

Таким образом, в настоящее время отсутствуют законодательные инициативы, способные коренным образом улучшить ситуацию в области социальной реабилитации ветеранов и инвалидов боевых действий.

Значительной частью своих проблем сфера социальной реабилитации участников борьбы с терроризмом обязана низкому качеству правовой системы как таковой. Если степень проработки правовых актов не на высоте в целом, не приходится удивляться неясности норм в конкретной области. Низкий уровень информированности о своих правах и фактическая недоступность нормативно-правовой базы широким слоям населения провоцируют злоупотребления или небрежное отношение к своим обязанностям у подавляющей части чиновников. Между тем ничто не препятствует органам государственной власти использовать свои страницы в сети Интернет для размещения правового материала. На сайтах министерств и ведомств действительно можно найти некоторые нормативно-правовые акты, но их количество по сравнению с отсутствующими в свободном доступе незначительно.

Ситуация осложняется тем, что обязательному опубликованию в официальных источниках подлежат лишь те подзаконные акты, которые затрагивают права и свободы человека и гражданина. Общая тенденция такова, что большая часть ведомственных документов считается не относящейся к этой сфере и не публикуется. В лучшем случае они рассылаются по частным системам правового обеспечения («Гарант», «Консультант», «Кодекс» и др.) и доступны в основном профессиональным юристам. При этом ручаться за точность документа, приданного гласности подобным образом, сложно. Значительная часть нормативно-правовых актов министерств и ведомств вообще не выходит за их пределы даже при отсутствии грифа «для внутреннего пользования». Таким

⁵⁰ <http://www.mvd.ru/news/6470/>

⁵¹ Проект закона № 97700229-2.

⁵² Проект закона № 34763-3.

образом, складывается ситуация, при которой фактическая реализация прав – в том числе и на социальную реабилитацию – зависит либо от неопубликованных, либо от опубликованных, но мало доступных актов. А значит, приходится полагаться на добросовестность чиновников.

Нельзя назвать эффективными и процедуры обжалования нарушений прав. Согласно ст.ст. 45 и 46 Конституции РФ, любое решение органа государственной власти может быть обжаловано в вышестоящий орган или в суд. Однако не все так просто.

На рассмотрение обращения гражданина в органе государственной власти выделяется месяц. Этот срок является разумным, оправданным и чаще всего достаточным для принятия законного и обоснованного решения. Тем не менее нередки ситуации, когда в течение месяца заявление гражданина просто-напросто «вылеживается» в столе чиновника, а затем на него составляется формальная отписка. В таких условиях переписка с чиновниками может длиться годами.

Еще менее оперативна судебная система. Тому есть две причины. Во-первых, у государственного органа или должностного лица, действия которых обжалуются, есть немало способов затягивания процесса: неявка в судебное заседание (в том числе и по уважительной причине – занятость представителя госоргана в другом процессе, его болезнь или отпуск), подача ходатайств об ознакомлении с материалами дела, долгие «поиски» документов, затребованных судом и т.д. С учетом того, что судебные заседания переносятся, как правило, на месяц, зачастую между подачей жалобы на незаконные действия или решения должностного лица и вынесением решения суда первой инстанции проходит от полугода до года. Во-вторых, в России – в отличие от большинства европейских стран – споры по социальным вопросам и оспаривание действий и решений органов государственной власти не выделены в отдельный вид судопроизводства и рассматриваются судами общей юрисдикции. Среднестатистический мировой или федеральный судья перегружен делами самой разной тематики и зачастую плохо представляет себе предмет спора. Закономерным результатом такого положения вещей является формальный подход к рассмотрению жалоб и бесконечное путешествие дела по инстанциям.

В заключение хотелось бы отметить, что без решения общих проблем российской правовой системы, которые зачастую кажутся отвлеченными и теоретическими, отдельные шаги по обеспечению социальной реабилитации участников борьбы с терроризмом не дадут заметного результата. К таким проблемам относятся:

- Низкая юридическая техника.
- Несогласованность действий органов государственной власти.
- Недостаточная систематизация нормативно-правовых актов.
- Чрезмерное подзаконное нормотворчество при недостаточной доступности нормативно-правовых актов для широких слоев населения и низкой информированности о правах, что затрудняет общественный и личный контроль заинтересованных лиц.
- Отсутствие специализированного судопроизводства, затрудняющее процесс обжалования.

Профессиональная деятельность после командировок

Ольга Шепелева,
Центр «Демос» (г. Москва)

Сотрудники милиции, командированные в зону контртеррористической операции, в течение достаточно продолжительного времени несут службу в условиях отличных от тех, в которых им приходится работать у себя в регионах. Соответственно, за время командировок они, с одной стороны, приобретают новые умения и качества, а с другой – теряют часть своих профессиональных навыков. Кроме того, испытываемые в командировке стресс и переживания, связанные с повышенной угрозой жизни и здоровью, с ранениями и даже гибелью друзей и коллег, неизбежно влияют на личность сотрудника милиции.

Личностные и профессиональные изменения, произошедшие в командировке, сказываются на дальнейшей службе сотрудника в органах внутренних дел. В частности, они отражаются на способности справляться с поставленными задачами, на характере взаимоотношений с коллегами и непосредственным руководством, на восприятии сотрудником своей службы.

Качественная медико-психологическая реабилитация, оптимально организован процесс включения вернувшегося милиционера в работу подразделения и система поощрений могли бы скорректировать негативные проявления опыта «горячих точек» и стимулировать проявления положительных рабочих качеств, приобретенных сотрудником в командировке.

За период участия милиции в чеченском конфликте у руководства органов внутренних дел и у сотрудников психологических служб МВД сформировались оценки профессиональных изменений, происходящих с сотрудниками в командировках, и сложились определенные подходы к профессиональной адаптации сотрудников¹. Вместе с тем мнения самих сотрудников милиции, побывавших в командировках в Чечне, также представляют большой интерес. Данный раздел посвящен анализу взглядов сотрудников милиции на опыт, который они получили в командировках, на процесс адаптации к работе по возвращении, а также на службу в милиции в целом.

Оценка опыта, приобретенного в командировках

При опросе сотрудников органов внутренних дел, принимавших участие в контртеррористической операции в Чеченской Республике, им задавались вопросы о том, как они оценивают полученный там опыт, что позитивного и негативного вынесли для себя и своей профессиональной деятельности из командировок и насколько применим этот опыт в их повседневной службе.

Подавляющее большинство респондентов отметили, что в ходе командировок им удалось приобрести качества, навыки или знания, которые они расценивают как ценные. Так, многие сообщили, что в командировках они лучше узнали себя², прошли хороший курс выживания³, стали глубже чувствовать людей⁴, сдружились со своими

¹ О мнении психологов и начальников подразделений органов внутренних дел см.: Новикова А. Региональная милиция и конфликт.

² Из интервью с бойцом ОМОНа. Республика Адыгея.

³ Из интервью с бывшим сотрудником милиции. Республика Коми.

⁴ Из интервью с сотрудником милиции. Алтайский край.

сослуживцами⁵. Среди полезного опыта были также названы знакомство с другой культурой⁶, умение готовить пищу⁷. Один респондент сказал, что после командировок может «отличить теперь чеченца от ингуша»⁸. Другой назвал: «Навыки вождения автомобиля в незнакомой местности. Опять же нахождение в лесу где-то на рыбалочке, на охоте – уже попроще ориентироваться»⁹.

Как видно из приведенных цитат, респонденты говорили о ряде качеств и навыках, не столько полезных в профессиональной деятельности, сколько значимых в частной жизни. Некоторые сотрудники милиции прямо сообщали, что полученный в командировке опыт имеет для них личностное, а не профессиональное значение: «Знаете, я просто считаю, что съездил, чисто, лично для себя. Испытал себя в этих трудностях... В профессии этот опыт малоприменим»¹⁰.

Вопрос о том, насколько полезен приобретенный в командировке опыт для повседневной служебной деятельности, у части респондентов вызвал затруднения. Они либо вообще не могли ответить на этот вопрос, либо отвечали общими фразами о том, что всякий опыт ценен и в принципе все в жизни может когда-нибудь пригодиться. Те немногие, кто мог четко указать, какой опыт они считают полезными для работы в милиции, называли следующие навыки: «Просто обращение с оружием – знаю как обращаться»¹¹, «Научился боеприпасы изымать, научился не трогать руками, что попало, не брать с земли что-то, что лежит, допустим. Я больше узнал про взрывчатые вещества»¹². Такие навыки, несомненно, полезны в условиях вооруженного конфликта, однако возможность использовать их в обычной милицмейской работе вызывает сомнения. Так, один из респондентов, который сообщил, что во время командировки приобрел умение обезвреживать «растяжки», признал, что этот навык так и не был им востребован при последующей работе за пределами Чечни¹³. В целом, только один респондент – омоновец – смог пояснить, как он применяет в своей обыденной работе тот опыт и навыки, которые он получил во время командировок: «Несколько раз нас привлекали к ликвидации беспорядков в колониях... Мы быстро и успешно наводили порядок, применяя, в том числе, и чеченский опыт. Ты можешь реально оценить опасность, оценить обстановку, вычислить зачинщика и подстрекателей изолировать их, вести переговоры и уговоры, локализовать конфликт и, наконец, привести все к логическому завершению – восстановлению статус-кво»¹⁴.

Подавляющее же большинство опрошенных отмечали, что полученный в командировке опыт не имеет ценности для дальнейшей профессиональной деятельности: «Нет, здесь (этот опыт. – О.Ш.) не нужен – там нужен»¹⁵, «Там ставили совершенно другие задачи, нежели те, что мы здесь выполняем. Там совершенно другая жизнь, и дома те навыки не применишь. Там план делать не надо было. Отстоял на посту сутки – свободен. Если надо куда-то ехать – едешь. Там все просто. Никаких протоколов и бумага»¹⁶. Из ответов некоторых респондентов складывается впечатление, что командировки в «горячие точки» не просто не способствуют приобретению опыта, полезного для дальнейшей работы, но формируют навыки, которые не могут быть применимы в обычных условиях службы: «Я стараюсь ничего не применять на практике из того опыта, который я получил в Чечне. Функции, которые я выполнял в Чечне и здесь, на

⁵ Из интервью с бойцом ОМОНа. Республика Адыгея.

⁶ Из интервью с сотрудником милиции. Республика Коми.

⁷ Из интервью с бойцом ОМОНа. Алтайский край.

⁸ Из интервью с бывшим бойцом ОМОНа. Тверская область.

⁹ Из интервью с бывшим бойцом ОМОНа. Алтайский край.

¹⁰ Из интервью с сотрудником милиции. Алтайский край.

¹¹ Из интервью с бывшим сотрудником милиции. Алтайский край.

¹² Из интервью с бывшим сотрудником милиции. Республика Коми.

¹³ Из интервью с бывшим сотрудником милиции, Нижегородская область.

¹⁴ Из интервью с бойцом ОМОНа. Алтайский край.

¹⁵ Из интервью с сотрудником милиции. Республика Коми.

¹⁶ Из интервью с сотрудником милиции. Тверская область.

службе, – совершенно различные. Меня учили убивать, когда отправляли в командировку. Здесь от меня этого не требуется»¹⁷, «пусть все (весь опыт. – О.Ш.) там (в Чечне. – О.Ш.) остается»¹⁸.

Более того, некоторые респонденты – как бойцы спецподразделений, так и сотрудники других служб – отмечали, что некоторые проявления полученного в командировках опыта могут мешать им в повседневной работе. Так, у некоторых вызывает беспокойство приобретенная в Чечне привычка к оружию: «Не надо часто оружие доставать, как в Чечне. Там-то постоянно с предохранителя с передернутым автоматом. А тут пусть он лежит пистолет в кобуре. Лучше пореже доставать, но привычка все равно остается. Если че-то где-то в подъезд поднимаешься – все равно пистолет достнешь... Пистолет сразу достнешь, уже навыки остались такие, их уже не изменить»¹⁹. Один из респондентов отметил, что в работе ему мешают развившаяся у него вследствие командировки нетерпимость к представителям других этнических групп: «И бывает момент – это отношение к нерусским. Оно и так было какое-то не совсем, а после командировки я укрепился в своем негативном к ним отношении. Вообще, ко всем нерусским. Расистом становлюсь»²⁰. О развитии таких настроений рассказал еще один респондент²¹.

Вместе с тем о негативных сторонах приобретенного в командировках опыта упоминали лишь немногие респонденты из числа бывших и действующих сотрудников внутренних дел. Большинство говорили, что им этот опыт не мешает.

Обобщая, можно сказать, что милиционеры, побывавшие в командировках в Чечне, признавая значимость приобретенного опыта для своего личностного развития, рассматривают этот опыт как нечто, не связанное с их обычной профессиональной деятельностью. Интересно, что никто из опрошенных сотрудников милиции, рассказывая о влиянии командировок на свою профессиональную деятельность, не упоминал о проблеме утери определенных профессиональных навыков в период командировок, хотя эта проблема была отмечена рядом психологов и начальников подразделений органов внутренних дел²². По всей видимости, те, кто вернулся из командировок, не замечают изменений в качестве своей работы, которые видны их руководителям и сослуживцам. К тому же силы и внимание сотрудников милиции первое время после возвращения из командировки поглощены реадaptацией к прежним условиям жизни и работы.

Возвращение к обычной профессиональной деятельности

Сотрудники милиции отмечают, что после возвращения из командировки им требуется некоторое время для того, чтобы включиться в обычный ритм жизни в своем городе или поселке: «Ну да, приезжаешь, приходишь сам не свой, я, например, заметил такое состояние, как будто я два года в армии был, ну да, тяжело было как то адаптироваться»²³. По утверждениям самих респондентов, им требуется от нескольких дней до нескольких недель для реадaptации. Кроме того, им необходимо время для отдыха и снятия полученного стресса. Именно для этого сотрудникам милиции, вернувшимся из командировок, предлагаются реабилитационные программы и отпуска.

Исходя из ответов респондентов, после командировок им обязательно дается десятидневный реабилитационный отпуск. К этому отпуску могут прибавляться отгулы,

¹⁷ Из интервью с сотрудником милиции. Тверская область.

¹⁸ Из интервью с сотрудником милиции. Республика Коми.

¹⁹ Из интервью с бойцом ОМОНа. Республика Коми.

²⁰ Из интервью с сотрудником милиции. Алтайский край.

²¹ Из интервью с сотрудником милиции. Тверская область.

²² О мнении психологов и начальников подразделений органов внутренних дел см.: Новикова А. Региональная милиция и конфликт.

²³ Из интервью с бывшим бойцом ОМОНа. Республика Коми.

предоставляемые в связи с тем, что работа в командировках ведется без выходных, а также очередной отпуск. В случае если сотрудник получает сразу и реабилитационный и очередной отпуск и отгулы, то с момента возвращения из командировки до момента возвращения к службе может пройти несколько месяцев: «Уходил в реабилитационный отпуск. Потом в командировке еще отгулы набегали. Бывало, что это совпадало с очередным отпуском, и в сумме получалось и до 3–4 месяцев»²⁴. И если не всем сотрудникам милиции удастся получить в этот период времени качественную реабилитацию²⁵, то они, по крайней мере, теоретически имеют возможность отдохнуть, прежде чем приступить к работе.

Однако на практике некоторые сотрудники милиции вынуждены выходить на работу практически сразу после возвращения из командировки. Судя по материалам интервью, с этой проблемой чаще сталкиваются участковые, следователи и сотрудники уголовного розыска, чье длительное отсутствие наиболее тяжело сказывается на способности отделов милиции справиться с возложенным на них объемом работ: «Были в моем распоряжении эти 10 дней реабилитационных и отгулы... Количество не помню, сколько дней-то. Но там можно было месяц, по-моему, спокойно отдыхать... Я не то что не воспользовался – это было решение руководства как бы. Там вообще хотели, по-моему, даже чуть ли не сразу, там, через несколько дней, чтобы я вышел на работу... Тут, видимо, наверное, нагрузка большая была здесь и как бы меня в помощь, что ли, чтобы разгрузить ребят, товарищей. 10 дней-то я отгулял, а эти чеченские отгулы – я их так называл – я отгулял буквально прошлой осенью, осенью 2005 года последний я там остаток брал, то есть я часть брал в один год, в 2002-м, по-моему, и часть вот в прошлом году отгулял»²⁶.

Судя по ответам респондентов, в первой половине 2000-х годов руководство подразделений чаще разрешало сотрудникам сразу воспользоваться всеми отпусками и отгулами, причитающимися за командировки в Чечню. Потом эта практика изменилась: «Я отдыхал долго, почти 4 месяца. А сейчас сотрудники вернулись и по указанию начальника – 10 суток с момента командировки и все – на работу. 10 суток и на работу... по приказу»²⁷.

Часть сотрудников милиции с пониманием относятся к требованию начальства выходить на работу через 10 дней после возвращения. Одни сами стремятся поскорее вернуться в подразделение, чтобы избавиться от скуки дома и отвлечься от воспоминаний о командировке: «Я старался или разбить полностью (периоды отпусков и отгулов. – О.Ш.) или же вообще – отказаться от части, допустим. В работу втягиваться больше»²⁸. Другие опасаются, что после длительного отсутствия им будет тяжело встраиваться в работу отдела: «Чем больше будешь отдыхать, тем сложнее тебе потом в колею встроиться»²⁹. Кроме того, милиционеры осознают, что, пока они в отпуске, коллеги вынуждены нести дополнительную нагрузку: «Во вторую (после второй командировки. – О.Ш.) сразу почти стали работать. Товарищи ведь здесь за нас работали, вдвойне работали»³⁰.

Вместе с тем значительная часть милиционеров возмущены тем, что их возвращают к работе, не дав отдохнуть и восстановиться после тяжелой командировки: «А пацаны, вон, сейчас приехали, им дали за полгода 10 дней (реабилитационного отпуска. – О.Ш.) – и все, уже работают. Вот это вот дурдом... Че это за отдых после полгода, когда ты там не спишь практически круглые сутки, службу несешь... Не знаю я, че это за приказ такой дурацкий, неправильно это»³¹.

²⁴ Из интервью с бойцом ОМОНа. Тверская область.

²⁵ О практике реализации реабилитационных программ см.: Новикова А. Реабилитация ветеранов Чечни.

²⁶ Из интервью с сотрудником милиции. Республика Коми.

²⁷ Из интервью с сотрудником милиции. Алтайский край.

²⁸ Из интервью с бывшим бойцом ОМОНа. Республика Коми.

²⁹ Из интервью с сотрудником милиции. Республика Коми.

³⁰ Из интервью с бойцом ОМОНа. Республика Адыгея.

³¹ Из интервью с бойцом ОМОНа. Республика Коми.

Как бы сами сотрудники ни относились к фактическому сокращению периода отдыха после командировок, такая практика существенно ограничивает их возможности воспользоваться реабилитационными услугами: «Когда сотрудник выходит на работу, то какие могут быть реабилитационные мероприятия? Совмещать реабилитацию и работу практически невозможно»³². Представляется, что отсутствие полноценного отдыха и реабилитации негативно сказывается на способности милиционера включиться в работу своего подразделения после возвращения из командировки.

По мнению психологов, милиционеры, вернувшиеся из командировок, испытывают определенные трудности, вновь приспосабливаясь к работе: «После командировки люди не могут войти в ритм повседневной работы отдела...»³³ Эту проблему отмечают и сами милиционеры. Исходя из материалов интервью, в период возвращения к работе они сталкиваются с целым рядом сложностей.

Во-первых, им надо быстро восстановить утраченные за время командировки навыки: «В первые дни трудно, конечно, забываешь, что к чему»³⁴. Во-вторых, сотрудникам бывает необходимо ознакомиться с новыми методами работы и с нормативными актами, принятыми пока они находились в командировке: «Все в мире меняется, а пока там (в Чечне. – О.Ш.) – отстаешь от событий, приходится наверстывать после. Особенно с оборудованием, техникой новой, если приходит, надо внимательно знакомиться»³⁵. А вернувшиеся из командировок участковые и оперативники должны узнать, что изменилось на подведомственном им участке за время их отсутствия: «По участку пришлось дорабатывать, выяснять новое, архивы поднимать – что там происходило за это время...»³⁶

Нельзя забывать, что специального времени на адаптацию и восполнение информационных пробелов сотрудникам милиции обычно не предоставляют: «Я приехал (из командировки. – О.Ш.) сюда (в свой регион. – О.Ш.) – мне как впарили работу выше крыши. Вот так навешали... Все, ты у меня утонул. И все работаешь, работаешь, работаешь... Все, у тебя лишней мысли нету»³⁷. Более того, восстанавливать утраченные навыки и знакомиться с новой информацией сотрудникам чаще всего приходится самостоятельно: «Иногда для прибывших из командировки проводят семинары, чтобы познакомить всех сразу с изменениями, но чаще наверстываем сами»³⁸, «Вот они (руководители. – О.Ш.) говорят – вы изучите, у нас были лекции определенные, проводились, запишите, перепишите, поучите»³⁹. Помощь в этом деле милиционеры получают, как правило, только от коллег на неформальном уровне: «От сослуживцев, конечно. Это же все записывается на занятиях, на лекциях. Возьмешь также прочитаешь»⁴⁰.

Часть милиционеров понимают, что руководители их подразделений не всегда имеют практическую возможность организовать для них какие-то мероприятия для успешного возвращения к обычной работе после командировок: «Потому что невозможно собрать людей. У кого-то отпуск, там, три месяца, у кого-то – шесть. Там сессии, например, в эти отпуска выпадают... Как бы тяжело собрать и каждому довести, что вот такое изменение (в нормативных актах и методах работы. – О.Ш.)»⁴¹. Тем не менее, очевидно, что в ситуации, когда сотрудник приступает к работе, не отдохнув после командировок, и ему не предоставляется практически никакой помощи в процессе профессионального восстановления, от него сложно ожидать безупречного выполнения всех служебных заданий. Некоторые руководители подразделений внут-

³² Из интервью с бывшим сотрудником милиции. Тверская область.

³³ Из интервью с психологом РОВД. Тверская область.

³⁴ Из интервью с сотрудником милиции. Республика Коми.

³⁵ Из интервью с бойцом ОМОНа. Алтайский край.

³⁶ Из интервью с сотрудником милиции. Республика Коми.

³⁷ Из интервью с бывшим сотрудником милиции. Республика Коми.

³⁸ Из интервью с бойцом ОМОНа. Алтайский край.

³⁹ Из интервью с сотрудником милиции. Алтайский край.

⁴⁰ Из интервью с сотрудником милиции. Республика Коми.

⁴¹ Из интервью с бойцом ОМОНа. Республика Коми.

ренных дел это понимают: «Нагрузку им сразу не даем, после этого, чтобы пообвыклись, присмотрелись, что да как...»⁴² Однако не все начальники делают скидки на сложности адаптационного периода. Многие предъявляют к вернувшимся из командировки сотрудникам обычные требования, а когда те не справляются, наказывают их: «Он не может после командировки сделать свою работу качественно, на этой почве у него могут быть выговоры»⁴³. Такое отношение вызывает у сотрудников раздражение и чувство несправедливости.

Место в коллективе после возвращения из командировки

За то время, которое сотрудник милиции находится в командировке, изменяется не только нормативная база, методы работы и пр. Вернувшись из командировки, сотрудник может столкнуться с существенным изменением ситуации на месте службы: «А я когда уезжал, а уезжал я из оперативно-сысского отдела, где я был тогда. Пока меня не было, его сократили, и в итоге в мое отсутствие меня вывели за штаты, а потом создали, как его, межрайонные отделы, которые тогда создавали уже при краевом УВД. То есть меня перевели туда. И получилось, что я, ничего не зная, месяц был выведен за штат»⁴⁴. Такие кардинальные изменения в служебном положении сотрудника скорее являются исключением, поскольку по общему правилу: «Любые перестановки или увольнения запрещены, пока сотрудник находится в командировке. Только после его возвращения из командировки сотруднику могут сделать предложение новой должности»⁴⁵. Гораздо чаще вернувшийся из командировки милиционер сталкивается с изменениями в составе своего подразделения.

В условиях текучки кадров, от которой продолжает страдать милиция, за время пребывания милиционера в командировке многие из хорошо знакомых сослуживцев могут смениться новыми людьми: «Ну, из старого состава (к моменту возвращения из командировки. – О.Ш.), конечно, остались. Но вообще – в основном молодежь... Конечно, привыкнешь. Познакомишься»⁴⁶. Таким образом, вернувшийся из командировки сотрудник должен заново встраиваться в систему рабочих отношений, сложившихся за время его отсутствия в коллективе. Этот процесс облегчается тем, что сотрудники, побывавшие в командировках в «горячих точках», пользуются уважением коллег: «Человек, который съездил первый раз, допустим, меня если брать: когда ты приезжаешь, к тебе уже, конечно, отношение другое. Ну, что съездил в Чечню... Говорят, возмужал, уважение появилось»⁴⁷. Сослуживцы бывают рады благополучному возвращению командированных домой: «Радостно, все живы, и им нарядов меньше»⁴⁸. Кроме того, многие милиционеры привычны к изменениям в кадровом составе подразделения.

Судя по ответам респондентов, гораздо больше их беспокоит смена руководства, которая также может произойти за время командировок. Приход нового руководителя неизбежно приводит к существенным изменениям в порядке работы: «Допустим, я уезжал когда начальник был один, приехал – другой... А с этим и все отношение к работе поменялось...»⁴⁹. Исходя из материалов интервьюирования, не всем удается сработать с новым начальником, что может привести к переводу сотрудника в другое подразделение или к увольнению из милиции. Вместе с тем трудности, связанные с налаживани-

⁴² Из интервью с начальником РОВД. Алтайский край.

⁴³ Из интервью с психологом РОВД. Тверская область.

⁴⁴ Из интервью с сотрудником милиции. Алтайский край.

⁴⁵ Из интервью с заместителем начальника РОВД. Тверская область.

⁴⁶ Из интервью с сотрудником милиции. Республика Коми.

⁴⁷ Из интервью с бывшим сотрудником милиции. Алтайский край.

⁴⁸ Из интервью с бывшим бойцом ОМОНа. Республика Адыгея.

⁴⁹ Из интервью с сотрудником милиции. Алтайский край.

ем отношений с новым руководителем, возникают у любого сотрудника независимо от того, был ли этот сотрудник в командировках в Чечне или нет. Скорее можно говорить о том, что стресс, который переживает милиционер в связи со сменой начальника подразделения, просто усугубляется теми сложностями, которые он испытывает в процессе адаптации к своей обычной работе после командировки.

Даже если в подразделении не появилось нового начальника, отношения сотрудника с руководством после командировки могут измениться. В некоторых случаях командировка в Чечню повышает статус сотрудника в глазах руководителя. Из ответов респондентов создается впечатление, что это чаще происходит в тех случаях, когда сам руководитель имеет опыт командировок в «горячие точки»: «У меня, видите, сам начальник, он там же (в Чечне. – О.Ш.) был, поэтому он меня прекрасно понимает. Может, как сказать, раньше что-то он мог мне не договаривать, тут уже в принципе он знает, что человек там был, что-то уже можно обсудить»⁵⁰.

Вместе с тем отношения сотрудника с руководителем после командировки могут и испортиться. Из материалов интервью следует, что основной причиной конфликтов с руководством становятся психологические проблемы, возникшие у сотрудников вследствие командировок (стресс и раздражительность, неконтактность, заносчивость, злоупотребление алкоголем и пр.), а также утеря профессиональных навыков за время командировок. Часть этих конфликтов не возникала бы, если бы система реабилитации работала более эффективно и существовала специальная программа, облегчающая сотруднику процесс включения в работу своего подразделения.

В нынешней ситуации предотвращение конфликтов и трений с вернувшимися из командировки сотрудниками в очень большой степени зависит от начальников подразделений, в которых они работают. Но способность оказать вернувшемуся из командировки сотруднику помощь в адаптации к работе подразделения существенно ограничивается занятостью руководителя, который, как правило, должен не только организовывать работу по поддержанию правопорядка, но и заниматься поиском средств для обеспечения нормальной работы подразделения.

На практике значительную роль начинают играть личные качества руководителя: «Если командир – человек понимающий, если он заметил что-то неладное, то он сотрудника, который находился не в лучшем состоянии, лишний раз не (отправит. – О.Ш.) в наряд, тем более с оружием. Постарается как-то, отвлечет человека от стрессовой ситуации. Даст лишний раз отдохнуть сотруднику. Умные люди из командиров замечают процессы и не дают им развиваться. Если ситуация тяжелая, то под разными предлогами отправит к медикам»⁵¹.

Советы психологов, работающих в отделах внутренних дел, могли бы помочь руководителям справляться со склонными к срывам и конфликтам сотрудниками. В то же время порядок работы психологов в отделениях милиции и характер их взаимоотношений с милиционерами не всегда позволяет психологам своевременно и верно оценить ситуацию конкретного сотрудника. К тому же из-за невысокого статуса психологической службы в целом рекомендации психолога часто оказываются невостребованными⁵².

Карьера и отношение к службе

По словам сотрудников милиции, командировки в «горячие точки» могут способствовать их продвижению по службе и улучшению условий работы.

Повышение профессионального статуса может выражаться, например, в лучшем материально-техническом обеспечении, что имеет большое значение для облегче-

⁵⁰ Из интервью с сотрудником милиции. Алтайский край.

⁵¹ Из интервью с чиновником региональной администрации. Тверская область.

⁵² Подробнее о положении и работе психологов в подразделениях милиции см.: Новикова А. Психологическая служба МВД.

ния каждодневной деятельности милиционера: «Я после командировки приехал – мне транспорт дали. Уазик мне отдали»⁵³.

Наличие командировок в Чечню может облегчить сотруднику доступ к высшему профессиональному образованию: «Я сразу поступил учиться... У меня не было проблем с поступлением. Я думаю, что командировка помогла»⁵⁴. Образование, в свою очередь, может способствовать карьерному росту в органах внутренних дел, а если сотрудник милиции выходит на пенсию или увольняется – помочь найти новую работу. Впрочем, результаты исследования не позволяют сделать вывод о том, что действующие меры социальной реабилитации – а внеконкурсный прием в вузы для участников конфликта, безусловно, относится к их числу – создают реальную основу для последующего развития профессиональной и в целом социальной карьеры ветеранов⁵⁵.

Исходя из материалов интервью, командировки могут стать основанием для повышения сотрудника в звании: «Я практически всегда (после очередной командировки. – О.Ш.) рано или поздно получал повышение по службе»⁵⁶. Однако повышений удостоивается не каждый милиционер: «В звании не повысили, местное (начальство оценило. – О.Ш.) неадекватно»⁵⁷. По всей видимости, в той ситуации, когда уже значительная часть сотрудников милиции побывали в командировках в Чечне, значение командировок для карьерного роста девальвировалось. То есть, для получения повышения самой по себе командировки становится недостаточно: «Это (повышение. – О.Ш.) происходит, когда человек не только поехал в Чечню, но и хороший специалист своего дела»⁵⁸.

Кроме продвижения по служебной иерархической лестнице существуют и другие способы поощрить побывавшего в командировке сотрудника. Так, многие респонденты говорят о том, что возвращающимся из командировок дают премии и подарки, для них устраивают торжественные встречи и концерты. Часть сотрудников бывают рады таким поощрениям, рассматривая их как признание начальством и обществом своих заслуг: «По прибытии в обязательном порядке глава администрации района собрал весь свой актив – т.е. всех замов, начальников всех их служб, – пригласил, значит, нас с женами, с ребятишками, вручил женам по букету цветов, т.е. поблагодарил их за поддержку, за то, что дождались. Значит, нам вручили, уж не помню... Деньги давали – нет, нам вручили подарки – по часам, по настенным»⁵⁹. У других сотрудников подарки и премии вызывают раздражение. Так, один респондент с иронией сказал: «За все годы мне руководство подарило миксер, не считая денежных выплат. Честно говоря, миксер для спецназовца – самый лучший подарок»⁶⁰.

Дело в том, что разовые подарки и мелкие выплаты выглядят незначительно по сравнению с повседневными проблемами милиционеров – такими, как нехватка техники и материального обеспечения для работы, невысокая заработная плата, трудности с жильем, отсутствие доступа к вневедомственному здравоохранению и пр. Часть сотрудников милиции предпочли бы, чтобы руководство не тратило средства на подарки и поощрения, а изыскало бы возможности для решения более существенных вопросов: «Власть обязана содержать силовые органы на должном уровне. Не концерты устраивать в День милиции, а обеспечить содержание личного состава, материальное обеспечение деятельности милиции»⁶¹.

⁵³ Из интервью с сотрудником милиции. Республика Коми.

⁵⁴ Из интервью с сотрудником милиции. Тверская область.

⁵⁵ О трудностях социальной карьеры ветеранов конфликта см.: Браиловская К. Социальная карьера ветеранов.

⁵⁶ Из интервью с заместителем начальника РОВД. Тверская область.

⁵⁷ Из интервью с бывшим сотрудником милиции. Республика Адыгея.

⁵⁸ Из интервью с начальником РОВД. Тверская область.

⁵⁹ Из интервью с сотрудником милиции. Алтайский край.

⁶⁰ Из интервью с бывшим сотрудником милиции. Республика Адыгея.

⁶¹ Из интервью с бывшим сотрудником милиции. Тверская область.

Отношение к медалям и иным наградам, которые могут быть присвоены за прохождение службы в «горячих точках», тоже двоякое. Некоторые милиционеры относятся к этим наградам пренебрежительно: «Да, есть награды. Есть и "За отвагу", и "За охрану общественного порядка", и "За службу в МВД". Потом есть медаль к ордену «За заслуги». Ну, и что с этого я имею? Почти ничего»⁶². Другие, напротив, испытывают гордость: «Награжден медалью указом Президента РФ – это государственная, а не просто ведомственная награда. Мне приятно»⁶³.

Тем не менее те милиционеры, которые рассматривают награды как важный знак признания своих служебных заслуг, часто бывают недовольны несправедливым, по их мнению, порядком распределения этих поощрений: «Эти награды получают, конечно, и достойные люди, но в основном их получают те, кто может сам написать на себя представление... Или получают те, кто требует какую-то награду... А мое представление где-то уже четыре года валяется... Так до сих пор ничего не получено»⁶⁴. Также вызывает у милиционеров раздражение бюрократизм и проволочки в процедуре награждения: «Вот мне орден не могли вовремя вручить, вручили только через три года»⁶⁵.

Если к вопросам премий, подарков, наград и повышений в звании милиционеры могут относиться по-разному, вопрос выплаты боевых и предоставления других связанных с командировками льгот вызывает негодование практически у всех. Сотрудники милиции не понимают, почему полагающиеся им по закону льготы они должны выбивать через суд: «Не хотели выплачивать то, что нам положено. Высудили вот – ветеранские высудили. Зарплату всю, к пенсии стаж, льготы»⁶⁶. Ситуация обостряется тем, что в суде вернувшийся из командировки милиционер сталкивается с работодателем в лице своего подразделения, или ГУВД, или МВД: «По приезду из командировки что обидело – это эти заморочки с деньгами. Зачем мы должны нанимать каких-то адвокатов, какие-то деньги выбивать? Конечно, это только руководство (виновато. – О.Ш.), я считаю. Они, наоборот, с ГУВД посылают юристов – идите туда. И они начинают какие-то палки в колеса вставлять»⁶⁷.

В результате, у некоторых сотрудников формируется негативное отношение к руководству: «Что не нравится... В данный момент это отношение... Отношение руководства к простым милиционерам... это абсолютно... не знаю, откуда это все пошло...»⁶⁸. Некоторые милиционеры, впрочем, полагают, что их непосредственные начальники и руководители региональных управлений внутренних дел невиноваты в сложностях с выплатами и званиями, равно как и не могут решить другие проблемы простых сотрудников: «Я думаю, они понимают его (положение рядового милиционера после командировки в Чечню. – О.Ш.) полностью, просто от них мало чего зависит»⁶⁹. В этом случае сотрудник милиции переносит негативное отношение на государство в целом: «Хотя мы считаемся представителями государства, властью, но отношение к нам со стороны государства как к последним сволочам»⁷⁰.

Существующие проблемы с получением выплат и льгот, с порядком присвоения званий и наград вызывают у значительного числа милиционеров ощущение, что их работа не ценится. Это влечет за собой демотивацию к службе. В сочетании со стрессом и психологическими изменениями, которые происходят с некоторыми сотрудниками в результате командировок при отсутствии эффективной реабилитации⁷¹, демотивация милиционеров может приводить к дисциплинарным нарушениям, а также должностным

⁶² Из интервью с бывшим бойцом ОМОНа. Тверская область.

⁶³ Из интервью с сотрудником милиции. Алтайский край.

⁶⁴ Из интервью с сотрудником милиции. Тверская область.

⁶⁵ Из интервью с бойцом ОМОНа. Тверская область.

⁶⁶ Из интервью с сотрудником милиции. Республика Коми.

⁶⁷ Из интервью с сотрудником милиции. Алтайский край.

⁶⁸ Из интервью с сотрудником милиции. Алтайский край.

⁶⁹ Из интервью с бойцом ОМОНа. Республика Коми.

⁷⁰ Из интервью с сотрудником милиции. Алтайский край.

⁷¹ О проблемах реабилитации ветеранов см.: Новикова А. Реабилитация ветеранов Чечни.

и бытовым преступлениям: «Ну, если брать противоправные действия сотрудника, то причина этого многофакторная. Это и вседозволенность, это и озлобленность и на представителей других национальностей, и на власть, которая послала их туда... Многие приезжают из Чечни неудовлетворенными, ведь они не получают адекватного вознаграждения. Им ничего не платят, а ведь они были на войне. Не секрет – многие ехали в Чечню, чтобы решить свои материальные проблемы. Но эти проблемы они не могут решить... Люди становятся более циничными, агрессивными. Одно дело, что они видели кровь, смерть в Чечне, другое – это пренебрежение к ветеранам дома»⁷².

Разумеется, должностные проступки и преступления совершают не все милиционеры, побывавшие в Чечне. Гораздо более распространенным следствием демотивации сотрудников милиции является увольнение из органов внутренних дел, а для тех, кто не уволился, – развитие формального отношения к работе, граничащего с имитационным характером деятельности. Представляется, что и текучка кадров, и утрата милиционерами желания добросовестно выполнять свои обязанности негативно сказываются на эффективности работы конкретного подразделения милиции и правоохранительных органов в целом.

⁷² Из интервью с психологом УВД. Тверская область.

РАЗДЕЛ 3.

ОБЩЕСТВО И ВЕТЕРАНЫ ЧЕЧНИ

Социальная карьера ветеранов

Ксения Браиловская,
Центр «Демос» (г. Москва)

Социальная карьера – это динамика социального, профессионального и семейного положения на определенном отрезке времени. Процесс реинтеграции, или «возвращения в общество» является одним из важнейших в развитии социальной карьеры побывавших в Чечне сотрудников МВД. Так происходит потому, что характер посткомандировочной интеграции в общество оказывает определяющее влияние на частную жизнь и профессиональную деятельность ветеранов.

Социальная карьера после командировок является логичным развитием предыдущего социального опыта, который был накоплен ветеранами в их частной и профессиональной биографиях. В том числе в период до командировок и во время нахождения в Чечне. Поэтому при оценке социальной карьеры ветеранов после командировок в Чечню следует учитывать предыдущую биографию ветеранов, а также тот опыт, который они получили в командировках. При этом интенсивность влияния самих командировок на дальнейшую жизнь ветеранов и их социальную карьеру зависит от ряда ключевых обстоятельств:

- семейные отношения до, во время и после командировок;
- социальная и профессиональная ситуации до и после возвращения из командировки;
- число командировок;
- характер опыта, который они получают во время командировок;
- оценка этого опыта самими ветеранами
- оценка этого опыта социальным окружением ветеранов.

На временном интервале от первой командировки до момента интервью мы сконцентрируемся на периоде «возвращения в общество», или реинтеграции. Именно этот период в большой степени определяет дальнейшую жизнь ветеранов, и именно в этот период проявляется влияние перечисленных выше обстоятельств.

Оценив ту ситуацию, в которой оказываются ветераны после командировок, а также факторы, влияющие на посткомандировочную жизнь, можно сформулировать основные типы сценариев социальной карьеры ветеранов. С этой целью мы поставили перед собой задачу выяснить основные факты и особенности биографий, которые влияют на процесс «возвращения в общество» и, соответственно, на дальнейшую социальную карьеру¹.

Следует отметить, что при описании социальной карьеры ветеранов мы не ориентируемся на некий ее идеал. То есть мы не будем соотносить полученные типы с идеально «хорошими», «положительными» или «успешными». Цель нашего описания – выявление наиболее вероятных вариантов развития жизненного пути ветеранов при наиболее типичных обстоятельствах биографий. Единственный критерий оценки полученных типов социальной карьеры будет базироваться на оценке характера реинтеграции.

* * *

Уезжая в командировку, ветераны на длительное время теряют привычные постоянные контакты и оказываются в совершенно ином социальном окружении. По возвращении им фактически снова приходится налаживать прежнюю жизнь. Для очень многих ветеранов это сопряжено с серьезными трудностями. Они обусловлены как фак-

¹ Анализ базируется на массиве интервью с сотрудниками милиции и их женами. Ветераны – настоящие и бывшие сотрудники ОВД и ОМОНа. Количество их командировок в Чечню варьируется от одной до пятнадцати.

том командировок и тем опытом, которые они приобрели за время службы в Чечне, так и той социальной, профессиональной и семейной ситуацией, в которую они возвращаются, и которая в той или иной степени изменилась за время их отсутствия.

Очень многие респонденты и практически все опрошенные жены ветеранов отметили, что милиционеры меняются после возвращения. Эти изменения могут быть как позитивными, так и негативными.

Так, например, некоторые жены отмечают, что после командировок их мужья стали более внимательны к своим близким. Другие жены говорят, что их мужья стали замкнутыми, иногда раздражительными, отчего отношения в семье разлаживаются.

Однако даже положительные изменения являются, скорее, результатом совместных усилий по преодолению того отчуждения, которое возникает после возвращения – многие супруги ветеранов отметили, что им приходилось с трудом налаживать отношения с мужьями².

Можно предположить, что налаживание отношений с другими людьми и вообще возвращение к прежней жизни, для ветеранов не менее, а скорее даже более проблематично, чем налаживание отношений с их семьями. А без возможности и желания устанавливать и поддерживать контакты «вернуться в общество» невозможно.

Исследование показало, что опыт службы в Чечне становится причиной серьезных изменений в восприятии ветеранами действительности, в частности, событий как личной (в семье, в кругу друзей), так и профессиональной жизни. Влияние опыта командировок дает о себе знать и в сфере взаимодействия ветеранов в более широком социальном контексте. В результате изменений в восприятии, меняется и поведение ветеранов, развиваются новые поведенческие штампы.

Анализируя интервью с ветеранами, можно выделить несколько факторов, затрудняющих «возвращение в общество». Среди них есть как «внешние» факторы, обусловленные социальным контекстом, так и «внутренние», связанные непосредственно с опытом командировок. Результаты исследования позволяют выделить следующие факторы:

- неосознанное стремление к изоляции
- низкая оценка собственной деятельности
- сложности с восприятием собственного опыта в Чечне
- эмоциональные проблемы
- несамостоятельное распоряжение собственным временем
- трудности в семье
- затруднение доступа к льготам

В ответах респондентов относительно их частной жизни, и некоторых особенностей службы в Чечне прослеживаются последствия проблем, вызванных этими факторами.

Частная жизнь ветеранов

В связи со спецификой работы у милиционеров, включая ветеранов, в принципе мало свободного времени.

Большинство опрошенных ветеранов при ответе на вопрос о том, чем они предпочитают заниматься вне работы, указывали: отдых дома или на природе, обустройство дома, рыбалку, охоту, огород/дачу, помощь родителям, спорт, встречи с друзьями. «Ездим на дачу работать, иногда выпиваю. В деревню съездить, к родителям»³. «Хобби, увлечения? Да, знаете, у меня и времени нет свободного. Если вырываешься, то и на рыбалочку можно съездить. Если удастся, отдохнуть с друзьями, с сыном... не знаю... Его

² О проблемах, с которыми сталкиваются семьи сотрудников милиции после возвращения милиционеров из командировок, см.: Шепелева О. Семьи ветеранов: до и после командировок.

³ Из интервью №1 с сотрудником ОВД. Республика Коми.

(времени. – К.Б.) не так много бывает...»⁴. «Домом занимаюсь. Переделкой, перепланировкой. Я вот вам мансарду покажу»⁵. При этом, как правило, в связи с отсутствием достаточного количества свободного времени ветеранов «хватает» лишь на одно-два из этих занятий.

Семейные ветераны предпочитают свободное время проводить в кругу родных. «Основное мое занятие – это семья. Есть увлечение – рыбалка. В принципе, больше ничего. Все с семьей проводим время свободное, потому что этого свободного от работы времени мало»⁶. «Ой, да ничем не занимаюсь помимо работы. Работа, дом, отпуск, деревня, помогаешь, где-то там доску приколотить»⁷. «В редкие минуты – смотрю телевизор. Больше ничем я не занимаюсь, потому что основное время уходит на работу, практически по 11-12 часов ежедневно, плюс выходные 50 на 50. Ну бывает, когда свободный день выпадет, куда-то выехать на природу с семьей, отдохнуть с друзьями»⁸.

Следует отметить, что большинство из названных способов проведения свободного времени характеризуются отсутствием контактов с людьми, если, конечно, эти способы не являются формами семейного досуга или встреч с близкими друзьями. Очень немногие респонденты говорили о поездках куда-либо или же походах в общественные места. Таким образом, свободное время для большинства опрошенных ветеранов – это возможность отдыха в привычном для них и иногда изолированном от внешнего мира пространстве.

Немного иначе обстоит дело у тех, кто получает образование. Все свободное время у этих ветеранов поглощается учебой. «Учебой занимаюсь. Где это время взять? Его практически нет»⁹. Тех, кто одновременно учится и работает среди опрошенных меньшинство, но многие задумываются о получении или продолжении образования. Очевидно, что фактически ненормированный рабочий график может не просто препятствовать получению образования без увольнения со службы, но иногда в принципе отбивать желание его получать.

Имея семью и детей, многие ветераны встают перед выбором – работа в милиции или образование, поскольку совмещать работу, учебу и помощь семье слишком трудно. Учитывая ослабление связей с родными, а иногда и ухудшение семейных отношений как следствие командировок, такая дилемма в любом случае неблагоприятно сказывается либо на семье, либо на профессиональной карьере. А необходимость делать этот выбор вряд ли способствует высокой самооценке. На понижение последней существенное влияние оказывает ситуация, когда эффективные усилия со стороны государства, направленные на помощь ветеранам в получении образования, отсутствуют.

Отметим, что сотрудники милиции обладают определенными льготами по получению высшего образования, но многие реализовать эти возможности не могут. «Вопрос: Хотели бы Вы получить дополнительное образование? Ответ: Да. (С иронией) Не плохо было бы. Но я вообще не могу получить никакого образования, так как сейчас у меня нет денег даже на образование детей»¹⁰.

Как и способы проведения свободного времени, не отличаются разнообразием планы ветеранов на будущее. Различная степень четкости планов на будущее, а также их характер и разнообразие являются своего рода индикатором того, насколько человек заинтересован и активен в «построении» своей социальной карьеры. В свою очередь, эта активность и заинтересованность, в случае ветеранов, может стать показателем успешной реинтеграции, поскольку планировать свою дальнейшую жизнь и развитие в обществе, не «вернувшись» в это общество невозможно.

⁴ Из интервью №1 с бойцом ОМОНа. Алтайский край.

⁵ Из интервью №1 с бывшим бойцом ОМОНа. Тверская область.

⁶ Из интервью №2 с сотрудником ОВД. Республика Коми.

⁷ Из интервью №2 с сотрудником ОВД. Алтайский край.

⁸ Из интервью №3 с сотрудником ОВД. Алтайский край.

⁹ Из интервью №2 с бойцом ОМОНа. Тверская область.

¹⁰ Из интервью №1 с бойцом ОМОНа. Алтайский край.

Как правило, респонденты ссылались на такие планы, как воспитание детей, улучшение жилищных условий. Другие отвечали, что сейчас нужно закончить образование, а затем планировать дальше. Есть также небольшое число ответов, звучащих несколько парадоксально – выйти на пенсию и после этого уже думать о будущем. «Ну, я не знаю. Пока такие цели, что квартиру купить, сына подрастить, а там уж дальше намечать»¹¹. «Я даже не знаю, еще об этом не задумывался. Образование получить»¹². «С моей работой глобальных планов не строят, поэтому у меня все планы на ближайшее время. А они, как правило, очень утилитарны. Есть планы – окончить университет»¹³. «Пока доработать до пенсии, а там найти более-менее оплачиваемую работу»¹⁴.

Долгосрочных планов, в частности, связанных с саморазвитием и карьерой, у многих ветеранов нет. В основном их видение будущего ограничивается тем кругом занятий, которые существуют на данный момент. Именно на решение текущих проблем уходит большая часть нерабочего времени. Как правило, эти проблемы носят бытовой характер – обеспечение благополучия семьи, улучшение жилищных и бытовых условий, в некоторых случаях – продолжение или завершение образования. Таким образом, свое будущее многие ветераны не связывают с профессиональным и карьерным ростом в системе МВД. Это достаточно странный факт, поскольку после отмены «боевых», внеочередное повышение звания является практически единственным стимулом для добровольных командировок в Чечню¹⁵.

Единственное, что может быть хоть как-то связано с профессиональным ростом в планах на будущее – это получение образования. Однако и здесь прослеживается парадоксальная ситуация. С одной стороны, некоторые ветераны заявляют о желании получить или продолжить высшее образование, а с другой, в ответах этих же ветеранов получение высшего образования рассматривается как самоцель. То есть – образование не связывается напрямую с карьерным ростом в системе МВД.

Таким образом, можно предположить, что для многих ветеранов получение высшего образования связывается с надеждой на социальный или карьерный рост, но скорее всего, не в правоохранительных органах.

Важным показателем характера реинтеграции является оценка ветеранами опыта командировок, поскольку эта оценка имеет как личную, так и общественную составляющие. Если последняя негативна, то процесс реинтеграции затрудняется, поскольку в этом случае ветераны не чувствуют поддержку того общества, в которое они пытаются «вернуться».

Опыт командировок у самих ветеранов получает поверхностную и зачастую противоречивую оценку, которая фактически складывается из двух параметров. Во-первых, это отношение ветеранов к полученному в командировках опыту в сочетании с оценкой полезности и эффективности своей деятельности в Чечне. Во-вторых, на собственную оценку влияет то, как ветераны понимают отношение общества и государства к деятельности милиции в Чечне.

При этом, как правило, говоря о своей службе в Чечне, многие ветераны оценивают ее как нужную и хорошо выполненную. «Моя миссия была – поддержание правопорядка. Как можно, насколько могли – мы эту миссию выполняли. Т.е все, что от нас зависело, мы делали. Вот так вот»¹⁶. Но положительную оценку деятельности всей милиции они дают уже с меньшей уверенностью и, зачастую, сомневаются в реально позитивном эффекте от ее присутствия в республике. Вот характерный фрагмент из интервью: «Как Вы оцениваете свое участие в конфликте? – Я считаю, что достойно

¹¹ Из интервью №3 с бойцом ОМОНа. Алтайский край.

¹² Из интервью №1 с бойцом ОМОНа. Алтайский край.

¹³ Из интервью №2 с бойцом ОМОНа. Алтайский край.

¹⁴ Из интервью №1 с сотрудником ОВД, Тверская область.

¹⁵ О мотивации к участию в командировках см.: Браиловская К. Причины, из-за которых милиционеры едут в командировки в Чечню.

¹⁶ Из интервью №4 с бойцом ОМОНа. Алтайский край.

отработал. Мне не стыдно. – Как Вы оцениваете эффективность работы милиции в Чечне? – Да слабая эффективность работы там милиции. Нашей, по крайней мере»¹⁷.

Прослеживается некоторое противоречие: то, что делал я лично – нужно, но милиция вообще там не особенно эффективна. Такое противоречие свидетельствует о том, что многие ветераны воспринимают свой опыт достаточно неоднозначно. Официальная миссия милиции в Чечне – охрана общественного порядка – для ветеранов часто оказывается не более, чем декларацией. Осознание неэффективности командировок формирует у сотрудников правоохранительных органов негативную оценку значительного отрезка собственной жизни. Учитывая тот факт, что для многих одна из главных причин поездок в Чечню, даже при условии их принудительности, – это исполнение долга, такая оценка их деятельности негативно влияет на самооценку ветеранов, создавая дополнительные трудности в процессе реинтеграции. Принимая во внимание своеобразный характер «чувства долга»¹⁸, которое является своего рода оправданием поездок в Чечню, можно предположить, что это оправдание тем слабее, чем ниже оценка собственной деятельности в Чечне.

Таким образом, из анализа интервью следует, что большинство ветеранов невысоко оценивают тот отрезок жизни, который они проводят в командировках, поскольку даже если свою личную деятельность они рассматривают как успешную и нужную, то эта оценка, скорее всего, нивелируется негативным видением эффективности действий милиции в Чечне в целом.

Личная негативная оценка усугубляется распространенным среди ветеранов мнением о равнодушии общества к конфликту в Чечне и к участию в нем милиции.

На вопрос об отношении к ним общества большинство ветеранов и их жен ответили, что общество безразлично как к самому конфликту, так и к вкладу милиции в его урегулирование. «Да по большому счету народу нашему глубоко начхать на все: и на свою милицию, и на чеченскую, и на всех. Ну, вот у кого родственники или друзья там были – этим нет, а остальным.... К ветеранам в принципе нормальное отношение, только иногда бывает, я лично слышал, как нашего брата и посылают куда подальше, заколебали «чеченцы», ходите тут, требуете чего-то. Особенно по льготам когда. Сейчас обычно этим (статусом. – К.Б.) никогда и нигде не козыряешь, но выпрашивать то, что тебе положено по закону – уничительно»¹⁹.

Дополнительным фактором, влияющим на понижение оценки деятельности в командировках, может стать отношение к ветеранам властей.

В ответ на вопрос о том, что государство может сделать для ветеранов, достаточно большое количество респондентов отвечают, что помощь нужна не им, а раненым, инвалидам и семьям погибших. Часто ветераны говорят, что хотели бы только повышения денежных выплат, бесплатного проезда и помощи в улучшении жилищных условий. «Ну, вот мне как участнику боевых действий платят пенсию – 1100 рублей²⁰. Я вот считаю лично, что это недостаточно. Я работаю в органах, да, у меня проезд бесплатно. А те люди, которые уже не работают, можно было бы им сделать проезд бесплатный»²¹.

Однако для того, чтобы правильно понять такую позицию, нужно иметь в виду, что, как правило, ветераны не знают и, как следствие, не получают положенные им льготы в полном объеме. При этом очень многие столкнулись с тем, что государство не выполняет своих обязательств, например, многие ветераны были вынуждены судиться с государством за свои «боевые». Поэтому от государства они практически ничего не

¹⁷ Из интервью №4 с сотрудником ОВД. Алтайский край.

¹⁸ О характере «чувства долга» у ветеранов см.: Браиловская К. Причины, по которым ветераны едут в Чечню.

¹⁹ Из интервью №4 с сотрудником ОВД. Алтайский край.

²⁰ На момент проведения полевого этапа исследования (лето-осень 2006 г.) ежемесячные ветеранские выплаты составляли 1100 рублей; а «инвалидам боевых действий» ежемесячно выплачивалось 2000 рублей.

²¹ Из интервью №2 с сотрудником ОВД. Алтайский край.

ждут, кроме такого известного им минимума обязательств государства в отношении ветеранов, как повышение суммы существующих выплат.

Многие респонденты отмечали, что государство должно поддерживать ветеранов не только материально, но и «морально» и относиться к ним очень внимательно. Но лишь некоторые из них могли сформулировать, почему им нужна эта помощь и какие именно меры необходимы.

Чаще всего ветераны указывали «реабилитацию» (не расшифровывая, что они понимают под этим словом) и поездки в санаторий. Так, сотрудник ОВД из Тверской области на вопрос: «Как Вы оцениваете реабилитационные программы, предложенные, Вам по возвращению домой?» отвечает: «В принципе, я с удовольствием бы летом съездил на юг, отдохнул с семьей. Но у нас летом на юг едут подполковники и полковники. А нам только зимой предлагают. Поэтому я считаю, что программы плохо работают». А на просьбу разъяснить, что ему кажется неправильным в существующих программах, снова повторяет: «Я уже сказал, верно, то, что ребят хорошо бы отправить после командировки отдыхать в хорошие санатории»²².

С одной стороны, такие ответы выявляют низкую степень осознания проблем или же нежелание публично их признавать. С другой стороны, они также основываются на той информации о реабилитации, которую ветеранам удалось получить²³.

Но, даже несмотря на неартикулированность требований, практически все ветераны хотели бы, чтобы позиция государства по отношению к ним существенно изменилась. «Я считаю, что, во-первых, уважительно относиться к ветеранам и воспитывать это отношение в детях и в самих себе к ветеранам этой войны. Многие парни приходят из Чечни и потом не могут устроиться на другую работу: наниматели боятся. Боятся, что у них с головой не все в порядке, что они неадекватны. Откуда это идет? Этим ведь тоже должны власти заниматься. Получается, их государство использовало, а потом лишило всякой поддержки. Многие ветераны ведь живут очень бедно. Получается, что они свой долг государству отдали, а государство тут же забыло, что и перед ними тоже задолжало, и простило им свой долг... Даже процесс реабилитации и то по большей части сваливается на семьи. Командировки там стали длиннее, а процесс реабилитации короче, так откуда же человеку силы взять?»²⁴

* * *

Однозначно убедительных положительных оценок своего «чеченского» опыта во всем массиве интервью с ветеранами было очень мало. В большинстве случаев ветераны затрудняются оценить полученный в Чечне опыт.

Дело в том, что на оценку опыта командировок со стороны ветеранов влияет несколько негативных фактов, которые далеко не всегда осознаются самими ветеранами. Во-первых, это сомнение в эффективности деятельности милиции в Чечне. Во-вторых, осязаемое ветеранами несоответствие декларативных целей командировок милиции реальным обязанностям милиционеров. В-третьих, неудовлетворенность ветеранов из-за отсутствия реального признания их заслуг со стороны государства и общества, при том, что миссия, которую они выполняли, позиционируется как важная для государства и общества. Из-за того, что многие ветераны чувствуют противоречивость этих фактов, они и затрудняются оценивать свой опыт.

Среди ветеранов распространено представление о том, что милиционеры едут в республику исполнять свой долг и осуществлять свои обязанности по охране общественного порядка. Однако в ситуации, когда работа оказывается малоэффективной и не получает реальной высокой оценки общества и государства в сочетании с не очень убедительным оправданием командировок соображениями долга, «охрана обществен-

²² Из интервью №1 с сотрудником ОВД. Тверская область.

²³ О реабилитационной службе МВД см.: Новикова А. Реабилитация ветеранов Чечни.

²⁴ Из интервью №2 с бойцом ОМОНа. Алтайский край.

ного порядка» является лишь декларацией, а исполнение профессиональных обязанностей становится формальным названием деятельности в командировках.

Затруднение оценки и, как следствие, принятия опыта командировок может стать одним из препятствий для успешной реинтеграции. Это становится вероятным в том случае, если непонятый опыт Чечни усугубляет эмоциональные и психологические проблемы и тем самым мешает коммуникации с другими людьми.

Проблемы в частной жизни ветеранов связаны с негативными факторами, которые определяют ход посткомандировочной интеграции в общество. Эти факторы являются прямым следствием командировок в Чечню, а также ощущения безучастности к их проблемам, отсутствия оценки их деятельности со стороны общества и государства. Таким образом, проблемы, связанные с командировками, влияют на частную жизнь ветеранов и препятствуют их успешной реинтеграции.

Наконец, для многих ситуаций характерен «эффект снежного кома» – одни проблемы, не получив решения, порождают другие. Например, для женатых ветеранов это ситуация ухудшения отношений с супругами. Отчуждение как следствие длительных командировок, изменения, произошедшие за несколько месяцев в самих ветеранах, в их отношении к жизни и окружающим людям, могут привести к распаду брака. А семья часто является единственным способом реабилитации. И лишение этой опоры в посткомандировочный период для ветеранов может означать уменьшение вероятности успешной реинтеграции в будущем.

Проблемы частной жизни в совокупности с некоторыми особенностями профессиональной биографии влияют на реинтеграцию и, как следствие, на дальнейшую социальную карьеру ветеранов.

Особенности профессиональной биографии и их влияние на реинтеграцию

Крайне значимым является тот объем профессиональных задач, которые должны были решать сотрудники ОВД и омоновцы в Чечне и которые обуславливали специфику службы ветеранов в Чечне.

Если ветераны четко формулировали для себя задачу в Чечне как «охрану общественного порядка» и во время командировки им удавалось эффективно заниматься прямыми обязанностями, то, как правило, они с гордостью относятся к своему командировочному опыту.

Но довольно часто милиционеры, описывающие свою миссию в Чечне как охрану общественного порядка и законности, среди своих занятий приводили в пример адресные зачистки, ночные нападения, охрану стратегических объектов, дежурство на КПП и другие обязанности, не вполне соответствующие указанной миссии милиции. Такой набор занятий свидетельствует о том, что общественный порядок в Чечне нужно не охранять, а, скорее, создавать.

Кроме того, по словам респондентов, далеко не всегда деятельность сил Объединенной группировки в Чечне носит правовой характер. «Роль милиции? Роль сложная и многоплановая. Милиция должна демонстрировать произошедшие перемены. Удастся это с трудом и с большими издержками, прежде всего для самой милиции и для каждого сотрудника в отдельности. Мое участие в конфликте вынужденное, как и большинства сотрудников милиции. Было много рутинной работы, в первую очередь командировку прежде всего проводилось обучение чеченских милиционеров. Что касается местного населения, то оно постепенно привыкало, что в их районе есть какая-то власть. Люди там устали и от боевиков, и от федеральных войск. Там совершают преступления как чеченцы, так и федералы, особенно контрактники. Замечены в этом были и ОМОН, и сводные отряды ППС. Если говорить о том, как расследовались преступления, то могу сказать, что очень сложно. Покровители были как у чеченцев, так и у федеральных силовых структур. Поэтому я сомневаюсь, что это может послужить

примером для воспитания правосознания у чеченцев, а также уважения к закону как таковому»²⁵.

Еще одним фактором, влияющим на процесс «возвращения» является общее количество командировок для каждого ветерана.

Нужно отметить, что наибольшее число командировок у неженатых или разведенных милиционеров. Наличие этих двух показателей – большое количество командировок и отсутствие семьи – может свидетельствовать о сознательном или неосознанном нежелании или же невозможности окончательного «возвращения домой».

Важный факт профессиональной биографии, который может предопределить «невозвращение в общество», – это опыт службы в армии, в «горячих точках», который зачастую определяет последующую карьеру. Часть опрошенных ветеранов указывали на то, что после службы в армии в зонах вооруженного конфликта, включая и Чечню, они никуда, кроме милиции, не могли устроиться на работу, поскольку потенциальные работодатели боялись столкнуться с психическими расстройствами и т.п. От безвыходности они шли в МВД и снова начинали ездить в «горячие точки». Лучшей иллюстрацией того, к чему может привести такая карьера, служит цитата из интервью с сотрудником ОМОНа из Тверской области: «Там легче. Может, я уже привык там. Я же там служил и в армии, и после армии там много раз бывал. Просто там живешь своей жизнью! Не думаешь, что вот придешь (с насмешкой) домой, к жене, к детям... Приходишь с поста, или приезжаешь с операции к себе в кубрик. Там одни и те же пацаны, одни и те же люди... Здесь надо о многом думать, а там все решается просто. Приказали – выполнил! Выполнил – иди поешь, поспи. Вот и все! А здесь, бывает, что простой вопрос решить невозможно»²⁶.

Такое развитие биографии является крайним, но очень возможным сценарием социальной карьеры, приводящим к практически полной социальной изоляции. Однако возможны и другие, более «мягкие» формы изоляции, такие, например, как создание братств «боевых товарищей».

Создание боевых братств как форма псевдо-реинтеграции²⁷

Потеря внешних контактов, ощущение безразличия общества, отсутствие государственной поддержки, ощущение того, что их воспринимают негативно, могут компенсироваться усилением связей с сослуживцами, также имеющими опыт командировок. Как правило, ветераны предпочитают не рассказывать родным и близким о своей службе в Чечне, но говорить об этом с «боевыми товарищами». Это может способствовать созданию особой группы людей, члены которой воспринимают себя отличными от других.

Уезжая в командировку сроком в шесть месяцев, милиционеры оказываются на долгое время оторванными от привычной жизни и включенными в абсолютно другую реальность. Вооруженный конфликт, в условиях которого ветераны несут службу на протяжении полугода, формирует совершенно иной, чем прежде, опыт.

«Замыканию» в среде людей с аналогичным опытом может способствовать своего рода привычка, обусловленная специфическим бытом во время командировок. Милиционеры в Чечне из соображений безопасности живут на хорошо охраняемой территории, как правило, сводя число неформальных контактов с местными жителями к минимуму и проводя свободное время на этой же территории. Так что, после шести месяцев ко-

²⁵ Из интервью №2 с сотрудником ОВД. Тверская область.

²⁶ Из интервью №3 с бойцом ОМОНа. Тверская область.

²⁷ Выводы, сделанные в данном подразделе, основаны на анализе биографий ветеранов, реконструированных из интервью.

мандировки ветеранам часто гораздо проще найти общий язык и установить контакты с теми коллегами, которые также бывали в Чечне.

Таким образом, реинтеграция в общество замещается включением ветеранов в группу людей, обладающих одинаковым опытом, своеобразное «боевое братство». Дать однозначную оценку такому способу «социального выживания» сложно, последствия могут быть как позитивными, так и негативными.

Положительный эффект от включения в такую группу состоит прежде всего в той моральной поддержке, которую ее члены оказывают друг другу. К тому же эта поддержка может снимать проблему сложностей с оценкой опыта командировок за счет выработки ее коллективной версии внутри группы. Но часто ценой такой поддержки становится сокращение контактов с более широким сообществом, особенно в том случае, если «братство» становится своеобразной противоположностью «всем остальным людям».

К сожалению, зачастую именно такой результат более всего вероятен при условии игнорирования обществом заслуг и проблем ветеранов в сочетании с неосознанным стремлением ветеранов к изоляции от внешнего мира и в отсутствии общественной, государственной или семейной поддержки. Эта ситуация влияет и на личную жизнь, и на профессиональную деятельность, и, как следствие, на дальнейшее развитие социальной карьеры.

Типичные сценарии социальной карьеры

Описанные ниже сценарии социальной карьеры не являются реальными ситуациями, а представляют собой модели того, как может развиваться социальная карьера ветеранов. При этом мы доводим набор выясненных из интервью обстоятельств биографий респондентов до «модельного ряда», который необходим для развития именно такого сценария. Главным критерием для построения этих сценариев является характер процесса реинтеграции, а также отсутствие или наличие его результата.

Такой критерий выбран потому, что от эффективности и успеха реинтеграции ветеранов зависит качество выполнения задач милицией после командировок. Милиция осуществляет охрану общественного порядка, при этом она контактирует с гражданами в самых разных ситуациях. Для того, чтобы работа милиции была по-настоящему эффективной, между милицией и гражданами не должно возникать отчуждения. А это отчуждение практически неизбежно, если сотрудник милиции не чувствует себя частью общества, то есть таким же гражданином, как те, чей общественный порядок он охраняет.

Анализ реконструированных из интервью биографий ветеранов показывает, что после возвращения из командировок множество факторов может способствовать «изоляции» милиционеров от общества. Поэтому сначала мы сосредоточимся на негативных сценариях развития социальной карьеры, ведущих к отделению от общества милиционеров.

Сценарий «Невозвращение»

Ветераны сознательно или неосознанно «не возвращаются» в общество. Семьи, отношения в которых могут быть главными факторами психологической и социальной реабилитации, либо распадаются, либо находятся на грани развода, либо просто не создаются. Ветераны предпочитают общаться только с теми, кто является их самым близким кругом. В основном это близкие родственники, с которыми сохраняются хорошие отношения, или же «боевые товарищи». Такие ветераны ценят «ясность» и «простоту» командировочной жизни и в командировки едут не то чтобы с радостью, но и без внутреннего сопротивления. Реинтеграции практически не происходит.

Негативность этого сценария заключается прежде всего в том, что командировки, которые когда-то были их обязательством, теперь стали возможностью бегства от «гражданской жизни» и, в целом, от общества. Для общества такая ситуация означает, что его порядок и права охраняют люди, которые стараются иметь с ним как можно меньше общего.

Сценарий «Обособление»

В отличие от сценария «невозвращения» в этом случае ветераны пытаются и хотят «вернуться» в общество, желая возобновить прежнюю жизнь. Они не считают командировочную жизнь привлекательнее, чем жизнь дома. Однако опыт командировок, особенности социальной и профессиональной ситуаций мешают процессу реинтеграции.

В случае невозможности полноценного «возвращения» реинтеграция может происходить посредством вступления в группу людей со схожим опытом. С большой вероятностью этими людьми могут оказаться их коллеги. Такой тип включения помогает решить некоторые проблемы ветеранов, но при этом все же может способствовать их самоизоляции. Это происходит в том случае, если дополнительный ряд факторов способствует концентрации всех основных межличностных контактов внутри данной группы. То есть ветераны могут ограничиться связями только с теми, кто имеет схожий опыт, с теми, кто их «понимает». Изредка в качестве «понимающих» рассматриваются жены. Но в среднем супруги милиционеров оказываются исключенными из этого «круга избранных».

Этот сценарий гораздо менее негативный, чем предыдущий, однако такое «удобное» обособление ветеранов также способствует самоизоляции от общества и в итоге может привести в какой-то степени к потере взаимопонимания с не принадлежащими к этой особой группе людьми.

Главная особенность негативных сценариев социальной карьеры с точки зрения отрицательных последствий для общества – это все большее отдаление милиционеров от остальных граждан. Наряду с трудностями в развитии профессиональной карьеры, а также семейными, личными и социальными проблемами, это отдаление может стать основным фактором снижения профессионализма работы милиционеров.

Жизненная стратегия, выработанная в случае таких сценариев развития социальной карьеры, может привести к возникновению своих неформальных норм и приоритетов, в том числе и профессиональных, которые будут отличаться от «общепринятых», а в самых негативных вариантах даже им противопоставляться и приводить к насильственным действиям со стороны ветеранов – действующих сотрудников милиции.

Однако существуют и позитивные сценарии реинтеграции ветеранов в общество.

Сценарий «Уход из милиции»

Этот сценарий, часто являясь позитивным для самого ветерана, имеет негативное влияние на систему МВД, усугубляет проблему кадров.

Ветераны увольняются из милиции, пытаясь с помощью этого шага решить сразу несколько вопросов, например, неудовлетворенность зарплатой, недовольство отсутствием свободы распоряжаться собственным временем, нежелание ездить в командировки, усталость от работы, желание сохранить семью, желание обеспечить семье безбедное существование, желание получить высшее образование, имея возможность при этом обеспечивать семью, желание более свободно управлять своей жизнью и т.д. В том случае если этих причин несколько и если ветераны достаточно инициативны и имеют связи не только внутри милиции, уход со службы становится самым безболезненным решением этих проблем и залогом успешной социальной реинтеграции.

Уходя из милиции и устраиваясь на новую работу, ветераны решают большинство проблем, возникающих у них вследствие командировок. Поэтому такое развитие

событий не является редкостью, что подтверждается в том числе большой текучкой кадров в милиции. Но зачастую для ухода с работы и перехода на новую также существуют ограничения.

Такое развитие социальной карьеры становится маловероятным, если имеется дефицит рабочих мест на рынке занятости, а также поддерживаются предубеждения против тех, кто бывал в Чечне и, тем более, имеет статус ветерана боевых действий. В этом случае позитивный вариант развития социальной карьеры с большой вероятностью может стать негативным.

Сотрудники милиции вынуждены продолжать работу, не имея для этого мотивации и не решив своих семейных и личных проблем. Для этих сотрудников милиции процесс ухода с работы затягивается или откладывается на неопределенное время. При таких обстоятельствах от них трудно ожидать высокопрофессионального подхода к делу и большого вклада в дело охраны общественного порядка.

В этом случае ветераны могут подходить к исполнению своих обязанностей исключительно формально. Их профессиональная деятельность будет ограничена в лучшем случае исполнением инструкций. В случае более активной позиции они могут пользоваться служебным положением для решения своих личных проблем. Это повышает вероятность совершения ветеранами преступлений – от коррупционных до общеуголовных.

Сценарий «Возвращение»

Ветеран выполняет в Чечне работу, которую считает важной и нужной. Его заслуги высоко оценены начальством, близкими людьми. Он получает символические и материальные поощрения, продвижение по службе. Его семья также разделяет с ним часть этих поощрений. Если у ветерана или его семьи появляются проблемы, он может рассчитывать на специализированную помощь. Выполняя свою работу, он не забывает про отдых, который предпочитает проводить разнообразно и активно. Его планы на будущее связаны не только с решением текущих проблем, но и с саморазвитием, профессиональным ростом. Ветеран чувствует, что если не общество в целом, то хотя бы те члены местного сообщества, которые его знают, относятся положительно к его вкладу в урегулирование чеченского конфликта. Гордость за проделанную работу, ощущение общественной и государственной поддержки способствуют высокой оценке их деятельности и успешной реинтеграции. Профессиональная гордость и собственная высокая оценка становятся фундаментом успешной социальной и профессиональной карьеры.

При этом позитивном сценарии развития социальной карьеры, когда ветеран получает семейную, общественную, государственную поддержку и признание его заслуг, шансы на его дальнейшее успешное социальное и профессиональное развитие увеличиваются. В этом случае крайне низка вероятность возникновения проблемы депрофессионализации, формального исполнения обязанностей, выстраивании отношений с гражданами на основе негативных представлений об обществе.

Однако, исходя из анализа биографий респондентов, в настоящее время последний вариант развития социальной карьеры наименее вероятен. Это объясняется наличием большого числа негативных факторов, влияющих на реинтеграцию, и крайне ограниченным набором и неэффективностью средств для преодоления возникающих проблем.

Подводя итог, можно подчеркнуть, что самыми вероятными моделями социальной карьеры становятся те, развитие которых предполагает в лучшем случае уход со службы, а в худшем – деформацию профессиональных качеств ветеранов. При том что множество российских милиционеров «прошли через Чечню», отсутствие внимания и комплексной помощи в решении проблем ветеранов может стать причиной депрофессионализации милиции в целом.

Общественные объединения и ветераны

Шепелева Ольга,
Центр «Демос» (г. Москва)

Сотрудников правоохранительных органов, направлявшихся в командировку в Чеченскую Республику, а также членов их семей, можно рассматривать в качестве группы, объединенной специфическими потребностями. Причем одна из основных потребностей этой группы – потребность в медицинской и психологической реабилитации.

Обеспечение потребностей, а также защита прав и интересов какой-либо группы могут осуществляться не только при содействии государственных институтов, но и с помощью различных общественных объединений. Инициативы таких объединений могут дополнять государственные программы, направленные на поддержку или улучшение статуса той или иной группы. В случаях, когда государство не поддерживает и не защищает в должной степени нуждающуюся в помощи группу, общественные объединения могут представлять перед властями интересы этой группы, а также непосредственно предоставлять помощь ее членам, до определенной степени компенсируя, таким образом, отсутствие целевых государственных программ.

Исходя из данных полевого исследования, предпринимаемые государством меры социальной поддержки ветеранов чеченского конфликта и их семей, а также предлагаемые реабилитационные программы неадекватны потребностям данной группы. Например, сотрудники правоохранительных органов говорили о необходимости изменения и усовершенствования реабилитационных программ. Они указывали на ряд проблем, на которые государство пока не обратило надлежащего внимания, например: дискриминация ветеранов на рынке труда, неадекватная денежная компенсация отмененных льгот, отсутствие возможности решить жилищный вопрос и т.д. Кроме того, многие ветераны сталкиваются с нарушениями своих прав, в частности, с отказом в начислении т.н. «боевых» и иных полагающихся по закону выплат.

Как показывают материалы исследования, общественные объединения различного типа ведут деятельность, направленную на защиту прав и интересов ветеранов «горячих точек». Часть опрошенных ветеранов сообщили, что им известно о существовании организаций, работающих в этой сфере. Другие указывали, что они сами или их знакомые обращались за помощью и поддержкой в такие организации. Некоторые респонденты сказали, что сами принимают участие в подобной общественной деятельности или планируют заняться этим в ближайшее время.

Наибольшее число респондентов, знакомых с деятельностью общественных организаций, было выявлено при опросе в Тверской области и в Алтайском крае. Вместе с тем даже в этих регионах некоторые респонденты сообщали, что им ничего не известно об организациях, занимающихся поддержкой ветеранов. А в Республике Адыгея респондентов, не знакомых с работой общественных объединений, было большинство. Кроме того, даже ветераны, осведомленные о деятельности общественных объединений, далеко не всегда считают, что эти организации могут оказать им реальную помощь.

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время деятельность общественных объединений по поддержке и защите сотрудников милиции, проходивших службу в «горячих точках», и членов их семей ведется, но не удовлетворяет в полной мере потребностей этой группы. Перспективы расширения активности общественных объединений во многом зависят от ресурсов, доступных этим объединениям. В частности, от готовности различных благотворителей финансировать их программы и способности самих организаций привлекать к своей работе квалифицированных психологов, социальных работников, юристов.

Вместе с тем ряд задач по развитию программ поддержки ветеранов и их семей должен решаться самими общественными объединениями и локальными сообществами, в которых они работают. С этой точки зрения уже имеющийся опыт работы НПО, а также отношение к этой работе ветеранов и их семей, журналистов и представителей местных властей заслуживают внимания.

Неформальные объединения, религиозные организации и правозащитные структуры

В первую очередь следует рассмотреть вопрос о том, какие общественные объединения тем или иным образом защищают и поддерживают сотрудников милиции, служивших в Чечне. Исходя из результатов опроса сотрудников милиции и членов их семей, основным источником поддержки для них являются неформальные группы взаимопомощи, возникающие в подразделениях милиции.

Такие группы взаимопомощи строятся не на основе служебного взаимодействия, а на дружеских отношениях, на чувстве «боевого братства», которое развивается у милиционеров, вместе служивших в «горячей точке». Об этом свидетельствует, в частности, то, что многие респонденты, отвечая на вопрос о том, получают ли они помощь и поддержку с места работы, подчеркивали, что помощь они получают от друзей среди сослуживцев, а не от подразделения в целом: «Начальство... я не скажу, чтоб у них сильно поддержка там будет... Так, если только друзья, знакомые, если поддержат»¹.

То есть группы взаимопомощи не охватывают тех сотрудников милиции, которые по какой-либо причине не смогли наладить дружеских отношений с сослуживцами. Так, респонденты, сообщившие, что не поддерживают тесного контакта с сослуживцами и их семьями, среди источников помощи указывали не коллег по работе, а родственников. Можно также предположить, что в подразделениях, где по какой-либо причине нет тесных и доверительных отношений между сотрудниками, группы взаимопомощи просто не возникают. Это предположение косвенно подтвердила одна из респонденток – жена сотрудника милиции, тоже работающая в органах внутренних дел, – пожаловавшись, что в ее подразделении, в отличие от других, системы взаимоподдержки не существует: «Вторая рота – они подарки дарят на все праздники, вот, либо кому-то деньги в долг надо, либо кому-то день рождения и то выделяют, а у нас – нет»².

Неформальные сети поддержки в милицеском сообществе, там, где они действуют, отличаются большой гибкостью и разнообразием предоставляемой помощи. В частности, респонденты говорили, что они объединялись с коллегами для того, чтобы нанять адвоката для участия в судебных процессах по поводу «боевых» и прочих выплат, причитающихся им после командировок: «Мы группой делали. Доверенность писали на адвоката, и адвокат все высудил»³. Многие опрошенные указали, что сослуживцы помогают в решении различных бытовых проблем: переезд, ремонт, присмотр за детьми и пр. «Вот друзья мои и весь мой отряд... все помогали,... когда развелся..., и когда квартиру купил после второй командировки, переезжать помогали»⁴. В некоторых случаях может быть организован сбор средств: «Когда у нас дочь родилась, у него (мужа. – О.Ш.) на работе скидывались»⁵. Исходя из материалов опроса, помощь может быть оказана не только нынешним сослуживцам, но и уволившимся и вышедшим на пенсию. В некоторых случаях сотрудники милиции помогают вдовам и детям

¹ Из интервью с женой сотрудника милиции. Республика Коми.

² Из интервью с женой сотрудника милиции. Республика Коми.

³ Из интервью с бойцом ОМОНа. Алтайский край.

⁴ Из интервью с бывшим бойцом ОМОНа. Республика Адыгея.

⁵ Из интервью с женой сотрудника милиции. Тверская область.

коллег, погибших в командировке: «...С другими сослуживцами мужа тоже периодически встречаемся...Они вместе и сейчас служат... Ремонт помогали вместе делать Тане (жене погибшего сослуживца. – О.Ш.)»⁶.

Вместе с тем, возможности групп взаимопомощи ограничены ресурсами их участников – небогатых и не имеющих избытка свободного времени сотрудников милиции. Именно по этой причине помощь, предоставляемая такими неформальными группами, носит разовый характер (хотя может оказываться конкретному человеку неоднократно) и сводится в основном к небольшим денежным взносам или к выполнению каких-то хозяйственных работ. Такие группы не имеют возможности решать задачи, требующие более серьезных затрат: проблемы лечения и реабилитации, оказания систематической социальной поддержки семьям погибших и т.д.

Кроме того, в силу своего неформального статуса и некоторой аморфности, такие группы взаимопомощи не могут заниматься продвижением интересов ветеранов и их семей в публичном пространстве, не могут задействовать ресурсы бизнес-сообщества и общественных организаций, вести диалог с государственными органами и пр.

Кроме неформальных групп и сетей взаимопомощи, проблемами ветеранов Чечни занимаются общественные организации, имеющие формальную структуру. Опрошенные сотрудники милиции и члены их семей в качестве источника помощи и поддержки называли организации двух типов. Первый тип – правозащитные организации, действующие в данном регионе. Второй тип – организации ветеранов локальных конфликтов или ассоциации действующих или бывших сотрудников правоохранительных органов. Один респондент назвал Русскую православную церковь⁷. Однако в материалах исследования это единственное упоминание о роли РПЦ (и в принципе – религиозных организаций) в оказании поддержки сотрудникам правоохранительных органов, прошедших через «горячие точки».

Правозащитные организации упоминались респондентами реже, чем ассоциации ветеранов локальных конфликтов или сотрудников правоохранительных органов. Так, в Республике Адыгея вообще никто из опрошенных не упомянул правозащитные ассоциации. Респонденты из Алтайского края и Тверской области среди организаций, оказывающих помощь ветеранам, назвали комитеты солдатских матерей, а в Республике Коми – местное отделение Общества «Мемориал». Интересно отметить, что из всех респондентов, указавших на правозащитные организации, только двое имели непосредственный опыт взаимодействия с ними. Это сотрудник милиции, который обращался в комитет солдатских матерей за консультацией о социальных льготах⁸, и журналист, который вместе с комитетом солдатских матерей участвовал в мероприятиях по поддержке жителей региона, проходивших на тот момент службу в Чеченской Республике⁹. Прочие респонденты рассматривали правозащитные организации скорее как потенциальный источник поддержки. Последнее указывает только на то, что правозащитные организации, работающие в регионе, ассоциируются с помощью, которую они могут оказывать людям. Отметим, что ветераны рассматривают правозащитные организации в первую очередь как источник юридической помощи. Это представление наглядно иллюстрируют слова руководителя ветеранской организации, который объяснил, что не выстраивает сотрудничества с правозащитниками, потому что у него в организации есть свой юрист¹⁰.

Работа правозащитных организаций на практике не сводится к оказанию помощи и юридическим консультациям. Определенный объем деятельности правозащитников связан с работой по привлечению внимания общества к различным проблемам,

⁶ Из интервью с женой бойца ОМОНа. Алтайский край.

⁷ Из интервью с журналистом. Алтайский край.

⁸ Из интервью с женой сотрудника милиции. Тверская область.

⁹ Из интервью с журналистом. Алтайский край.

¹⁰ Из интервью с руководителем ветеранской организации. Республика Адыгея.

в том числе современной милиции. Эта сторона работы правозащитных организаций, исходя из материалов интервью, неизвестна ветеранам. Они упоминали правозащитные организации преимущественно в связи с конкретной помощью конкретным людям. Никто из респондентов не говорил о роли общественных организаций в привлечении внимания прессы и общества в целом к проблемам, которые испытывают все или большинство сотрудников милиции, проходивших службу в «горячих точках», например, о проблеме отсутствия адекватной системы реабилитации и адаптации к службе в мирных условиях. Вместе с тем, основываясь на результатах мониторинга и контент-анализа региональных и федеральных СМИ¹¹, эти проблемы поднимают в прессе представители общественных организаций и в первую очередь правозащитных. Мониторинг публикаций СМИ, посвященных сотрудникам милиции, прошедшим службу в Чечне, показал, что правозащитники пытаются объяснить, что проблемы, переживаемые таковыми милиционерами, являются проблемами всего общества.

Игнорирование ветеранами роли общественных организаций в озвучивании их проблем обусловлено отсутствием у большинства из них веры в то, что их трудности интересны для общества в целом. Многие респонденты полагают, что их ситуация интересна только тем людям, которые прошли через такие же трудности, что и они. Различные организации ветеранов локальных конфликтов или ассоциации действующих или бывших сотрудников правоохранительных органов кажутся им более близкими: такие организации объединяют людей, имеющих схожий жизненный опыт и одинаковые проблемы. Нельзя также не отметить, что правозащитники, как правило, четко не очерчивают круг лиц, которым они готовы помогать. Возможно, и по этой причине многие сотрудники милиции, прошедшие службу в «горячих точках», не рассматривают себя в качестве клиентов правозащитных организаций, и считают, что их проблемы волнуют только самих ветеранов и их ближайшее окружение.

В данном подразделе мы сосредоточимся именно на типах ветеранских организаций и особенностях их работы в интересах «клиентской группы». При этом отметим, что с нашей точки зрения включение правозащитных НПО в работу по поддержке ветеранов «горячих точек», в частности, в аспекте содействия их эффективной реабилитации было бы желательно и полезно.

Ветеранские организации

Во всех регионах, где проводилось исследование, существует не одна, а несколько ветеранских организаций. Например, журналист из Адыгеи назвал четыре ветеранские организации, действующие в республике¹². Респонденты из Республики Коми называли от трех до пяти организаций. В Тверской области: «Есть организация ветеранов локальных войн. Но там в основном афганцы, но есть ветераны и других конфликтов. Есть организация ветеранов армии и внутренних войск. Есть чисто милицмейская организация, не помню сейчас, как она называется...»¹³. Больше же всего таких организаций в Алтайском крае: «Союзов ветеранов Чечни в городе (Барнауле. – О.Ш.) около 14 штук»¹⁴. Вместе с тем, далеко не все из существующих организаций в действительности занимаются решением проблем ветеранов, а те, кто занимаются, – далеко не всегда эффективны.

По всей видимости, часть организаций была создана только для получения каких-либо льгот и преференций для бизнеса своих руководителей: «Называется ветеранской организацией, может (он. – О.Ш.) сам ветеран, а идет и решает проблемы для себя, на-

¹¹ См.: Новикова А. Результаты контент-анализа региональных СМИ (Тверская и Нижегородские области, Республики Адыгея и Коми, Алтайский край).

¹² Из интервью с журналистом. Республика Адыгея.

¹³ Из интервью с руководителем ветеранской организации. Тверская область.

¹⁴ Из интервью с руководителем ветеранской организации. Алтайский край.

чинает просить что-то – место под магазин или там еще что-то...»¹⁵. Часть ветеранских организаций носит сугубо популистский характер: «Вот даже тот же (называется имя руководителя одной из организаций. – О.Ш.) как бы больше, мне кажется, для красного словца стал руководить этим комитетом... Конкретных действий я пока от них не видела. У них еще ничего не получается, у них они больше для красного словца работают»¹⁶.

Другие объединения, действительно стремящиеся оказать помощь ветеранам, далеко не всегда могут организовать свою работу должным образом. Некоторые организации слишком маленькие и не располагают ресурсами. Например, один из сотрудников милиции сообщил про свою организацию следующее: «Буквально полгода назад мы организовали в (название райцентра. – О.Ш.) организацию ветеранов и участников боевых действий... У организации большие планы, например, по воспитанию молодежи... Планировать-то планируем, но пока на это нет денег»¹⁷. Другие не могут справиться с регистрацией организации и поддержанием ее правового статуса: «Вот начальник наш сменился, руководитель то есть... Вот он сейчас хлопочет... Говорят, что документы организации куда-то делись... Вот ребята все по новой оформляют»¹⁸. У третьих не развита должным образом организационная культура: «У них все как-то более импульсивно... То он (руководитель организации. – О.Ш.) мне сам позвонит, оставит сотовый, мне передадут, я не могу связаться – сотовый-то отключен, то там денег нет, потом свяжусь, он – ладно, мы придем, потом пропадет. Т.е. есть какая-то непоследовательность и необязательность»¹⁹.

Тем не менее респонденты в разных регионах могли назвать как минимум одну достаточно заметную (а следовательно, наиболее активную) организацию, защищающую интересы ветеранов локальных конфликтов. В Республиках Адыгея и Коми, а также в Алтайском крае это организации, созданные ветеранами Афганистана. Появившись раньше, чем объединения ветеранов Чечни, эти организации оказались более развитыми и устойчивыми. Более того, они считают нужным защищать и поддерживать не только отслуживших в Афганистане, но и ветеранов других локальных конфликтов. Как сказал один из респондентов из Адыгеи: «Афганцы объединились, нас вроде к ним прикрепили»²⁰. Аналогичная ситуация сложилась и в Алтайском крае: «Потом этих чеченцев (организацию ветеранов локального конфликта в Чечне. – О.Ш.) подхватили афганцы (организация ветеранов Афганистана. – О.Ш.), у "афганцев" были уже созданы какие-то свои структуры, и начали заниматься реабилитацией "чеченцев"»²¹. В Тверской области, судя по ответам респондентов, ситуация сложилась иначе. Там защитой ветеранов конфликта в Чечне наиболее активно занимается ассоциация сотрудников правоохранительных органов.

Важно отметить, что, даже если в регионе существует значительное число ветеранских организаций, подавляющее их большинство ведет работу только в региональном центре, в то время как райцентры и сельская местность остаются неохваченными: «Большинство работают в Барнауле, по краю в целом работают две, наверное»²². Исключение представляет, пожалуй, только Тверская область, где наиболее активная организация создала что-то вроде региональной сети: «В нашей организации области есть отделения – в Кимрах, Удомле, Вышнем Волочке... Всего четыре отделения»²³.

Наличие нескольких организаций, сконцентрированных в региональном центре, неизбежно приводит к дублированию их деятельности, к распылению ресурсов и

¹⁵ Интервью с руководителем ветеранской организации. Алтайский край.

¹⁶ Интервью с журналистом. Республика Коми.

¹⁷ Интервью с сотрудником милиции. Тверская область.

¹⁸ Интервью с бывшим бойцом ОМОНа. Тверская область.

¹⁹ Интервью с журналистом. Алтайский край.

²⁰ Интервью с бывшим бойцом ОМОНа. Республика Адыгея.

²¹ Интервью с журналистом. Алтайский край.

²² Из интервью с руководителем ветеранской организации. Алтайский край.

²³ Из интервью с руководителем ветеранской организации. Тверская область.

в итоге к снижению объема и качества поддержки, которые ветеранские организации могут предоставить своей клиентской группе. Необходимость согласования деятельности осознается руководителями тех организаций, которые действительно стремятся решить проблемы ветеранов: «Я пытаюсь всем ветеранским организациям объяснить, (что нужен. – О.Ш.) координационный совет»²⁴. В Адыгее координационный совет ветеранских организаций был создан. Однако создается впечатление, что, невзирая на существование такого совета, общая активность различных ветеранских организаций сводится к подписанию совместных обращений в органы власти и одновременному участию в торжественных мероприятиях, посвященных чествованию ветеранов²⁵. Более успешно задачу аккумуляции ресурсов различных организаций решили в Алтайском крае. Действующая в крае организация ветеранов Афганистана создала под своим руководством ассоциацию из тесно взаимодействующих объединений²⁶. В эту ассоциацию вошли и организации, занимающиеся инвалидами, и организации, представляющие родителей погибших в локальных конфликтах, и организации ветеранов Чечни²⁷. Исходя из ответов респондентов, создание такой ассоциации в первую очередь облегчило контакты с краевой администрацией: «Теперь они (должностные лица. – О.Ш.) уже знают, с кем работать, просто-напросто»²⁸.

Деятельность ветеранских организаций

Исходя из материалов исследования, организации ветеранов локальных конфликтов ведут весьма разнообразную и разнонаправленную работу. Обобщая полученную от респондентов информацию, можно выделить несколько видов деятельности.

Один из них – оказание социальной поддержки ветеранам. Это в первую очередь распределение полученных от спонсоров денег и подарков между нуждающимися, а также посредничество между ветеранами и государственными и муниципальными институтами, предоставляющими льготы: «Участники боевых действий обращаются, чтобы оказали ходатайство... В том году по ходатайству организации двое получили денежные... Ну, деньги для приобретения жилья. В этом году уже еще трое получили»²⁹.

Учитывая, насколько сложно ветерану самостоятельно пройти все бюрократические инстанции и получить полагающиеся льготы, рекомендации и иногда даже давление со стороны общественных организаций могут оказаться весьма полезными: «Помогали решить вопрос получения сертификатов на приобретение жилья. Два десятка таких сертификатов мы выбили, оказали помощь»³⁰. К этому же типу деятельности можно отнести лоббирование программ социальной поддержки ветеранов: «Краевая программа – например, на ремонт квартир им (ветеранам боевых действий. – О.Ш.) выделяются деньги. Край мы запрашиваем и оттуда все идет... целевые»³¹. Однако такое лоббирование далеко не всегда бывает успешным. Например, по сообщениям руководителей ветеранских организаций Тверской области и Республики Коми, им не удалось добиться принятия региональными властями специальных программ для ветеранов.

Второй тип деятельности – консультативная и юридическая помощь. Так, некоторые организации разъясняют ветеранам, какие права и льготы у них имеются,

²⁴ Из интервью с руководителем ветеранской организации. Республика Коми.

²⁵ Из интервью с руководителем ветеранской организации. Республика Адыгея.

²⁶ Из интервью с журналистом. Алтайский край.

²⁷ Из интервью с руководителем ветеранской организации. Алтайский край.

²⁸ Там же.

²⁹ Из интервью с руководителем ветеранской организации. Республика Адыгея.

³⁰ Из интервью с руководителем ветеранской организации. Тверская область.

³¹ Из интервью с руководителем ветеранской организации. Алтайский край.

и куда надо обращаться для их получения: «Многие (из обращающихся в организацию. – О.Ш.) про льготы хотят узнать. Какие льготы, как пользоваться, как что»³². Некоторые организации представляют интересы ветеранов в судах: «Мы стали не только консультировать, но и оказывать юридическую помощь сотрудникам в судах... Были у нас дела по недополучению заработной платы, по невыплате “боевых”, по незаконному увольнению»³³. Однако, исходя из ответов респондентов, не все ветеранские организации имеют развитые программы правовой помощи. Дело в том, что не любая организация имеет средства содержать квалифицированного юриста. Кроме того, активная работа по защите прав ветеранов в судах может вызвать недовольство тех государственных органов, которые выступают ответчиками по искам ветеранов. Например, руководитель одной организации, активно ведущей работу в судах, высказал предположение, что именно из-за этой деятельности его не любят в региональном Управлении внутренних дел³⁴.

Третий тип деятельности ветеранских организаций можно условно назвать реабилитационным. Чаще всего он ограничивается сбором средств на лечение конкретных людей. Некоторым исключением из общего правила являются попытки организовать программы психологической помощи: «Вот, сидит у нас в союзе ветеранов Афганистана ветеран чеченской войны. Выучился на психолога и сидит, с ребятами разговаривает, общается, пытается им оказать психологическую помощь»³⁵. Некоторые ветеранские организации задумываются о создании полноценных программ реабилитации: «Готовить комплексную программу – в отношении этих ребят, это не просто психологическая реабилитация, это должна быть комплексная программа. Начиная с самого простого – это медицинский осмотр. После этого, если это нужно, психологическая реабилитация человека. Если это нужно, медицинский или госпиталь, или что-то»³⁶. Однако в ходе исследования не удалось выявить ни одной организации, которая такую программу начала реализовывать. По всей видимости, причина в том, что даже у самых обеспеченных и активных организаций не хватает ресурсов и времени запустить такую программу: «Нет, нет, не приглашали участвовать (в разработке реабилитационных программ. – О.Ш.) и сами мы пока... Руки не доходят»³⁷.

С этим направлением деятельности тесно связана работа по социальной реинтеграции ветеранов «горячих точек». В первую очередь она направлена на трудоустройство тех ветеранов, которые покинули органы внутренних дел в связи с выходом на пенсию. Эти люди в силу своей предшествующей профессиональной деятельности не всегда обладают навыками, в которых заинтересованы гражданские работодатели. Кроме того, некоторые работодатели с недоверием относятся к людям, побывавшим в «горячих точках», опасаясь неконтролируемого поведения с их стороны.

Соответственно, некоторые ветеранские организации создают при себе нечто вроде охранных предприятий, куда и устраивают на работу ветеранов: «Есть у нас охранный агентств – “Звезда” называется. Туда трудоустраиваем наших ребят без проблем»³⁸. Другие организации пытаются содействовать ветеранам в получении образования³⁹. Наиболее эффективная система обеспечения занятости ветеранов была обнаружена у профильной тверской организации, которая помогает ветеранам пройти все бюрократические инстанции при создании собственного бизнеса. Кроме того, она старается поддерживать контакты с различными местными предприятиями, куда можно было бы устраивать на работу ветеранов: «Люди устраивались на работу по нашей

³² Из интервью с руководителем ветеранской организации. Республика Адыгея.

³³ Из интервью с руководителем ветеранской организации. Тверская область.

³⁴ Там же.

³⁵ Из интервью с руководителем ветеранской организации. Республика Коми.

³⁶ Там же.

³⁷ Из интервью с руководителем ветеранской организации. Алтайский край.

³⁸ Там же.

³⁹ Из интервью с руководителем ветеранской организации. Республика Адыгея.

протекции весьма успешно. У нас даже была договоренность с некоторыми бизнесменами, что они и берут людей на работу по нашей рекомендации... А у бизнесменов есть свой интерес. Они понимают, что эти люди прошли определенный отбор, а тем более есть поручители. Может, самостоятельно человек не может устроиться, а вот с помощью ветеранской организации сделать это проще»⁴⁰. Тем не менее руководитель этой организации считает, что этих усилий недостаточно для устройства всех нуждающихся: «У нас есть банк данных ветеранов. Есть банк данных определенных рабочих мест, но сейчас это большей частью рабочие места в охранных структурах. А раньше у нас был банк данных и по предприятиям. Ведь, вы понимаете, этим должен заниматься специальный человек. И ему надо платить. А у нас нет средств на содержание такого специалиста... Для решения проблемы трудоустройства в полном объеме этого, конечно, мало»⁴¹.

Еще одно направление работы ветеранских организаций можно назвать культурно-просветительским. По данным опроса, значительная часть организаций занимается увековечиванием памяти жителей региона, погибших в локальных конфликтах: изданием книг памяти, установкой мемориальных досок, уходом за кладбищами. Многие также организуют концерты (для ветеранов, для семей погибших и для широкой публики), участвуют – как правило, совместно с руководством органов внутренних дел и чиновниками местных и региональных администраций – в организации торжеств в честь ветеранов. Ветеранские организации также проводят программы патриотического воспитания, организуют спортивные соревнования и создают для молодежи кружки единоборств. Именно эта активность ветеранских организаций наиболее заметна жителям региона, возможно, в силу своего публичного характера.

Наиболее влиятельные и обеспеченные ресурсами организации стремятся помочь тем, кто только отправляется в командировку в Чечню или проходит там службу: «Они ребятам ту же самую воду в Чечню, те же самые продукты, письма – все за свой счет передавали»⁴². Одна из изученных организаций также систематически оказывала материальную помощь подразделениям милиции, передавая туда компьютеры, оргтехнику и мебель»⁴³.

Ресурсы ветеранских организаций и их взаимодействие с государственными, политическими, коммерческими и общественными структурами

Обобщая, можно сказать, что ветеранские организации, как правило, не имеют списка приоритетных задач и программ, а занимаются всем понемногу: «Направлений на самом деле много, работаем по всем направлениям. Какие-то – больше, какие-то – меньше. Как вырулит жизнь»⁴⁴. Во многом характер и направления деятельности той или иной ветеранской организации определяется имеющимися в ее распоряжении ресурсами. Как правило, это ресурсы, получаемые из внешних источников: от региональной или местной администрации, подразделений внутренних дел, политических партий, местного бизнеса. С другими – не ветеранскими – общественными объединениями эти организации обычно не сотрудничают.

Из ответов респондентов создается впечатление, что основным источником денежных средств на программы, реализуемые ветеранскими организациями, являются местные и региональные власти. От них добиваются субсидий и пособий конкретным

⁴⁰ Из интервью с руководителем ветеранской организации. Тверская область.

⁴¹ Там же.

⁴² Из интервью с журналистом. Республика Коми.

⁴³ Из интервью с руководителем ветеранской организации. Тверская область.

⁴⁴ Из интервью с руководителем ветеранской организации. Алтайский край.

семьям, средств на благоустройство кладбищ и пр.: «Мы ж из федерального бюджета, то есть с республиканского бюджета берем»⁴⁵. В некоторых случаях к властям обращаются с целью добиться административных решений в пользу ветеранов: «Вот сейчас жилищную программу ведем... Мы сейчас ведем с городской администрацией работу о том, что выбить, вернее, чтобы они помогли нам сто участков (под застройку. – О.Ш.) определить... Чтoб мы сами там все [строительство] оплачивали»⁴⁶.

В рамках взаимодействия с органами власти ветеранские организации обычно выступают как лоббисты интересов нуждающейся в помощи группы, доказывая необходимость оказания поддержки, а потом помогают властям распределить выделенные деньги, подарки, путевки и прочее. То есть выделяемые органами власти средства обычно не поступают в распоряжение самой ветеранской организации. Исключение, пожалуй, составляют реализуемые ветеранскими организациями программы по воспитанию молодежи и другие культурно-просветительские проекты. Тут средства тратятся самими ветеранскими организациями: «С детьми занимается. И город ему очень хорошо помогает. И дает выезжать, и финансирование оказывает»⁴⁷.

Результаты опроса свидетельствуют, что наиболее эффективно ветеранские организации налаживают контакты с муниципальными структурами или с государственными чиновниками низового звена: «Если брать городскую администрацию, то мы туда не обращались. И к областной власти мы не обращаемся. Мы все решаем на районном уровне. С главами районов решать такие вопросы проще»⁴⁸. Работа с властями районного уровня позволяет ветеранским организациям восполнить недостаток внимания к проблемам ветеранов со стороны вышестоящих органов власти.

Возможно, успех взаимодействия на локальном уровне связан с большей открытостью должностных лиц районного уровня, с их большей готовностью отзываться на запросы общественных объединений. Тем не менее нельзя не заметить, что чаще всего отношения с органами власти выстраиваются благодаря тому, что в этих структурах работают люди, которые сами прошли службу в «горячих точках»: «Могут быть лишь отдельные личности, которые сами офицеры и работают сейчас во властных структурах, либо люди, близкие к этой теме, по-другому она не принимается. В предыдущей Администрации два зама побывали на Чечне. После этого и решение, и продвижение тех или иных проблем (ветеранов. – О.Ш.) стало осуществляться совсем по-другому. Могу четко сказать, что эти проблемы стоят не так остро, как в других регионах, т.е. здесь есть понимание и поддержка»⁴⁹.

Некоторые организации стремятся дополнить получаемые от местных властей ресурсы за счет местного бизнеса: «Ну, мы ищем... нам (сеть продовольственных магазинов. – О.Ш.) хорошо помогает. Они и подарки хорошие сделали вот, матерям погибших на 1 июня – одеяла хорошие подарили... Ребятишек они помогали нам отправлять (отдыхать. – О.Ш.)»⁵⁰. Взаимодействуя с коммерческими структурами, ветеранские организации могут аккумулировать целевые пожертвования (например, собирать по различным предприятиям продукты питания, воду и сигареты для тех, кто направляется в командировку в Чечню), а также предоставлять списки лиц, нуждающихся в помощи.

В периодах между предвыборными кампаниями партийные организации мало вовлечены в сотрудничество с ветеранскими организациями. В ходе исследования был выявлен только один случай такого рода сотрудничества – отделение партии «Родина» предоставляло помещение ветеранской организации⁵¹.

⁴⁵ Из интервью с руководителем ветеранской организации. Республика Адыгея.

⁴⁶ Из интервью с руководителем ветеранской организации. Алтайский край.

⁴⁷ Из интервью с руководителем ветеранской организации. Республика Адыгея.

⁴⁸ Из интервью с руководителем ветеранской организации. Тверская область.

⁴⁹ Из интервью с работником центра социальной реабилитации. Алтайский край.

⁵⁰ Из интервью с руководителем ветеранской организации. Алтайский край.

⁵¹ Из интервью с бывшим бойцом ОМОНа. Тверская область.

Перед выборами партии более активно ищут поддержки объединений ветеранов: «Они (партийные структуры. – О.Ш.) просят нашей (ветеранской. – О.Ш.) поддержки на выборах»⁵². Те, в свою очередь, пытаются использовать партийный ресурс для продвижения интересов ветеранов, однако это не всегда получается: «Вот были последние выборы. Я тогда выступал на партийном активе “Единой России” и говорил о том, что у нашей организации есть определенные наработки – так давайте создадим программу помощи, или программу реабилитации... Но никакого отклика наше предложение не получило»⁵³. Иногда ветеранские организации в отношениях с партийными объединениями ведут себя крайне непоследовательно, рискуя своей репутацией в глазах местного сообщества: «Скажу грубо, но точно – во время выборов ими пользуются как проститутками. Они то на одной, то на другой стороне»⁵⁴.

Неудачные взаимоотношения с партийными структурами показывают, насколько сложно бывает организации, опирающейся на внешние ресурсы. Вместе с тем из материалов опроса следует, что собственных ресурсов организации либо не имеют вовсе, либо они очень ограничены. Такими ресурсами могут быть в первую очередь время и труд членов организации, которые непосредственно участвуют в реализации запланированных программ. Некоторые респонденты в Республике Коми и в Тверской области указали, что они лично работают (или планируют работать) в общественных объединениях, помогая инвалидам и семьям погибших с починкой бытовой техники или ремонтом квартир.

Некоторые организации собирают взносы со своих членов, но они, как правило, незначительны. В ходе исследования была выявлена только одна организация, которая получала существенные денежные взносы от своих членов (тех, кто занимается бизнесом) и которая сама зарабатывала средства коммерческой деятельностью. Именно эта организация наиболее активно оказывала различные виды помощи ветеранам и имела четко определенные задачи и приоритеты работы.

Взаимодействие с «клиентской группой»

Ветеранские организации, по сравнению с другими общественными объединениями, пользуются большей известностью среди участников локальных конфликтов. Вместе с тем многие респонденты говорили, что им не известны какие-либо организации ветеранов, действующие в регионе. Некоторые указывали, что такие организации существуют, но род их деятельности респондентам не был известен, поскольку ни сами респонденты, ни их знакомые в контакт с этими организациями не вступали и помощи от них не получали. Интересно, что таких респондентов было больше всего в Республиках Коми и Адыгея, в то время как в Алтайском крае и Тверской области неосведомленных о ветеранских организациях среди опрошенных было не так много.

В целом невысокий уровень известности ветеранских организаций может свидетельствовать как о том, что они вообще не ведут работы по защите ветеранов, так и о том, что их деятельность ограничена и неэффективна⁵⁵. Принимая во внимание стесненность в ресурсах, которую испытывает часть ветеранских организаций, можно предположить, что оказываемая ими помощь охватывает незначительное число ветеранов.

Более того, формы предоставления такой помощи приемлемы далеко не для всех представителей этой группы. Например, для получения помощи от ветеранских организаций необходимо в них обратиться непосредственно (т.е. прийти в приемную).

⁵² Из интервью с руководителем ветеранской организации. Тверская область.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Из интервью с работником центра социальной реабилитации. Алтайский край.

⁵⁵ Закономерно, что в Алтайском крае и в Тверской области, где ветеранские организации наиболее активны, степень их известности выше, чем в других местах.

Между тем многие ветераны не знают, где расположены приемные общественных организаций. К тому же основная часть ветеранских организаций находится в региональных центрах, и ветеранам, проживающим в сельской местности или в райцентрах, может быть сложно с ними связаться. Например, одна из респонденток на вопрос о том, хотела бы она обратиться в ветеранскую организацию, ответила: «Может, и обратилась бы. Но они, наверное, все в Твери находятся»⁵⁶. Другая сообщила следующее: «Собираются они (члены ветеранских организаций. – О.Ш.), наверно. Все-таки, активисты где-то что-то и делают. Но мы живем на своем селе, у нас этого не чувствуется».⁵⁷ Работающие ветераны нередко не могут найти время для того, чтобы наладить контакт с организацией: «Да нет, какая связь (с ветеранскими организациями. – О.Ш.)? Сплошная работа, на другое времени нет»⁵⁸. Кроме того, многие сотрудники милиции, побывавшие в командировках в «горячих точках», даже если и чувствуют потребность в поддержке, не всегда готовы выступать в роли просителя: «Нет ни одной организации. Но, если б даже и знала, я знаю, что муж никуда бы не пошел. Он слишком гордоватый стал после Чечни. Ему это все кажется так, не надо»⁵⁹.

Представляется, что все эти препятствия могли быть сняты, если бы ветеранские организации сами выходили на связь с представителями своей клиентской группы. Однако только в одном из обследованных регионов была зафиксирована инициативная попытка ветеранской организации вступить в контакт с ветеранами и предложить им помощь: «Буквально с месяц назад (звонили. – О.Ш.), типа, из союза (ветеранов. – О.Ш.), предлагали путевки там. Это было первый раз. Это детям санаторий какой-то»⁶⁰. Прочие организации по причине нехватки ресурсов или отсутствия инициативы сами связываться с ветеранами и что-то им предлагать не пытаются.

Кроме того, из-за ограниченности ресурсов, а в некоторых случаях из-за недобросовестности руководителей, организации не всегда оказывают помощь даже тем ветеранам, которые к ним обращаются: «Один раз просил у них материальную помощь, надо было эхо головы сделать, так ничего и не ответили»⁶¹. В результате у части ветеранов формируется недоверчивое отношение к ветеранским организациям в целом: «Они много раз обманывали моих знакомых, так что я считаю лучше к ним и не обращаться. Они объединились, чтобы отстаивать свои интересы, а не мои, этим и занимаются»⁶².

Даже у тех бывших и действующих сотрудников милиции, которые не имели негативного опыта контактов с ветеранскими организациями, есть определенные стереотипы относительно этих структур. Например, некоторые полагают, что ветеранские организации слишком слабы, чтобы оказать реальную помощь: «Общественные организации я знаю. Но могут ли они помочь, это большой вопрос»⁶³. Другие видят в руководстве ветеранских организаций пустословов и обманщиков: «Этот загадочный Чеченский комитет, о котором все слышали, но чем он занимается, я так и не могу сообразить. Вот с такими ряхами все оттуда выходят... Доверия нет»⁶⁴. Несомненно, часть из этих стереотипов появилась не на пустом месте. Однако стереотип, возникший в сознании ветеранов из-за одной организации, распространяется и на те ветеранские структуры, которые стараются работать добросовестно. Ветеранские организации могут преодолеть эти стереотипы, если они систематически будут распространять достоверную информацию о том, чем они занимаются и какую помощь и на каких усло-

⁵⁶ Из интервью с женой сотрудника милиции. Тверская область.

⁵⁷ Из интервью с женой сотрудника милиции. Республика Коми.

⁵⁸ Из интервью с бойцом ОМОНа. Тверская область.

⁵⁹ Из интервью с женой бывшего сотрудника милиции. Республика Коми.

⁶⁰ Из интервью с бойцом ОМОНа. Алтайский край.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же.

⁶³ Интервью с женой сотрудника милиции. Тверская область.

⁶⁴ Интервью с женой бойца ОМОНа. Алтайский край.

виях они оказывают служившим в «горячих точках» сотрудникам правоохранительных органов. В дальнейшем многое будет зависеть от того, насколько ветеранские организации смогут решить проблемы, с которыми к ним будут приходить люди, и насколько эта помощь будет отвечать декларируемой поддержке ветеранам и их семьям. Ведь при увеличении информационной работы с ветеранами, организации столкнутся с ростом числа обращений. Это потребует расширения и усовершенствования работы организаций, увеличения их ресурсов. Иначе они не смогут соответствовать сформированным ожиданиям ветеранов и их семей. В противном случае эффект будет обратным, а разочарование – сильным, что нанесет еще больший ущерб репутации.

СМИ о ветеранах конфликта

Асмик Новикова,
Центр «Демос» (г. Москва)

Большинство социологических исследований фиксируют тот факт, что основным источником информации для граждан России являются средства массовой информации. Оценки, которые даются СМИ тем или иным событиям, в значительной степени влияют на формирование и развитие общественного мнения. Важны не только оценки и комментарии СМИ, но и сам выбор сюжетов и поводов, которые в дальнейшем получают информационное сопровождение со стороны СМИ. Небезызвестный факт – событие, которое не стало предметом освещения в СМИ, для большинства граждан не существует вовсе.

Структура и наименования тем, состоящих в ротации СМИ, дают представление о приоритетах в редакционных политиках. Редакционные политики СМИ также интересны для изучения по причине того, что, зная их содержание, можно реконструировать картину общественного мнения по поводу тех или иных событий.

В рамках проекта «Ветераны Чечни» мы проводили исследования СМИ (как федеральных, так и региональных) для того, чтобы оценить содержание информационной картины и косвенно – интерес общества к Чеченскому конфликту и положению ветеранов из числа милиционеров этого конфликта.

В каждом регионе проекта был проведен мониторинг тиражных печатных изданий. Были выявлены публикации, в которых освещались аспекты реабилитации и современного положения ветеранов Чечни. Следующим этапом эти публикации были подвергнуты контент-анализу. Мы пытались выяснить, кто, с какой частотой и как вводит в повестку дня тему ветеранов Чечни. Основные выводы следующие:

Тема реабилитации, современного положения ветеранов конфликта остаются на периферии внимания СМИ. Проблема сведена к фрагментарным сообщениям, публикации не содержат развернутой и аргументированной оценки и комментариев.

В целом тема материального благополучия ветеранов и их семей не вызывает интереса у ведущих региональных СМИ. Проблемы невысоких заработков милиционеров освещены только в 0,5 % проанализированных публикаций.

На периферии внимания региональных СМИ остаются и темы, связанные с социальными проблемами родственников погибших в Чечне во время командировок милиционеров, а также вопросы обеспечения семей ветеранов жильем.

В таком же маргинальном положении находятся темы санаторного лечения ветеранов, выполнения страховых обязательств местной властью, вопросы профилактики и пр.

Большинство публикаций не превышает размера небольшой заметки. Развернутых материалов, содержащих оценки современного положения ветеранов, анализирующих причины происходящего и комментирующих проблемы участия милиции в конфликте на Кавказе – ничтожно мало. Как следствие, практически отсутствует аналитическая журналистика, и не сложилось того, что принято называть авторской журналистикой по проблеме.

В результате доминируют публикации, свободные от оценки. Большинство публикаций (54%) нейтральны. Журналисты, согласившиеся дать интервью в рамках исследования, признавали факт игнорирования со стороны СМИ тематики ветеранов конфликта, но не видели в этом проблемы. С их точки зрения, обществу эта тематика неинтересна, а предлагать читателю материал, выпадающих из круга его интереса, не в правилах журналистов и противоречит редакционным политикам.

Является ли равнодушие общества результатом игнорирования со стороны СМИ проблем ветеранов, либо пассивность СМИ в содержательном освещении следствие

отсутствия запроса со стороны общества – вопрос праздный. Общества выносит свои оценки на основе той информации, которая им доступна.

Из-за пассивности СМИ сейчас информация о ветеранах, в целом, об участии милиции в конфликте на Кавказе, обществу практически недоступна. Большинство проблем, наиболее остро иллюстрирующих ситуацию с посткомандировочным сопровождением ветеранов, а также проблем, сильнее всего беспокоящих самих ветеранов, СМИ не интересуют и, соответственно, эти проблемы практически не освещаются (доля таких публикаций не превышает 1%).

Для общества тема участия милиционеров в Чеченском конфликте сведена к телеграфным сообщениям об очередных отрядах милиционеров, которых отправляют/привозят, и сообщениями внешнего протокольного характера (награды, гибель, торжественные случаи). Реальное содержание проблем ветеранов остается «за кадром».

РАЗДЕЛ 4.

ВETERАНЫ КОНФЛИКТОВ В ДРУГИХ СТРАНАХ. ОПЫТ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ РЕАБИЛИТАЦИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ

Канадский опыт реабилитации ветеранов

Браиловская Ксения,
Центр «Демос» (г. Москва)

При разработке программ реабилитации ветеранов, участвовавших в военных конфликтах, целесообразно обратить внимание на уже существующий опыт других стран. Хотя очень часто можно слышать недовольство по поводу попыток использовать зарубежный опыт для решения той или иной проблемы, сам по себе опыт от этого не становится менее интересным, а его изучение обогащает нас новыми подходами к решению задач. Поэтому нижеследующий текст мы предлагаем воспринимать как повод для размышления и оценки, а не как готовый рецепт для России.

* * *

В настоящем справочно-аналитическом обзоре изложена система реабилитации ветеранов канадских вооруженных сил. Мы выбрали для изучения именно канадские реабилитационные программы в силу нескольких причин.

Канадская программа реабилитации разработана для военных ветеранов, имеющих схожий опыт службы, что и российские милиционеры, командируемые в «горячие точки». При этом эффективность и результативность программ реабилитации зависит от того, насколько тщательно учтены специфика службы и контекст, в котором милиционерам приходилось выполнять свои функции в Чечне. Характер службы, которую ветераны Чечни несли в республике, безусловно, близок к военному, о чем прямо говорили опрошенные в ходе исследования ветераны конфликта и начальники РОВД, вынужденные командировать личный состав в республику.

Не менее значимой причиной обращения именно к канадскому опыту стали те усилия, которые предпринимались Канадой в отношении реабилитации ветеранов и особенно интенсивно в последние десятилетия. Канадская система реабилитации ветеранов является совокупным результатом многих лет исследования проблем, с которыми сталкиваются ветераны, а также реформирования законодательной базы, государственных структур и практик работы с этой специфической группой – ветеранами и их семьями.

Таким образом, учитывая военные условия командировок в Чечню и серьезные изменения в канадском ветеранском законодательстве и государственных службах, опыт реабилитации военных ветеранов Канады может быть рассмотрен как интересный пример, на который стоит обратить внимание при разработке программ реабилитации российских милиционеров, проходивших службу в Чечне.

Этот обзор подготовлен на основе информации из открытых источников. В основном мы опирались на материалы трех интернет-сайтов: www.vac-acc.gc.ca – официальный сайт канадского Департамента по делам ветеранов; www.vrab-tacra.gc.ca – официальный сайт Совета по проверке и рассмотрению жалоб; www.who.int/classifications/apps/icd/icd10online/ – сайт международного классификатора заболеваний.

* * *

В апреле 2006 года в Канаде был принят новый ветеранский закон, разработанный для ветеранов вооруженных сил и их семей. Этот закон включает в себя все изменения, вносившиеся в канадское законодательство о ветеранах за последние 60 лет.

Поскольку в настоящее время средний возраст канадских ветеранов – 36 лет, то есть это люди социально активного возраста, то основные положения закона направлены прежде всего на предупреждение и разрешение проблем, возникающих у ветеранов в процессе перехода к гражданской жизни и связанных с трудностями реинтеграции в общество. Поэтому наибольшее внимание уделяется разработке, развитию и совершенствованию мер социальной реабилитации.

Закон предполагает как денежные выплаты, так и развитие специализированных программ, которые должны помочь ветеранам и их семьям. Реабилитационные программы предполагают не просто помощь в адаптации к новой жизни после увольнения со службы, но и поддержание качества жизни, направленное, в частности, на обеспечение достоинства и независимости ветеранов и членов их семей.

Для реализации этой цели закон предусматривает специализированные федеральные и местные программы для ветеранов, а также предполагает развитие локальных сетей, включающих специализированные организации и отдельных экспертов. Таким образом, в систему реинтеграции ветеранов в общество включаются не только федеральные и локальные государственные службы, но и широкий круг негосударственных и некоммерческих организаций, а так же отдельные специалисты.

В целом, программы включают в себя три основных компонента для ветеранов и членов их семей:

- Денежные выплаты
- Обслуживание по медицинскому страхованию
- Социальную реабилитацию

Экономический уровень развития, определяющий размер денежных выплат, пенсионная сфера и система обслуживания по государственному медицинскому страхованию Канады и России значительно отличаются. Подробно мы будем рассматривать только третий пункт – социальную реабилитацию, которая включает в себя некоторые дополнительные выплаты и медицинские программы.

Нужно отметить, что на сегодняшний день канадские ветераны и их близкие могут воспользоваться большим количеством специализированных программ. Для того чтобы предоставить им реальный доступ к этим программам, а также следить за их прохождением, корректировать по мере необходимости и оценивать эффективность реабилитационных мер, учреждена система кейс-менеджмента. Эта система позволяет сосредоточить «в одних руках» персональную историю прохождения реабилитационных программ каждого ветерана и его близких. Таким образом, система кейс-менеджмента выполняет две функции – информирование и помощь в получении реабилитационных мер и сохранение истории реабилитации каждого конкретного ветерана. Последнее является важным средством для оценки эффективности предоставляемых государством мер реабилитации.

Социальная реабилитация, наряду с другими программами, относится к компетенции Департамента по делам ветеранов. В организации и контроле реабилитации принимают участие две государственные структуры – Департамент по делам ветеранов и Совет по проверке и рассмотрению жалоб. Кроме того, совсем недавно была учреждена должность Ветеранского Омбудсмана, представляющего интересы всех лиц, имеющих право на реабилитационные меры, предоставляемые Департаментом.

Государственные структуры Канады по делам ветеранов (Veterans Affairs Portfolio)

Реализацию программ и выплату пенсий контролируют Департамент по делам ветеранов, возглавляемый министром, а также Совет по проверке и рассмотрению жалоб (the Veterans Review and Appeal Board).

Департамент формально является главной организацией, объединяющей и координирующей все локальные службы, занимающиеся ветеранами.

Департамент по делам ветеранов

Департамент состоит из трех отделов:

Отдел сервисов для ветеранов (Veterans Services Branch) несет ответственность за предоставление пенсии и медицинского обслуживания, предоставление социальной и экономической поддержки ветеранам и другим лицам.

Отдел корпоративных служб (Corporate Services Branch) контролирует эффективность использования и защиту финансовых, человеческих, материальных и информационных ресурсов всех государственных структур по делам ветеранов.

Отдел общественных программ и коммуникации (Public Programs and Communications Branch) несет ответственность за сохранение памяти о канадских ветеранах, а также за поддержание в публичном пространстве знания и высокой оценки исторической значимости их службы и вклада в развитие Канады как гражданской нации.

В Департамент также входят три подразделения:

Подразделение аудита и оценки производит контроль качества деятельности служб Департамента.

Подразделение политического планирования и коммуникации обеспечивает проведение последовательной внутренней и внешней политики Департамента и связь с ветеранскими организациями, парламентскими комитетами и другими организациями и государственными органами. Также это подразделение следит за воплощением разработанной политики в законодательных актах.

Бюро пенсионных адвокатов предоставляет бесплатное консультирование, помощь и представление интересов тех, кто не удовлетворен размером компенсации по нетрудоспособности, назначенной Департаментом, или претендующих на другие выплаты, в которых им было отказано.

Совет по проверке и рассмотрению жалоб

Совет по проверке и рассмотрению жалоб занимается рассмотрением претензий ветеранов в отношении выплат, на которые они имеют право в рамках ветеранского законодательства. Совет полностью независим от Департамента по делам ветеранов и может утвердить, аннулировать, изменить или отправить на пересмотр любое решение министра, возглавляющего Департамент и подписывающего указы о выплатах. Таким образом, Совет выполняет функции контроля деятельности Департамента, а также механизма обратной связи между государством и ветеранами. Эффективность работы Совета обеспечивается за счет его независимого статуса от Департамента.

Совет является последней инстанцией, выносящей решения по жалобам ветеранов в сфере государственных структур по делам ветеранов. Совет рассматривает жалобы на размеры пенсии по нетрудоспособности. Ветераны могут представлять себя сами, или же обратиться к юристам. При желании они могут воспользоваться бесплатной помощью юриста из Бюро пенсионных адвокатов при Департаменте. Также за бесплатной помощью они могут обратиться к юристу одной из ветеранских НПО.

Ветеранский Омбудсмен

3 апреля 2007 года в Канаде учреждена должность Ветеранского Омбудсмана по делам ветеранов. В настоящее время рассматриваются кандидатуры на эту должность.

Омбудсмен по делам ветеранов – независимый государственный чиновник, в чьи обязанности входит помощь ветеранам в защите их интересов и разрешении проблем.

Омбудсмен должен будет играть важную роль в привлечении внимания к потребностям и проблемам ветеранов, и повышать доверие ветеранов, представляя их точку зрения.

Деятельность Омбудсмана должна реализовывать положения «Билля о правах ветеранов», принятого в 2007 году, на практике. Билль распространяется на всех клиентов Департамента по делам ветеранов, которыми являются:

- Военные ветераны
- Ветераны и служащие Канадских вооруженных сил (регулярных и резервных войск)
- Полицейские и бывшие служащие Канадской королевской конной полиции
- Супруги, неофициальные партнеры, наследники и те, кто ухаживает за ветеранами (primary caregivers)

- Иждивенцы и члены семей ветеранов
- Другие лица, имеющие право на получение услуг в рамках программ Департамента

Билль о правах ветеранов закрепил объем всех прав ветеранов. Эти же права распространяются на близких ветеранов, а также тех, кто обоснованно может претендовать на услуги программ. Среди основных прав следующие:

- Уважительное, честное и справедливое отношение и признание их достоинств.
- Принятие участия в дискуссиях, затрагивающих их интересы и интересы членов их семей.
- Стороннюю помощь и поддержку при контактах с Департаментом.
- Получение ясной, доступной для понимания информации о программах и услугах Департамента на английском и французском языках.
- Сохранение тайны частной информации.
- Получение вознаграждений и услуг в соответствии со стандартами Департамента и Билля о правах ветеранов.
- Обжалование решений Департамента

Ветераны имеют право на подачу жалоб и сообщение о каких-либо фактах, если они считают, что их права были нарушены.

Организация социальной реабилитации ветеранов

К социальной реабилитации относится широкий круг специализированных услуг в рамках различных программ реабилитации, которыми могут воспользоваться ветераны как в федеральных государственных организациях, так и при обращении к негосударственным организациям и отдельным специалистам, сотрудничающим с Департаментом.

Для осуществления социальной реабилитации были разработаны специальные программы. Каждая программа состоит из нескольких сервисов, которые призваны помочь ветеранам преодолеть возникающие во время службы или при увольнении проблемы. Например, в рамках программы реабилитации инвалидов существуют такие сервисы, как медицинская помощь, психологическая помощь и помощь в трудоустройстве. Ветеран свободен в выборе, он может выбрать как прохождение программы реабилитации в целом, так и один из сервисов.

Система кейс-менеджмента

Система кейс-менеджмента подразумевает персональное ведение дел ветеранов специалистами Департамента.

Кейс-менеджер является главным связующим звеном между ветеранами, их семьями и тем комплексом реабилитационных мер, который предусматривает законодательство. Основная задача кейс-менеджера заключается в том, чтобы своевременно предоставить ветерану и членам его семьи информацию в полном объеме о предусмотренных возможностях в программе реабилитации, составить индивидуальный план прохождения реабилитационных программ и сервисов и консультировать по мере необходимости.

Реформированная канадская программа реабилитации уделяет принципиальное значение информированию ветеранов. Дело в том, что до реформы большая часть нареканий в адрес действовавших тогда программ реабилитации касалась вопросов получения информации об этих программах. Ветераны жаловались на то, что необходимо потратить значительные усилия и фактически самостоятельно разыскивать необходимую информацию. При разработке действующих сейчас программ государство учло накопленные проблемы и предложило приемлемое решение.

Введенная в ветеранской службе система кейс-менеджмента обеспечивает оперативное управление в ходе оказания реабилитационных услуг, может корректировать

реабилитационный процесс в зависимости от изменений потребностей ветеранов. Одним из наиболее положительных элементов системы кейс-менеджмента является заложенная в нем возможность индивидуализировать подход к каждому ветерану и его семье.

За счет персонального сопровождения ветераны и их семьи своевременно и в доступной форме получают всю нужную им информацию о работе реабилитационных программ, об объеме реабилитационных мер, на которые они могут рассчитывать.

Информирование о программах реабилитации

Эффективность информирования является важным критерием качества в предоставлении доступа к реабилитационным программам. Оперативное и подробное информирование не только помогает решить проблемы ветеранов, но и способствует их предупреждению. К сожалению, у нас нет возможности оценить полный объем предоставления информации и все каналы, которые реально задействованы в Канаде. Мы остановимся только на тех практиках информирования, которые являются результатом реализации нового ветеранского законодательства.

- **Интервьюирование при увольнении (транзиторное интервью)**

При увольнении из армии канадские военнослужащие вместе с семьей могут принять участие в транзиторном интервью (Transition Interview). Интервью разработано Департаментом по делам ветеранов. Проводится оно местным представителем клиентской службы Департамента по делам ветеранов.

Во время интервью ветеранам предоставляют следующую информацию:

- Информация о специализированных службах Департамента
- Сведения о полагающихся ветеранам выплатах
- Информация о программах, которыми могут воспользоваться ветераны
- Информация, касающаяся здравоохранения (медицинского обслуживания ветеранов)
- Контактные телефоны Департамента по делам ветеранов и других государственных департаментов
- Контактные номера тех локальных организаций и экспертов, которые могут помочь во время или после увольнения

- **Система кейс-менеджмента**

Кейс-менеджер ведет дела ветеранов и их семей, предоставляет информацию о программах и выплатах и связывает их со специалистами Департамента и негосударственными локальными организациями.

- **Сайт Департамента**

На сайте Департамента в простой и доступной форме размещена исчерпывающая информация о программах, выплатах, ветеранском законодательстве и многом другом.

Кроме того, на сайте есть интерактивная форма, воспользовавшись которой ветераны в режиме он-лайн смогут узнать, на какие именно программы они могут рассчитывать и получить нужную контактную информацию. Форма также позволяет связаться непосредственно с представителем Департамента по делам ветеранов и получить дополнительную и более подробную информацию.

- **Экспертная сеть**

Департамент сотрудничает с большим количеством отдельных специалистов и местных организаций, которые включены в систему реабилитации ветеранов и, в частности, являются проводниками информации о содержании программ и услуг. С помощью сети местных экспертов и негосударственных организаций информация о программах распространяется «вглубь» местных сообществ.

- **Служба помощи ветеранам**

Это программа, основной задачей которой является информирование ветеранов о программах Департамента, а также о той помощи, которую он может получить в локальном сообществе от общественных организаций и отдельных специалистов.

Программы социальной реабилитации

Программы социальной реабилитации состоят из множества отдельных сервисов, которые могут действовать одновременно в отношении отдельного ветерана или его близких. Ветеран может выбрать только одну или несколько программ. Решение о количестве реабилитационных сервисов, о включении ветерана в ту или иную программу принимается в зависимости от потребностей ветерана и его близких. Оценить потребности, сформулировать запросы к реабилитации, выбрать ту или иную программу ветеранам и его близким помогают кейс-менеджеры, а также другие специалисты, сотрудничающие с Департаментом по делам ветеранов. В корпус программ по социальной реабилитации включены программы по трудоустройству, программы медицинской реабилитации, включая программу группового медицинского страхования, программу по поддержке семьи, а также отдельный сервис – Службу помощи ветеранам.

Программа трудоустройства

Программа помогает ветеранам найти квалифицированную работу. Она состоит из трех основных сервисов:

- **Тренинг для поиска работы**

Это практические занятия, на которых ветеранов учат писать резюме, помогают определить уже имеющиеся у них профессиональные навыки, которые могут быть использованы на «гражданской» работе, советуют, как вести себя на собеседовании, а также помогают найти специальные курсы для организации собственного дела.

- **Карьерная консультация**

Консультанты помогают правильно планировать переход к «гражданской работе», оценивать те навыки, которые есть у ветерана, и правильно представлять их на собеседовании.

- **Помощь в поиске работы**

Тем ветеранам, которые уже определились с будущей профессией, помогают правильно себя позиционировать на рынке труда и систематизировать собеседования в зависимости от их приоритетов.

Групповое медицинское страхование (group health insurance)

В новом законе ветераны вместе с членами семьи имеют право на групповое медицинское страхование по программе Плана медицинского обслуживания государственных служащих (Public Service Health Care Plan).

Согласно новому закону, ветеранам и членам их семей возмещаются следующие расходы:

- Приобретение лекарств (drug benefit).
 - Офтальмологические услуги (vision care).
 - Обеспечение специальными медицинскими материалами (special medical supplies).
 - Помощь медицинских специалистов (treatment by medical specialists).
- В рамках этой программы ветеранам и их семьям возмещается до 80% расходов.

Канадская программа по медицинскому страхованию ветеранов и их семей увязана с государственной программой медицинского страхования для госслужащих. Таким образом, на институциональном уровне программы реабилитации ветеранов включены в работу других государственных программ. Последнее означает наличие в бюджете государственной программы средств для ветеранов. В России, например, участников боевых действий, а также просто милиционеров, должны обслуживать в медицинских учреждениях общего профиля, но на практике из-за отсутствия у милиционеров государственного медицинского страхования, им отказывают в помощи и отправляют в специализированные медучреждения МВД. Часто на практике это означает фактическое отсутствие доступа к медпомощи. Сейчас в России запущен процесс реформирования ведомственной медицинской службы. Одна из целей затеянной реформы – обеспечить быстрый и качественный доступ сотрудников органов внутренних дел к медицинской помощи и формализовать отношения между МВД и Минздравом России. Реформа началась в 2006 году, и о ее результатах говорить пока преждевременно.

Поддержка семьи

В новом ветеранском законе большое внимание уделяется поддержке семей ветеранов. Семьи ветеранов могут рассчитывать на:

- Медицинскую поддержку, в таком же объеме как у государственных служащих.
- Кейс-менеджмент – работу с консультантом, который выслушивает проблемы, дает советы и, если нужно, направляет к специалистам.
- Семейные консультации со специалистами.
- Реабилитацию, предназначенную для супругов неофициальных партнеров. Это как специализированные консультации, так и покрытие некоторых расходов, например, расходов на обучение, на ребенка и т. д.
- В случае смерти ветерана его супруге/супругу или неофициальному партнеру выплачивается \$250 000.
- Дети погибших военнослужащих, а так же некоторых ветеранов могут рассчитывать на гранты для получения высшего образования в размере \$6700 в год. Сумма может быть увеличена, поскольку она предназначена также и для платы за жилье во время учебы, стоимость которого может возрасти.

Служба помощи (Veterans Affairs Canada Assistance Service)

В первую очередь эта служба помогает тем ветеранам и их близким, которые переживают серьезные проблемы, в том числе эмоциональные и психологические. Служба находится в структуре Департамента по делам ветеранов. Основная задача этой службы – консультирование и предоставление информации обо всех сервисах и реабилитационных программах, на которые ветераны и их близкие могут рассчитывать. Служба работает круглосуточно и особенно важна для тех, кто имеет эмоциональные проблемы или страдает от стрессовых расстройств, связанных с несением службы, а также для членов их семей. Проблемы, которые помогает решить служба, разнообразны – от психологических и семейных до финансовых и профессиональных.

Позвонив по круглосуточной бесплатной линии, ветераны и члены их семей могут получить консультацию относительно возникших у них проблем, а также назначить встречу с персональным консультантом.

На встрече консультант помогает определить проблемы и, при необходимости, может связать их со следующими локальными организациями и специалистами:

- Семейные службы (family service agencies)
- Социальные службы
- Брачный консультант
- Программы лечения наркологической зависимости

- Специальные группы поддержки (например, Анонимные Алкоголики)
- Врачи
- Психологи
- Психотерапевты и консультанты
- Локальные центры поддержания психического здоровья
- Карьерные консультанты
- Юристы
- Финансовые консультанты и службы по кредитной консультации
- Социальные работники
- Духовенство
- Локальный офис Департамента по делам ветеранов

После первой консультации специалисты и организации, работающие с Департаментом по делам ветеранов, разрабатывают индивидуальный план действий для ветерана. Кроме того, консультант связывает ветерана с локальным офисом Департамента по делам ветеранов, где тот может получить всю информацию о полагающихся ему выплатах и доступе к другим программам. Таким образом, Служба не просто помогает решить неотложные проблемы, но и включить ветеранов и их близких в прохождение курса программ реабилитации Департамента. Однако, если обратившиеся в нее по каким-либо причинам не хотят участвовать в этих программах, то они могут воспользоваться лишь сервисами Службы.

Консультанты имеют необходимые навыки для ведения разговора при таких обстоятельствах, как эмоциональное или психологическое напряжение звонящего. Такие навыки необходимы им потому, что прежде всего Служба ориентирована на тех, кто испытывает различного рода проблемы. Например, это могут быть ветераны, страдающие от психических расстройств, либо члены их семей, столкнувшиеся с изменениями в поведении ветеранов.

Все встречи с консультантом носят сугубо конфиденциальный характер.

Услуги Службы помощи для ветеранов бесплатны. Если ветерану или члену его семьи нужна более узкоспециализированная помощь, чем ему могут предоставить специалисты и организации, сотрудничающие с Департаментом по делам ветеранов, то консультант может найти платных специалистов, стараясь при этом ориентироваться на доступные по ценам услуги.

Программы для инвалидов и ветеранов, имеющих проблемы со здоровьем

Для реабилитации инвалидов и ветеранов, имеющих проблемы со здоровьем разработан комплекс мер, которые направлены прежде всего на их реинтеграцию в общество и поддержание качества их жизни. Как и в случае с программами социальной реабилитации, программы подразумевают комплекс отдельных сервисов, воспользоваться которыми они могут по своему усмотрению. Эти программы разделяются на программу социальной и медицинской реабилитации, программу по денежным выплатам, а также на программу независимости и поддержки инвалидов.

Программа социальной и медицинской реабилитации

Главная цель этой программы – реинтеграция ветеранов в гражданскую жизнь. Программа рассчитана на тех ветеранов, которые уволились вследствие заболеваний (в том числе психических расстройств) или травмы, а также на ветеранов, имеющих проблемы со здоровьем, возникшие вследствие службы. Кроме того, на прохождение этой программы имеют право наследники погибших ветеранов, а также супруги или неофициальные партнеры тех ветеранов, которые имеют право на помощь в трудоустройстве, но не могут воспользоваться этим сервисом из-за плохого здоровья.

В большинстве случаев программа реализуется с помощью сети локальных экспертов и других локальных ресурсов. Ветераны могут пользоваться как одним, так и несколькими сервисами программы, в зависимости от их потребностей.

Эти сервисы включают в себя:

- Медицинскую помощь, которая помогает восстановить и стабилизировать здоровье.
- Психологическую и социальную помощь, с помощью которой ветераны могут справиться с возникшими проблемами.
- Помощь в трудоустройстве, которая позволяет найти такую работу, где могли бы использоваться знания и навыки, приобретенные на службе. Если же это невозможно, то с помощью программы Профессиональной помощи (Vocational Assistance) ветеран может обучиться другой профессии.

Программа денежных выплат

Если ветераны, имеющие инвалидность или заболевание, связанное с прохождением службы, сталкиваются с материальными проблемами, то они имеют право на выплаты помимо назначаемой им основной пенсии. Также на некоторые из этих выплат имеют право родственники ветеранов. (Точные размеры выплат определяются в индивидуальном порядке.)

- **Компенсация за потерю дохода (Earnings Loss Benefits)**

В течение периода, когда ветераны проходят реабилитацию или программу профессиональной помощи и временно не работают, они имеют право на денежную компенсацию в размере не менее 75% от их армейского заработка. На эту выплату имеют право также наследники и сироты ветеранов.

- **Компенсация за необратимое ухудшение здоровья (Permanent Impairment Allowance)**

Это довольствие, которое назначается ветеранам в случае, если они не могут работать или их возможности карьерного роста снижены из-за необратимого ухудшения здоровья (suffer from lost job opportunities because they are permanently and severely impaired). На эту выплату имеют право те ветераны, которые имеют физическое или психическое заболевание, связанное со службой. При этом они должны иметь одобренный Департаментом план реабилитации и получать пенсию, основанием для которой является именно это заболевание.

- **Дополнительная пенсионная компенсация (Supplementary Retirement Benefit)**

Это единовременная выплата, которая позволяет компенсировать потерянную возможность внести средства в пенсионный фонд после увольнения из вооруженных сил.

- **Поддержка уровня дохода канадских военнослужащих (Canadian Forces Income Support)**

На эту выплату может рассчитывать ветеран, который прошел программу реабилитации и после прохождения этой программы либо не нашел работу, либо нашел низкооплачиваемую работу. Выплата производится в течение того периода, когда ветеран ищет приемлемую для него, хорошо оплачиваемую работу.

- **Компенсация инвалидам за «неэкономический» ущерб**

Это единовременная компенсация для ветеранов, которые стали инвалидами из-за службы. Из-за этого они могут испытывать боль и страдания, которые изменяют их жизнь или делают ее лишеной радости. Это своего рода моральная компенсация полученного ущерба, выплачиваемая государством.

В зависимости от степени инвалидности ветераны могут получить до \$250 000.

Программа независимости ветеранов и инвалидов

Эта программа направлена на поддержание здоровья и сохранение независимости престарелых ветеранов и инвалидов.

- Программа включает следующие сервисы:
- Помощь на земельном участке, например уборка снега.
- Помощь по дому. Например уборка, приготовление еды, и т. д.
- Персональную помощь для тех, кто не может обойтись без посторонней помощи, например самостоятельно одеться, принять ванну, поесть и т.д.
- Доставка готовой еды.
- Медицинские сервисы.
- Оплата расходов на поездки к друзьям, в магазин, в банк и т.д.
- Изменение домашних условий, например, ванной комнаты или кухни, таким образом, чтобы они были удобны для людей с ограниченными возможностями.

Этот комплекс сервисов был разработан еще до принятия нового ветеранского закона. Ветераны могут пользоваться этой программой одновременно с другими предусмотренными новым законом программами.

Психологическая реабилитация

Одним из важнейших направлений в реформированной реабилитационной канадской системе стало развитие комплекса реабилитационных мер, направленных на профилактику и лечение различных психических расстройств.

Такое акцентирование психологической реабилитации связано с объективными причинами. За последние 5 лет количество канадских ветеранов, уволенных на пенсию на психиатрических основаниях, увеличилось почти в четыре раза.

В 2002 году Департамент по делам ветеранов и Министерство обороны Канады выступили с инициативой улучшения сервисов для ветеранов, которые страдают от стрессовых расстройств, связанных с несением службы (Operational Stress Injuries). Эта инициатива стала первым шагом, предпринятым для модернизации всех сервисов, предоставляемых ветеранам.

Определение психического здоровья, пожалуй, является ключевым не только для программ психологической реабилитации, но и для всех основных программ, предусмотренных для канадских ветеранов в новом законе.

Определение психического здоровья (mental health)

Психическое здоровье человека – это ощущение благополучия, которое складывается из сбалансированности всех аспектов нашей жизни: физических, умственных, социальных, экономических и духовных. Такое определение дано на официальном сайте Департамента.

Описанные выше программы реабилитации канадских ветеранов разработаны таким образом, чтобы в конечном итоге способствовать балансу этих аспектов. Кроме этих программ, государство разработало стратегию, реализация которой создает необходимую базу для помощи ветеранам, страдающим от расстройств, связанных с прохождением службы.

Стратегия поддержания психического здоровья

Выработанная Департаментом стратегия содержит следующие аспекты:

- Организация взаимосвязанных сервисов и служб поддержания психического здоровья, которые включают поддержку ветеранов, предупреждение заболеваний, лечение, реабилитацию и непрерывный уход.

– Создание объема услуг по всей стране, которые обеспечат специализированную заботу о ветеранах, чьи психические расстройства вызваны психологической травмой, полученной во время службы. Это подразумевает развитие интегрированной сети клиник, специализирующихся на стрессовых нарушениях, связанных с несением службы, а также экспертных сетей по оказанию помощи (service providers) на местном уровне.

– Усиление лидерской роли канадского Департамента по делам ветеранов в области поддержания психического здоровья. Для этого большое количество ресурсов вкладывается в постоянное совершенствование Национального клинического центра экспертизы, созданного при Департаменте.

– Развитие партнерского сотрудничества с другими организациями, которые могут способствовать эффективной помощи ветеранам с психическими расстройствами.

Эта стратегия стала ключевым элементом не только для психиатрических программ, но и для общей реализации канадского нового ветеранского закона. Из аспектов стратегии видно, что ее основной целью является качественное развитие сервисов и усиление взаимосвязей и сотрудничества организаций различного уровня. При этом ведущую роль в выработке единых медицинских стандартов играет Национальный клинический центр экспертизы, специализирующийся именно на психических расстройствах, связанных с прохождением службы. Это свидетельствует об уровне признания самой проблемы психических расстройств ветеранов, а также о тех усилиях, которые государство предпринимает для решения этой проблемы.

Как уже было отмечено, главная цель канадских реабилитационных программ – поддержание качества жизни, а также достоинства и независимости ветеранов. Однако различного уровня и тяжести психические расстройства, связанные со специфическим опытом военных, являются фактором, не способствующим ни осознанию собственного достоинства, ни сохранению независимости. Эти расстройства в большинстве случаев не могут быть преодолены лишь посредством программ социальной реабилитации. Более того, некоторые особенности ветеранов, страдающих психическими расстройствами, зачастую препятствуют их успешному прохождению.

Именно осознание проблемы на государственном уровне позволило разработать стратегию, основой которой является консолидация всех усилий в разработке и реализации программ психологической реабилитации ветеранов.

Ниже приведено описание основных особенностей посттравматического стрессового расстройства, которыми страдают военные ветераны. В канадских программах психологической реабилитации ему уделяется значительное внимание. Описание ПТСР и его синдромов разработано экспертами Департамента и адаптировано для «неспециалистов». Эта информация опубликована на официальном сайте Департамента и доступна для широкого круга читателей.

Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР)

ПТСР входит в число стрессовых расстройств, связанных с несением службы (Operational Stress Injuries). Кроме ПТСР, в их число входит синдром беспокойства, депрессия и различные формы зависимости (формы зависимости, такие как алкогольная и наркотическая, входят в медицинское определение «химическая зависимость»). Эти стрессовые расстройства могут быть следствием ПТСР. Однако это не означает, что все, кто испытывает депрессию или страдают от синдрома беспокойства, также имеют и посттравматическое стрессовое расстройство.

По оценкам специалистов, среди канадских военнослужащих, которые участвовали в военных действиях, 10% – те, кто в настоящее время страдает ПТСР.

ПТСР определяется как психологическая реакция на травмирующие события, которые несовместимы с нашим видением мира или нас самих.

Для ветеранов это, в частности, события, связанные с военными действиями, во время которых их жизнь подвергалась непосредственной угрозе, а также с тем, что они непосредственно сталкивались со смертью других людей, в том числе своих сослуживцев.

Психологическая травма – это очень индивидуальная реакция на событие. Событие, которое травмирует одного человека, может совершенно не затронуть другого. Такая вариативность степени реагирования связана с различием в верованиях, убеждениях, ценностях и предыдущего опыта разных людей (в особенности предыдущего травматического опыта). Некоторые специалисты, занимающиеся изучением посттравматического синдрома, предполагают, что у людей различных культур ПТСР может проявляться в различных формах.

ПТСР характеризуют 3 основные группы проблем. Соответственно, симптомы подразделяются на 3 группы.

- **Интрузивные (навязчивые) симптомы**

Эта группа симптомов связана с проблемой неосознанной болезненной концентрации на травматическом событии и характеризуется следующими проявлениями:

- Воспоминания или образы травматического события причиняют боль.
- Снятся кошмары, в которых может фигурировать травмировавшее событие.
- Флэшбэки – повторное переживание травмирующего события, которое неожиданно «оживает» в памяти.
- Человек расстраивается, если ему напомнить о событии, ставшем причиной психологической травмы.
- Физиологические проявления, такие как потение, частое сердцебиение, мускульное напряжение, которые возникают при напоминании о травмировавшем событии.

Эти симптомы усиливают страдания, вызванные травматическим событием, и могут вызывать такие эмоции, как печаль, вина, страх или злость.

- **Избегание всего, что напоминает о травмировавшем событии и потеря чувствительности**

Люди, сознательно и неосознанно, стараются избегать всего, что касается травмировавшего события, а в случае, когда избежать невозможно – минимизировать эмоциональное реагирование. Такая жизненная стратегия может привести к эмоциональной «изоляции» от мира и самых близких людей и, как следствие, потере интереса к тому, что раньше радовало, и потере мотивации к прежде обычной для человека деятельности. Симптомы проявляются в следующем:

Попытки избежать всего, что может напомнить о травмировавшем событии. Это может касаться как мыслей и чувств, так и общения, определенных мест и некоторых людей.

- Пробелы в памяти.
- Потеря интереса к обычной ранее деятельности.
- Чувство «отрезанности» или изолированности от любимых людей.
- Чувство безнадежности или безразличия ко всему окружающему.
- Неспособность представить свое будущее.

Человеку становится трудно принимать решения и заставлять себя что-либо делать. Он больше не ощущает себя «частью общества». Наряду с депрессией и чувством изолированности, эти проявления приводят к проблемам в семье и в общении с окружающими.

- **Симптомы возбуждения**

Эта группа симптомов характеризуется тем, что человек, который находился в зоне военных действий или сам принимал в них участие, больше не чувствует себя в безопасности даже в мирной жизни. С этим чувством связаны:

- Нарушения сна.
- Гнев и раздражительность.
- Проблемы концентрации.
- Постоянный поиск знаков, указывающих на предполагаемую опасность.
- Нервозность, человек часто испытывает страх.

Зачастую центральной особенностью страдающих ПТСР является чувство злости, выражающееся в несдержанности и вспышках гнева, которые могут быть направлены

как на самих себя, так и на близких и на «весь остальной мир». Многим ветеранам кажется, что их все бросили и что их осуждают, иногда – что их предали.

Нередко им трудно сдерживать эти чувства, и они проявляются либо вербально, либо в поступках. И это основная проблема, которая мешает страдающим ПТСР ветеранам как в работе, так и во взаимоотношениях с семьей и с друзьями.

Нужно отметить, что концепция ПТСР, используемая специалистами Департамента, вполне соответствует определению посттравматического синдрома в Международном классификаторе заболеваний. Вот как этот синдром описывается в версии Классификатора 2007 года:

«Посттравматическое стрессовое расстройство возникает как проявляющаяся через некоторое время или растянутая во времени (хроническая) реакция на стрессовое событие или ситуацию (кратковременную или длительную) непосредственной угрозы или катастрофическую ситуацию, которая может стать причиной сильных страданий (pervasive distress) практически у любого человека. Предрасполагающие факторы, такие как индивидуальные особенности (например, различные мании, астения) или прежние невротические заболевания, могут ускорить развитие синдрома или осложнить его протекание, но эти факторы не являются ни необходимыми, ни достаточными для того, чтобы объяснить его возникновение.

Характерные особенности расстройства включают в себя эпизодически повторяющиеся переживания травмы в навязчивых (интрузивных) воспоминаниях, снах или кошмарах, возникающих на фоне постоянного ощущения оцепенения и эмоционального «притупления», отдаления от других людей, невосприимчивости к окружающему, ангедонии (неспособность чувствовать радость и интерес к тем видам деятельности, которые обычно приносят удовольствие) и избегание действий и ситуаций, напоминающих о травме. Обычно характерно состояние спонтанного гипервозбуждения со сверхнастороженностью (повышенным уровнем бодрствования), частая реакция испуга и бессонница. Беспокойство и депрессия обычно сопутствуют вышеперечисленным синдромам и признакам, а склонность к суициду проявляется нечасто.

Начало расстройства следует за травмой, проходя через латентный период, который может длиться от нескольких недель до нескольких месяцев. Характер протекания изменчивый и прерывистый, но восстановление возможно в большинстве случаев. В некоторых случаях расстройство может стать хроническим на долгие годы, с возможным окончательным изменением личности».

Как можно увидеть из описания симптомов, проявлений и последствий ПТСР, люди, которые им страдают, могут сталкиваться с дополнительными трудностями в процессе реинтеграции в общество. Для лечения этого и других расстройств, связанных с несением службы, созданы специальные программы реабилитации.

Медицинская и социальная реабилитация ветеранов, страдающих стрессовыми нарушениями, связанными с несением службы

Медицинская реабилитация

Центральное медицинское учреждение со специализацией в области стрессовых расстройств – Национальный центр клинической экспертизы, предоставляющий высокий уровень медицинской помощи в области поддержания психического здоровья. Центр проводит исследования, поддерживает медицинское образование и развитие различных программ. Также Центр участвует в разработке национальных стандартов и предоставляет профессиональное клиническое руководство, консультации по разработанным программам и тренинги для специалистов в области здравоохранения (health professionals).

Всего в Канаде существует пять клиник, специализирующихся на стрессовых расстройствах, связанных со служебной деятельностью, в которые ветераны и члены их семей могут обратиться. В этих клиниках предусмотрены программы диагностики и лечения, а также индивидуальное, групповое и семейное консультирование.

Также Департамент по делам ветеранов и Министерство обороны поддерживают сеть профессиональных экспертов, специалистов по стрессовым расстройствам, связанным с несением службы.

Кроме этого, в Департаменте по делам ветеранов зарегистрированы 900 профессиональных работников в области здравоохранения на местном уровне (community health professionals), которые также могут оказывать помощь ветеранам. Их число постоянно растет, поскольку социальным работникам также разрешено давать ветеранам психологические консультации.

Таким образом, за счет создания сети специализированных клиник, возглавляемых Национальным центром клинической экспертизы, происходит выработка и распространение единых стандартов организации помощи ветеранам, страдающим от расстройств, связанных с несением службы. С помощью привлечения большого количества различных специалистов по всей стране эти стандарты реализуются в практике оказания помощи не только в пяти специализированных учреждениях, но и в локальных сообществах. Происходит это как благодаря привлечению к сотрудничеству местных специалистов, так и посредством обучения новых кадров.

Программа социальной поддержки ветеранов, страдающих стрессовыми расстройствами, связанными с несением службы (Operational Stress Injury Social Support (OSISS) Program)

В Канаде действует программа социальной поддержки для ветеранов со стрессовыми нарушениями, вызванными службой, а также для членов их семей.

Программа предусматривает два направления помощи ветеранам.

«Товарищеская поддержка» (peer support)

В рамках этого направления помощь оказывается ветеранами, ранее страдавшими стрессовыми расстройствами, которые прошли специальное обучение (Trained Peer Support Coordinators). Поддержка выражается как в разговоре и обсуждении проблем, так и в предоставлении информации о федеральных и локальных программах и сервисах.

Поддержка семей

Координаторы семейной поддержки предлагают членам семей ветеранов помощь, которая выражается в обсуждении их проблем, как индивидуальном, так и групповом. Также координаторы предоставляют всю необходимую информацию как о федеральных медицинских учреждениях и программах, так и о локальных ресурсах помощи. В программе работают координаторы, близкие которых ранее страдали стрессовыми нарушениями. Эти координаторы понимают все трудности, с которыми может столкнуться семья, по личному опыту, что облегчает коммуникацию и повышает эффективность их помощи.

* * *

Из описания канадских программ социальной реабилитации можно сделать вывод, что они представляют последовательную реализацию декларируемых целей, а именно: поддержание качества жизни, сохранение достоинства и независимости вете-

ранов. Основной акцент делается не на субсидирование и предоставление льгот, а на помощь в выстраивании новой социальной карьеры после увольнения и преодолении возникающих при этом трудностей. Именно такая помощь требуется для того, чтобы ветераны успешно начали гражданскую жизнь и не чувствовали при этом себя людьми из зависимой или «социально неполноценной» категории.

Нужно отметить, что выплаты по программе для инвалидов и уволенных на медицинских основаниях ветеранов существуют, но носят при этом целевой характер. Часть направлена на материальную поддержку ветеранов в процессе профессиональной переквалификации, часть – на внесение в пенсионный фонд. То есть эти выплаты решают реально возникающие проблемы, а не выплачиваются ветеранам как льготной категории граждан.

Также существует компенсация за упущенные профессиональные возможности для инвалидов и страдающих тяжелыми заболеваниями. В этом случае стоит подчеркнуть важную идеологическую особенность – государством компенсируется именно потерянная возможность работать и сделать успешную карьеру, а не инвалидность или заболевание как факт. Кроме того, в случае инвалидности вследствие службы предусмотрена компенсация за «страдания», то есть своего рода компенсация морального ущерба государством.

Поэтому стоит отметить, что и идеологическая, и практическая части программ реабилитации не только направлены на помощь ветеранам в построении новой социальной карьеры после увольнения, но и препятствуют стигматизации, то есть представлению о себе как о членах социальной категории, обладающей негативными качествами. Наиболее очевидный результат стигматизации – это жизненная стратегия, основанная на низкой самооценке. Преодоление и предупреждение такой проблемы вполне соответствует решению задачи поддержания достоинства и независимости ветеранов.

Нужно также сказать, что большое количество внимания в пореформенных программах уделяется семье. Проведенные ранее исследования показали, что программы, не включающие реабилитацию членов семей, вызывали недовольство как ветеранов, так и их близких. В новой системе реабилитации членам семей и неофициальным партнерам ветеранов доступны большое количество сервисов, а также непосредственно разработанных для них программ. Это также способствует решению проблем ветеранов и их семей и облегчает трудности реинтеграции ветеранов в общество.

Что касается сервисов психологической помощи, то стоит подчеркнуть, что уровень их разработанности показывает степень признания проблемы психических расстройств у ветеранов, связанных непосредственно с несением службы. При этом приоритет в рассмотрении таких расстройств отдается не оценке их опасности, а возможности с ними справиться. Выработанная государственная стратегия психологической помощи ветеранам свидетельствует о том, что эта сфера является одной из приоритетных в системе реабилитации ветеранов.

Разработанные способы информирования о программах свидетельствуют о реализации государством права ветеранов на доступ ко всему комплексу реабилитационных мер. Без таких важных элементов, как предоставление ясной для понимания информации и налаженной коммуникации с представителями государственных органов, реализация программ может быть неэффективной.

Важно также отметить, что в существующей системе государственных структур по делам ветеранов заложены механизмы контроля качества их работы. Такой контроль реализуется благодаря возможности подавать жалобы в две инстанции – в Совет по проверке и рассмотрению жалоб и Ветеранскому Омбудсмену. Это позволяет выявлять нарушение прав ветеранов, и способствует дальнейшему развитию и совершенствованию системы реабилитации.

РАЗДЕЛ 5.

ВETERАНЫ КОНФЛИКТА В РЕГИОНАХ РОССИИ

Предисловие

Олег Цветков,
г. Майкоп, Республика Адыгея

Представленные ниже аналитические записки подготовлены на материалах полевых исследований, проведенных региональными правозащитными организациями, партнерами центра «Демос».

Исследования осуществлялись в мае-июле 2006 года в пяти субъектах Федерации – Алтайском крае, Нижегородской и Тверской областях, а также в республиках Адыгея и Коми. В каждом из перечисленных регионов были проведены полуструктурированные интервью с ветеранами конфликта в Чеченской Республике и их женами. Представители милицейского руководства, психологи органов внутренних дел, журналисты, пишущие на «чеченские» темы, и лидеры ветеранских общественных организаций были опрошены в качестве экспертов. Всего было взято около ста интервью.

В результате проведенной работы собран большой и уникальный материал, который позволил сформировать информационную базу проекта. Все изложенные в региональных аналитических записках выводы и описания основаны на ней.

Положение милиционеров, ветеранов Чеченского конфликта, в Тверской области

Валентина Шарипова,
ТРО «Мемориал» (Тверская область)

Записка подготовлена по материалам исследования в рамках проекта «Привлечение общественного внимания к Чеченскому конфликту через призму проблем социальной адаптации и профессиональной деятельности ветеранов». Были проведены интервью с действующими и бывшими сотрудниками милиции, побывавшими в служебных командировках в районах проведения контртеррористической операции в Чеченской Республике, а также с экспертами. Опрос проводился в Твери и Лихославле. В нем участвовал 21 человек. Десять интервью взято у сотрудников отделов внутренних дел и их жен, пять интервью – у сотрудников специальных подразделений милиции, два – у милицмейских психологов, одно – у руководителя районного отдела внутренних дел и еще два – у сотрудников администрации Тверской области. В интересующем нас аспекте были также изучены и использованы для написания данной записки материалы региональных СМИ.

Милиция и конфликт в Чечне

История участия региональной милиции в конфликте

Практика направления в Чечню сотрудников подразделений МВД из регионов существует более 10 лет. Милиционеры Тверской области командировались в Чечню уже в первую чеченскую кампанию (1994 – 1996 гг.). Но регулярные командировки начались с 2000 года, когда тверские милиционеры, наряду с сотрудниками белгородского УВД, стали обеспечивать работу Временного отдела внутренних дел (ВОВД) Курчалоевского района Чечни.

В первое время срок командировок тверских милиционеров, как и сотрудников УВД других регионов, составлял полтора месяца. Затем срок пребывания в Чечне был увеличен до трех месяцев. В феврале 2002 г. глава МВД Борис Грызлов своим распоряжением увеличил срок командировок до шести месяцев. Но, по неофициальным данным, подтвердившимся в рамках опроса, и сотрудники отделов, и сотрудники спецподразделений УВД находятся в командировке, как правило, не более 90 дней.

Основным местом службы тверских спецподразделений – ОМОН и СОБР – является контрольно-пропускной пункт (КПП) на трассе Ростов – Баку, расположенный возле селения Ачхой-Мартан, в Самашкинском лесу.

Тверской ОМОН постоянно живет в «вахтовом режиме». Часть омоновцев находится в командировке в Чечне, другая – на отдыхе, третья – обеспечивает охрану порядка в Тверской области или другом регионе. Так, например, тверские омоновцы привлекались для обеспечения правопорядка в ходе проведения массовых мероприятий в Москве и для охраны саммита глав «Большой восьмерки» в Санкт-Петербурге. Служебные командировки для сотрудников спецподразделений являются обязательными.

Службу в Чечне прошли примерно 70 % личного состава УВД Тверской области. За 10 лет службы в Чечне погибло 25 тверских милиционеров, ранено более 100 человек¹.

Ежегодно 26 апреля сотрудники УВД Тверской области отмечают День памяти сотрудников милиции, погибших в Чечне. Именно в этот день в 2001 году погибли первые 8 сотрудников милиции. Одним из них был командир тверского ОМОНа.

¹ Из интервью №1 чиновника администрации. Тверская область.

Ветераны Чечни

Чечня и происходящее в ней с точки зрения ветеранов. Ветераны о местном населении в Чечне

Во время нахождения тверских милиционеров в Чечне их контакты с местным населением были сведены к минимуму. «Мы постоянно были за забором»², «на базар по одному не ходили, да никуда не ходили»³. Ситуация скудного общения, ограничивающегося случайными контактами с местным населением, создавала дефицит информации о местном обществе.

При этом милиционеры не испытывали большой потребности в том, чтобы знать больше о чеченском обществе, увеличить частоту общения с местными жителями. В результате у большинства опрошенных милиционеров сложились, на наш взгляд, поверхностные представления о чеченском обществе.

Единого четко определенного мнения о происходившем и происходящем в Чечне у опрошенных нами сотрудников милиции нет: «Там так все запутано, что хренушки разберешь». Большая часть респондентов не владеет информацией и/или не хочет видеть объективной картины событий. «А что сейчас там происходит? Теперь все держат под контролем. А раньше чехов (чеченцев. – В.Ш.) приходилось душить»⁴.

Часть респондентов считает, что силовыми акциями можно только на время «пригасить» конфликт в Чечне. «Я считаю, что пока само население, сам народ не наведет у себя порядок, то никто это сделать не сможет. Им самим надо строить свое будущее»⁵.

Респонденты отмечали лишь внешние приметы чеченского общества: своеобразный уклад жизни в Чечне, сплоченность чеченцев – «очень дружный народ, я такого у нас не видел», взаимовыручку. «Они, скажем так, никогда не выдадут своих родственников. Родные есть родные... А у нас все наоборот»⁶.

Собственно, у большинства ветеранов контакты с местным населением ограничивались общением с коллегами. «Общались, конечно, в основном с чеченскими милиционерами. Делились, кто как живет, какая зарплата...простые были разговоры. Политики не касались. Отношения были неплохие»⁷.

Но были и другого рода «контакты» с местным населением – спецмероприятия. На вопрос «Скажите, а как местное население воспринимало такие мероприятия, как «зачистка?»» сотрудник тверского ОМОНа ответил так: «Да обыкновенно воспринимало... Ну как волк воспринимает собаку? Вот так и воспринимали. Было так, что какой-нибудь пацан проведет рукой по горлу, мол, зарежет, а так особо нас не напрягали ... А с пацаном что? А что ты с ним сделаешь? Волчата там они все... Могли и стрельнуть во время таких проверок, но у нас таких случаев не было»⁸.

Были и такие мнения: «Я не считаю, что чеченцы – плохой народ. В семье, как говорится, не без уroda... Какой-то злобы особой я там не видел. Просто у них там такое положение...»⁹.

Но в целом такие суждения не характерны.

Большая часть опрошенных относилась к чеченцам если и не враждебно, то настороженно: «старался вообще не общаться», «я лично к чеченцам относился с опаской».

² Из интервью №2 сотрудника ОВД. Тверская область.

³ Из интервью №3 сотрудника ОВД. Тверская область.

⁴ Из интервью №5 бойца ОМОНа. Тверская область.

⁵ Из интервью №2 сотрудника ОВД. Тверская область.

⁶ Там же.

⁷ Из интервью №3 сотрудника ОВД. Тверская область.

⁸ Из интервью №4 бойца ОМОНа. Тверская область.

⁹ Там же.

Оценка ветеранами эффективности работы милиции в Чечне

Единая оценка результатов своей службы в Чечне у ветеранов отсутствует. Чисто условно ветеранов можно разделить на две большие группы. К первой относятся те, кто принимал участие в проведении боевых операций и мог точно оценить, были они успешными или нет. Ко второй – те, кто участия в боевых операциях не принимал, а занимался какой-нибудь работой, результаты которой оценить не всегда просто. Например, обучением сотрудников чеченской милиции.

Поэтому на вопрос: «Как вы считаете, милиция в Чечне работает эффективно?» ответы респондентов были неоднозначными. Одни выражали некий оптимизм по отношению к участию подразделений МВД в чеченском конфликте. В большей степени это характерно для бойцов ОМОНа. «Конечно, эффективно работает. Сейчас, по сравнению с 2000 и 2001 годами там стало значительно тише. Кадыров вот с нашей помощью поднялся»¹⁰. «...Если бы такие, как я, туда не ездили, то Кавказ бы уже поделился»; «Конечно, там намного тише стало. И я считаю, что это заслуга спецподразделений»¹¹.

Что же касается оценки участия в чеченском конфликте со стороны сотрудников отделов УВД, то она была более сдержанной: «Если так-то посмотреть, то мы нужны были только в одной командировке. Когда происходили все зачистки и операции. А в остальные командировки так просто для галочки посылали, послали, и все»¹². «Мы были милиционерами, а чувствовали себя (в Чечне. – В.Ш.) то ли солдатами, то ли... не поймешь кем»¹³.

«Конечно, навести порядок там милиции тяжело. Но можно, мне кажется, делать это эффективнее. Я считаю, что, пока само население, сам народ не наведет у себя порядок, то никто это сделать не сможет. Им самим надо строить свое будущее... К тому же молодое поколение в основном, считай, выросло на этой войне. И им тяжело перестраиваться... То есть ребятам, которым сейчас по 19-20 лет, они выросли на боевых действиях. Я имею в виду чеченцев. Надо перестраивать их психологию... А милиция? Силовые операции никогда особого успеха не приносят»¹⁴.

Предложения тверских сотрудников милиции по разрешению ситуации в Чечне были шаблонны и колебались от радикального решения проблемы – «бомбить горную Чечню» до вполне либерального «пусть сами наводят там порядок».

Таким образом, консенсуса в вопросе участия в чеченских событиях среди ветеранов нет. Сотрудники спецподразделений, которые и создавались для проведения специальных силовых операций, воспринимают свое пребывание в районе боевых действий как естественные издержки опасной службы. Правда, при одном непереносимом условии: издержки должны покрываться адекватным вознаграждением.

Что касается сотрудников ОВД, в массе своей они воспринимают командировки в Чечню как неизбежное зло: «надо пройти через это». Тем более что служба в Чечне, как они считают, способствует карьерному росту.

Однако при этом многие сотрудники ОВД высказывали мнение о том, что наводить порядок в Чечне должны другие структуры, прежде всего армия и спецслужбы: «Я больше склоняюсь к тому, что эту работу должны исполнять определенные спецслужбы, которые способны выполнять такие задачи. А милиционеры ведь в целом не подготовленные туда едут...»¹⁵. Это сказал милиционер, который был тяжело ранен в Чечне. Он имел в виду недостаточную, с его точки зрения, морально-психологическую

¹⁰ Из интервью №4 бойца ОМОНа. Тверская область

¹¹ Из интервью №3 бойца ОМОНа. Тверская область

¹² Из интервью №1 сотрудника ОВД. Тверская область.

¹³ Там же.

¹⁴ Из интервью №2 сотрудника ОВД. Тверская область

¹⁵ Там же.

подготовленность сотрудников милиции к несению службы не территории Чеченской Республики.

Мотивации к командировкам в Чечню

Командировки в Чечню формально считаются добровольными, а на деле, как выяснилось в ходе опросов, – принудительными. На вопрос «Скажите, командировка в Чечню – это было добровольно?» ответы респондентов в целом сводились примерно к следующему: «Да нет, какое добровольное желание? Пришла бумага из Управления, нужны были люди. Ну, была жеребьевка: кто поедет. И так вышло, что и я попал в число тех, кто должен был ехать»¹⁶.

Руководство УВД Тверской области знает о том, что сотрудники соглашаются ехать в командировки на срок не более трех месяцев. Это касается как сотрудников ОВД, так и сотрудников спецподразделений. Ветераны отмечали, что, находясь в Чечне, невозможно сохранить рабочий настрой не только в течение шести месяцев, но даже трех. Об этом говорили не только сотрудники ОВД, но и более подготовленные бойцы спецподразделений.

«Да никто там не бывает полгода. Полгода в Чечне – это не-реаль-но! Это только официально как бы едут туда на полгода. Но едут в Чечню на 3 месяца. Никакой дурак на полгода не поедет. Есть, конечно, такие долбанутые, что и по полгода там сидят, но это ... Вы поймите, три месяца командировки – это очень много, потому что уже через месяц там наступает апатия, все притупляется, я имею виду, что чувства притупляются, бдительность теряется...»¹⁷

Фактическая принудительность командировок со стороны милицеских чиновников сочетается с низкой материальной мотивацией сотрудников МВД. В конце 90-х – начале 2000 годов милиционерам полагались так называемые «боевые» выплаты и им гарантировали льготы. Впоследствии выплаты «боевых» отменили, а льготы урезали.

Милицеское начальство Тверской области тоже поставлено в жесткие рамки. Оно должно выполнять требования вышестоящего руководства по направлению милиционеров в Чечню. Численность сотрудников, которых необходимо направить в Чечню, устанавливается вышестоящим начальством. Поэтому руководство районных отделов милиции вынуждено направлять в командировку своих сотрудников практически в приказном порядке, прельщая подчиненных то скорым повышением по службе, то обещанием забыть былые прегрешения. «И сотрудники понимают, что мне тоже приказывают. Я не могу доложить, что нет желающих... Я не только приказываю сотруднику ехать в командировку, я обещаю сотруднику какой-то рост, служебный рост. А карьерный рост – это стимул для тех, кто хочет дальше служить в органах...»¹⁸

Сами ветераны обосновывают свое решение отправиться в командировку разными причинами. При этом некоторые из числа сотрудников спецподразделений четко разделяют мотивацию командировок в первую и во вторую чеченские кампании. «Первая командировка в Чечню, которая была в 1994 году, была чисто идейная. Мы как рассуждали? Надо, грубо говоря, защитить русское население, которое там тогда гнобили. Там же много было русских, и многим некуда было деваться. Шли за чисто своих людей, за русских. Как говорится, было за державу обидно»¹⁹. «А сейчас ехать и выступать за идею наведения там порядка... стоит ли? Надо работать на своем месте»²⁰.

Такого же мнения придерживаются и те, кто посылает сотрудников в командировки. «Я не думаю, что люди туда едут из чувства патриотизма. Не думаю. Ведь всем

¹⁶ Из интервью №3 сотрудника ОВД. Тверская область.

¹⁷ Из интервью №4 бывшего бойца ОМОН. Тверская область.

¹⁸ Из интервью начальника РОВД. Тверская область.

¹⁹ Из интервью №4 бывшего бойца ОМОН. Тверская область.

²⁰ Из интервью №2 сотрудника ОВД. Тверская область.

известны политические и экономические корни этой войны, природа этой войны, и чьи интересы там отстаиваются...»²¹.

Что касается мотивации командировок в Чечню в последние несколько лет, то сотрудники райотделов с некоторой долей безвыходности объясняли свое решение так: «кто-то должен ехать», «пришла моя очередь».

На решение ехать в командировку влияют в том числе и некоторые неписанные правила милицмейской службы. Особенно склонны считаться с этими правилами те, кто проработал в органах милиции свыше 5-10 лет. «Порой и надо было отказаться, но отказаться я не мог, ведь тогда рассчитывать на нормальное ко мне отношение уже было нельзя»²².

Еще один мотив озвучили респонденты из числа рядового состава: участие в военном конфликте дает право на получение льгот: «Едут еще те, кто хочет получить "ветерана боевых действий"».

Что касается сотрудников спецподразделений, то, как пояснили опрошенные из их числа, выезд в командировки – это составная часть службы в спецподразделениях. «У меня ведь работа такая, командировки в обязанность входят. Я контракт подписывал, видел, что подписывал...»²³.

На вопрос «Почему вы приняли решение поехать в командировку в Чечню?» тот же респондент ответил так: «Решение ехать в командировку я не принимал, потому, что у нас обязанность такая. Нам приказали и мы поехали. Я уже говорил, что контракт подписывал»²⁴.

Не скрывают сотрудники спецподразделений и того обстоятельства, что для них командировки в «горячие точки» – это способ зарабатывания денег: «...знаешь, что ты едешь за деньги». На вопрос «Что вы ожидаете от командировок?» омонцы, как правило, отвечали: «Кто за чем ехал, но в основном ехали улучшить свое материальное положение. А что? Все для этой цели и едут! Что в этом такого?»²⁵

Что касается сотрудников ОВД, то они подтверждали, что одним из мотивов к участию в чеченском конфликте, было продвижение по службе. И некоторые из них получали искомое: «Я практически всегда рано или поздно получал повышение по службе»²⁶.

Не скрывали респонденты из числа сотрудников ОВД и меркантильной подоплеки своего согласия на командировки во вторую чеченскую кампанию. «Да я ехал для того, чтобы заработать на жилье»²⁷.

Но, как правило, надежды на адекватное финансовое вознаграждение не оправдывались – «...нас, как всегда, обманули. Обещали больше денег, чем потом заплатили. Обещали платить 1000 рублей в день, ведь в отделе таких денег не заработаешь, но обманули, и таких денег не заплатили...»²⁸.

Сотрудники, в большинстве своем, возвращались весьма неудовлетворенными, так как они, по словам опрошенных экспертов, «не получали адекватного вознаграждения». Не в этом ли причина того, что в тверском ОМОНе за последние 7 лет сменилось до 80% личного состава? Особенно большое число увольнений из тверского ОМОНа произошло в 2002 году, когда стало окончательно ясно, что «боевые», по сути, отменяются.

В связи с этим напрашивается следующий вывод. Несмотря на различные стимулы, использованные руководством МВД и УВД, мотивация к участию в Чеченском конф-

²¹ Из интервью начальника РОВД. Тверская область.

²² Из интервью №5 сотрудника ОВД. Тверская область.

²³ Из интервью №1 бойца ОМОН. Тверская область.

²⁴ Там же.

²⁵ Из интервью №1 бойца ОМОН. Тверская область.

²⁶ Из интервью №5 сотрудника ОВД. Тверская область.

²⁷ Из интервью №3 сотрудника ОВД. Тверская область.

²⁸ Там же.

ликте у сотрудников милиции остается предельно низкой. Для большей части из них в нынешних условиях – это тяжкая повинность.

Один из экспертов по этому поводу высказал такое мнение: «...условия в командировках достаточно экстремальные, связанные с реальным риском для жизни, а материально это никак не компенсируется сейчас. Можно эти же деньги получать, не выезжая в командировки»²⁹.

Профессиональная деятельность после командировок

В ходе опроса ветеранов, участников Чеченского конфликта, подтвердилось мнение, что командировки в Чечню негативно влияют на профессиональную деятельность милиционеров. В командировках сотрудники милиции зачастую выполняют не свойственную им работу. Навыки, которые они приобретают во время этих поездок, являются навыками скорее армейскими, чем собственно милицеескими. «Мы все время были с оружием. Ели с оружием, с оружием спали».

Принудительность таких командировок, отсутствие в пунктах дислокации сводных отрядов – ВОВД и блок-постов – удовлетворительных бытовых условий и полноценного питания, многие другие факторы влияют как на дисциплину, так и на выполнение служебных обязанностей. Собственно милицееские обязанности исполнялись по упрощенной схеме. Основная задача командиров и личного состава – остаться в живых. Именно эта задача, а не профессиональное выполнение служебных обязанностей, обуславливает поведение в условиях чеченских командировок.

«В командировках сотрудники живут своей субкультурой. Они теряют свои социальные связи, какое-то чувство реальности. К тому же в Чечне сейчас нет активных боевых действий, и поэтому сотрудники становятся менее дисциплинированными...»³⁰

Нарушение дисциплины и командованием, и самими ветеранами объяснялось тяжелыми условиями службы. В свободное время командированные милиционеры, как правило, снимали напряжение алкоголем. «Пили, а как вы думаете? Как там не пить? Но за рамки не выходили. Я говорил своему взводу: "Вот, ребята, норма, и за норму не выходить!". Но пили в определенное, конечно, время. На службе – нет, ни в коем случае! Это не то, что пэпээсники! Они по-черному пьют в командировках. Приезжают из Чечни уже готовые алкоголики. Как-то наши ночевали в Курчалое на базе ППС, так потом рассказывали, что там творилось. Там и на посту пьяные были. Пили там день и ночь»³¹.

По свидетельствам ветеранов, употреблять алкоголь начинают уже по дороге в Чечню. Отмечены случаи и употребления наркотиков.

Как сами ветераны, так и милицееское начальство подчеркивали, что командировки не способствуют обретению сколько-нибудь полезного опыта, способного пригодиться в службе в мирное время. И это отмечали практически все респонденты, как из числа нижних чинов, так и из числа начальствующего состава. «Там, в Чечне, имеет место неумеренное употребление спиртных напитков, а здесь приходится приводить их в нормальные чувства, напоминать о субординации, дисциплине, исполнительности. У сотрудников в Чечне однообразная служба: на посту, на охране здания, поесть – и спать. И на следующий день все то же самое. Какие-то выезды – это редко. И по большому счету они попросту дисквалифицируются!»³²

Кроме того, сотрудники милиции в ходе т.н. «зачисток» приобретают и другой негативный опыт. Объектами таких мероприятий были в том числе женщины и дети, которые автоматически выступали в роли противной стороны. Следствием такого опыта «может быть месть на национальной почве. Это ксенофобские настроения в среде сотрудников... И это, возможно, великодержавный шовинизм. И это может распростра-

²⁹ Из интервью психолога УВД. Тверская область.

³⁰ Из интервью начальника РОВД. Тверская область.

³¹ Из интервью №4 бывшего бойца ОМОНа. Тверская область.

³² Там же.

няться не только на чеченцев, но и на других представителей Кавказа и Средней Азии, на тех, у кого другой цвет волос и глаз. Это – первое. Второе, это неконтролируемость своего поведения, раздражительность...»³³.

Этим эксперты объясняют те характерные правонарушения сотрудников милиции, которые они допускают на службе по возвращении из командировок в Чечню. Противоправные действия милиции по отношению к кавказцам, проживающим на территории области, достаточно часты. В Тверской области проживает много выходцев из Чечни. Чеченцы стали переселяться сюда еще в 70-е годы прошлого столетия. А с началом чеченской войны приток чеченцев в область значительно возрос. К сожалению, жители Тверской области не свободны от предубеждений в отношении кавказцев. А у сотрудников милиции, по нашему мнению, таких предубеждений еще больше.

За последнее десятилетие в области отмечены многочисленные случаи нарушения прав человека по отношению к выходцам с Кавказа сотрудниками правоохранительных органов. Характер противоправных проявлений в отношении кавказцев самый разный. От проверок паспортного режима с «особым пристрастием», незаконного задержания, незаконного возбуждения уголовных дел до нанесения тяжких телесных повреждений.

Случай, приведенный ниже, наиболее яркий из этого ряда.

В июне 2005 г. в п. Селижарово Тверской области был зверски избит проживавший там Рамзан Авторханов. Сотрудники милиции, избивавшие Авторханова, выкрикивали оскорбления в адрес чеченцев и недвусмысленно заявляли, что избиение является ответом на гибель семи тверских омоновцев в Чечне, один из которых был уроженцем Селижаровского района. Спустя два дня в ходе нападения неизвестных был ранен родственник Авторханова. Оба пострадавших были госпитализированы. Никакого разбирательства по этому делу не проводилось³⁴.

Но логика такого негативного опыта такова, что объектами противоправных действий могут стать практически все жители региона. Так, 24 ноября 2004 года сотрудники Тверского областного СОБРа и Управления по борьбе с организованной преступностью (УБОП) г. Бежецка устроили «зачистку» на местном рынке. Избиению и пыткам подверглись не менее десяти человек, среди которых были два кандидата в депутаты Бежецкого районного собрания депутатов.

23 февраля 2005 года сотрудники УБОП и СОБРа УВД Тверской области в масках ворвались в сельский Дом культуры с. Рождествено в то время, когда там проходил вечер встречи выпускников местной школы. Было избито большое количество мужчин, женщин и подростков. Накануне у местных сотрудников милиции произошел конфликт с жителем соседнего поселка. По договоренности с главой администрации сельского округа были вызваны бойцы спецподразделения.

С 3 по 4 марта 2005 г. сотрудники тверского Управления по контролю за оборотом наркотических и психотропных веществ с участием СОБРа Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков провели «оперативные мероприятия» в том же г. Бежецке, в результате которых десятки людей были задержаны, избиты и подверглись пыткам. Многие из них с травмами попали в больницу.

В мае 2005 г. случаи массового нарушения прав человека в г. Бежецке и с. Рождествено были изучены сводной мобильной группой юристов правозащитных организаций. В составе группы были сотрудники фонда «Общественный вердикт», Центра «Демос» (г. Москва), «Комитета против пыток» (г. Нижний Новгород) и других организаций. Материалы общественного расследования по фактам массового произвола в регионе были переданы в прокуратуру Тверской области.

И если превышение служебных полномочий руководство УВД региона пыталось объяснить особой опасностью для общества задержанных в Бежецке по подозрению в наркоторговле, то такое же неправомерное применение насилия ОМОНа в отноше-

³³ Из интервью №1 сотрудника администрации Тверской области.

³⁴ Данные предоставлены Тверской чечено-ингушской общественной организацией «Вайнах».

нии подростков на дискотеке в с. Рождествено было, хоть и «сквозь зубы», признано ошибочным. Стоит отметить и тот печальный факт, что никакого реального наказания «отличившиеся» милиционеры пока так и не получили.

Случаи произвола, символом которых стал г. Благовещенск (Башкортостан), нередки, как известно, и в других регионах. Распространенность таких эксцессов дает основания предполагать, что командировки в Чечню приводят не только к депрофессии отдельных работников, но и к росту произвола сотрудников правоохранительной системы.

УВД и Чеченский конфликт

УВД и позиция по отношению к участию милиции в конфликте

Сложилось впечатление, что руководство УВД Тверской области вынуждено делать вид, что личный состав как райотделов, так и спецподразделений направляется в командировки на шесть месяцев, хотя в реальности срок таких командировок не превышает трех месяцев. Это указывает на то, что ситуация со сроком командировок явно ненормальная. Знают ли об этой проблеме в Министерстве внутренних дел РФ или тоже делают вид, что милиционеры из регионов служат в Чечне по полгода?

Опрошенные нами милиционеры, побывавшие в командировках в Чечне, считают, что полгода пребывания там – это слишком много. Один респондент сказал: «Те начальники, которые придумали посылать людей на полгода, у них мозгов нет»³⁵.

Средства, необходимые для дополнительной отправки личного состава в Чечню, нередко изыскиваются «в частном порядке», привлекается спонсорская помощь. Руководство УВД рассчитывает на спонсорскую помощь и в вопросе материального обеспечения самих командировок.

Как полагают эксперты, сотрудники милиции Тверской области хуже обеспечены в командировках, чем милиционеры других регионов. «...Ребята, которые ездят в Чечню, удивляются, какая разница между материальным обеспечением белгородских милиционеров и наших, тверских. А мы там меняем белгородцев. Так вот белгородским милиционерам тамошний губернатор выплачивает надбавку в 800 рублей, а наши сотрудники ППС, ДПС и другие сотрудники милиции общественной безопасности ни копейки не получают. К тому же белгородским милиционерам снаряжают огромные автопоезда. Они обеспечивают своих милиционеров так здорово!»³⁶

Тем не менее руководство УВД Тверской области также проявляет своеобразную заботу о милиционерах. Оно обеспокоено тем, что в условиях перманентного дефицита кадров часть личного состава постоянно отвлекается для несения службы в другом регионе. Похожее мнение высказывают чиновники. По мнению эксперта из числа сотрудников областной администрации, несправедливо, что работу 13 временных отделов в Чечне обеспечивают сотрудники милиции лишь из 30 регионов, в число которых входит и Тверская область. В 2005 году в связи с гибелью в Чечне семи тверских милиционеров руководству регионального УВД удалось добиться того, что целый год сотрудники милиции Тверской области не посылались в командировки в Чечню. Однако эта «отсрочка» не касалась личного состава спецподразделений.

Проблема отвлечения милицейских кадров за пределы региона достаточно остра. По мнению одного из экспертов, дело в том, «что в отделениях милиции в связи с этими выездами возникает проблема нехватки сотрудников. Возрастает нагрузка на каждого остающегося сотрудника по охране общественного порядка. Этот сотрудник трудится за себя, и за “того парня”, который в Чечне. К тому же никто за перегрузки и перера-

³⁵ Из интервью №1 сотрудника ОВД. Тверская область.

³⁶ Из интервью начальника РОВД. Тверская область.

ботки не доплачивает, зарплата у людей остается та же. Нагрузка возрастает вдвое, а то и втрое, а зарплата не растет. А ведь нагрузка серьезная! И люди не справляются. И поэтому, наверное, отмечается рост преступности... В 2003 году – 188 преступлений на десять тысяч населения; в 2004м – 190,6; в 2005м – 284»³⁷.

Вместе с тем, по мнению респондента, «с точки зрения руководства милиции – командировки в Чечню подчиненных – это козырь. Когда с них спрашивают за работу, то они говорят, что значительная часть состава отвлекается в Чечню. Вот, понимаете, какая отговорка... И поэтому невозможно повысить требовательность как с каждого милиционера, так и с каждого начальника отдела, с каждого начальника управления. Вот такая ситуация...»³⁸

Сотрудник, побывавший в Чечне, приобретает что-то вроде «охранной грамоты». Обвиненные в превышении служебных полномочий милиционеры часто несут минимальные наказания, а то и вовсе пострадавшим отказывают в возбуждении уголовных дел по фактам избиения, пыток и т.п. Не только руководство УВД, но и прокуратура и суды региона считают смягчающим вину то обстоятельство, что сотрудник побывал в «горячей точке».

Так, из интервью стало известно о случае (2004 г.), когда один из сотрудников Центрального РОВД г. Твери, обвиненный в превышении должностных полномочий (избиении подозреваемого), не понес никакого наказания. По мнению экспертов, дело было прекращено именно потому, что этот сотрудник был ветераном чеченской кампании.

Другой пострадавший, Иван Васильев, с 2004 года не может добиться наказания сотрудников милиции, пытавших его в Московском ОВД г. Твери. В результате пыток Васильев стал инвалидом, но прокуратура отказала ему в возбуждении уголовного дела. По мнению отца Васильева, реальной причиной отказа в возбуждении уголовного дела служит то, что трое из пяти оперативников, на которых указывает Васильев, побывали в командировках в Чечне, и прокуратура проявляет к ним противоправное снисхождение.

Напрашивается вывод о том, что «покровительство» ветеранам, преступившим закон, входит в практику прокуратуры и судов не только Тверской области, но и других российских регионов. Об этом свидетельствуют известные дела других чеченских ветеранов – Ульмана, «Кадета», Буданова. И хотя Буданов все-таки осужден, но отбывает он наказание отнюдь не на общих основаниях.

Не свидетельствует ли такая практика о косвенном признании государственной властью вины за искалеченную психику своих граждан? Но сознает ли власть, таким образом, свою долю вины за преступления, совершенные ветеранами Чеченского конфликта?

Психологическая служба УВД

Психологическая служба МВД в Тверской области создана 24 декабря 1992 года на базе окружной военно-врачебной комиссии. В ее состав первоначально вошли психолог и медицинский регистратор. В 1995 г. был создан Центр психологической диагностики УВД. А с недавнего времени, после реорганизации ведомственной медицины, служба стала называться Центр психофизиологической диагностики. Он является подразделением медико-санитарной части УВД Тверской области. В состав последней вошли также медико-санитарные части учебных заведений МВД.

По замыслу милицейских начальников, такое слияние было необходимо для того, чтобы начиная с поступления на учебу и на работу будущие сотрудники правоохранительных органов проходили определенное тестирование на пригодность к дальнейшей службе. Однако на практике обеспечить эффективную работу Центра психофизиологи-

³⁷ Из интервью №1 чиновника администрации. Тверская область.

³⁸ Там же.

ческой диагностики пока не удалось. Так, например, психологи до сих пор не обеспечены отдельными кабинетами и компьютерами.

В Центре психофизиологической диагностики работают четыре психолога достаточно высокой квалификации. В подразделениях УВД таких специалистов еще 16. В их число входят и психологи образовательных заведений, т.н. группы психологического обеспечения образовательных учреждений. Главный психолог УВД координирует работу психологов подразделений, Центр ему не подчиняется. В свою очередь, психологи подразделений не подведомственны Центру психофизиологической диагностики. Таким образом, в областном УВД, включая и специалистов Центра психодиагностики, работают 20 психологов. Но число специалистов не совсем соответствует нормативу: один психолог на 400 человек личного состава. На деле один психолог приходится на два-три подразделения. А это около 400-450 личного состава.

В свое время бывший министр МВД Грызлов критиковал региональное УВД за нехватку психологов. С тех пор число их так и не увеличилось.

Но проблема не только в этом. Сотрудники из числа штатных психологов подразделений УВД являются специалистами самых разных областей знаний. Однако среди них нет ни одного специалиста по клинической психологии. Курирует работу психологов подразделений бывший участковый в звании старшего лейтенанта. В управлении УВД психологи входят в штат воспитательного отдела. Очевидно, что воспитательная работа и психологическая помощь – это разные виды работы.

Как выяснилось в ходе исследования, смысл работы психологов МВД не вполне понятен даже руководству УВД и районных отделов милиции. Вероятно, не случайно психологи привлекаются ими к выполнению обязанностей, не связанных с психологической работой.

«Считается, что психологи – это бездельники, которые неизвестно чем занимаются, проводят какие-то непонятные беседы. И стараются нагрузить посторонней работой... Нас привлекают для охраны общественного порядка, например, в День города. И мы стоим, как и все сотрудники на улице. Я вот стояла на ногах на улице 9 часов. Мы стояли на воротах стадиона, досматривали вещи... Еще мы дежурируем «на тумбочке», записываем данные посетителей»³⁹.

Работа с личным составом ведется психологами малоэффективно. Так, заключение о пригодности к милицмейской службе при приеме на работу нового сотрудника психолог вынуждены выносить «на глаз, не используя надежные какие-то инструменты». Это заключение «практически ничего не отражает», и этот документ, как правило, никто не читает. Его просто подшивают в личное дело.

Малопродуктивная и повседневная работа с личным составом. «Вот я заставляю его заполнить тесты. А это более 500 вопросов. И как их сотрудник заполняет? Бывает, что сегодня несколько вопросов, через два дня еще столько-то и так далее. И получается, что каждый раз он отвечает на вопросы в разном психологическом состоянии. Я, правда, стараюсь давать такое задание, когда сотрудник заступает на суточное дежурство. Конечно, о качестве обследования в этом случае говорить не приходится»⁴⁰.

Как видим, психологам не созданы приемлемые условия службы, а отношение к ним руководства понижает и без того низкий статус психологической службы в отделах. К тому же психолог в таком коллективе, как ОВД, сам находится в сложной психологической ситуации. С одной стороны, он должен завоевать доверие сотрудников. А с другой стороны, нередко начальник подразделения требует от психолога предоставить определенного рода «компромат» на того или иного сотрудника, чтобы иметь возможность манипулировать подчиненным. «Возникает проблема: либо мне доверяют сотрудники, либо руководство. А чтобы доверяли и те и другие – такого, я думаю, добиться практически невозможно»⁴¹.

³⁹ Из интервью психолога УВД. Тверская область.

⁴⁰ Из интервью психолога УВД. Тверская область.

⁴¹ Из интервью психолога УВД. Тверская область.

Что касается работы Центра психофизиологической диагностики, где работают медики – клиницисты, то и там имеются похожие проблемы.

Формально проводимая психологическая диагностика сотрудников, направляемых в Чечню, не позволяет всесторонне обследовать их. Как правило, массовое обследование проводится в течение одного-двух дней, и на то, чтобы вынести объективное заключение, как признают сотрудники центра, нет времени. Ведь для объективного анализа нужна служебная характеристика, мнения независимых экспертов и ближайшего окружения и т.д.

Качественному отбору сотрудников для командировок в Чечню препятствует сложившаяся практика, при которой психолог должен агитировать сотрудников для поездок в эту республику. «...В конце этого года (2006 г. – В.Ш.) мы уже начнем формировать группу для командировки в Чечню на следующий год. От нашего отдела потребуются кандидаты. Руководство считает, что агитировать сотрудников в командировку должен психолог. Но, как правило, никто не желает ехать в Чечню. К тому же руководство дало указание не отбирать людей, склонных к злоупотреблению спиртным. А если кто и хочет ехать, так как раз такие сотрудники!»⁴²

Рядовые сотрудники милиции, которых можно рассматривать как «потребителей» услуг психологической службы, не видят надобности в такой службе. Многие из опрошенных отмечали формальный характер проведения медицинского обследования. «Медики знают, что у многих мужиков язва желудка, а гастрит так почти у каждого! Но все делают вид, что этого нет»⁴³; «Все было чисто формально, если народу на набор не хватало, то все эти тесты и проходят без проблем. А так лично с психологом никто не общался. Анкеты раздали, потом собрали и все»⁴⁴.

Таким образом, статус психологической службы остается весьма низким среди тех, кому эта служба призвана помогать. Ставя под сомнение эффективность психологической службы, милиционеры отказывают ей в доверии.

Психологи испытывают давление со стороны руководства. Формирование сводных отрядов ведется в принудительном порядке и на психологов возлагается задача по практическому обеспечению разнарядки по численности командированных милиционеров. Были случаи, когда сотрудники УВД игнорировали рекомендации психологов-клиницистов Центра психофизиологической диагностики о нецелесообразности отправки в Чечню того или иного сотрудника. А таких при каждом обследовании выявляется около пяти процентов.

«...Нам начальство (медсанчасти УВД. – В.Ш.) говорило так: “Я вам приказываю, чтобы вы всех рекомендовали! Вы что, не понимаете, что нет кандидатов? Если не понимаете, то будете наказаны!” Разумеется, он такие указания получал от начальства УВД. А ситуация такая: надо отправить в Чечню, например, 100 человек, вот и должно быть отправлено 100 человек. А психологическая служба мешает выполнению этой задачи. Еле-еле набрано 100 человек, и вдруг какая-то часть “не рекомендована” или “временно не рекомендована” психологами»⁴⁵.

Ряд происшествий в Чечне, случившихся с сотрудниками милиции, наглядно показал порочность такого подхода к формированию отрядов, отправляемых в «горячую точку».

В 2004 году в пункте дислокации сводного отряда один из сотрудников милиции расстрелял сослуживца из автомата и тяжело ранил его. Раненый сотрудник чудом остался жив. При расследовании происшествия выяснилось, что стрелявший был отправлен в командировку вопреки заключению психологов. (Отметим, что хотя инцидент случился на почве неприязненных отношений, он получил официальную квалификацию как неосторожное обращение с оружием).

⁴² Из интервью психолога УВД. Тверская область.

⁴³ Из интервью №3 сотрудника ОВД. Тверская область.

⁴⁴ Из интервью №1 бойца ОМОНа. Тверская область.

⁴⁵ Из интервью психолога УВД. Тверская область.

В 2005 году в Чечне погибло семеро тверских сотрудников Временного отдела милиции Курчалоевского района. При формировании его состава офицер, претендовавший на должность командира отряда, явился на обследование в Центр психологической диагностики в пьяном виде. Психологу, который позвонил в отдел кадров УВД и сказал, что такого человека нельзя посылать в командировку, ответили: «Ты что, не понимаешь, к нам очередь в шляпах не стоит?!» Этот офицер отправился в командировку и возглавил тверской сводный отряд милиции, и, судя по всему, не смог организовать и обеспечить безопасность своих подчиненных. Этот офицер продолжает служить в органах милиции, а гибель милиционеров целиком списали на действия боевиков.

Такие примеры со всей очевидностью говорят о реальном положении психологической службы и о низком статусе ее решений. В этой ситуации сотрудникам Центра психодиагностики остается только надеяться на то, что такие трагические случаи заставят руководство УВД более внимательно относиться к рекомендациям психологов-клиницистов.

Как полагают респонденты, нужно менять подход к организации психологической службы в системе МВД. Некоторые видят выход в независимости этой службы, выводе ее из подчинения МВД: «Сама организация психологической службы в корне неправильная. Она должна быть самостоятельной и независимой службой, во главе которой должен стоять психолог, который отстаивал бы интересы этой службы»⁴⁶.

Другие эксперты выказали скептическое отношение к такого рода реорганизациям: «Возможно, в этом случае что-то и удалось бы решить. Но вряд ли такая служба стала бы полностью независимой»⁴⁷.

Таким же образом оценивают перспективы психологической службы и действующие сотрудники правоохранительных органов: «В развитии психологической службы должно быть заинтересовано прежде всего руководство МВД, УВД, РОВД. Пока такой заинтересованности у руководства нет»⁴⁸.

В связи с вышеизложенным, можно сказать следующее. Если положение психологической службы в системе МВД коренным образом не изменится, то психологические проблемы у сотрудников милиции (и не только тех, кто побывал в Чечне) будут неконтролируемо нарастать.

Программы подготовки к командировкам

Подготовка сотрудников для службы в Чечне проводится на базе учебного центра УВД. Там же осуществляется подготовка сотрудников спецподразделений. Личный состав ОМОНа и СОБРа проходит подготовку также и на базе тверского филиала Московского университета МВД. Постоянные тренировки в этих спецподразделениях ведутся и на собственных базах.

Как рассказал один из экспертов⁴⁹, ранее возглавлявший Тверской центр подготовки УВД, упор делается на практические занятия – силовую и огневую подготовки. Отрабатывается умение возведения оборонительных сооружений, создания укрытий.

Проводятся также теоретические занятия, на которых преподаватели рассказывают о том, на что надо обратить внимание в первую очередь, находясь в Чечне. Занятия проводятся в основном теми, кто сам неоднократно побывал в «горячих точках». Вся подготовка занимает две недели.

По мнению многих респондентов, такой короткий срок подготовки к службе в тяжелых и, по сути, боевых условиях явно недостаточен. Ведь в армии на аналогичную подготовку отводится 6 месяцев.

⁴⁶ Из интервью психолога УВД. Тверская область.

⁴⁷ Из интервью психолога УВД. Тверская область.

⁴⁸ Из интервью №5 сотрудника ОВД РОВД. Тверская область.
Там же.

⁴⁹ Из интервью №2 чиновника. Тверская область.

Как выяснилось, даже такой небольшой срок подготовки может быть сокращен. Так, срок подготовки сокращается для тех сотрудников, кто служил в армии, и для тех, кто уже побывал в Чечне.

Отвлечение сотрудников на подготовку приводит к увеличению нагрузок на милиционеров, несущих службу в обычном режиме. «Подготовка сотрудников должна быть более планомерной, методичной и скрупулезной. Но ни один отдел не может позволить такую роскошь, как, например, отправить сотрудника на месяц обучаться перед командировкой. Это нереально»⁵⁰.

На вопрос «Как вы проходили обучение перед командировкой?» ответы респондентов были очень похожи. «Нас вызывали в Тверь, наверное, за неделю до командировки. В учебном центре приходил полковник и зачитывал, какие там, у чеченцев, обряды, обычаи ... и все такое. Потом на один день на стрельбы выезжали, пристреливали оружие»⁵¹. «Вызывали нас в Тверь в центр подготовки... Кое-что преподали за три дня... Ну, мне показалось, что эта подготовка ... ну, как сказать? ... только для отчета начальства, что ли»⁵².

В целом, респонденты считают, что подготовка сотрудников к службе в боевых условиях, проводится неэффективно: «...милицию не готовят воевать, у нас другие задачи, мы не военные люди. А вести боевые действия точно так же, в той же мере ложилось на плечи неподготовленных милиционеров, как и на специально к этому подготовленных военных»⁵³.

Слабая подготовка порождает у милиционеров недисциплинированность, пренебрежение к четкому исполнению служебных обязанностей, внедрение практики очковитательства и других негативных практик.

Программы реабилитации

Программ реабилитации сотрудников, побывавших в Чечне, в Тверской области не существует. И хотя попытки создать региональную программу предпринимались неоднократно, до сих пор ни одна из них не дала результата. (Подробнее об этом – ниже, в подразделе «Роль неправительственных организаций в деле помощи ветеранам»).

Вопрос о программе реабилитации вызывал у респондентов самое большое затруднение. Они просто не понимали, о чем идет речь, когда их спрашивали о таких программах. По их мнению, вся реабилитация – это просто отдых после командировки или лечение (если сотрудник был ранен), а потом отдых.

На вопрос «Как вы оцениваете реабилитационные программы, предложенные вам по возвращении домой?» ответы сводились к возможности получить полноценный отдых. «В принципе, я с удовольствием бы летом съездил на юг, отдохнул с семьей. Но у нас летом на юг едут подполковники и полковники. А нам только зимой предлагают. Поэтому я считаю, что программы плохо работают»⁵⁴.

Мнение о том, что отдых – это и есть реабилитация, выражали и те эксперты, кто в своей работе сотрудничает с правоохранительными органами. «Предусмотрено то, что сотрудники после командировки в Чечню проводят отдых в пансионатах, санаториях, для того чтобы войти в нормальное психологическое русло. Это нужно для того, чтобы не было эксцессов при задержании преступников, при проведении каких-либо действий по обеспечению общественного порядка. А никакой другой программы нет»⁵⁵.

Эксперты из числа чиновников администрации понимали под программой реабилитации социальную реабилитацию ветеранов, вышедших на пенсию. При этом они, как

⁵⁰ Из интервью №4 сотрудника ОВД. Тверская область.

⁵¹ Из интервью №3 сотрудника ОВД. Тверская область.

⁵² Из интервью №2 сотрудника ОВД. Тверская область.

⁵³ Из интервью начальника РОВД. Тверская область.

⁵⁴ Из интервью №2 сотрудника ОВД. Тверская область.

⁵⁵ Из интервью №1 чиновника. Тверская область.

правило, считали наиболее актуальной проблему получения ветеранами гражданской специальности.

Чиновники ссылались на федеральную программу социальной поддержки инвалидов на 2006-2010 годы. В ней есть подпрограмма «Социальная поддержка и реабилитация инвалидов вследствие боевых действий и военной травмы». Вот здесь как раз и расписано, каким образом будет идти реабилитация и поддержка ветеранов, в том числе и чеченских. Но эта программа во многом остается декларативной, а под ее действие попадают не все ветераны. Согласно положениям этой программы, рассчитывать на социальную реабилитацию могут только те из них, кто стал инвалидом и при этом был уволен из МВД. Для тех, кто формально не был признан инвалидом и продолжает работать в правоохранительных органах, программа социальной реабилитации не предусмотрена.

Ни один из экспертов не соотносил программу реабилитации с мероприятиями по коррекции психологического состояния сотрудников, побывавших в Чечне. Даже сами психологи: «Программа одна – сотрудник должен отдохнуть после командировки. Но сотрудников в УВД несколько тысяч, где-то около тысячи тех, кто в течение года выезжал в командировки. А на УВД в год выделяют всего 500 путевок в санатории и дома отдыха. Конечно, многие ветераны получают такие путевки, но, как правило, не в самые лучшие санатории»⁵⁶.

Это говорит не только о трудностях с выделением санаторных путевок, но и о пренебрежении нуждами ветеранов со стороны руководства УВД.

Многие ветераны в силу финансовых причин редко пользуются правом на дополнительный месячный отпуск, что предусмотрено в рамках реабилитации по возвращении сотрудника органов внутренних дел из командировки. Проблема в том, что этот дополнительный отпуск, со слов ветеранов, не оплачивается. «И вот при таких зарплатах кто может себе позволить, имея семью, такой отпуск?»⁵⁷

Еще одна проблема состоит в том, что до сих пор в Твери отсутствует реабилитационный центр, который целенаправленно и профессионально занимался бы медицинской и психологической реабилитацией сотрудников, вернувшихся из «горячих точек». Кроме того, специалистов в области психологии, имеющих опыт работы в «горячих точках», в Твери единицы.

Не решены также проблемы реабилитации сотрудников, получивших в Чечне тяжелые ранения и увечья. Тяжело раненные сотрудники милиции не имеют возможности своевременно получать медицинскую помощь высокого уровня. В УВД нет средств на дорогостоящее лечение, тем более за границей. Но и МВД РФ не финансирует такое лечение.

Так, в январе 2002 года в Чечне был тяжело ранен Михаил Робов, сотрудник ОВД Кашинского района. Он получил травму позвоночника и был признан инвалидом первой группы. Оказать ему эффективную помощь не смогли, и только в декабре 2003 года на сайте МВД был объявлен сбор средств для его лечения и реабилитации⁵⁸.

В декабре 2005 года в Чечне тяжелое ранение головы получил заместитель отряда специального назначения криминальной милиции УВД Тверской области полковник Дмитрий Горбунов⁵⁹. Ему требовалось дорогостоящее лечение, которое он мог получить только за границей. Более семи месяцев УВД не могло найти деньги на эти цели. В августе 2006 г. заместитель командира ОМСН КМ УВД Тверской области полковник милиции Дмитрий Горбунов скончался.

В этой связи напрашивается вопрос, почему не было предусмотрено финансирование расходов на лечение, протезирование и т.п. тяжело раненных в Чечне?

⁵⁶ Из интервью психолога УВД. Тверская область.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ <http://www.mvd.ru/news/2000/>

⁵⁹ Ершов Б. Снова в бой. Для них война не прекращается никогда // Караван + Я. 31 мая 2006 года.

Это же относится и к организации санаторного отдыха. Такой отдых, а тем более с семьей, судя по всему, для сотрудников милиции, побывавших в Чечне, – недоступная роскошь, а не обычная практика, как того следовало бы ожидать.

Система распределения путевок, а также наград и других поощрений вызывает недовольство ветеранов.

Оценки проблемы «чеченского синдрома»

Служба в органах внутренних дел предъявляет повышенные требования к нервно-психической сфере сотрудника. Именно эта сфера в результате стрессовых перегрузок страдает в первую очередь.

Все побывавшие в Чечне относятся к группе риска и получают, в зависимости от состояния здоровья, ту или иную категорию: «годен в первую очередь», «годен», «годен условно» и «не годен»⁶⁰. Как отмечают опрошенные в рамках исследования эксперты из числа психологов, только двадцать процентов сотрудников, побывавших в Чечне три месяца и более, возвращаются практически здоровыми. У остальных, по мнению психологов, наблюдаются патологические или предпатологические реакции и предболезненные соматические состояния.

Сами ветераны склонны скрывать свое состояние. Многие из них игнорируют требование пройти психологическое тестирование после возвращения из командировок. «...Если сильно пристанут, то пойдешь... А с другой стороны, если ничего не беспокоит, то зачем? Мне как-то бесплатную путевку предложили, так пришлось пройти обследование. А так все старались лишний раз к медикам не ходить»⁶¹.

Милиционеры стараются не обращаться к медикам при наличии у них язвенной болезни желудка, повышенного артериального давления и других заболеваний – «не дай бог, еще и комиссуют». Еще больше они боятся диагностирования у них психологических расстройств: «Вы хотите сказать, что мы психами там становимся?»

Психологи объяснили такое отношение ветеранов доминирующими в обществе стереотипами в отношении психиатрической и психотерапевтической помощи. «Знаете, у нас бытует такое мнение, что если человек посещает или лечится у психиатра, у психотерапевта, то он в чем-то ущербен. А тем более, когда выставляли тот или иной диагноз... Потом, за этим стоит история, когда психиатрию использовали в карательных целях. Не свободны от такого мнения и сотрудники милиции»⁶².

Проблема усугубляется и тем, что в среде ветеранов тема «чеченского синдрома» – табу. Некоторые из них отрицают саму проблему, считая ее «раздутой». Тем не менее в этой среде признается, что посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) могли получить те, кто участвовал в боевых действиях в первую чеченскую кампанию. Сколько сегодня тех, кто нуждается в психологической реабилитации в регионе, неизвестно. Это закрытые данные.

Замалчивание проблемы может привести к росту проявлений посттравматического стрессового расстройства. Тем не менее, хотя и редко, но проблема негативного влияния чеченских командировок на психологическое и психическое состояние признается.

На вопрос «Как проявляется этот синдром?», один из экспертов так охарактеризовал проявления ПТСР. «... это неконтролируемость своего поведения, раздражительность.... Третье – неадекватное применение оружия. Потом, участник боевых действий склонен считать себя во всем и всегда правым... Такому человеку кажется, что его не ценят, недооценивают его заслуг и т.д.»⁶³.

⁶⁰ Из интервью психолога УВД. Тверская область.

⁶¹ Из интервью №2 бывшего бойца ОМОНа. Тверская область.

⁶² Из интервью психолога УВД. Тверская область.

⁶³ Из интервью №1 сотрудника областной администрации. Тверская область.

Это всего лишь одно из проявлений «чеченского синдрома», направленных вовне. Другая сторона этого явления – повышенная вероятность суицидов среди ветеранов. По мнению экспертов, среди них следует ожидать роста числа самоубийств. И хотя эксперты-психологи отмечают, что вероятность суицидов отсрочена по времени, отдельные случаи самоубийств в регионе зафиксированы уже сейчас.

Так, рядом со зданием администрации Тверской области 23 марта 2006 г. была предпринята попытка самосожжения. Неизвестный спокойно облил себя бензином и, не говоря ни слова, поджег на себе одежду. Действия охранников здания предотвратили трагический исход: они сбили пламя огнетушителем и вызвали «скорую помощь». Свидетелями финала этой трагедии стали члены комиссии по безопасности и защите прав граждан Общественного совета при губернаторе области. Именно они сообщили о происшествии редакции одной из Тверских газет.

Как позже выяснилось, 44-летний Николай Исаков, сотрудник одного из охранных предприятий, в свое время прошел «горячие точки». Он мотивировал свой поступок неудовлетворенностью от жизни, неприятием правительства и существующей власти⁶⁴.

Если подробности этого происшествия стали благодаря общественникам достоянием гласности, то причины, по которым свел счеты с жизнью другой ветеран, остаются неизвестными.

В здании Управления внутренних дел Тверской области 30 апреля 2006 г. покончил жизнь самоубийством 36-летний подполковник Михаил Карасев, заместитель начальника оперативно-розыскной части криминальной милиции УВД. Было установлено, что по окончании запланированной чистки табельного оружия, при следовании из служебного кабинета в дежурную часть, он выстрелил себе в висок. Карасев служил в органах внутренних дел с 1993 года, характеризовался как грамотный, высококвалифицированный, исполнительный сотрудник. Руководство УВД заявило, что никаких служебных проблем у Карасева не было. Но стало известно, что подполковник Карасев неоднократно бывал в командировках в Чечне и у него были неприятности в семье.

Судя по всему, проблема реабилитации ветеранов в регионе является весьма острой. Но ни медицинский, ни социальный аспект этой проблемы в регионе публично не обсуждается.

Семьи ветеранов

Частная жизнь ветеранов после конфликта

Многие ветераны, вернувшиеся из командировок, с трудом переключаются на мирную жизнь. И без командировок в Чечню частную жизнь сотрудника милиции нельзя назвать спокойной и упорядоченной. Ненормированный рабочий день, ежедневные психологические перегрузки, связанные с опасным характером работы, препятствуют укреплению семейных отношений. А длительные командировки – тем более.

Эксперты отмечают, что побывавшие в «горячих точках» милиционеры обостренно воспринимают несправедливость. «Приезжая из командировок, они видят, что их коллеги, которые не были ни разу в Чечне, получают звания, должности. Видят, что путевками в хорошие санатории и дома отдыха зачастую пользуются не те, кто был в Чечне, а кто поближе к начальству. Сотрудники видят, как начальство, приезжая в Чечню, покрутится несколько дней, а потом получает «боевые», а то и награды...»⁶⁵.

Именно такая практика сложилась в системе УВД Тверской области. И она не способствует психологическому здоровью ветеранов и негативно отражается на семейных отношениях. На вопрос «Существует ли проблема распада и/или разлада семей после командировок милиционеров?» ответ экспертов был единодушен: да, такая про-

⁶⁴ Аутодафе перед администрацией // Вече Твери. 28 марта 2006 года.

⁶⁵ Из интервью психолога УВД. Тверская область.

блема есть, и она довольно остра. «Знаете, долгое отсутствие мужа сказывается на благополучии семьи... Возникают взаимные претензии. И опять все зависит от личных качеств обоих супругов. На кого-то продолжает давить психологический груз таких командировок, и он все негативное выплескивает на семью...»⁶⁶.

По мнению опрошенных, распад семей особенно характерен для сотрудников спецподразделений, которые чаще других командированы в Чечню. Некоторые бойцы ОМОНа и СОБРа женаты по три-четыре раза.

При этом большинство опрошенных причины разлада в семьях ветеранов видели в том, что командировки подрывают, прежде всего, физическое здоровье мужчин. Несмотря на то, что в командировки выезжают молодые люди, у многих из-за длительности командировки развиваются соматические заболевания, в том числе и такие, как простатит. Как отмечают эксперты, из-за малоподвижного образа жизни в командировке, злоупотребления спиртным страдает физиология мужчины, и это неизбежно сказывается на семейных отношениях.

Но более всего способствуют возникновению проблем в частной жизни психологические изменения личности ветеранов. «Многие так и не могут адаптироваться, привычка к сильным ощущениям и адреналину в крови толкает некоторых в экстремальные виды спорта, алкоголь, наркоманию, криминал...»⁶⁷.

Эксперты из числа психологов утверждают, что лучше справляются с психологическими проблемами те ветераны, которые ощущают поддержку близких им людей. Для тех, кто такой поддержкой не обделен, период реабилитации проходит менее эффективно.

Нельзя забывать и о том, что члены семей милиционеров, находящихся в командировках, также переживают стресс. Они также нуждаются в психологической поддержке. Но получить необходимую помощь ни сам сотрудник, ни члены его семьи не могут, как в силу бытового предубеждения, так и отсутствия в регионе службы, которая проводила бы такую «семейную терапию»: «...Если честно, то психолог у нас с семьями не работает. Хотя психолог присутствует в обязательном порядке на отправке в Чечню, видит семьи... Ну, а дальше? Если честно, то о семьях мы забываем. У каждого из нас столько и служебных, и личных проблем, что на семьи сотрудников просто не хватает времени»⁶⁸.

Правда, другой эксперт полагает, что «вряд ли укрепление семей сотрудников подвластно психологической службе МВД» и видит выход из создавшегося положения только в одном: «Решить проблему распада семьи, наверное, можно – не ездить в командировки»⁶⁹.

Вероятно, кто-то из сотрудников милиции именно так и решает проблемы своей частной жизни. Однако это не снимает проблемы у тех, кто уже побывал в таких командировках.

Жены ветеранов и их оценки «чеченского» опыта мужей

Жены сотрудников милиции отмечают, что сам характер милицмейской работы – ненормированный рабочий день, каждодневные стрессовые ситуации, а особенно, длительные командировки на Северный Кавказ – самым негативным образом сказывается на семейных отношениях. Они выражают резко отрицательное отношение к тому, что их мужей посылают в Чечню.

На вопрос «А если бы муж завтра пришел и сказал, что едет в Чечню, что бы вы делали?» респонденты были единодушны в своих высказываниях: «Ни за что бы не отпустила! Ведь каждая командировка отражается и на мне.... Нет, не отпустила бы! Но,

⁶⁶ Из интервью начальника РОВД. Тверская область.

⁶⁷ Тюрина Т. Психолог на войне // Вече Твери. 5 апреля 2006 года.

⁶⁸ Из интервью начальника РОВД. Тверская область.

⁶⁹ Из интервью психолога УВД. Тверская область.

главное, я знаю, каким он может оттуда вернуться! Я уже это пережила. Ведь многие люди после командировок и спиваются, а то и кончают жизнь самоубийством»⁷⁰.

По мнению членов семей ветеранов, достоверной информации о происходящем в Чечне они не имеют. Семьи милиционеров узнают о предстоящей командировке последними. Милиционеры, побывавшие в командировках, как правило, не обсуждают в семьях подробности службы в Чечне. В силу этого претензии членов семей ветеранов к УВД и в целом к МВД сводятся в основном к плохим бытовым условиям, отсутствию надежной телефонной связи, а также к неполноценному питанию в командировках.

«Те, кто готовили, кидали в котел все подряд, все плохо очищенное: лук, картошку, капусту. Приготовлено было так, что невозможно было есть. Многие, рассказывал муж, не могли все это есть. Поэтому они пытались там сами готовить. И помыться там была проблема. В командировку тогда ведь поехало 300 человек, а душ был один. Потом уже баню построили! И для стирки одежды машин было мало»⁷¹.

Одна из жен милиционеров, медицинский работник, оценила влияние командировок в Чечню на сотрудников милиции так: «В Чечне люди видят то, что видеть нельзя. Испытывают запредельные перегрузки, а это влияет на их сердечную деятельность, на эндокринную систему. А главное, влияет на психику мужчины. Там такие нервные нагрузки, что это как-нибудь, да обязательно скажется тем или иным образом. Они возвращаются оттуда раздраженными, вспыльчивыми, а некоторые и озлобленными»⁷².

Что касается влияния командировок на отношение к чеченцам в регионе, то ответы близких ветеранов были разными, но, суммируя, можно сделать вывод, что у ветеранов были проблемы психологического порядка. «...После первой командировки он на чеченцев смотреть не мог. Вот, мол, приехали сюда, живут тут как хозяева. Такие вот речи у него были. А сейчас он успокоился и относится к чеченцам более-менее нормально. Он понял, что люди бывают разные, что не все враги, не все боевики»⁷³. Но такое отношение в целом нетипично.

Большая часть претензий ветеранов и их жен высказывалась не в адрес чеченцев, а к руководству УВД и МВД РФ. Так, на вопрос «Чувствовали ли вы поддержку властей?» никто из опрошенных не дал положительного ответа. «Поддержку властей? Мне не очень понятен вопрос. Если вы имеете в виду поддержку властью органов милиции, то она минимальна. Если речь идет об отдельных семьях, то это практически недостижимо. Если речь, конечно, не идет о семьях погибших. Но и в этих случаях государство отделяется подачкой»⁷⁴. «Начальство не считает нужным даже по-человечески разговаривать с близкими. А ведь когда не имеешь информации, то накручиваешь сам себя! Я вспоминаю сейчас то время со слезами на глазах»⁷⁵. «Начинают тогда помогать, когда человек погибнет... А вот чтобы раньше, этого нет»⁷⁶.

Эксперты привели примеры и того, как даже в случаях ранения сотрудника милиции его родные извещались о происшедшем несвоевременно. «...никто не пришел, никто не сообщил. Узнала через посторонних людей. Я сама бегала, сама все узнавала, что, как и где. Долгое время не могла найти концов. Мне начальство говорило: "Не беспокойтесь, такого не может быть! Мы бы первые об этом узнали". Хотя сами прекрасно знали, что мой муж был ранен. Только потом все выяснилось»⁷⁷.

Что же касается помощи со стороны психологической службы подразделений УВД, то, по мнению ветеранов и членов их семей, организация этой службы не вызывает у них доверия. «По большому счету, психолог в отделении составляет характеристики

⁷⁰ Из интервью №3 жены ветерана. Тверская область.

⁷¹ Из интервью №3 жены ветерана. Тверская область.

⁷² Из интервью №4 жены ветерана. Тверская область.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Из интервью №3 жены ветерана. Тверская область.

⁷⁶ Из интервью матери бойца ОМОНа. Тверская область.

⁷⁷ Из интервью №2 жены ветерана. Тверская область.

на сотрудников. И поэтому сотрудники стараются расшаркиваться перед психологом, говорить комплименты и вести себя не совсем искренне. Не думаю, что сотрудники приходят к нему со своими психологическими проблемами»⁷⁸.

Близкие ветеранов жаловались на то, что действенных реабилитационных мероприятий с ветеранами не проводится. Существуют проблемы и с получением санаторно-курортного лечения. «...чтобы получить путевки в хороший санаторий, надо задействовать все связи. На УВД, насколько я знаю, выделяется недостаточное количество путевок. И часто они достаются не тем, кто в них остро нуждается»⁷⁹.

Близкие ветеранов отмечают и то, что разрешение психологических проблем, возникающих после таких командировок, целиком ложится на плечи семей. С той или иной степенью откровенности опрошенные отметили, что после командировок в Чечню у их мужей или сыновей произошли изменения поведения. Их описание поведенческих изменений дает основание говорить о двух случаях проявления ярко выраженного посттравматического синдрома. На реабилитацию одного из носителей этого синдрома ушло около 10 лет. Ветеран, о котором идет речь, как военнослужащий побывал в командировке еще в первую чеченскую кампанию. «...После первой командировки прошло 10 лет, и он только-только успокоился, стал меньше вспоминать Чечню. А первые два года после армии это были одни разговоры о том, как он служил в Чечне, особенно после того, как выпьет. Все вспоминал, как того или другого убило на его глазах. Было страшно, я не знала, что делать. Он ведь видел, как собаки трупы ели, видел такое, что человеку видеть не надо. Они ведь там служили в страшных условиях, холодные и голодные, вшами изъеденные. Вот после первой кампании у него было много нервных срывов... Я уж старалась, терпела, успокаивала. И вот 2 года как стало уже легче»⁸⁰.

Но такой благополучный исход скорее исключение, чем правило. Да и то в данном случае он стал возможен только потому, что жена ветерана, сама сотрудник милиции, проявила себя как преданный и волевой человек.

Общество и ветераны Чечни

На вопрос «Как общество относится к тому, что милиция участвует в урегулировании Чеченского конфликта?» один из респондентов ответил жестко: «Я на такие темы ни с кем разговоры не веду. Я принимаю решение, а мнение других людей на эту тему меня не интересует. Моя жизнь никого не касается»⁸¹.

И действительно, ветераны, как правило, не склонны афишировать свое участие в чеченском конфликте. Возможно, одна из причин этого кроется в том, что родные и близкие опасаются мести со стороны чеченцев: «Я вот боюсь, что это может как-то сказаться на сыне. Вдруг узнают, где он живет, узнают, что он из Твери»⁸².

Вместе с тем эксперты оценили отношение общества к ветеранам Чеченского конфликта как равнодушное. Ветеранов обижает не только безразличие к их проблемам со стороны УВД и МВД, но и со стороны общества: «И выходит, что ветераны боевых действий, отдав Родине здоровье, Родине не нужны»⁸³.

На вопрос: «А в чем причина того, что общество настроено равнодушно и по вопросу урегулирования Чеченского конфликта, и по отношению к ветеранам милиции?» ответы сводились к такому тезису: «Ну, люди как рассуждают, а лишь бы меня не трогали. Чечня далеко, и что там делается, меня не касается. Это в основном касается родственников тех, кто туда ездит».

⁷⁸ Из интервью №4 жены ветерана. Тверская область.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Из интервью №3 жены ветерана. Тверская область.

⁸¹ Из интервью №2 бойца ОМОНа. Тверская область.

⁸² Из интервью матери бойца ОМОНа. Тверская область.

⁸³ Из интервью психолога УВД. Тверская область.

Причину такого положения ветераны видят в том, что как само происходящее в Чечне, так и роль милиции в этом конфликте средства массовой информации освещают неверно. В основном их претензии адресовались центральным телеканалам. Но и местные телеканалы, а также печатные издания в этом незначительно отличаются от центральных СМИ. Это убедительно демонстрируют результаты контент-анализа тверских областных СМИ, проведенного в рамках проекта.

Публикации, посвященные участию тверской милиции в Чеченском конфликте, условно можно разделить на две категории: «отстраненные» и «пристрастные».

Отстраненный (в нашей терминологии) характер имеют публикации, подготовленные пресс-центром областного УВД. В них, как правило, мало или вообще ничего не пишется об актуальных для сотрудников МВД и общества проблемах, обусловленных практикой откомандирования сотрудников милиции в Чечню. В целом это характерно для таких газет как «Вече Твери», «Тверская газета», а также для основных тверских телеканалов ГТРК «Тверь», «Пилот» и медиа-группы «Тверской проспект».

«Пристрастные» публикации, отличающиеся определенным набором патристической риторики, характерны для официального печатного органа – газеты «Тверская жизнь». В случае же сообщений о гибели в Чечне сотрудников милиции, тон таких публикаций приобретает даже некоторую истеричность.

Есть издания, которые считают своим долгом всеми способами защищать честь мундиров правоохранителей. На этом специализируется тверской еженедельник «Караван + Я». Позиция редакции по этому вопросу давно определилась. Особенно ярко она проявилась в освещении событий в г. Бежецке и с. Рождествено, где, как известно, произошли бесчинства омоновцев. Именно в этих публикациях прозвучали и инвективы в адрес правозащитников.

Но вот что касается освещения нарушения социальных прав ветеранов милиции, то здесь пасуют практически все СМИ региона.

В основном, в сообщениях СМИ тема участия милиционеров в конфликте на Северном Кавказе сведена к сообщениям об отправлении милиционеров в Чечню и их встречах из Чечни, а также к сообщениям протокольного характера (гибели милиционеров, вручении наград). Реальное содержание проблем ветеранов остается на периферии внимания общества и СМИ.

Слабая информированность общества о проблемах чеченских ветеранов (как и о происходящем в Чечне) не позволяет в полную силу использовать возможности его участия в решении ветеранских проблем. Отсутствие полноценного общественного контроля над соблюдением положенных ветеранам льгот и прав, приводит к их неисполнению и нарушению.

Роль неправительственных организаций в деле помощи ветеранам

В Тверской области зарегистрировано несколько общественных организаций, в уставах которых написано, что они созданы для защиты интересов ветеранов различных конфликтов. О деятельности некоторых организаций общественности ничего не известно. Другие организации по разным причинам прекратили свою деятельность по защите ветеранских прав и интересов. Однако есть и такие организации, которые пытаются хоть как-то облегчить жизнь ветеранов.

Наиболее авторитетными из них являются Тверское региональное отделение Ассоциации работников правоохранительных органов РФ, Тверское региональное отделение Общероссийской общественной организации инвалидов войны в Афганистане и Тверская областная организация ветеранов боевых действий Министерства внутренних дел, внутренних войск и Министерства обороны.

Тверская организация инвалидов войны в Афганистане не отказывает в помощи тем сотрудникам милиции, которые принимали участие в афганской войне.

Многие ветераны, уволившись из органов внутренних дел, испытывают большие трудности с адаптацией на «гражданке», с устройством на работу. Руководители некоторых предприятий неохотно берут на работу тех, кто участвовал в боевых действиях. Так, в Твери известен случай, когда сотрудник милиции, Герой России, после увольнения из органов внутренних дел претендовал на преподавательскую должность по предмету «боевая подготовка» в тверском филиале Московского университета МВД. Состояние его здоровья медики отнесли к первой категории – «годен в первую очередь». «Но на должность преподавателя университета его не взяли, хотя сотрудник был здоров по всем статьям. Причиной отказа послужило лишь то, что он был в Чечне и лично участвовал в боевых действиях. Так командировка в Чечню закрыла дорогу человеку... Его же, можно сказать, коллеги побоялись взять человека, побывавшего в зоне боевых действий!»⁸⁴

Общественные организации региона видят свою задачу во всесторонней помощи ветеранам, и прежде всего в трудоустройстве. Они проводят для ветеранов юридические консультации, занимаются их устройством на работу, организуют для них малые предприятия. Общественные организации занимаются также сбором средств для оказания помощи тем, кто находится в командировках в Чечне.

УВД Тверской области отказывается от серьезного сотрудничества с ветеранскими организациями. Так, после того как Тверское отделение Ассоциации работников правоохранительных органов РФ стало помогать сотрудникам милиции выиграть судебные иски, связанные с незаконным увольнением, а также с задержкой выплат «боевых», сотрудничество было прекращено.

Милицейские начальники не склонны также к отношениям с уволившимися сотрудниками, независимо от того, состоят они в общественных организациях или нет. «...Уволившийся сразу становится для руководства, чиновников УВД, чужим человеком. Я сам это испытал на себе... "Ты кто такой? Пенсионер? Сиди дома, не шастай тут!" Так за мной организация! Меня в одном месте отфутболили, я в другое пойду. А если человек ходов-выходов не знает, то поневоле у него руки опустятся. Может, поэтому и пьют многие»⁸⁵.

Нестабильность финансирования общественных организаций не позволяет им содержать постоянную действующую юридическую приемную, и поэтому они не всегда могут оказать ветеранам юридическую помощь. Понимают ограниченность своих возможностей и сами представители общественных организаций. «Но вот для решения проблемы трудоустройства в полном объеме этого, конечно, мало. Ведь надо целенаправленно работать с отделами кадров предприятий, надо решать и другие вопросы. Нужна серьезная программа. А для этого нужна поддержка властей»⁸⁶.

Ветеранские организации предлагали властным структурам свою помощь в разработке программ по реабилитации ветеранов и другой помощи им. Однако эти инициативы не нашли поддержки. Правда, общественные организации выступали с такими инициативами порознь, так как практически не сотрудничают друг с другом. Их контакты ограничиваются встречами руководителей организации, подписанием совместных заявлений и обращений, в частности, в период избирательных кампаний. (Отметим, что все ветеранские организации такого рода рекрутированы для поддержки партии «Единая Россия», которая обещает им содействовать в решении ветеранских проблем. Эти обещания не выполняются. А ангажированность общественных организаций «партией власти» препятствует выдвижению принципиальных требований к власти, которая обязана проявлять большую активность и осмысленность в решении ветеранских проблем.)

Таким образом, общественные организации региона, объединяющие ветеранов правоохранительных органов, пока не могут в полной мере содействовать решению проблем ветеранов.

⁸⁴ Из интервью психолога УВД. Тверская область.

⁸⁵ Из интервью руководителя профильной общественной организации. Тверская область.

⁸⁶ Из интервью руководителя профильной общественной организации. Тверская область.

Заключение

Проблемы ветеранов Тверской области мало чем отличаются от проблем ветеранов других регионов.

Организация службы в командировке плохо обеспечена материально и технически. Подготовка сотрудников к службе в Чечне носит формальный характер и не может быть признана удовлетворительной. Отбор кандидатов для отправки в Чечню также носит формальный характер.

Сотрудники милиции имеют слабую мотивацию к поездкам в служебные командировки в такой опасный регион, как Чечня. Ветераны Чеченского конфликта не получают адекватного денежного и иного вознаграждения за службу в экстремальных условиях.

Полноценной реабилитации и социальной адаптации ветеранов не происходит. Региональная программа реабилитации ветеранов отсутствует. Санаторно-курортное лечение предоставляется ветеранам фактически на общих основаниях. А квартиры выделяются только семьям погибших милиционеров. Практически отсутствует психологическая помощь ветеранам и членам их семей.

Отсутствие реабилитации, профанация психологической помощи и недостаточность программ профессиональной переподготовки после возвращения милиционеров из Чечни приводят к ряду негативных последствий.

Недостаточность боевой подготовки приводит к прямым и косвенным потерям личного состава в Чеченской Республике.

Поскольку служба милиционеров в Чечне по своему характеру является скорее армейской, нежели милицейской, находящиеся подолгу в командировках милиционеры утрачивают свои специфические милицейские навыки, что в конечном счете ведет к депрофессионализации милицейских кадров и снижает качество работы правоохранительных органов в целом.

Отсутствие полноценной реабилитации и адаптации ветеранов и социально-психологической помощи членам их семей приводит к психологическим травмам милиционеров и в некоторых случаях к развитию у них пограничных психологических состояний. Это приводит, в свою очередь, к нарушению вернувшимися из Чечни милиционерами законов и должностных инструкций, а в отдельных случаях и к суицидам.

Таким образом, неэффективная адаптация и реабилитация ветеранов, замалчивание ветеранских проблем в СМИ, ограниченность возможностей общественных организаций по помощи ветеранам имеют серьезные негативные последствия не только для МВД, но и для всего общества, а также для государства.

Современное положение ветеранов Чеченского конфликта в Республике Адыгея

Олег Цветков,
г. Майкоп, Республика Адыгея

Аналитическая записка подготовлена на материалах полевого исследования, которое проводилось в республике в мае-июне 2006 года. В рамках исследования был проведен экспертный опрос милицейского руководства, психологов органов внутренних дел, представителей СМИ, лидеров общественных организаций ветеранов локальных конфликтов, а также полуструктурированные интервью с ветеранами конфликта и их женами.

Все выводы и описания основаны на информации полевого исследования.

Служебная командировка на «Чеченскую войну»: опыт очевидцев

Респонденты рассказали о задачах, которые им приходилось выполнять в Чечне. Они разоружали население мятежной республики, производили «зачистки», несли службу на блокпостах и охраняли государственные учреждения. Они также оказывали содействие местной власти и помогали местным правоохранительным органам раскрывать преступления. Характер выполняемых задач менялся в зависимости от изменений ситуации в Чечне и политики российского руководства в этой республике. «Много раз принимал участие в зачистках», – рассказывал ветеран, который побывал в Чечне в пяти командировках и провел там, по его подсчетам, 450 дней¹. Многие говорили также о том, что чаще всего «охраняли себя»².

Значительное место в повествованиях респондентов отведено повседневному – рассказам о быте в полевых условиях. «Жили в старых разбомбленных зданиях, в школе, на ферме, в столовой, разбитой, загаженной. Приводили в порядок их, окна стеклили, мусор вывозили. Холодно, неудобно, но для себя старались. Хотелось выжить, сделать все более безопасно»³; «Жили в разных командировках по-разному. В первой командировке мы жили в разрушенном детском туберкулезном санатории в поселке Чешки. Потом во второй и последующих жили в школах, в детских садах, в здании администрации. С баней было туго. Обычно устраивали ее сами: бочки, костер, горячая вода...»⁴; «Баню сами построили, жилье сами обустраивали, сначала нас хотели вывезти в поле и поселить в палатках, но наш командир героически, ругаясь с генералами, отстоял, чтобы мы жили в домиках. Ведь пуля палатку пробивает лучше, чем кирпич. Домики – это в основном разбитые школы, садики. Питание было неплохое. Досуга не было вообще, старались заниматься спортом, видик, устраивали соревнования по стрельбе»⁵. В целом, насколько можно судить по материалам интервью, организация быта позволяла милиционерам вести сносную «полевую» жизнь, хотя он и не отличался особым комфортом, а его организация в значительной мере была подчинена требованиям безопасности, а не восполнению сил милиционеров. Очевидно также, что быт на войне, даже если он организован по «высшему разряду»,

¹ Из интервью №1 с бойцом ОМОНа. Республика Адыгея.

² Из интервью №2 с бойцом ОМОНа. Республика Адыгея.

³ Там же.

⁴ Из интервью №1 с ветераном конфликта в Чеченской Республике. Республика Адыгея.

⁵ Из интервью №3 с ветераном конфликта в Чеченской Республике. Республика Адыгея.

всегда сопряжен с ощущением опасности и возникающими отсюда психологическими переживаниями.

На вопрос о том, какая из командировок запомнилась больше всего и почему, респонденты отвечали односложно: все, мол, командировки запомнились. А вопрос «почему?» как бы повисал в воздухе. Ответ на него подразумевался милиционерами как очевидный – потому, что все командировки были командировками на войну.

Наша просьба рассказать о каких-либо интересных случаях в командировках звучала порой нелепо. Один респондент мрачно ответил на нее: «Интересных – не было». И добавил: «Друга на глазах разорвало... Это в глазах у меня всегда... и в памяти»⁶.

Мотивация участия в командировке

Насколько можно судить по взятым нами интервью, в основном респонденты воспринимали командировку в Чечню как исполнение своего служебного долга.

При ответах на вопрос «Как вы оцениваете свое участие в конфликте?» звучали слова: «выполнял свой долг», «честно делал свою работу», «служил честно», «те задачи, которые были поставлены передо мною командованием, я выполнил». Слово «долг» в интонациях респондентов приобретало какое-то магическое, самодовлеющее значение.

Вероятно, примерно с таким же самооправданием солдаты разных армий мира уходят на различные, в том числе и не очень понятные им самим, войны: во Вьетнам, Ирак, Афганистан и др. Исключением здесь являются «освободительные» войны, когда надо изгонять врага из своей страны и когда не только долг, но и более простые человеческие чувства заставляют людей сражаться с оружием в руках.

Опрошенные нами респонденты, таким образом, были мотивированы как бы внешне – принятым у носящих форму людей понятием долга. Собственные же их представления о «чеченской войне», ее причинах и источниках парадоксальным образом были оторваны от «долга» и как бы жили в какой-то другой части их сознания.

Некоторые считали, что «чеченская война» навязана политиками, решающими свои эгоистические задачи, а также крупными мошенниками, наживающими на Чечне баснословные барыши. Другие объясняли эту войну общим российским «бардаком». «Большая политика сверху. Воровство. Промыв гигантский денег. Нажива. Кому война, а кому и мать родна, правильно говорится»;⁷ «бардак»⁸.

Был, правда, один респондент, который сказал, что боролся против «чеченских группировок, которые захватили власть в Чечне и угнетали простой народ»⁹.

Очень важным мотивом всех опрошенных при принятии ими решения о командировке в Чечню были чувства товарищества. «Все поехали – и я поехал. Не мог же я остаться?»;¹⁰ «Я не видел причины, почему мои товарищи по работе едут, а я не еду»¹¹. На наш вопрос «Если бы была возможность отказаться от поездки, вы бы отказались или согласились?» ветеран конфликта в Чечне ответил: «У меня была возможность. Но я не мог отстать от товарищей. Это была моя работа, как я мог отказаться?»¹²

Подавляющее большинство бойцов, которым предлагалось поехать в Чечню, соглашались. Отказаться было почти невозможно. Это, по мнению респондентов, было бы воспринято сослуживцами как предательство и трусость.

⁶ Из интервью №2 с ветераном конфликта в Чеченской Республике. Республика Адыгея.

⁷ Из интервью №2 с бойцом ОМОНа. Республика Адыгея.

⁸ Из интервью №1 с бойцом ОМОНа. Республика Адыгея.

⁹ Из интервью №1 с ветераном конфликта в Чеченской Республике. Республика Адыгея.

¹⁰ Из интервью №2 с ветераном конфликта в Чеченской Республике. Республика Адыгея.

¹¹ Из интервью №3 с ветераном конфликта в Чеченской Республике. Республика Адыгея.

¹² Там же.

Чувства товарищества были довлеющими и в самой Чечне. Они распространялись и на непосредственных начальников-командиров.

Еще одной важной мотивацией к поездкам в Чечню служит возможность заработать деньги и заслужить льготы. Об этом говорили практически все опрошенные нами респонденты.

Порядок рекрутирования милиционеров в командировки основан на приказах вышестоящего начальства. Издается приказ, в соответствии с которым сотрудники МВД того или иного подразделения командировются в Чечню. Чисто теоретически, милиционер может отказаться от поездки. Однако, как сказано выше, этому препятствуют чувства долга, товарищества, боязнь попасть на плохой счет у милицмейских руководителей.

Представляется, что еще до устройства на службу в МВД, подавляющее большинство людей понимало, что вероятность командировок в Чечню очень высока и поэтому воспринимало поездку в эту северокавказскую республику как неизбежность. А каких-то фундаментальных «специальных» мотиваций к поездкам именно в Чечню большинство сотрудников МВД не имеет. В Чечню, что называется, «не рвутся».

В ходе исследования выявилась еще одна довольно специфическая мотивация: некоторые представители руководства МВД на несколько дней приезжали в Чечню, чтобы получить возможность называться «ветераном», получать денежные вознаграждения и награды и затем делать карьеры. Такая имитация участия в боевых действиях вызывала у милиционеров чувства ненависти. Однако в целом солидарность рядовых милиционеров со своими непосредственными начальниками в Чечне была довольно высокой. А «тыловики», которые ищут незаслуженной славы, найдутся на любой войне.

В ответах респондентов прослеживается еще одна доминанта – свою войну они воспринимали как повседневный, рутинный и тяжелый труд. В ответах было мало «романтики», так же как и патристического пафоса.

Однако это на самом деле была война, «настоящая мужская работа»¹³.

Внутренние переживания командированных в значительной мере были связаны с длительной оторванностью от семьи и дома. Один омоновец сказал: «Пока я был в командировке, мать парализовало. Сестра с мужем разошлась. Родители постарели, сын вырос. Повзрослел. Семейная ситуация. Никто не помог»¹⁴.

Оказывать профессиональную психологическую поддержку таким сотрудникам было некому. Психологи с милиционерами в Чечне не работали.

Руководство республиканского МВД пыталось поддерживать связь с командировочными: направляло, например, в Чечню новогодние подарки. Психологи, находящиеся в Майкопе, эпизодически организовывали сеансы телефонной связи командированных с родственниками.

Однако, по словам респондентов, это производило небольшой психологический эффект, а их длительная оторванность от дома порождала чувство тревоги за семью и массу других переживаний.

В целом, опыт чеченских ветеранов сродни опыту участников всех других боевых действий. А его главная особенность, на наш взгляд, состоит в том, что государство постепенно научилось как бы не замечать чеченских ветеранов и пренебрегать их потребностями и болями. На это указывает, в частности, отсутствие полноценной адаптации ветеранов к мирной жизни.

После выполнения долга в Чечне милиционеры понимали и другое – то, что исполнение долга перед государством не ведет к исполнению долгов государства перед своими гражданами.

¹³ Из интервью №2 с бойцом ОМОНа. Республика Адыгея.

¹⁴ Там же.

Отношение к местным жителям в Чечне

Специфика конфликта в Чечне состоит в том, что в подавляющем большинстве случаев здесь не было линии фронта. А чеченец, которого видели милиционеры, мог оказаться как боевиком, так и мирным гражданином.

В этом плане очень любопытно было уточнить отношение милиционеров к чеченцам.

Основная тональность оценок чеченцев – нейтральная («нормальные люди», «такие же, как и мы»). Отношение командированных в Чечню милиционеров к местному населению можно охарактеризовать как настороженное, но не враждебное. Настороженность можно объяснить условиями «войны».

В основном респонденты говорили о том, что с чеченцами контактировали мало. Мол, делали свое дело, тянули милицмейскую лямку, а на контакты не отвлекались – «тесных связей не было».

При этом в чеченской среде у них были знакомые (но не друзья). Подчеркивалась самобытность чеченцев: большая роль традиций, особенности семейного уклада, вероисповедания и др.

Один милиционер, исходя из своего видения особенностей чеченцев, сделал вывод о неизбежности «войны цивилизаций»: «Они, чеченцы, менее европеизированы, а мы этого не понимаем. Думаем что они как мы, а они и понимают все, и думают, и ощущают иначе. Средневековые. Нам трудно проникнуться этим сознанием и пониманием мира. Это все равно, что дикаря с острова Пасхи привезти в Нью-Йорк... Вот как, скажите, найти общий язык между человеком XXI века и человеком XVI века? Вот в чем и проблема Чечни! Но об этом как-то стыдно сказать – чеченцы, не дай бог, обидятся. Но это так, и никуда тут не денешься. Надо им говорить, надо! Пусть знают свое место в истории культуры. Влезли со своими законами в XXI век. И что?.. На взгляд чеченцев, мы дикари, и живем неправильно. Это проблема культуры, глобальная проблема культуры... Это войны цивилизационные. Это войны непонимания цивилизаций... Отсутствия точек соприкосновения... точнее нежелание искать эти точки соприкосновения»¹⁵.

Приведенное рассуждение отражает реальную фрагментированность современного российского общества и наличие в нем высокого потенциала для социальной мифологии.

Однако большинство опрошенных милиционеров не проводили столь резких «цивилизационных» границ. Респонденты говорили о том, что кавказские обычаи знакомы им по Адыгее. Обычаи и традиции северокавказских народов во многом универсальны.

Один из респондентов вспомнил о знакомом чеченце, главе администрации района, у которого четыре раза похищали родного брата. Этому чеченцу каждый раз приходилось брата выкупать.

Другой респондент охарактеризовал отношения с местными чеченцами как «отличные». Он сказал, что «население нам очень помогало в северных районах Чечни, вплоть до того, что стирали нам одежду»¹⁶. Он также упомянул о случае, когда пожилой чеченец принес на блокпост банку консервированной свинины. (Свинина была из «гуманитарной помощи». Но чеченцы, основная часть которых – верующие мусульмане – свинину, даже гуманитарную, не едят.)

Этот респондент рассказал также о контактах с чеченскими милиционерами: «друзьями их не назовешь, но понимание было»¹⁷.

В целом, можно сделать вывод о том, что у милиционеров в результате их поездок не возникло устойчивых чувств неприязни и ненависти к местному населению. Основное чувство по отношению к чеченцам (включая чеченских милиционеров) – настороженность. Почти во всех интервью сотрудники МВД говорят о Чечне как о не-

¹⁵ Из интервью №2 с бойцом ОМОНа. Республика Адыгея.

¹⁶ Из интервью №1 с ветераном конфликта в Чеченской Республике. Республика Адыгея.

¹⁷ Из интервью №3 с ветераном конфликта в Чеченской Республике. Республика Адыгея.

России или по меньшей мере очень специфической части России, населенной «другим» народом. Отношений гражданской солидарности не возникло даже с чеченскими милиционерами.

Адаптация к мирной жизни

Равнодушие государства к чеченским ветеранам обнаруживается в его нежелании содействовать полноценной адаптации вернувшихся из командировок милиционеров к мирной жизни.

Более того, чеченские ветераны, правомерно рассчитывающие на внимание к себе, получают дополнительные психологические травмы.

Так, например, обеспечение жильем зависит не от степени заслуг милиционера, а от формальных признаков – относится ли он к подразделению, которое финансируется из федерального бюджета, или к подразделению, финансируемому из бюджета региона. Об этом рассказал Владимир Котляров, начальник УВД Майкопа. Говоря о муниципальных милиционерах, которых обошли жильем, Котляров сказал: «Обидно... Мордами не вышли... А ведь в Чечне пуля не разбирает, чей ты. У многих парней наших из-за этих вот различий нет никаких перспектив. Как тут не захандришь?»¹⁸

Специальных программ по адаптации ветеранов в республике нет. Специального реабилитационного центра – тоже нет. Это указывает на явную недооценку государством негативных последствий пребывания сотрудников МВД в Чечне.

Судя по словам респондентов, после командировки в Чечню была возможность поехать в санаторий: «Кто хотел в санаторий, ездил. Я – нет. Мне не до этого было. Матери помогал. И ремонт в квартире, и всякая мужская работа нужна была»;¹⁹ «Да, были санатории. Люди у нас ездили. В общем, неплохо отдохнули»²⁰.

Но зачастую милиционеры не получали после командировки не только адаптации, но и просто отдыха. Так, один респондент сказал: «В первую командировку я получил настоящий отдых после командировки. А во вторую и последующие – ничего не было»²¹.

Практически вне программ адаптации остаются семьи милиционеров.

Короче говоря, фактически адаптация ветеранов к мирной жизни происходит без поддержки МВД и других государственных структур, а, возможно, и вопреки им.

С формальной точки зрения, за состоянием психологического здоровья сотрудников МВД, направляемых в Чечню и возвращающихся из нее, следят милицейские психологи. Часть работы они проводят в рамках подготовки сотрудников к командировке. Содержание этой работы рассматривается в соответствующем разделе.

Подготовка милиционеров к командировке в Чечню

Бойцы Отряда милиции особого назначения (ОМОН), у которых мы взяли интервью, говорили о том, что перед каждой служебной командировкой с ними проводились специальные занятия.

По их мнению, знаний и навыков, полученных на этих занятиях, было достаточно для того, чтобы успешно выполнять боевые и другие поставленные задачи. Они указывали на то, что полученные навыки и знания пригодились им в период командировок: «Знания я использовал, конечно. Все пригодилось»²².

¹⁸ Из интервью с начальником УВД. Республика Адыгея.

¹⁹ Из интервью №2 с ветераном конфликта в Чеченской Республике. Республика Адыгея.

²⁰ Из интервью №3 с ветераном конфликта в Чеченской Республике. Республика Адыгея.

²¹ Из интервью №1 с бойцом ОМОНа. Республика Адыгея.

²² Из интервью №1 с бойцом ОМОНа. Республика Адыгея.

Начальник УВД рассказал о системе подготовки так: «У нас три этапа обучения на территории учебного центра Республики Адыгея. Значит, так будем говорить, что создается отряд, психолог проводит с ними ту или иную работу, определяет, кто может ехать, а кто не может. То есть выделяют людей группы риска, и выделяют по здоровью. И после этого с ними проводятся занятия по обучению. Сначала – классные такие, общие. Потом – практические. И третье – это создаются (т.е. имитируются. – О.Ц.) те условия, где они будут нести службу»²³.

Помимо этого начальник УВД сказал, что для командировок отбираются самые подготовленные люди, а программы подготовки периодически пересматриваются и совершенствуются – в зависимости от динамики оперативной ситуации в Чечне. Хотя ситуация в Чечне, по мнению начальника УВД, меняется быстрее, чем программы обучения.

Сложилось впечатление, что многолетние боевые операции в Чечне привели в конечном счете к накоплению и обобщению боевого опыта и к возможности его трансляции к новым поколениям милиционеров.

На практических занятиях милиционеры занимались огневой подготовкой (стрельбы), тактической подготовкой (устройство засад, «зачисток» и др.). Помимо теоретических и практических занятий по несению службы, омовцам рассказывали о Чечне, о ее обычаях, об устройстве чеченского общества. Милиционеры упоминали о «методичках», которыми их снабжало милицееское руководство и которые они брали с собой в Чечню. Коротко говоря, по рассказам милиционеров, их подготовка перед командировками в Чечню выглядит весьма солидной.

Представляется, что на самом деле чеченский опыт был полезен, хотя и внутренне противоречив. Вероятно, можно выделить две основные составляющие этого опыта: психологическую и, условно говоря, военно-техническую. Противоречивость этого опыта в том, что он может быть использован милиционерами как во благо, так и во зло.

Так, пребывание милиционеров в экстремальной ситуации Чечни могло способствовать формированию и упрочению специфических механизмов психологической защиты. Как сказал один милиционер, «самое ценное это то, что я могу выдерживать множественные психологические нагрузки»²⁴.

Однако можно допустить также, что эта воспитанная в Чечне «притупленность» психики в мирных условиях способна сослужить плохую службу. События последних лет в стране показывают, что нередко милиционеры вершат произвол, не испытывая при этом психологических «перегрузок». (Как это было, например, в случае массовых избиений граждан в ряде населенных пунктов России, весьма далеких от Чечни.)

В целом же, как представляется, опыт пребывания милиционеров в Чечне на самом деле ведет к закалке психики, которая необходима в экстремальных ситуациях. (В обыденной речи такая психологическая закалка часто обозначается словом «обстрелянный», а ее отсутствие – словом «необстрелянный».)

Военно-технический (в нашей терминологии) опыт ветеранов Чечни также представляется весьма значительным. Он имеет множество аспектов: от овладения на практике тактикой боевых операций (поиск, засада, разведка боем, оборона, особенности ведения боя в населенных пунктах и др.) до умения обращаться с оружием в условиях экстремальных ситуаций.

Проиллюстрируем последнее словами начальника УВД, который на вопрос о полученном милиционерами в Чечне опыте ответил: «Во-первых, это обращение с оружием. Там с ним и ешь, и спишь. Все доводится до автоматизма. И здесь конечно же польза – ведь есть сотрудники, которые боятся использовать оружие»²⁵.

²³ Из интервью с начальником УВД. Республика Адыгея.

²⁴ Из интервью №1 с ветераном конфликта в Чеченской Республике. Республика Адыгея.

²⁵ Из интервью с начальником УВД. Республика Адыгея.

Очевидно, что хорошая боевая подготовка милиционеров и боевой опыт, полученный ими в командировках, входят в определенное противоречие с необходимостью исполнения ими чисто милицеских функций в «мирное» время.

Слабым местом подготовки милиционеров к командировке в Чечню, является, на наш взгляд, «идеологическая» подготовка, о чем и свидетельствуют отзывы милиционеров о конфликте в Чечне как «дележе нефти» между чеченскими кланами, а также между чеченскими и федеральными преступными группировками.

Однако усилить «идеологическую» подготовку представляется почти невозможным. Во-первых, потому, что гражданская война трудно поддается «единственно верной» логоцентричной трактовке. И, во-вторых, потому, что милиционеров трудно убедить в том, что вчерашние боевики, а сегодня – руководители республики и сотрудники правоохранительных органов Чечни на самом деле являются законопослушными и бескорыстными хранителями «целостности» государства.

Психологическая служба

В процессе интервьюирования милиционеров выявилось еще одно слабое, на наш взгляд, место – это работа психологической службы МВД. Она поставлена в условия, при которых ее работа не может не носить формального характера.

Централизованной психологической службы в республиканском милицеском министерстве нет. Как сказала психолог республиканского МВД, «в нашем регионе как таковой психологической службы нет. У нас есть психологи кадровых аппаратов, которые входят в структуру отдела кадров. На сегодняшний момент у нас введено 11 должностных психологов. У нас нет координирующей службы»²⁶.

Большинство милиционеров, побывавших в командировках в Чечне, рассказали в своих интервью о том, что перед командировками и после них они проходили «какие-то тесты». Этими тестами, насколько можно судить по материалам интервью, практически и ограничивалась работа психологов.

Работу психологов они оценивали по-разному. Один оценил ее «пятьдесят на пятьдесят»²⁷. Получается то ли на «два с плюсом», то ли на «три с минусом». При этом он еще сказал, что психологам не доверяет. Другой сказал, что оценивает их работу «нормально». О содержании работы психологов этот омоневец сказал: «... Ну, тесты всякие, беседы»²⁸. Другие отвечали примерно в таком же стиле. В целом сложилось впечатление, что направляемые в командировки милиционеры отнеслись к контактам с психологами как к некоей необходимой, но пустой формальности.

Несколько иначе оценивают работу психологов начальники УВД. В качестве важнейшей функции психологов он назвал отбор кандидатов для командировок в Чечню.

Представляется, что, по сути, главной функцией психологов было служить дополнительным фильтром, выбраковывающим непригодных для командировок. Не исключено также, что, по бюрократической логике, психологи должны были разделять ответственность с должностными лицами в тех случаях, когда находящийся в командировке милиционер допускает «неадекватные» противоправные действия.

На деле личные качества отбираемых для командировок милиционеров, как следует из собранного материала, достаточно хорошо известны их милицеским начальникам, а психологи были лишь дополнительной страховкой.

Существенным недостатком психологической службы МВД республики служит, на наш взгляд, явный дефицит специалистов с базовым психологическим образованием.

По словам психолога республиканского МВД, такое образование имеет только половина милицеских психологов. В их число входят также и те, кто изучал психологию не в вузах, а в рамках некоей специальной подготовки.

²⁶ Из интервью с психологом республиканского МВД. Республика Адыгея.

²⁷ Из интервью №3 с ветераном конфликта в Чеченской Республике. Республика Адыгея.

²⁸ Из интервью №1 с бойцом ОМОНа. Республика Адыгея.

Получается, что большинство не имеет никакого специального образования, но при этом занимается довольно специфическим трудом психологов.

Здесь напрашивается аналогия с Вооруженными силами РФ. Известно, что после краха социализма многие бывшие заместители командиров по политической части чуть ли не в мгновение ока тоже переквалифицировались в психологов и офицеров-воспитателей.

К тому же психологи республиканского МВД испытывают острый недостаток в помещениях и специальном оборудовании. На вопрос об основных проблемах, которые испытывает психологическая служба, психолог республиканского МВД ответила: «... в основном, это материально-техническое обеспечение. Не все психологи имеют собственные кабинеты для работы. И не во всех подразделениях у нас имеются комнаты психологической реабилитации. То есть комнаты разгрузки. На всю республику всего лишь две комнаты. Это в отдельном батальоне ДПС и в Тахтамукайском РОВД. А в самом аппарате МВД такой комнаты сейчас нет. Помещение и специальное психологическое оборудование выделено, но нет оснащения»²⁹.

Коротко говоря, от нашего достаточно поверхностного и заочного знакомства с организацией психологической службы осталось ощущение какой-то профанации.

Однако не хотелось бы быть чрезмерно строгим и, возможно, не очень справедливым к психологам МВД Адыгеи. Дело, как представляется, не только в самих психологах, но и в отношении к их труду со стороны милиционеров.

Ведь во всей нашей стране, в том числе и в МВД республики, «простые» люди видят мало прока в психологах. Оставаясь в плену обыденного сознания и исходя из привычных, устоявшихся представлений о жизни, многие наши сограждане считают труд психологов чем-то вроде модного баловства. И считают, что добровольное обращение к психологу может только скомпрометировать. Как-то исторически сложилось, что массовое сознание склонно считать людей, обращающихся за помощью к психологам и психиатрам, «психами».

В беседе с нами старший психолог МВД Адыгеи посетовала на данное обстоятельство. Она сказала: «Хотелось бы, чтобы наши сотрудники поняли, что наша работа направлена на их благо, а не против них»³⁰.

В целом сложилось впечатление, что психологическая служба в МВД находится в стадии становления. Отдача от нее пока низка, что обусловлено недостаточным вниманием к ней со стороны руководства МВД РФ, недостаточным количеством людей, имеющих профессиональное психологическое образование и установкой массового сознания, в том числе и многих милиционеров, на то, что психологи и психологические службы являются своего рода данью «моде», «баловством», имеющим очень небольшое практическое значение.

СМИ о чеченских ветеранах – «дежурные» почести

Средства массовой информации республики, в абсолютном большинстве подконтрольные государственной бюрократии, за все годы, условно говоря, демократии так и не смогли подняться до уровня самостоятельной автономной силы, способной формулировать общественные и государственные проблемы и содействовать их разрешению.

Анализ публикаций о чеченских ветеранах в СМИ республики за 2001 – 2005 годы показывает, что уровень рассмотрения интересующих нас проблем весьма низок. Проанализированные публикации не способны не только решать проблемы, но даже и поставить их.

Сообщения о ветеранах носят редкий эпизодический и, так сказать, «дежурный» характер. Ветеранам отдаются формальные почести, но при этом умалчивается о реаль-

²⁹ Из интервью с психологом республиканского МВД. Республика Адыгея.

³⁰ Там же.

ных проблемах: социальных последствиях массовых командировок в Чечню, эффективности адаптации вернувшихся из этой республики милиционеров, качества оказания им психологической помощи, выполнения обещаний по льготам, ситуации в семьях милиционеров и др.

Это неудивительно. Контролируемые государством СМИ функционируют в режиме, заданном текущей конъюнктурой. Они пишут о том, о чем «можно», и не пишут о том, о чем «нельзя». При Путине, пообещавшем «замочить» всех террористов, испуганно замолчали о Чечне даже формально независимые газеты адыгейских этнических организаций.

Еще в 1999 году общественные организации этнических меньшинств Адыгеи открыто выступали против войны в Чечне. Они публично заявили о легитимности и законности Аслана Масхадова. Влиятельная республиканская «Адыгэ Хасэ», объединяющая этнических адыгов, татарское общество «Дуслык», греческое «Арго», Ассоциация армян Адыгеи и немецкое «Возрождение» выступили с заявлением, в котором призвали остановить антитеррористическую операцию в Чечне. «Чтобы остановить античеченскую истерию, — писали они в своем заявлении, — и не допустить распространения русофобии на Кавказе, мы призываем <...> Председателя Правительства Путина В.В., министра иностранных дел Иванова И.С. перевести разрешение проблемы от военно-силовых методов на путь политических переговоров с единственно легитимным, всенародно избранным Президентом Чеченской Республики (Ичкерия)»³¹.

Сегодня ничего подобного приведенному фрагменту публикации нет. В рамках сложившихся правил игры, когда только сама постановка имеющихся в государстве проблем зачастую рассматривается как нелояльность существующему режиму и даже как враждебность ему, журналисты республиканских подконтрольных изданий предпочитают не углубляться в интересующую нас тематику.

О чеченских ветеранах не пишут не только подконтрольные государственной бюрократии СМИ, но и независимые газеты.

Их в республике две — «Закубанье» (орган Союза славян Адыгеи) и «01 Регион» (орган Экономического союза промышленников и предпринимателей). (Еще одна независимая газета — «Черкесский конгресс» — пишет в основном о своем видении республиканских этнических проблем, негативных последствиях для адыгов Кавказской войны XIX века и своем видении их минимизации.)

Отсутствие внимания к интересующей нас проблеме даже у независимых газет свидетельствует о значительном снижении общественного интереса к «чеченской» теме в любых ее ипостасях.

Представляется, что отчасти это можно объяснить усталостью массового сознания, вниманию которого на протяжении многих лет практически ежедневно предлагались «кровавые» сюжеты из Чечни. Ведь любая информация, в том числе и самая «горячая», имеет свойство «остывать». Болевой синдром общества постепенно притупляется, а сообщения на чеченские темы принимают рутинный и даже как бы назойливый характер.

Смещение интересующей нас проблематики из центра общественного внимания, так же как и из центра внимания СМИ, указывает на то, что и проблема чеченских ветеранов в массовом сознании вытеснена на периферию.

Это ведет к тому, что опереться на широкую общественную поддержку при решении своих проблем чеченские ветераны не могут. Они остаются наедине с государством.

Разумеется, в отдельных особо вопиющих случаях несправедливости в отношении ветеранов, некоторые общественные организации могут выступить в их поддержку.

Так, например, нами обнаружена одна (только одна за пять лет) публикация, автор которой выступает в поддержку солдата внутренних войск МВД, который после прохождения службы в Чечне не мог получить удостоверение участника боевых дей-

³¹ Газета «Гъуазэ», ноябрь — декабрь 1999, № 1112.

твий и «боевые», т.е. денежные выплаты, предусмотренные в период прохождения им службы как участника боевых действий.

Всего же за 5 лет «главные» республиканские газеты, попавшие в мониторинг, – подконтрольная «Советская Адыгея» и неподконтрольные «Закубанье» и «01 Регион» – обращались к теме чеченских ветеранов только 16 раз.

Подавляющее число публикаций – в «Советской Адыгее». Главный мотив статей – героизация образа милиционера, побывавшего или находящегося в служебной командировке в Чечне. Дежурный пафос о мужестве и патриотизме милиционеров.

Однако подобно тому, как героизация образа блокадников Ленинграда не отразилась на их жилищных условиях, и возвеличенные в СМИ блокадники десятилетиями ютились в перенаселенных питерских коммуналках, так и официальная героизация милиционеров, выполнявших или выполняющих свой служебный долг в Чеченской Республике, не привела к реальному решению имеющихся у них многочисленных проблем.

Так, один из сотрудников МВД, неоднократно побывавший в командировках в Чечне, поведал нам, что его семье удалось выжить только благодаря самоотверженному труду его супруги – она много лет торгует трусами на майкопском городском рынке – «чтобы выжить и детей поднять»³². Обиженный на государство ветеран сказал, что поместит предмет торговли своей жены в красивую раму и расположит эту инсталляцию на самом почетном месте своей квартиры.

Журналист «главной» республиканской газеты «Советская Адыгея», которому главный редактор вряд ли позволит приводить в газете такие ветеранские откровения, жаловался на то, что чеченские ветераны не очень разговорчивы: «Они не как вот ветераны Великой Отечественной – эти словоохотливые. А эти (чеченские. – О.Ц.) – с них как-то вытянуть что-то...»³³

Ветеранские общественные организации

Есть несколько общественных организаций, объединяющих ветеранов различных конфликтов. Создан и действует Координационный совет ветеранских организаций.

Наиболее влиятельной и популярной среди ветеранов является Адыгейское республиканское отделение Всероссийской общественной организации «Инвалиды войны в Афганистане».

Из пространной беседы с Александром Мокрый, одним из руководителей отделения этой организации в Адыгее, стало ясно, что организация приносит пользу не только ветеранам Афганистана, но и ветеранам других конфликтов, в том числе и Чечни. Она консультирует их по проблемам законодательства, льгот, помогает в трудоустройстве, оказывает материальную помощь остро нуждающимся. Организация оказывает также помощь родственникам погибших в конфликтах.

Организация востребована ветеранами, «и очень сильно, потому что многие участники боевых действий приходят, обращаются за помощью – как устроиться на работу, так и решить жилищный вопрос»³⁴. Как сказал Александр Мокрый, в организацию обращаются «афганцы и участники боевых действий. Много здесь участников. В разных конфликтах. Есть даже которые и в Анголе служили, проходили воинскую службу – тоже обращаются»³⁵.

По словам нашего собеседника, ежедневно в организацию обращается примерно двадцать ветеранов различных конфликтов, хотя «бывает, даже никого не бывает»³⁶.

³² Из интервью №1 с бойцом ОМОНа. Республика Адыгея.

³³ Из интервью с журналистом, пишущим на ветеранские темы.

³⁴ Из интервью с руководителем ветеранской общественной организации. Республика Адыгея.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

Сложилось впечатление, что организация имеет хорошие отношения с республиканской властью.

Из бесед с руководителями некоторых других общественных организаций, проведенных ранее, за рамками проекта по чеченским ветеранам, стало ясно, что многие общественные организации избирают тактику «мирного сосуществования» с властью. Она позволяет получить от чиновников хоть какую-то помощь. В то время как конфронтация, бескомпромиссная борьба за гражданские права рассматривается руководителями организаций как путь бесплодный и как большой риск быть «закатанным в асфальт» – оказаться под постоянным чиновничьим прессом и утратить возможность хоть в чем-то найти содействие «вертикали».

Однако в описываемом нами случае, похоже, на самом деле у афганских ветеранов отношения с властью неплохие. Хотя Александр Мокрый и отметил, что «льготы начинают у организаций забирать»³⁷, но с властью отношения все-таки хорошие: «У нас отношения хорошие налажены. Когда приходишь, обращаешься с просьбой – всегда поддерживают»³⁸.

В судах эта организация дел по отстаиванию ветеранских прав не сопровождает. Отправляет всех в юридическую консультацию.

В целом от общения с руководителем ветеранской организации сложилось впечатление, что этот человек искренне стремится помочь разным ветеранам, умеет это делать и удовлетворен своей деятельностью. При этом он сознательно «по-солдатски» избегает критического отношения к власти («командирам»), впитав, возможно, уважительное отношение к старшим начальникам с какой-нибудь военной молодости. Всевозможные гражданские и военные начальники его не тяготят. Он находит с ними общий язык и получает от начальников довольно существенную помощь – деньги на квартиры, на установление памятных знаков погибшим и др. О том, что в стране в целом какие-то высшие начальники не смогли решить ветеранских проблем, он старается, похоже, не думать и, скорее всего, считает это бесполезным занятием.

Наличие в республике таких очень полезных ветеранских организаций не решает все-таки принципиальных ветеранских проблем и особенно проблем сотрудников, находящихся на службе в МВД.

Министр внутренних дел Адыгеи – против независимых исследований

Министр внутренних дел Республики Адыгея не рассматривает независимые общественные организации как союзнический ресурс, способный оказать положительное содействие в решении имеющихся в этом правоохранительном ведомстве проблем.

Такой вывод приходится делать по итогам реализации двух проектов исследовательского Центра «Демос».

Республиканское МВД отказалось содействовать реализации первого проекта – «Произвол правоохранительных органов – практики и причины». А в ходе реализации второго проекта «Демоса» – по чеченским ветеранам – выяснилось, что МВД сознательно создает независимым исследователям препятствия.

Некоторые сотрудники МВД, к которым мы обращались с просьбой дать интервью, ссылались на негласный полуофициальный запрет республиканского министра МВД иметь с нами дело.

Такая линия поведения республиканского МВД в отношении независимых исследователей позволяет выдвинуть по меньшей мере две гипотезы о ее причинах.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

1) Руководству МВД есть что скрывать, а боязнь выявления и обнародования скрываемых от общественности фактов и обстоятельств служит истинной причиной отказа от сотрудничества с независимыми общественными организациями;

2) Руководство МВД оценивает возможности независимых организаций в содействии решению имеющихся у них проблем как крайне низкие и поэтому считает, что сотрудничеством с общественниками можно пренебречь.

Представляется, что обе причины существенны и связаны между собой. Хотя первая из них, на наш взгляд, более весома.

Отказ МВД от сотрудничества с независимыми общественными организациями говорит еще и о том, что взаимодействие с обществом не стало пока для республиканского МВД, так сказать, институциональным требованием. То есть нет системно выстроенной работы с организациями гражданского общества, как и самой потребности в ней.

И здесь проблема выходит за границы наших отношений с руководством МВД Республики Адыгея и фокусируется вокруг характеристик современной России: сознательного сужения властью пространства гражданского общества и форматирования псевдогражданского общества с его имитантами «общественных» организаций.

Как показывают наблюдения, именно с такого рода организациями государственные структуры готовы идти на контакт и таким образом имитировать взаимодействие с гражданским обществом.

Наши несложившиеся отношения с МВД – яркий пример того, как из отформатированного властью публичного поля выталкиваются «несанкционированные» организации и фигуры.

По сути, республиканское МВД (как и другие правоохранительные структуры) находится вне сферы гражданского контроля.

В отличие от министра республиканского МВД, который препятствовал исследованию, и его пресс-секретаря, который в разговорах с нами следовал установке своего начальника-министра, некоторые другие сотрудники МВД, в том числе и высокопоставленные, не усмотрели в контактах с нами «криминал» и согласились дать интервью. В некоторых случаях – на условиях анонимности. Это и сделало возможным написание данного материала.

Некоторые выводы

Исследование показало, что проблемы чеченских ветеранов сродни другим «родовым» проблемам государства и общества. Долг граждан перед государством (служебный, воинский, гражданский) на официальном уровне имеет почти сакральный характер, в то время как долги государства гражданам на практике являются необязательными для исполнения. Изучение нами ветеранских проблем как раз и показало, что государство (не только и, может быть, не столько в лице республиканских милицеских начальников) пока не научилось эти долги отдавать.

Производимые денежные выплаты и льготы не компенсируют морально-психологических и физических затрат, которые милиционеры несут в командировках. Долги государства ветеранам не могут быть также «погашены» раздачей им похвальных грамот и наград.

Хотя это все (деньги, льготы, награды) и важно, гораздо более необходимой представляется организация эффективной системы минимизации негативных последствий от командировок в Чечню.

Однако системного решения ветеранских проблем на момент написания материала не существовало. Адаптация ветеранов к мирной жизни носит преимущественно формальный характер. Семейная реабилитация практически отсутствует. Психологическая служба МВД находится в стадии становления, испытывает кадровые и материальные проблемы и также, на наш взгляд, пока не в состоянии эффективно работать.

Все вместе взятое создает риски и предпосылки для появления негативных последствий, характерных для участников вооруженных конфликтов: распространения посттравматических синдромов и их проявлений во внешней среде, обусловленных этими синдромами правонарушений и, в отдельных случаях, суицидов.

Практика командировок в Чечню создает также более видимые проблемы.

Многолетнее участие милиции в конфликте привело к появлению внутри формально полицейских формирований воинских по своей сути подразделений, положение которых внутри полицейской машины двусмысленно. Не очень понятно, чем могут заниматься такие подразделения в мирное время. А использовать эти многочисленные спецконтингенты против мирных граждан (например, для разгона митингов и шествий «Другой России») как-то не к лицу цивилизованному государству.

Командировки в Чечню «штатных» милиционеров (не бойцов ОМОНа) также создают сложности для региональной милиции. Как рассказал начальник УВД, направление в Чечню десятков таких милиционеров увеличивает служебные нагрузки на милиционеров, остающихся в регионе. Поскольку в Чечню направляются самые опытные, в регионе остаются не очень опытные, и им не у кого опыт перенимать. «Проблема заключается в том, что туда командировются самые опытные и самые подготовленные, прошедшие соответствующую школу и имеющие опыт работы. Не знаю, как для больших регионов, но для нас, например, с подразделения численностью 150 человек забрать 40 человек наиболее подготовленных, здесь это ощущается. Здесь не то что город пустой остается... Наиболее опытные сотрудники могли бы передавать опыт более молодым. Но те, которые возглавляют наряды, они, как правило, выбывают на год и больше из нашего подразделения»³⁹.

Столь длительное «выпадение» сотрудников МВД ведет, на наш взгляд, к утрате ими профессиональных навыков, необходимых для повседневной работы в мирное время. Представляется, что по всей совокупности проблем, обусловленных направлением в Чеченскую Республику региональных милиционеров, необходимо выработать четкую и «операциональную» систему мер.

Для этого необходимо привлечь внимание к проблеме чеченских ветеранов максимально возможного круга сторон: общественных организаций, независимых СМИ, политических партий, депутатов парламентов разных уровней и др.

Необходимо также преодолеть боязнь региональных милицеевских начальников иметь дело с независимыми общественными организациями, поскольку в сложившихся в стране условиях именно они более всего способны честно смотреть в лицо действительности и привлекать внимание общества и государства к наиболее болезненным проблемам.

³⁹ Из интервью с начальником УВД. Республика Адыгея.

Современное положение ветеранов чеченского конфликта в Алтайском крае

Сергей Андреев,

Школа публичной политики, Фонд «Открытый Алтай», (Алтайский край)

Предисловие

Работа в рамках проекта началась в Алтайском крае в конце 2005 года с анализа региональных СМИ. Были выявлены и проанализированы материалы, посвященные участию алтайских милиционеров в урегулировании чеченской проблемы, в самых массовых и самых читаемых газетах региона за пять лет (с 2001 по 2005 гг.).

Кроме мониторинга и контент-анализа СМИ исследование включало в себя полевую стадию – проведение серии экспертных и углубленных интервью с теми, кто непосредственно обладает информацией по теме проекта. Основным методом полевой стадии исследования были полуструктурированные интервью. Период интервьюирования респондентов продолжался полтора месяца – с середины июня 2006 года по конец июля. Было проведено 21 экспертное интервью с различными по своему статусу и характеристикам респондентами и экспертами.

Практически все респонденты соглашались на участие в интервью охотно и достаточно искренне отвечали на вопросы, задаваемые интервьюером. Если в начале интервью было ощущение недоверия к интервьюеру, то в ходе интервью происходил переход к неформальному общению: «Сначала немного скован, а потом все дальше по мере разговора все больше в речи стали попадаться неформальные обращения. Довольно быстро и незаметно с обращения «Вы» перешел на «Ты»; ... на вопросы по его работе в Чечне отвечал с азартом, ему явно нравилось и даже немного льстило, что его по этому поводу готовы долго слушать...»¹ По мнению модераторов, проводивших интервью, откровенный разговор был необходим респондентам еще и потому, что оказывался способом психологической разгрузки, позволял выговориться, рассказать о наболевшем. Это обстоятельство уже само по себе может быть свидетельством неэффективности работы психологической службы: либо отдельному человеку уделялось слишком мало внимания, либо ветераны Чечни в разговоре с психологами были не готовы разговаривать откровенно.

В то же время некоторые вопросы интервью вызвали не сильно скрываемое желание респондентов обойтись бессодержательными репликами. Например, о ходе выполнения поставленных руководством задач на территории Чечни респонденты рассказывали неохотно, недоговаривали. Эта тема вызывала у большинства участников опроса неприятные воспоминания. При этом необходимо сказать, что в ходе исследования не ставилась задача прояснить содержание командировки в Чечне, поэтому модераторы и не настаивали на развернутых ответах на эти вопросы. А вот причина такой напряженной реакции и сохранения ее на длительный период (интервьюировались работники МВД, побывавшие в Чечне и два, и три, и пять лет назад), а также ее влияние на адаптацию в мирных условиях, были одними из основных предметов исследования.

Введение

В результате анализа интервью сложилось понимание, что адекватной адаптации работников МВД, побывавших в Чечне, мешает ряд системных проблем и противоречий.

¹ Из отчета интервьюера с действующим работником милиции. Алтайский край.

1. Сотрудники милиции, работающие в Чечне, не осознают в полной мере своей миссии и своих задач. В основном их используют в качестве боевых отрядов для так называемых зачисток, арестов, задержаний. Добросовестно выполняя приказы и распоряжения командования, милиционеры остаются в недоумении, почему в Чечне не наступает мирная жизнь и почему после наведения «конституционного порядка» население Чечни (простые граждане) не склонно испытывать благодарности, а некоторые, скорее наоборот, готовы «выстрелить в спину» – т.е. противоречие между выполнением приказа и полученным результатом.

2. Выезжая в командировку на длительные сроки (три-шесть месяцев, а иногда и больше, с учетом проблем транспортировки), работники МВД теряют профессиональные навыки, выполняя зачастую не свойственные им функции. «Я ехал туда как оперуполномоченный во временный райотдел. ... В принципе, ехал туда как опер, а работал как солдат»²; «Питались, вот во всех трех командировках варили сами парни. По очереди варили»³; «Когда мы там были, мы не выполняли свои прямые милицеские функции и обязанности... Гаишники у нас были – не работали по специальности (улыбается), в принципе и остальные...»⁴

Информация, собранная в рамках исследования, указывает на то, что программы профессиональной реабилитации на практике не работают. Из-за фактического отсутствия мероприятий по реабилитации, в том числе профессиональной, после возвращения из командировок снижается качество выполнения их непосредственно правоохранительной работы. Т.е. имеет место противоречие между исполнением контракта (для бойцов ОМОНа) и приказа о командировке (для работников районных отделов) и качественным выполнением своих обязанностей по месту постоянной работы. Участвуя в командировках в качестве «бойцов», работники милиции становятся профессиональными военными, выполняя специфические задачи в Чечне. Но когда командированные в Чечню сотрудники МВД возвращаются назад к своей постоянной работе в мирных условиях, новоприобретенные навыки оказываются невостребованными, а старые забытыми.

3. Недостаточное внимание к работе службы психологов в МВД приводит как к ухудшению социальной адаптации ветеранов Чечни и их семей, так и к дискредитации всей службы психологической помощи. Соединение должности психолога с должностью кадровика усиливает недоверие к сотрудникам службы и снижает эффективность ее работы. Т.е. наблюдается противоречие между острой потребностью в профессиональной психологической помощи для преодоления стресса, полученного в ходе командировки, и возможностью получить ее в современных условиях существования и развития психологической службы в МВД.

4. Программы подготовки к командировке в Чечню на 90% состоят из боевой, и только на 10% из психологической и социальной подготовки. Милиционеры, отправляясь к месту командировки, почти не имеют представлений о местном сообществе, о социальной организации общества, о традициях и бытовых правилах местного населения. Методички, которые выдавались отправляющимся в командировку милиционерам, изучались мало, и немногие из респондентов давали им положительную оценку. За время прохождения службы общение с местными жителями было формальным. Местное население проявляло открытую или скрытую враждебность, как следствие – не завязывались ни рабочие, ни дружеские контакты. Такое положение сформировало «оккупационный» стиль работы в Чечне, который в настоящее время является доминирующим. Как следствие, сохраняется настороженное отношение к милиции со стороны местного населения и ухудшаются условия для выполнения профессиональных задач для милиционеров.

Общественность и гражданское общество ограничено в доступе к информации как силовыми структурами (пресловутая секретность), так и нежеланием самих СМИ заниматься этой тематикой. Граждане в большинстве своем не видят проблемы в появлении

² Из интервью с милиционером, имеющим однократный опыт командировки в Чечню. Алтайский край.

³ Из интервью с сотрудником ОМОНа, трижды выезжавшим в командировки в Чечню. Алтайский край.

⁴ Там же.

все большего числа сотрудников правоохранительных органов, имеющих боевой опыт, который при отсутствии полноценной профессиональной и социальной адаптации может быть перенесен на деятельность в мирных условиях обычного российского региона.

Ежегодно в Алтайский край привозят гробы с погибшими в Чечне милиционерами, но внимание со стороны общества к этой проблеме практически нулевое. Отсутствует читательский интерес, желание редакций уделять этой теме внимание. Проблема игнорирования со стороны СМИ темы ветеранов конфликта в Чечне осознается и журналистами: «Наши алтайские СМИ об этом практически не пишут, возможно, вы найдете какие-то заметки о том, что уехали, приехали, погибли. Вот и все»⁵. С точки зрения большинства опрошенных ветеранов, властные структуры стараются закрывать и замалчивать эту тему: «Сейчас как объявили, что война закончилась, и все (все перестали о ней говорить. – С.А.)»⁶. Со стороны общества нет запроса на понимание проблемы, а со стороны милиционеров, побывавших там, не возникла потребность в анализе ситуации. Все это создает патовую ситуацию в решении проблем ветеранов Чечни. Рост негативных последствий участия работников милиции в боевых действиях и нежелание общества видеть в этом проблему является одним из важнейших препятствий для решения проблемы адаптации к мирным условиям милиционеров, участвовавших в чеченском конфликте. В конечном итоге снижается эффективность работы правоохранительных органов в крае.

Милиция и конфликт в Чечне

История участия милиции в конфликте

За время «контртеррористической операции» около 10% личного состава алтайских милиционеров выезжали в командировки в Чечню⁷, сотрудники ОМОНа – практически 100%. Всего на 1 января 2004 года было зарегистрировано более 7000 человек, работников силовых структур, побывавших в Чечне⁸, из них около 3000 – работников МВД. Особенно активное участие алтайские милиционеры принимали в создании временных отделов внутренних дел (ВОВД) в Чечне. При этом некоторые милиционеры были в командировках в Чечне более 15 раз⁹. Как у каждого региона России, правоохранительные органы которого командировались в республику, за милицией Алтайского края закреплен свой постоянный район для работы в Чечне – Шалинский, и район в Ингушетии – поселок Карабулак. Командировки в Ингушетию сами милиционеры расценивают по характеру службы, выполняемым задачам, обстановке и отношению к ним мирных жителей так же, как командировки в Чечню. Среди побывавших в Чечне многие отмечены боевыми наградами, в том числе званиями «Герой России». Сроки командировки варьируются от трех месяцев до полугода. Причем в начале боевых действий командировки были три месяца.

Ветераны Чечни

Чечня и происходящее в ней с точки зрения ветеранов

Милиционеры, имеющие опыт командировок, считают, что их деятельность в Чечне продиктована реальной потребностью в наведении порядка и законности в регионе. Они придерживаются мнения, по крайней мере, открыто его декларируют, что

⁵ Из интервью с журналистом краевой газеты, выезжавшей в Чечню. Алтайский край.

⁶ Из интервью с бойцом ОМОНа, трижды выезжавшим в командировки в Чечню. Алтайский край.

⁷ Информационное сообщение. Газета «Вечерний Барнаул» от 17 июня 2003 г.

⁸ Из материалов газеты «Вечерний Барнаул» от 14 июля 2004 г.

⁹ Из материалов газеты «Вечерний Барнаул» от 17 июня 2003 г.

их миссия важна как для государства, так и для жителей Чеченской Республики. Однако, анализируя последствия своей работы (и работы всей государственной машины в целом) у милиционеров возникают сомнения, что их работа приведет к «замирению» Чечни.

Типичные ответы респондентов о роли милиции в чеченском конфликте сводятся к следующему: «Роль милиции в данный момент эффективна. Пока милиция там необходима». А на вопрос: «Как Вы считаете, каким способом можно решить проблему Чечни?» – тот же респондент отвечает: «Не знаю. Как сказать, что там нужно сделать...»¹⁰

Другой ветеран более прямолинеен: «Как Вы оцениваете свое участие в конфликте? – Я считаю, что достойно отработал. Мне не стыдно. – Как Вы оцениваете эффективность работы милиции в Чечне? – Да слабая эффективность работы там милиции. Мы стояли, допустим... там получается как, мы стояли и по большому счету сами себя охраняли»; «Я считаю, что свою задачу мы выполнили. А нам какую задачу ставили, когда провожали? Задача одна была – вернуться сюда всем, живыми и здоровыми...»¹¹

Получается, что милиционеры, командированные в Чечню, выполняют приказы и задания, поставленные руководством, но их выполнение не может, по мнению респондентов, привести к наведению конституционного порядка, налаживанию нормальной работы правоохранительной системы. Это можно объяснить тем, что задачи, поставленные перед российской милицией в Чечне, не в полной мере соответствуют заявленным целям – восстановление правового поля. Они не являются комплексными и основной упор делается на силовые действия, а не на налаживание взаимодействия с местным населением.

Взаимоотношения милиционеров с местными жителями сводятся к настороженному нейтралитету. «Ну, с местным населением с виду доброжелательные отношения. Мы ходим с опаской, он хоть и улыбается, мы ему улыбаемся. Мы не знаем, что у него под рубахой. И сами мы... Допустим, в тот же город... выйти без оружия никто не рискнет»¹². «Под улыбкой продавщицы скрываются такие слова, что вроде бы я тебе пока улыбаюсь, но это до поры до времени, отвернешься, я плюну тебе в спину»¹³. «Мы с ними особо не общались. Ну и не ругались с ними. В общем, никак – не так и не сак. И не ругались, и не мирились и не братались.... Они к нам относились как к непрошеным гостям»¹⁴. «Никак, никаких взаимоотношений (с местным населением. – С.А.). Вообще никаких»¹⁵.

Ощущение себя чужими («они к нам относились как к непрошеным гостям») на данной территории и восприятие жителей как потенциальных неприятелей не способствует ни налаживанию контакта с местным населением, ни повышению качества работы милиции в целом. «Местное население иногда там противостоять пробовало, пытается мешать выполнению работы»¹⁶. Существуют и радикальные высказывания: «Они русских ненавидят, русские их ненавидят»¹⁷; «...Там находишься как в зоопарке вот. Вокруг тебя живут только не в клетках, а вот так вот просто ходят...»¹⁸; «Мешает то, что как бы мы находимся все равно в другой стране, это не наше все»¹⁹.

¹⁰ Из интервью с заместителем начальника РОВД. Алтайский край.

¹¹ Из интервью с действующим сотрудником милиции, имеющим многократный опыт командировок в Чечню. Алтайский край.

¹² Там же.

¹³ Из интервью с сотрудником милиции, имеющим многократный опыт командировок в Чечню. Алтайский край.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Из интервью с бойцом ОМОНа, две командировки в Чечню. Алтайский край.

Ветераны иногда не делали различий между отношением к себе со стороны местных жителей и со стороны местных милиционеров: «Они там говорят, даже сами местные милиционеры: “Если, я вас пригласил в гости, вы пришли ко мне в гости, то вас никто не тронет... Если уж вы вышли за порог моего дома, то уж извините...” Они уже не несут ответственности»²⁰. Усилия, потраченные на формирование местных правоохранительных органов не приносят (по крайней мере, до настоящего времени не принесли) тех результатов, на которые рассчитывали федеральные власти, а именно, формирование местных органов милиции, способных самостоятельно решать вопросы безопасности граждан и формирование единого правового пространства на территории России, включающей Чеченскую Республику.

Достижение декларируемых целей контртеррористической операции в Чечне – установление правового порядка – сопряжено с преодолением фактически неразрешимых пока проблем. Результаты интервью показывают, что милиционеры противопоставляют себя местному населению. Отчасти это своего рода защитная реакция на отношение местных жителей к представителям федеральных структур, отчасти – инициатива самих милиционеров, предпочитающих, вне зависимости от реального отношения к ним местных жителей, держаться от них на расстоянии и сводить контакты с ними к минимуму. Плохое понимание местных обычаев также не способствовало развитию нормальных взаимоотношений с местными жителями. Такая «картина» взаимоотношений делает невозможным преодоление недоверия между милиционерами и местным населением. На практике это оборачивается тем, что повседневная работа милиционеров в Чечне сопряжена с преодолением недоверия со стороны местного населения. В таких условиях эффективная правоохранительная политика навряд ли возможна.

Мотивация к поездкам в командировки

Большинство респондентов подчеркивали, что перед первой командировкой их подкупало желание проверить себя в сложной, экстремальной обстановке. По словам самих респондентов, они хотели «проверить, что я из себя представляю в условиях боевых», «...можно сказать, самоутверждение. Все равно настоящий человек, я думаю, должен проверить себя во всем»²¹. Это была проверка себя «на слабо».

Перед первой командировкой вопрос зарабатывания денег обычно стоял на втором месте: «Вторая причина, это конечно денежный вопрос»²². Но в последующих командировках, у кого они были, финансовая мотивация чаще всего становилась главной. Особенно в том случае, если была возможность отказаться, но респондент принимал решение ехать. «Туда люди едут просто за 56 тысяч. Неизвестно, что с тобой будет, рискуя жизнью...»²³, «Ну, основное, конечно, – это финансовый вопрос. Деньги в кучку сразу»²⁴, «... Желания-то ехать сейчас в командировку нету и во вторую, допустим, тоже не было, только из-за денег»²⁵.

Нежелание менять или опасение потерять работу – еще одна причина, в значительной степени влиявшая на решение поехать в очередную командировку. Давление непосредственного руководства, фактический принудительный характер командировок при декларируемом добровольном порядке указывают на рост правового нигилизма в правоохранительной среде. Перед людьми ставят условия: либо ты едешь, либо увольняешься. В контрактах, которые подписывают, устраиваясь на работу в ОМОН, отде-

²⁰ Из интервью с сотрудником милиции, имеющим многократный опыт командировок в Чечню. Алтайский край.

²¹ Из интервью с заместителем начальника РОВД. Алтайский край.

²² Там же.

²³ Из интервью с бойцом СОБРа (одна командировка). Алтайский край.

²⁴ Там же.

²⁵ Из интервью с сотрудником милиции, имеющим многократный опыт командировок. Алтайский край.

льной строкой прописывается обязательство участвовать в командировках в Чечню, «как будто отказываться от других командировок можно, а в Чечню нельзя»²⁶.

Многие респонденты говорили о своих командировках как о неизбежном «зле», которое обязательно придется пережить, раз уж была выбрана такая работа: «... у нас даже в контракте было написано, что если ты отказываешься от поездки в командировку, то соответственно, сразу за этим следует увольнение. Контракт есть контракт, его надо исполнять»²⁷, «Насильно там никто не заставляет ехать. Подними руку и скажи. Естественно, только менять работу»²⁸. «Вот знаю офицера такого, зам. начальника ГОВД, который вынужден был написать рапорт, у него была свадьба у дочери – у меня такая-то причина, не могу ехать. Ничего подобного. Начальнику ГОВД сразу выговор. И он вынужден был написать рапорт об уходе»²⁹.

Речь здесь идет не о милиционерах-контрактниках, а о работниках милиции, которые устраиваются на работу по месту жительства. Таким образом, командировки в Чечню, де-юре являющиеся добровольными, превращаются в неотъемлемую часть обязанности милиционера, зафиксированную документально в трудовом договоре (за исключением работников районных отделов милиции).

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что существует несколько основных причин, из-за которых милиционеры отправляются в командировки в Чечню: боязнь потерять работу (выполнение условий контракта), зарабатывание денег, проверка себя на прочность. Доминирующим является нежелание терять работу в случае отказа от поездки. А в последнее время, когда перестали выплачивать «боевые» в связи с тем, что «боевая» фаза в Чечне закончилась, мотив «зарабатывания денег» стал еще менее актуальным.

Профессиональная деятельность после командировок

В связи с тем что участие подразделений МВД в урегулировании конфликта в Чечне носит специфический характер и зачастую не соответствует тем обязанностям, которые выполняют милиционеры в рамках своей обычной профессиональной деятельности в регионе, возникает разрыв между профессиональными навыками, полученными милицией при работе в мирных условиях в местах постоянной дислокации, и обязанностями, которые приходится выполнять во время командировки в Чечню. «Как таковой оперской работой не занимался. А там с кем заниматься? Там, если кто-то тебе будет говорить, что там имел каких-то агентов, и вел какую-то агентурную работу – это бред си-вой кобылы. “чечены”... абсолютно информации никакой не давали»³⁰. «Когда мы там были, мы не выполняли свои прямые милицейские функции и обязанности... Гаишники у нас были – не работали по специальности (улыбается), в принципе и остальные...»³¹.

Командировка длится в лучшем случае три месяца, а чаще всего, полгода. При отрыве от профессиональной деятельности на три-шесть месяцев, а, учитывая периоды отпуска и реабилитации, на еще больший период (отпуск и реабилитация занимают – от 10 дней до 3-х месяцев), требуется восстановление профессиональных навыков. При этом, чем выше квалификация работника, тем тщательнее нужно подходить к профессиональной адаптации, ведь, чем дольше профессионал не занимается своей специфической деятельностью, тем больше времени и сил нужно, чтобы вернуть себе утраченные навыки, потерянные контакты, понять, что за это время появилось в работе нового, требующего дополнительного изучения.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Из интервью с бойцом ОМОНа (две командировки). Алтайский край.

²⁹ Из интервью с чиновником, имеющим многократный опыт командировок в Чечню. Алтайский край.

³⁰ Из интервью работника милиции (одна командировка). Алтайский край.

³¹ Из интервью с сотрудником милиции, имеющим многократный опыт командировок в Чечню. Алтайский край.

Но материалы исследования убедительно свидетельствуют, что программы по профессиональной адаптации фактически отсутствуют. На практике складывается ситуация, что милиционеры, вернувшиеся из «чеченской командировки», вынуждены без какой-либо помощи специалистов возвращаться к обычной работе в регионе. Т.е. процесс профессиональной реинтеграции происходит бесконтрольно и находится на периферии внимания внутри правоохранительных органов. «Что предпринимается, чтобы он быстрее влился в работу? – В принципе, на практике, так они выходят на работу, и все...»³² «Предусмотрены ли какие-то специальные программы, помогающие сотрудникам включиться в работу РОВД после возвращения из командировок? – Нет. На моей памяти – нет»³³.

Ветераны могут рассчитывать только на неформальную поддержку сослуживцев и своего близкого круга. Получается, что из-за отсутствия программ профессиональной адаптации возникает процесс депрофессионализации работы милиции, особенно наиболее квалифицированных кадров, требующих большего времени для специальной подготовки. «Причем, чем выше уровень профессиональной подготовки сотрудника, тем сложнее ему... пэпээсник, он что? Служба идет по уставу патрульно-постовой службы, у них регламент сильно не меняется. А в нашей, ежедневной работе: один приказ, второй приказ, нововведения, изменения в уголовно-процессуальном законодательстве и так далее... уголовном законодательстве, административном, естественно, ему, чтобы сразу войти, надо дополнительно почитать, посидеть, подумать. То есть ему на адаптацию, на то, чтобы структурно восстановиться, – времени уйдет значительно больше»³⁴.

МВД и чеченский конфликт

МВД и позиция по отношению к участию в конфликте

Если исходить из официальной точки зрения, что в Чечне происходит послевоенное восстановление и утверждение российского конституционного порядка, то миссией милиции (командированной из других регионов) должно быть: защита прав и законных интересов граждан Чечни, формирование в республике единого, как во всей России, правового поля, создание (восстановление) местных райотделов милиции, обучение местной милиции.

Практически все ветераны считают, что миссия милиции в Чечне очень важна. Обеспечение безопасности граждан и возвращение территории Чечни в правовое поле России необходимы как федеральной власти, так и жителям республики. Вот характерный ответ на вопрос, зачем милиция служит в Чечне: «Я так думаю, что все равно обеспечение безопасности граждан, я считаю так. Потому что боевики еще остались. Люди все равно понимают: если милиции там не будет – им будет сложно. Они боятся за свою жизнь еще до сих пор»³⁵.

Существует еще задача, которую обозначают респонденты как важную для выполнения милицией из регионов России. Это обучение местных кадров, которые после десятилетия войны в республике оказались полностью разукomплектованы и потеряли квалификацию, – требуются большие усилия для восстановления республиканских правоохранительных органов. Однако, осознавая, зачем они там нужны, многие респонденты плохо понимают, почему получаемый результат не соответствует целям. В частности, ветераны задаются вопросами, почему местные районные отделы милиции, формируемые из местных жителей, не в состоянии решать поставленные перед ними задачи, почему местная милиция ставит себя в подчиненное положение по отношению

³² Из интервью №1 с начальником РОВД. Алтайский край.

³³ Из интервью №2 с начальником РОВД. Алтайский край.

³⁴ Из интервью №1 с начальником РОВД. Алтайский край.

³⁵ Из интервью с сотрудником милиции, имеющим одну командировку в Чечню. Алтайский край.

к «кадыровцам» и откровенно боится их. Вот характерная цитата: «Местная милиция, в простых райотделах они, даже если кадыровцы приезжают, они сразу расходятся куда-то. Одни кадыровцы остаются»³⁶.

По мнению большинства опрошенных, местная милиция в основном занята извлечением всевозможных выгод из своего положения вместо того, чтобы восстанавливать правопорядок. «Вот участковый, с соседней деревни, так единственная работа его была, он придет на кольцо. Тут деревня, короче, а здесь перекресток дорог и все, вот он приезжает на это кольцо, соберет деньги с торговцев и уедет – вся работа. Ничего не напоминает? В деревню вообще боялся заходить»³⁷.

Местные милиционеры выполняют работу с «ленцой», в проверках «паспортного режима» не участвуют, как и не участвуют в задержании людей, подозреваемых в связях с боевиками или являющихся таковыми. «С ленцой они работают. Т.е. им надо несколько раз повторять, напоминать, вроде “я понял, но ты помоги”. Получается, практически за них все делаешь...»³⁸.

В чеченском обществе существуют свои представления о том, чем может и должна заниматься местная милиция. Эти представления оставляют милиции объем полномочий намного меньший, чем это принято в остальной России. «Они даже с нами приезжают, задерживают жулика, и они перед ним оправдываются, что это не мы, это вот они, вот это мы просто как местной милиции положено быть, а так это не мы»³⁹. Сложилась ситуация, когда функции местной милиции по установлению конституционного порядка явочным порядком выполняются командированными милиционерами. Особенно те функции, которые связаны с задержанием, проверкой паспортного режима, арестами. Чеченская милиция такие действия старается выполнять только вместе с российскими милиционерами, при этом всячески дистанцируясь от тех решений, которые не приветствуются местным населением. Стремление чеченских милиционеров соответствовать ожиданиям местных жителей от работы, в сущности, является ощутимым препятствием в деле становления и развития местных правоохранительных органов.

Пока на практике складывается ситуация, при которой местная милиция существует и работает формально, «для галочки», чтобы отчитаться «наверх». Реально же местная милиция не готова к выполнению задачи по установлению единого правового пространства на территории Чечни, реальной защиты прав граждан (особенно это видно при упоминании приезда «кадыровцев», когда местная милиция просто исчезает).

Надо отметить, что все без исключения ветераны особо отмечали деятельность бойцов из отрядов Р. Кадырова, так называемых кадыровцев. Большинство ветеранов возмущены ситуацией, которая сложилась с приходом к власти Р. Кадырова. С точки зрения опрошенных ветеранов, отряды Кадырова – это воинские подразделения, состоящие из бывших (помилованных / амнистированных) боевиков, которые считают себя полновластными хозяевами Чечни, а не структурой, призванной обеспечивать законность и порядок. В своих действиях отряды Кадырова исходят из своего понимания того, что является порядком, и методы, как правило, далеки от законных: «Приехали кадыровцы, привезли мужика. Он у нас в розыске числится по всем оперативным. Мы его задержали. А его привезли кадыровцы получить паспорт, потому что устроить к кадыровцам, чтобы как кадыровец был. Мы его задержали, но это прошло наверно минут семь, наше полностью все здание было окружено кадыровцами с гранатометами и все такое. Ну и, наверно, человек десять вовнутрь зашли, и вот такой вот получился очень большой инцидент. Но как там – до прокуратуры дело дошло. То есть все стояли до первого выстрела, и там не знаю, что бы было...»⁴⁰.

³⁶ Там же.

³⁷ Из интервью с сотрудником милиции, имеющим многократный опыт командировок в Чечню. Алтайский край.

³⁸ Там же.

³⁹ Из интервью с сотрудником милиции, имеющим многократный опыт командировок в Чечню. Алтайский край.

⁴⁰ Там же.

С точки зрения ветеранов, складывается парадоксальная ситуация. Федеральный центр, потративший огромные усилия, в том числе финансовые средства, на противодействие боевикам, сейчас кооптировал большую часть из них в нынешнюю политическую элиту Чечни. Сами ветераны воспринимают эту ситуацию почти как предательство. Ведь события в Чечне, свидетелями которых они являлись, обесмысливают смерть их товарищей. А тех, кто пережил смерть сослуживцев, подавляющее большинство: «...вот этот случай с С... произошел, и все, мы однозначно решили – больше мы никуда не поедем»⁴¹, «Ну почему наши должны ездить туда, калечиться и погибать, не понятно во имя чего...»⁴².

В интервью респондентами из числа ветеранов было рассказано немало случаев открытого и порой бесцеремонного нарушения закона «кадыровцами». Важно и другое. Внеправовые практики работы не получают должной оценки со стороны компетентных органов, наоборот, периодически сам Р. Кадыров в той или иной форме поощряется федеральной властью. Таким образом, принцип необратимости закона оборачивается своей противоположностью, формируя у ветеранов из числа региональных милиционеров скептическое отношение к закону и в целом к праву. Возвращаясь в регионы, многие ветераны пребывают в убеждении, что закон – часто пустая декорация, прикрывающая реально действующие правила.

На фоне неограниченной власти отрядов Кадырова еще более отчетливо видна несостоятельность чеченской милиции. Понимая важность милиции в установлении правового поля на территории Чеченской Республики, все опрошенные ветераны говорили о нереалистичности этой задачи, в том числе и потому, что правопорядок в Чечне устанавливается не силами правоохранительных органов, а так называемой службой безопасности Кадырова. Ветераны отмечали, что за прошедшее время в деле формирования местных райотделов милиции сделано чрезвычайно мало, а то, что уже сделано, не дает эффекта, не улучшает правовое положение в республике. Те громадные усилия, которые тратятся на восстановление местной милиции, не приводят к позитивным последствиям. Все сводится лишь к обоснованию ее существования.

Психологическая служба МВД

Психологическая служба в МВД все еще находится в стадии становления, хотя организована она на Алтае была 12 лет назад, в 1994 году.

Основной метод работы перед отправкой милиционеров в командировку – тестирование и работа на сплочение команды, хотя сами психологи говорят о необходимости больше времени и сил уделять психологической подготовке до командировки, чтобы меньше усилий требовалось прилагать после их возвращения. «Большинство психотравм, они будут “самортизированы”, или их удастся избежать при хорошей предварительной работе»⁴³.

За каждым психологом, в тех подразделениях, где он есть, закреплены ветераны чеченских командировок. Его задача контролировать состояние ветеранов: «... вот чеченская компания – тоже все мои. Вот у меня сейчас их 23 человека... Отдельно у меня не получается собирать, я стараюсь, когда провожу занятия ... Т.е. я даю элементы аутотренинга, чтобы себя как-то они поддерживали. Даю фитотерапию, чтобы как бы профилактика. Даю разрешение конфликтных ситуаций, потому что они все равно взъерошенные несколько приезжают, т.е. это повышенная раздражительность, ну, агрессивность не могу отметить, что высока, ну, раздражительность»⁴⁴.

Тем не менее из ответов респондентов видно, что качество работы психолога оставляет желать лучшего. Жены милиционеров с недоверием относятся к психологам,

⁴¹ Из интервью с женой бойца ОМОНа, имеющего несколько командировок в Чечню. Алтайский край.

⁴² Там же.

⁴³ Из интервью с психологом ГУВД. Алтайский край.

⁴⁴ Там же.

особенно к женщинам: «...ну это вообще смешная история. Во-первых, это женщина, женщина со странностями, и женщина работает в мужском коллективе. Это уже о чем-то говорит с такими вот сильными красивыми мужчинами. И не знаю, я с ней не знакома и знакомиться с ней не очень хочу. Нового психолога я там ... не знаю, тоже девчонка. Ну, в мужском коллективе не надо женщину»⁴⁵. Об этом же говорит и человек, который в свое время возглавлял в УВД края психологическую службу: «...мне не понятно и никогда не соглашалась с тем, что там работают практически одни женщины... там психологи одни женщины, которые не всегда высоки как профессионалы, а если на уровне, то не всегда (...) ведут себя достойно как женщины»⁴⁶.

При этом жены милиционеров выражают большую готовность получать квалифицированную психологическую помощь как для себя, так и для мужа. «Думаю, что полезна была бы психологическая помощь в условиях дневного стационара, какая-то групповая психологическая работа, понятно, что они приходят, этим живут (воспоминаниями о Чечне. – С.А.), и им хочется иногда об этом говорить, выговориться было просто необходимо тогда. Семью же берегут, не рассказывают. Надо выговориться и свести это на пройденный этап. Либо, я считаю, это должен был бы быть семейный отдых в санатории, где с ними бы тоже работали психологи, и семья бы поддерживала ровное душевное состояние»⁴⁷.

Сотрудники, отправляющиеся в командировку в Чечню, о работе психолога по адаптации в боевых условиях отзываются, мягко говоря, скептически: «Она, эта психология, ни о чем не говорит, абсолютно»⁴⁸, «...но все-таки психологически вас пытались подготовить в группе? – Только внутри группы – чтобы мы друг друга чувствовали, где это, что каждый тебе спину прикроет»⁴⁹.

Неэффективность психологической службы является закономерным следствием комплекса серьезных проблем, которые испытывает эта служба в крае.

В первую очередь нужно отметить, что технически служба оснащена слабо. «Ну, если что-то проводить, то бегаю, собираю, у кого телевизор, у кого видеомаягнитофон, так чтобы нам отдельно – у нас такого ничего нет. Вот только мой кабинет и все, поэтому очень сложно какую-то коррекцию проводить. Невозможно, поэтому очень тяжело. Компьютера тоже нет. Я, единственное, пользуюсь в кадрах, но и то только какая-то документация. Там бланки распечатать. А так, чтобы я человека посадила на какой-то тест – я не могу пользоваться. Поэтому у нас с этим сложно. Я поднимала этот вопрос, ну сказали, что будем надеяться, что что-нибудь получится»⁵⁰.

Материальное обеспечение службы находится на крайне низком уровне, что фактически не позволяет психологам профессионально заниматься своей деятельностью. Часто помещения, выделяемые психологу, неудобны и, что важно с точки зрения специфики работы психолога, плохо оборудованы звукоизоляцией. «Вы сами видите, что тяжело разговаривать, шумно, и здесь разговаривать, не каждый человек открывается, потому что знают, вдруг вот там услышат, кто-то вдруг стоит»⁵¹.

Такое положение говорит о реальном отношении к этой службе в МВД, о ее низком статусе и о формальном подходе к ее организации в подразделениях. Из этих высказываний очевидно, что условия и организация труда психологов не способствуют их качественной работе. Работа с милиционерами в таких условиях не позволяет сформироваться доверительным отношениям между психологом и обратившимся к его помощи – одно из главных условий эффективности психологической помощи.

⁴⁵ Из интервью жены милиционера. Алтайский край

⁴⁶ Из интервью с чиновником – три командировки в Чечню, в настоящий момент работает в системе реабилитации ветеранов боевых действий. Алтайский край.

⁴⁷ Из интервью с женой командированного в Чечню. Алтайский край.

⁴⁸ Из интервью с сотрудником милиции, имеющим многократный опыт командировок в Чечню. Алтайский край.

⁴⁹ Из интервью с милиционером, одна командировка в Чечню. Алтайский край.

⁵⁰ Из интервью с психологом РОВД. Алтайский край.

⁵¹ Там же.

На уровень доверия к психологам влияет и тот факт, что большинство специалистов, занимающих эти должности в службе, – психологи с малым опытом работы, по преимуществу молодые девушки. Подход к психологической службе, «который я никогда не понимала: почему эту службу делают игрушечной? В основном туда можно устроиться из каких-то отношений, т.е. это дочки чьи-то, дети чьи-то...»⁵².

Получается, что низкий статус службы позволяет вести довольно спорную кадровую политику и устраивать на работу людей, мягко говоря, не совсем готовых к такой работе. Но даже в такой ситуации остаются районные отделы, где психолога нет в принципе. «Так точно, психолога нет. У нас неукомплектована эта должность. Брали девушку, поработала немного и сказала: “Не мое...” – и ушла. Все. Больше не было желающих»⁵³. В условиях, когда есть штатная единица психолога, работать на этой должности желающих мало, тем более если не в городе, а в районе.

О низкой эффективности службы и сомнительном профессионализме ее специалистов говорят сами психологи. В частности, психологи отмечают неразвитость техник и технологий психологической реадaptации, недостаток своих знаний для работы с ветеранами чеченских командировок и их семьями.

«Ни одно профессиональное учебное заведение в системе МВД не готовит психологов, те, которые приходят в МВД, даже не медицинские психологи, а социальные, и их готовят работе с детьми, а они приходят работать со взрослыми мужиками. Второе, наша система по психологической службе никак не подпитывается и не финансируется по научной линии. Это тоже беда. Те опросники, которые существуют со времен “царя Гороха”, они конечно качественные, но научные исследования не поддерживает никто, может, в Москве где-то как-то, чтобы что-то как-то существовало. Но самое главное, медицинских психологов, военных психологов никто не готовит, вот оттуда бы и пошли мужчины, а не социальные психологи»⁵⁴.

Милиция в течение последних лет принимала участие фактически в боевых действиях, но в структуре МВД (а также в других силовых структурах) не «появилась» потребность в такой специальности, как психолог для силовых служб (военный психолог), не возникло необходимости провести исследовательскую работу по созданию качественных реабилитационных программ для психологических служб силовых структур. Прием на работу психологов с образованием «социальный психолог» также не способствует качественной работе психологической службы в системе МВД с теми, кто имеет опыт службы в «горячих точках».

В случаях, когда психологом работает грамотный специалист, ответственно подходящий к своим обязанностям, результаты его работы могут быть не востребованы. «... Мнение психолога ни о чем не говорит.... Она может так, слегка намеком, порекомендовать. Все решения принимаются командиром, т.е. от него все зависит. Она, девчонка, так то молодец, у нас была. То, что она выкупала людей, как кто себя ведет, т.е. рекомендовала, но он на это... И ему, кстати, еще предъявляла, командиру, что он неправильно наделал там то, там то и там то. Но он ее ставил конкретно перед фактом, ты или не будешь совать свой нос туда, куда не надо, или ты будешь уволена»⁵⁵.

Фактически на практике складывается ситуация, что профессиональный психолог не может на должном уровне осуществлять свои обязанности. В некоторых случаях добросовестность в работе психолога может приводить к конфликтам с милицейским руководством и заканчиваться увольнением. Работа психолога обесценивается давлением со стороны руководства.

⁵² Из интервью с государственным чиновником, занимающимся проблемами реабилитации работников силовых ведомств. Алтайский край.

⁵³ Из интервью с начальником РОВД. Алтайский край.

⁵⁴ Из интервью с чиновником – три командировки в Чечню, в настоящий момент работает в системе реабилитации ветеранов боевых действий. Алтайский край.

⁵⁵ Из интервью с сотрудником милиции, имеющим многократный опыт командировок в Чечню. Алтайский край.

Психологов рассматривают как рядовых сотрудников милиции, которым можно поручить выполнение рутинной милицейской работы. «Меня туда направляли как специалиста психолога по работе с личным составом, вот... Зам. по кадрам был, инспектор и я... Мы должны были выявлять лиц, склонных к чему-то там, обычно к деструктивному поведению. Но установка была сразу такая у начальника нашей оперативной группы, что я еще молод, толку с меня никакого как с психолога, вот, и привлекать меня к другой работе, а за этой следить, что да как делается»⁵⁶.

Позиция руководства снижает мотивацию психологов к профессиональному выполнению своих обязанностей, а иногда и граничит с унижительной. «Знаете, плохая установка была, если откровенно... тоже если какой-то человек в чем-то провинился, то сразу звали психолога, то есть меня, давали конкретные указания составить на него отрицательную характеристику и отправить домой. Но ведь так же нельзя»⁵⁷.

На демотивацию психологов работать в органах внутренних дел влияет действующее системное установление, ограничивающее возможности карьерного роста психологов в милиции. «... у нас вот звания низкие. Я уже полгода переходила. У меня сейчас старший лейтенант, а должно быть капитан. Но коли потолок, то в этом никто не заинтересован. У нас служба довольно-таки резко обновляется. Я, допустим, на совещания приезжаю, очень много новеньких и иногда в лицо не знаю, потому что девчонки сидят, сидят и куда-нибудь (уходят. – С.А.), чтобы звание получить повыше, побольше. Если я куда-нибудь не уйду – я так и буду, поэтому у меня сейчас у самой метания: с одной стороны работа нравится, а с другой стороны, все растут, даже те, кого я на работу принимала»⁵⁸.

Психологу в МВД за весь период службы не может быть присвоено звание выше старшего лейтенанта, а получить эту должность часто не представляется возможным из-за ограниченности этих должностей по штатному расписанию. Это приводит к тому, что люди с амбициями уходят либо в другие структуры, либо из специальности. Быстро осознавая предел своего карьерного роста, уходят лучшие, а места их занимают новички, которым придется вновь постигать азы работы с людьми, приобретшими опыт службы в боевых условиях.

Одной из наиболее серьезных проблем психологической службы является установленное на практике совмещение должности психолога подразделения с должностью инспектора по кадрам. Видимо, плохо осознавая значимость психологической службы, ее объединили с кадровой службой, «...не их ко мне присоединили, а меня. Мне надо что-то печатать, им надо приказы печатать, они начинают скулить. Там один компьютер. Я не могу сосредоточиться, проблему надо сформулировать, обрисовать, у тебя за спиной дышат, что им надо»⁵⁹.

Видимо, решение о совмещении принималось из расчета, что психолог сразу определит, может ли работник милиции в дальнейшем выполнять свои обязанности, а как кадровик примет решение о профессиональной судьбе этого человека. В результате и без того невысокое доверие к психологу еще более понизилось. Никто не готов рассказывать человеку, от которого зависит его дальнейшая служба, о своих психологических и иных проблемах. «У нас нет в отделе психолога. У нас роль психолога играет зам. по кадрам (улыбается)»⁶⁰; «Порой от психологов очень многое зависит, ведь они ставят последнюю закорючку в заключении, и, когда женские эмоции берут верх, они не всегда справедливы»⁶¹; «Ну, у них есть там психолог, она, наверное, с ними занимается... Она женщина, но в командировки с ними не ездит, наверное, поэтому... Когда они были в крайней командировке, она обходила семьи. Спрашивала, как там Женя, что пишет... Но

⁵⁶ Из интервью с работником милиции, бывшим психологом. Алтайский край.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Из интервью с психологом РОВД. Алтайский край.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Из интервью с начальником РОВД. Алтайский край.

⁶¹ Из интервью с государственным чиновником, Алтайский край.

наши к ней не очень хорошо относятся и предупредили нас, чтобы мы сильно перед ней не раскрывались»⁶².

Таким образом, сохраняется противоречие между необходимостью получения профессиональной психологической адаптации после стресса командировки и возможностью получения ее в современных условиях существования и развития психологической службы в МВД. Такое состояние не способствует повышению качества работы сотрудников милиции в деле охраны правопорядка и защиты прав граждан, когда даже их права оказываются не защищены. В настоящее время пока не видно шагов по снятию данного противоречия.

Программы подготовки к командировкам

В подготовке личного состава перед командировкой упор делается на боевую выучку, подготовку к службе в горах, на сплоченность в работе, на оказание медицинской помощи раненым, что, конечно, очень важно. «Перед командировкой очень сильно занимаемся тактическими всеми этими... Занятиями мы вообще круглосуточно занимаемся. А перед командировкой, да, уже только к командировке. Сейчас у нас идет каждый день занятия – мы на службе никакой работой не занимаемся, только каждый день занятия...»⁶³

Руководство милиционеров более скептически оценивает процесс и качество подготовки к командировкам в Чечню. Они опираются на тот опыт, который был ими приобретен в советское время:

«Чтобы нормально подготовиться – это полгода надо, как минимум, если так, по-нормальному, если должен быть специалист своего дела и службу проходить в “горячей точке”. Если я в свое время готовился, нас в Ашхабаде полгода в Каракумах гоняли. Там нас учили всему – и стрелять, и выживать, и даже в пустыне одну фляжку давали на сутки... Ну тут специфика немного другая, климат не тот... и задачи немного не те... В целом, она дает какие-то положительные элементы – эта подготовка. Люди, кто-то вообще с оружия не стрелял ни разу, ни с автомата, ни с пулемета. Они не знают, что такое “муха”, граната. А там при подготовке учат подрывное дело, показывают, какие мины, как они действуют, как ставятся, как люди подрываются и все. Дает, конечно, какой-то положительный момент, но понял так, что не имеется возможности провести подготовку в полном объеме, если капитально...»⁶⁴

Обращает на себя внимание тот факт, что в МВД и других силовых ведомствах наработан опыт подготовки отрядов для работы в «горячих точках». Причем этот опыт проверен временем и, с точки зрения опытных сотрудников органов внутренних дел, является верным и необходимым для дальнейшей эффективной реализации задач. Представляется, что при разработке программ подготовки милиционеров в Чечню этот опыт использовался не в полной мере и в первую очередь был сокращен период подготовки.

При этом стремление сократить время обучения на практике может оборачиваться потерями среди личного состава. Как прямо следует из цитаты (см. выше), многие милиционеры не умеют стрелять, не разбираются в подрывном деле. Между разными подразделениями отсутствует хорошая согласованность. «Ну пошли... они... брать дом, сказали омовцам приходить и брать. Этот чеченец выбежал, а фээсбэшники не сообщили ОМОНу, что один прорвался, и вот они из-за угла выходят, а тут их расстреливают (чеченец, который выбежал. – С.А.). фээсбэшники – “Мальчишки, извините, ну так получилось”. А человека нет. Вот к чему привела несогласованность»⁶⁵. «Когда, допустим, на

⁶² Из интервью с женой ветерана чеченской конфликта. Алтайский край.

⁶³ Из интервью с сотрудником милиции, имеющим многократный опыт командировок в Чечню. Алтайский край.

⁶⁴ Из интервью с начальником РОВД. Алтайский край.

⁶⁵ Из интервью с женой ветерана боевых действий. Алтайский край.

зачистку выезжают “федералы”, “ВВ-шники” и милиция на ночную зачистку, те на танках и БТРах, а мы – на УАЗиках, и все радиостанции на разных волнах работают (усмехнулся). Как хочешь, так и работай. Чуть не убили свои же»⁶⁶. Эти цитаты подтверждают то, что подготовка к командировке может и должна быть более качественной, необходимо уделять внимание не только огневой подготовке, но и отработке координации с другими подразделениями, несущими службу в Чечне.

Во время обучения милиционеров плохо готовят к работе в гражданской среде, которая имеет ряд отличительных особенностей и не похожа на алтайское общество. Эти знания милиционеры уже получают на месте, от более опытных сослуживцев. Очевидно, что поддержка товарищей необходима, и реальный опыт приобретается на практике, но это не может заменить институциональное и системное обучение.

Ниже представлены интересные фрагменты из интервью.

Интервью №1

«– А кто Вам помогал осваиваться в первой командировке в Чечне? Кто-то помогал?

– Ну, как там осваиваться? Да никто не помогал – все дружно приехали, все дружно живем».

Интервью №2

«– А вот в плане лекций. Рассказывали вам об обычаях чеченского народа? Знакомили с бытом?

– Нет. Так сильно не говорят. Вот люди, которые там пробыли, если я брал ...(названо имя), он три раза там был, он просто некоторые варианты там рассказывал, допустим, скажут, заходите чай попить, потому что там тоже принято не отказывать. Позвали – лучше зайти».

«– А психологи учили вас общаться с местным населением?

– Нет, нет. Я не знаю, но при мне такого не было».

Отсутствие знаний о культурных традициях, истории региона, в котором нужно будет работать, создает существенные препятствия для нормальной работы правоохранительных органов на территории Чечни. О проблеме дефицита знаний о современном чеченском обществе говорят сами ветераны: «Ну, эффективность (обучения. – С.А.), можно бы и получше, если бы больше практических занятий, потому что теория – это теория, а как попробуешь ручками и ножками да в голове примеришься – и тогда быстрее доходит. На лекциях народ спит, как правило. Сейчас упор, я считаю, надо делать на практические занятия, а лекции нужны по самому менталитету по самой Чечне, что там из себя представляют люди, по их взаимоотношениям друг с другом и с нами, потому что у них совсем другая культура и религия, они мусульмане. Мы о православии-то знаем не бог весть сколько, а там, про мусульман, сплошные стереотипы и темный лес. Вот этому моменту нужно больше уделять внимания»⁶⁷.

По сути, сотрудники милиции ощущают себя работающими на «оккупированной» территории «как бы мы находимся все равно в другой стране, это не наше все»⁶⁸. Методички, которые выдаются, отправляющимся в командировку, не могут заменить обучения со специалистом в области межэтнической и межрелигиозной коммуникации.

Как было замечено выше, основные знания о чеченском обществе прибывшие в командировку милиционеры получают в основном от своих же более опытных коллег. Этот опыт не всегда можно использовать, и не всегда он приводит к налаживанию нормальных отношений с местным населением, а, скорее, наоборот, передается опыт, как минимизировать контакты с жителями, чтобы не возникало конфликтных ситуаций. «...Да никто нам в принципе не помогал... сами понемножку. Вопрос: «А в начале беседы вы сказали, что старички жути нагоняли. Их советы мешали или помогали? Ответ: Ну прислушивались безусловно, они люди опытные, с боевыми наградами... но сейчас ду-

⁶⁶ Из интервью с действующим сотрудником милиции, одна командировка. Алтайский край.

⁶⁷ Из интервью с сотрудником милиции, одна командировка. Алтайский край.

⁶⁸ Из интервью с бойцом ОМОНа, две командировки в Чечню. Алтайский край.

маю, что дельного-то они ничего не сказали... То есть все сам, понемножку привыкаешь, сам себя настраиваешь, от этой жизни отвыкаешь... В принципе, я не знаю, но период адаптации у нас к той жизни проходил около месяца. Да, около месяца входишь в тот рабочий ритм...»⁶⁹

У побывавших в Чечне милиционеров имеются обоснованные сомнения по поводу качества подготовки к командировке. Это касается как военной, так и социальной программ. Нехватка знаний по работе с местным населением и знаний по работе в «боевых условиях наведения конституционного порядка» мешает и персональной адаптации к условиям работы в Чечне, и выполнению поставленных перед милицией в регионе задач.

Программы реабилитации

Большинство изученных персональных случаев прохождения программ реабилитации позволяет сделать вывод, что, как правило, программы реабилитации сводятся к 10-дневному санаторно-курортному отдыху.

Существующие программы реабилитации учитывают необходимость семейной реабилитации, но в минимальной степени. К семейной реабилитации можно отнести только законодательно предусмотренную возможность совместного отдыха ветерана и его жены после того, как ветеран возвращается из командировки. Но ее осуществление возможно только за счет привлечения личных средств ветеранов и семей: государство берет на себя часть расходов, остальное оплачивается семьей. «Вас с супругой отправили в санаторий?» – Да, но единственное, я за нее там заплатил, сам-то я бесплатно, а за супругу – проценты, и за ребенка, и за супругу»⁷⁰.

Необходимость вкладывать личные средства останавливает многих, хотя потребность в семейном отдыхе остается высокой. Большинство опрошенных жен ветеранов, а также сами ветераны, говорили о том, что отдых с семьей был бы ими очень востребован. «Желательно, конечно, чтобы семейная, потому что они и так наскукались, натосковались, чтобы, конечно же с семьей были, хотя бы хоть что-нибудь... я не знаю, санаторий тот же, ребенок бы учился и был рядом»⁷¹. На практике для многих ветеранов и их семей эта реабилитационная мера оказывается недоступной.

Программы реабилитации также подразумевают возможность получить трехмесячный отпуск, пройти психологическую и медицинскую реабилитацию. При этом медицинская и психологическая реабилитация может быть получена ветераном как стационарно, так и амбулаторно.

Результаты исследования зафиксировали, что в последнее время практически никто из ветеранов не получал в полной мере обязательный отпуск и не проходил медицинской и психологической реабилитации. Вот типичный ответ на вопрос о содержании реабилитационных мероприятий, в которых участвовал ветеран. «– Там, как бы дежурная программа у нас – санаторий там на 10 дней и все. – Что еще? – И все. – А диспансеризация? – Ну, вот оно – либо диспансеризация, либо санаторий»⁷².

Наиболее налаженным посткомандировочным отдыхом (который называется реабилитацией) является поездка в санаторий «Катунские Зори» для бойцов ОМОНа, которых посылают туда всей (или почти всей) группой после командировки. Причем на практике омоновцев отправляют в санаторий в обязательном порядке. У некоторых респондентов вопросы про реабилитацию вызывали легкое раздражение. «Как назначались программы реабилитации? – Я же говорю, мне ничего не назначали...»⁷³

⁶⁹ Из интервью с сотрудником милиции, одна командировка. Алтайский край.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Из интервью с женой милиционера, имеющего многократный опыт командировок. Алтайский край.

⁷² Из интервью с сотрудником милиции, имеющим многократный опыт командировок в Чечню. Алтайский край.

⁷³ Из интервью с бойцом ОМОНа, две командировки. Алтайский край.

Некоторые ветераны вообще не получили даже минимального набора услуг, который предусмотрен государством. «Ну не было у меня ничего. Я приехал в отпуск и все. У меня была такая мысль, думал, может, пригласят куда подлечиться в поликлинику или где-то с кем-то побеседовать, но даже... ничего. Дома отсыпался и все»⁷⁴.

На практике очень часто все ограничивается 10-дневным отдыхом в санатории, без жен (семьи), и в лучшем случае отпуском в течение месяца. «Бывали случаи, когда на следующий день после возвращения приходилось выходить на работу в отдел, так как «некому было работать»⁷⁵. Получается, что вопрос реабилитации и отдыха после командировки не является приоритетным для руководства. Это значит, что нет осознания необходимости прохождения реабилитации после продолжительной командировки. Приоритетом становится обеспечение любым способом, даже в ущерб качеству, бесперебойной работы подразделения.

Ни один ветеран, участвовавший в опросе, не сказал, что с ним проводилась психологическая или социальная реабилитация. «Как таковой системы первого периода посткомандировочного не отработана до сих пор... Вторая проблема... отдых с женами, семьями – это тоже проблема. Я просто уверена, что путевку нужно делить пополам, жена или ребенок обязательно должны присутствовать»⁷⁶.

Люди после «войны», экстремальных условий, сопряженных с длительной разлукой с родственниками и семьей, без какой-либо адаптации погружаются в среду, которая требует иного отношения, чем было принято в период командировки. Практически все переживают ситуацию, которую можно назвать стрессовой и из которой выходят, опираясь на свои силы и помощь ближайших родственников и в первую очередь жен. Это, конечно, не может заменить профессиональной реабилитации, потребность в которой осознается некоторыми ветеранами: «Вот реабилитационный процесс сам по себе, как вот я для самого себя, я сам себя реабилитировал – месяцев несколько, три-четыре месяца, как минимум. По первости мысли вообще были постоянно. Реагировал и напрягался, когда надо было выйти на улицу (смеется) как так – без оружия и бронежилета. Жена же психолог – она помогла»⁷⁷.

В связи с этим закономерны категоричные оценки существующей реабилитации. «Надо сразу всех поголовно лечить. Пока лечат – они к мирной жизни привыкнут. Реабилитацию делать обязательно для всех, и не для галочки, потому что чем дольше, тем сильнее меняется психика, однозначно. Сейчас вообще 10 суток полагается – это вообще беспредел к своим же людям»⁷⁸. Игнорирование со стороны МВД важности реабилитации расценивается ветеранами как очередное подтверждение потребительского отношения к милиционерам.

Таким образом, реабилитационных мероприятий явно недостаточно, а те, что существуют, не всегда доступны для ветеранов. Многие ветераны не скрывали своего удивления в ответ на вопросы, которые касались и положенного отпуска, и возможностей прохождения психологической/медицинской реабилитации. Это указывает на недостаток информирования ветеранов об их правах после возвращения из командировки. Например, из интервью известны случаи, когда реабилитация не предлагалась вовсе, а ветеран оставался в неведении относительно своих возможностей. Таким образом, на практике отсутствует ясный механизм доступа к действующим программам реабилитации, что приводит к избирательному подходу в предложении реабилитационных услуг.

Реабилитация исчерпывается отдыхом, иногда – медицинской помощью и совсем редко психологической поддержкой, доступными не всем ветеранам, а только их части.

⁷⁴ Из интервью с сотрудником милиции, имеющим многократный опыт командировок в Чечню. Алтайский край.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Из интервью с чиновником, имеющим три командировки в Чечню, в настоящий момент работает в системе реабилитации ветеранов боевых действий. Алтайский край.

⁷⁷ Из интервью с работником милиции, одна командировка. Алтайский край.

⁷⁸ Там же.

Такое положение дел является следствием того, что важность реабилитации работников милиции после командировки в зону «боевых действий» плохо осознана руководством МВД. Такое отношение к ветеранам «боевых» действий порождает недовольство внутри самой системы МВД и провоцирует конфликт между рядовым и командным составом: «Что не нравится... в данный момент, это отношение... отношение руководства к простым милиционерам... это абсолютно... не знаю, откуда это все пошло...»⁷⁹

Соответствующее отношение к побывавшим в Чечне милиционерам со стороны вышестоящего руководства, отсутствие для них общедоступных программ отдыха и реабилитации плохо влияют на психологический климат в среде работников милиции и, можно предположить, отрицательно сказываются на качестве работы милиции. Рекомендации, которые даются и психологами, и начальниками ОВД, сводятся к следующему: необходимо сократить срок командировок и увеличить время и объем усилий при подготовке к командировке: «Если мы будем работать на опережение, нам не придется потом так тотально напрягаться, чтобы всех реабилитировать или реадаптировать»;⁸⁰ «Если бы от вас зависело принятие решений, то что бы вы сделали в первую очередь? – Во-первых, срок командировки однозначно уменьшать надо – полгода – это очень много...»⁸¹

Рекомендаций, касающихся разработки полноценной программы реабилитации, со стороны милицейского начальства не прозвучало.

Оценки проблемы «чеченского синдрома»

Милицейское руководство, психологи МВД и сами ветераны по-разному оценивают последствия опыта, который получили милиционеры в командировках в зону боевых действий на Северном Кавказе.

Для начальников отделов милиции участие милиционеров в боевых действиях и постоянная практика командировок – не более чем служебная задача, для ветеранов – опыт, сопряженный с тяжелыми переживаниями, в том числе связанными с гибелью сослуживцев, и декларируемая рутинная обязанность, которой они не придают особого значения. С точки зрения психологов МВД, последствия командировок в Чечню и на Северный Кавказ являются источником проблем как для самой милиции, так и для ветеранов. В целом, материалы исследования позволяют сделать вывод, что на системном уровне проблема последствий «чеченского» опыта не осознана и точка зрения психологов пока еще остается маргинальной в МВД. Отсутствие должной проблематизации «чеченского» опыта приводит на практике к непродуманной политике МВД по отношению к реабилитации милиционеров.

* * *

Необходимость отправлять сотрудников органов внутренних дел в командировки оценивается руководством ОВД как обременительная задача. Каждые полгода отделы милиции работают, перераспределяя нагрузку между теми милиционерами, которые остаются на месте. Эта проблема – увеличение нагрузки при сохранении объема ресурсов – основная с точки зрения большинства опрошенных начальников ОВД. О последствиях опыта, приобретенного в Чечне, говорят, но не придают этому должного значения. Скорее наоборот, для окружающих декларируется надуманность проблемы. В некоторых случаях, руководители подразделений придерживаются точки зрения, что проблема развития у ветеранов посттравматического стрессового расстройства преувеличена: «С моей точки зрения, если честно говорить, она (проблема ПТСР. – С.А.) мне кажется слегонца раздутой...»;⁸² «Проблема эта действительно существует, но... Но, воз-

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Из интервью с психологом ГУВД. Алтайский край.

⁸¹ Из интервью с начальником РОВД. Алтайский край.

⁸² Из интервью с начальником РОВД. Алтайский край.

можно, не со всеми людьми. Кому-то на психику она действительно... сказывается... кто всю жизнь прожил в своей квартире и ходил только на работу в белых перчатках... вот... А потом увидел пот, грязь, кровь... Кому-то да, а кто-то к этому спокойно... Проблема как таковая есть, но может быть применима не ко всем слоям, которые там прошли службу»⁸³.

У психологов на этот счет иное мнение, подкрепленное общими данными по работе с «ветеранами Чечни». «Как вы считаете, есть ли основания говорить о развитии военного ПТСР у участников локального конфликта? – Ну, естественно, что бесследно это все не проходит, конечно... Иногда руководители, кстати, говорят, что у меня есть сотрудники, которые там по 4–5 командировок отъездили, они фактически здесь уже не могут нормально работать, у них интерес к работе здесь пропал... Человек вернулся с посттравматикой, и он ее не проработал. А если что-то не проработал, так и будешь на те же грабли наступать. Они обычно и едут и после первой, и после второй, но, тем не менее... А если все-таки более рациональное отношение к жизни, более осознанное, естественно человек делает для себя вывод, что находиться в тех условиях – это ненормально.... У многих до сих пор осталась привычка, они никогда не открывают двери прямо и не выходят, а делают это как на спецоперации... Рефлексы боевые остаются очень надолго...»⁸⁴

Фиксация психологами случаев с неснятой «посттравматикой» говорит как минимум о том, что такая проблема существует, и о том, что с ветеранами не была проведена в достаточном объеме работа по реадaptации после возвращения из командировки. Но, видимо, оценки психологов МВД не оказывают должного влияния на позиции муниципальной администрации и не в полной мере учитываются при разработке программ реабилитации.

При этом из интервью можно сделать вывод, что и психологи, и руководство придерживаются точки зрения, что для успешной реабилитации ветеранов необходим индивидуальный подход к выбору программ реабилитации: «Посттравматика – это удар по картине мира, если так уж обобщенно... рекомендации были бы... адресный и индивидуальный подход»;⁸⁵ «По проблемам реабилитации – не так всех под одну гребенку грести, а чисто индивидуальный подход»⁸⁶.

Индивидуализация подхода в реабилитации милиционеров пока остается недостижимым идеалом. Но для того, чтобы воплотить его на практике, необходимо перестраивать всю действующую систему реабилитации, разрабатывать новые программы, привлекать большое количество специалистов, которые будут работать с каждым милиционером и его семьей. В современных условиях, когда на уровне МВД проблеме последствий от командировок не придается должного значения, разработка таких программ невозможна.

Несформировавшийся запрос на развитие реабилитационных программ со стороны самих ветеранов придает уверенности в сохранении тех программ, которые действуют сейчас. Исследование позволяет сделать вывод, что ветераны не склонны задумываться о последствиях опыта, который они приобрели в Чечне. Единственное, что характерно для большинства опрошенных, – это изменение оценок к жизни вообще. «Стал больше ценить жизнь свою, своих близких» – наиболее распространенный ответ ветеранов. Своего рода это следствие изменений отношения к насилию, когда приходится в нем прямо или косвенно участвовать.

Это может быть следствием как психологической защиты и проявлением ПТСР (воспоминания и опыт вытесняются), так и тем, что командировки в Чечню продолжают оставаться частью современной служебной активности милиции и тем самым отсутству-

⁸³ Из интервью с начальником РОВД. Алтайский край.

⁸⁴ Из интервью с психологом ГУВД. Алтайский край.

⁸⁵ Из интервью с психологом РОВД. Алтайский край.

⁸⁶ Из интервью с начальником РОВД. Алтайский край.

ет необходимая временная дистанция для зрелого и трезвого взгляда на приобретенный опыт и его значение.

Большинство опрошенных милиционеров считают, что в их поведении не произошло никаких изменений после командировок. Соответственно, притязания милиционеров примитивны и ограничиваются потребностью в денежных выплатах и натуральной помощи от МВД.

Хотя ветеранам несвойственно подвергать анализу свой опыт командировок, тем не менее заслуживают безусловного внимания те немногие суждения, которые были высказаны некоторыми ветеранами во время интервью. Ветераны обозначили несколько проявлений опыта и его последствий.

Во-первых, ветераны осознавали, что в первое время они неадекватно реагировали на те или иные внешние проявления (звуки, отношение людей и пр.). Некоторые приводили примеры того, как принимали за звук разрывающегося снаряда посторонние звуки (хлопки), ловили взгляды друзей и родственников с немой вопросом «Ты в порядке?». Но никто не пытался разобраться, почему так происходит и как с этим быть дальше.

Во-вторых, некоторые ветераны отмечали, что, оставаясь в одиночестве, они невольно вспоминают свою службу в Чечне, в очередной раз проживают пережитое. Многие говорили о том, что в первое время после возвращения из командировок такие воспоминания не отпускали. «Когда один останешься, супруга там где-нибудь в магазин ушла или еще что-нибудь, длительный срок. Или по телевизору смотреть нечего – задумаешься, полежишь там что-нибудь, и все»⁸⁷.

В нескольких интервью ветераны говорят о появлении неприязненного отношения к «кавказцам»: «И бывает момент – это отношение к нерусским. Оно и так было какое-то не совсем, а после командировки я укрепился в своем негативном к ним отношении. Вообще ко всем нерусским. Расистом становлюсь, блин»⁸⁸. Обращает на себя внимание именно то, что сами ветераны понимают, что кавказофобия является результатом их службы в Чечне, а «расистом» быть плохо. При этом они не считают, что программы реабилитации должны им помочь справиться с предвзятостью в отношении «кавказцев». Такого рода пожеланий в отношении программ реабилитации не было высказано.

В целом, интервью с ветеранами в вопросах влияния командировок на их личность являются малоинформативными. Большой интерес представляет информация из интервью с женами ветеранов.

Жены ветеранов и их оценки «чеченского» опыта мужей

Жены ветеранов, которые приняли участие в опросе, практически все сказали, что их мужья стали больше ценить семью, жену, а жены, в свою очередь, своих мужей. Только вряд ли они хотели бы, чтобы осознание ценности близких происходило благодаря такого рода командировкам.

Основная проблема, которая беспокоит жен, – это длительность и частота командировок. В каждом интервью жены поднимали вопрос о длительности командировок (и три месяца, и тем более шесть месяцев, с их точки зрения, много): «Три-то месяца – очень долго – время просто тянется, а уж полгода – просто ужас»⁸⁹, «... три месяца – не шесть, не полгода. Не знаю, все равно кажется, что это много»⁹⁰, «Врачи

⁸⁷ Из интервью с бойцом ОМОНа, многократный опыт командировок. Алтайский край.

⁸⁸ Из интервью с сотрудником милиции, одна командировка. Алтайский край.

⁸⁹ Из интервью с женой ветерана боевых действий. Алтайский край.

⁹⁰ Там же.

давно высчитали оптимальный срок и доказали, что предел – это 45 суток, потом уже начинает организм вырабатывать все запасы»⁹¹.

Помимо чересчур продолжительного срока командировки, жены высказывают неудовлетворение действующими программами реабилитации и той реальной реабилитационной помощью, которая предоставляется ветеранам. Они однозначно заявляют о необходимости нормальной реабилитации, при этом подчеркивают, что реабилитация должна быть семейной. В соответствии с нормативными актами, путевка в санаторий предоставляется бесплатно ветерану один раз в год, а жене необходимо заплатить 50% стоимости путевки, при этом возможность приобрести путевку для жены за полцены имеется только один раз в два года. Из опрошенных интервьюерами семей только две (20%) смогли воспользоваться такой возможностью. Причем в обоих случаях это была личная инициатива самих работников милиции, которые слышали от своих знакомых, что это возможно, а их жены «подсутились» (по рекомендациям мужей), когда мужья были в командировках.

Отдельно необходимо сказать об информационном дефиците, который испытывают жены ветеранов во время отсутствия мужа. Большинство опрошенных жен жаловались на плохую коммуникацию с мужьями, когда они в командировке: «...как можно разговаривать с человеком по 4 минуты, с человеком, которого не видишь месяцами уже. Да что у нас – совсем нищее государство»⁹², «... он уехал на 40 дней в командировку, и все письма писали друг другу... Телефона тогда не было, не звонили друг другу... Телефон это уже в самые крайние командировки был, в предпоследнюю и последнюю, а до этого – нет»⁹³.

В оценке последствий командировок жены ветеранов были сдержанны, но все равно проявлялась обеспокоенность наличием «чеченского» опыта в повседневной жизни.

Жены милиционеров отмечали, что их мужья иногда «уходят в себя» или стараются уединиться, чтобы побыть со своими «мыслями». По мнению большинства жен, стремление к самоизоляции было характерно для ветеранов особенно в первое время после командировки.

Мужья стали чаще собираться компанией, которая была в командировке. В таких компаниях они стараются общаться без жен. «А часто ли вы встречаетесь с семьями сослуживцев мужа из Чечни? – Да. Часто. Поддерживаем отношения. У нас четыре семьи – вот костяк»⁹⁴. Это своего рода психологическая разгрузка и способ возвращения в мирную жизнь в условиях, когда психологическая служба эту задачу не выполняет.

Семьи ветеранов плохо информированы о работе психолога. Из-за фактического отсутствия информации жены затрудняются как-либо оценить работу психологической службы. Но согласие с тем, что такая служба должна быть и работать с ветеранами предопределяют общие негативные оценки работы психологов МВД. На вопрос об отношении к работе психологов, часто можно было услышать ответ: «Я вообще не знаю, что она там делает...» Т.е. отсутствие личного опыта работы с психологом само по себе воспринимается как показатель неэффективности психологической службы МВД.

В то же время жены ветеранов считают, что психологическая помощь необходима, но для этого она должна быть профессиональной настолько, чтобы вызывать доверие к уровню компетенции и гарантиям конфиденциальности: «Как вы считаете, психолог должен работать с семьей во время командировки? – С серьезным психологом я бы работала. – А вообще как вы относитесь к работе психологов? – – А вы бы хотели принимать помощь психолога время от времени? – Да»⁹⁵.

Для повышения эффективности работы психологической службы жены считают важным придать ей независимый или самостоятельный статус в системе МВД: «Я думаю,

⁹¹ Из интервью с чиновником, три командировки в Чечню, в настоящий момент работает в системе реабилитации ветеранов боевых действий. Алтайский край.

⁹² Из интервью с женой ветерана боевых действий. Алтайский край.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же.

все-таки гражданский. С ним проще разговаривать, лично мне например, больше доверия, что не пойдет и не доложит по инстанциям, чтобы это не повредило мужу случайно... Думаю, что гражданский лучше»⁹⁶.

Еще одним условием повышения эффективности психологической службы является приглашение на службу опытных психологов, знающих специфику чеченских командировок. «Я считаю, что это должен быть какой-то специализированный, если вот конкретно касаться вопросов о Чечне. Какой-то специалист, знающий эти проблемы, может быть, и из МВД. Возможно, просто гражданский не знает, что там и как там с чем связано, должен специализироваться человек на этом вопросе»⁹⁷.

Однако в реальной жизни жены ветеранов, осознавая необходимость реабилитации для своих мужей, надеются только на собственные силы. Типичный ответ жены ветерана – «рассчитываю только на себя и на ближайших друзей» (в основном это семьи таких же ветеранов. – С.А.).

* * *

Информация интервью показывает, что психологическая реабилитация работает в системе силовых органов неэффективно. Оставляя человека наедине со своими проблемами, система усугубляет развитие последствий так называемого «чеченского синдрома». «Знаю трагичную историю..., он воевал в первый период второй Чечни, он побывал в жестких достаточно ситуациях, получил тяжелое ранение. Ну... и, как всегда, система начинает работать. Он долго был на бюллетене, психологи начинают работать и, естественно, они пишут заявления не всегда профессионально грамотные и ему предлагают перейти в другую службу, через некоторое время по состоянию здоровья он увольняется, и покончил жизнь самоубийством... С другой стороны, я понимаю систему – там нужно работать, но с другой стороны, они усугубили, предлагая ему перейти работать на другую службу»⁹⁸.

Участие ОМОНа в разгоне шествий и демонстраций в Москве, Петербурге и Нижнем Новгороде весной 2007 года, та жестокость, с которой это происходило, наводит на мысль, что у многих работников милиции уже отсутствуют барьеры применения насилия против простых граждан. Есть основания полагать, что это результат участия в боевых действиях в Чечне. Вот цитата из интернет-блога очевидца событий: «...прапорщик мрачно зыркнул и напоследок выдал фразу: "Таких, как вы, мы в Чечне..."»⁹⁹

Общий вывод можно сформулировать так: посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) у милиционеров, возвращающихся из командировок, зафиксировано психологами, но его проявление в каждом конкретном случае индивидуально. Число этих проявлений в открытой форме пока минимально, и поэтому ситуация руководством воспринимается пока как не критичная. В системе МВД отсутствуют четкие утвержденные программы по преодолению последствий опыта командировок в зону боевых действий.

Частная жизнь ветеранов после конфликта

Большая часть респондентов в своей семейной жизни испытывают одни и те же сложности. Основные проблемы: необустроенность, проблемы с жильем, финансовые проблемы. Опрос одного из социологических центров выявил, что около 40% ветеранов Чечни испытывают материальные затруднения¹⁰⁰.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Из интервью с женой ветерана боевых действий. Алтайский край.

⁹⁸ Из интервью с чиновником, три командировки в Чечню, в настоящий момент работает в системе реабилитации ветеранов боевых действий. Алтайский край.

⁹⁹ http://users.livejournal.com/marchcat_/247331.html

¹⁰⁰ «Алтайская правда» от 26 июня 2006 г.

На содействие со стороны МВД в решении проблем ветераны не рассчитывают. «Власть что-то может сделать для участников конфликта? – Я считаю, что они могли бы что-то сделать, но они просто не хотят. Это же должны какие-то средства на это тратиться, какие-то усилия прикладываться. Во-первых, они не должны судиться за свои боевые. Должны помогать с различными ипотеками, все, что могло поддержать, должны быть организованы встречи»¹⁰¹.

После командировки многие респонденты говорят, что для них повысилась ценность семьи и семейных отношений. А те, кто был неженат, повысили свои требования к будущей супруге. «Это проявляется в требованиях к жене, к семейным отношениям, может быть, чуть завышенные требования к любви. Мальчишки, которые уходят туда не женатыми, потом очень долго ищут себе вторую половинку. Потому что эти завышенные требования, в принципе, они, может быть, нормальные, но здесь у нас общество другое, здесь на гражданке нам этого не понять, это требование к человеку отдавать всего себя. В дружбе тоже. Если вы поговорите с омовскими женами с первой, второй кампании, зная многих омовских девчонок, я говорю: "Им нужно ставить памятники, и не простые, а золотые"»¹⁰².

После командировки очень многие начинают общаться преимущественно со своими коллегами по командировке, тем самым процесс социализации, возвращения к обычной жизни, усложняется за счет того, что ветераны сужают поле своих социальных взаимодействий. Бывшие в командировках люди объединяются по критерию общего дела, и как бы замыкаются в своем маленьком узком мирке.

Такой социальной изоляции в большой степени способствует дефицит свободного времени у работников милиции. Обычным для милиционеров делом является работа по выходным, большое количество дежурств. «Свободного времени мало, у мужа если один выходной в неделю – это хорошо»¹⁰³. Очевидно, что время, потраченное на служебные обязанности, на работу «отнимается» от семьи. В конечном счете задачам службы подчиняется все остальное, что негативно сказывается на отношениях внутри семьи и приводит к ситуации, когда частная жизнь либо сводится к служебной, либо исчерпывается отдыхом, элементарным восстановлением сил. Такое положение не способствует укреплению семьи и эффективной социальной реадaptации.

Общество и ветераны Чечни

«То, что мы видим, слышим на телевидении, я не боюсь этого говорить, лишь 10% всего происходящего в Чечне. В Ханкале работают сотрудники спецслужб трех ведомств – милиции, ФСБ, военного, и у всех приказы, установки и распоряжения показывают не то, что происходит на самом деле, а только то, как идет строительство мирной жизни. Такие же жесткие требования и к государственным телеканалам...» – эти слова одного из респондентов, сказанные в интервью местной газете¹⁰⁴, могут быть ярким обобщением того, как воспринимается ход чеченского конфликта людьми, которые там были в командировке не один раз. Этот респондент был в Чечне как минимум четыре раза, работая в свое время в системе МВД и отвечая за информационное сопровождение. Для того чтобы информация о конфликте и ветеранах Чечни была доступной, необходимо хотя бы иметь своего корреспондента в зоне конфликта, а региональные СМИ их не имеют: «... то, что сейчас нет материалов в газетах, то это вполне естественно: ни одно издание Алтайского края, кроме «Свободного курса», никогда своего корреспондента там не имело»¹⁰⁵.

¹⁰¹ Из интервью с женой ветерана чеченского конфликта. Алтайский край.

¹⁰² Из интервью с чиновником, три командировки в Чечню, в настоящий момент работает в системе реабилитации ветеранов боевых действий. Алтайский край.

¹⁰³ Из интервью с женой ветерана боевых действий. Алтайский край.

¹⁰⁴ «Алтайская правда» от 1 июня 2001 года.

¹⁰⁵ Из интервью с журналистом регионального издания. Алтайский край.

У общества мало информации для адекватной оценки последствий как самого чеченского конфликта (от «войны» до наведения «конституционного порядка»), так и последствий участия в ней работников милиции. В частности, этим можно объяснить пассивность, неучастие граждан в судьбе ветеранов, слабый интерес со стороны СМИ к этой теме. Рост ксенофобии, разочарование деятельностью (бездеятельностью) власти, в первую очередь федеральной, где принималось решение посылать туда российские войска и милицию, и непонимание, почему так долго не могут навести порядок в маленькой республике, пока не выливаются в какие-либо действия ни граждан, ни ветеранов чеченского конфликта в Алтайском крае.

Вакуум достоверной информации приводит к искаженной оценке причин и хода конфликта, к попытке искать простые решения в сложных ситуациях. Последние события в «далекой» Кондопоге, где граждане пассивно поддерживали погромщиков и активно выступили за выселение чеченцев, можно назвать одной из «первых ласточек» публичного проявления вялотекущих процессов поиска простого решения «чеченской» проблемы.

По материалам контент-анализа региональных СМИ, за пять лет – с 2001 по 2005 год в трех основных печатных изданиях Алтайского края – «Алтайская правда», «Свободный курс», «Вечерний Барнаул» – было всего 40 содержательных материалов с упоминанием «чеченской» темы. Из них более половины (54 %) – это маленькие заметки, треть – это небольшая статья и всего 13% (пять публикаций) полновесных материалов. Это за пять лет непрекращающихся «боевых» действий. Распределение материалов по годам показывает приблизительно равное внимание СМИ к этой теме. В среднем – это 8,5 материала в год. Для столь сложной темы это катастрофически мало. Для того чтобы понимать суть происходящего, информации крайне недостаточно. А если еще учитывать, что силовым службам не очень хочется быть открытыми в информационном плане, то ситуация с освещением конфликта становится еще более плачевной.

Таким образом, бедность освещения в медийном пространстве чеченского конфликта и участия региональной милиции в его урегулировании, жизни ветеранов и их семей не позволяет обществу реалистично оценивать ситуацию, не дает возможности оценить последствия командировок в Чечню местной милиции и понять, что происходит с милиционерами, прошедшими войну и вернувшимися к мирной жизни.

Положение ветеранов конфликта в регионах России

Анализ интервью респондентов показал, что социальные проблемы, с которыми сталкиваются ветераны чеченского кризиса, очень схожи.

Во-первых, это выплата «боевых». Для ветеранов характерны постоянные и затяжные суды с властью за получение «боевых». Многие отмечают, что перед отправкой в командировку их заставляют подписывать бумагу, что они не будут подавать в суд, если у них будут проблемы с выплатами «боевых»: «... генерал конкретно указал, нам даже на планерке сказали, кто подаст в суд – сразу увольняют»¹⁰⁶. Однако даже угроза увольнения не останавливает ветеранов от защиты своих интересов в суде: «... а теперь мы судимся с командиром ОМОНа. Потому что мы с ним контракт заключаем. Раньше мы заключали контракт с ГУВД, поэтому и судились с ГУВД, сейчас заключаем контракт с командиром ОМОНа, мы сейчас судимся с командиром ОМОНа. Я уже высудил»¹⁰⁷.

«Ну, с боевыми – это через суд... Вот за 2004 год – как весной приехал, все эти бумажки, все это подбить, деньги я получил только в декабре прошлого года. Это за первую командировку. А за вторую до сих пор еще не получил. Все через суд»¹⁰⁸.

¹⁰⁶ Из интервью с бывшим работником милиции, одна командировка. Алтайский край.

¹⁰⁷ Из интервью с бойцом ОМОНа, две командировки. Алтайский край.

¹⁰⁸ Из интервью с бойцом ОМОНа, две командировки. Алтайский край.

Во-вторых, необходимо в приоритетном порядке искать решение проблем с получением адекватной реабилитации и полагающегося отдыха. «Там, как бы дежурная программа у нас – санаторий там на 10 дней, и все... либо диспансеризация либо санаторий»¹⁰⁹, «... у меня никакой реабилитационной программы не было вообще»¹¹⁰.

Ветераны также не могут решить проблемы, связанные с бытовыми условиями жизни. Большинство ветеранов снимают жилье: «... если по нашему отряду взять – больше половины у нас снимает жилье. Т.е. все из деревни. Т.е. все практически половину зарплаты отдают за жилье»¹¹¹.

Основную озабоченность вызывает судьба ветеранов, получивших ранение и подлежащих увольнению из органов. Эта перспектива сразу выводит их на грань нищенского существования из-за крайне низкой пенсии по инвалидности и невозможности устроиться на работу в связи с полученными ранениями. В настоящее время ранения, полученные в Чечне, не считаются боевыми, так как «военные действия в республике завершились». К сожалению, общественные организации, созданные ветеранами чеченского конфликта, не могут или не хотят решать общие проблемы, в том числе и на законодательном уровне, а занимаются решением локальных вопросов. Из-за этого в среде «чеченцев» они практически не пользуются авторитетом, о них мало знают и к их помощи практически не обращаются: «... что касается “чеченцев”, то у них все как-то более импульсивно, да и сам этот руководитель (...) забыла как его фамилия (...) у него у самого, видимо, какие-то проблемы с психикой»¹¹².

Основная поддержка «ветеранам Чечни» оказывается семьями, женами и своими же сослуживцами, теми, кто сам имеет «боевой» опыт. «С работы мужа? Помощи? Ой, о чем вы? Не-а, не чувствуется с их стороны помощи... У нас один друг был... с самого детства, вместе в клуб ходили, вместе в армии служили, потом в милиции и ОМОНе... самый лучший... Саша... которого сейчас нет... С женой его поддерживаем тесные отношения, она даже к нам поближе переехала... встречаемся, помогаем, как можем... С другими сослуживцами мужа тоже периодически встречаемся»;¹¹³ «Поддерживаем отношения (семьями таких же ветеранов Чечни. – С.А.). У нас четыре семьи – вот костяк (очень уверенно)»;¹¹⁴ «У нас все друзья в основном омовцы»¹¹⁵. Происходит консолидация по признаку совместного участия в командировках – это помогает им отстаивать свои права в судах, подавая коллективно иски, нанимая общего адвоката, и собирая деньги для его работы.

С другой стороны происходит рост недоверия к властным структурам, к закону в целом: «...нужно заставить работать те законы, которые есть. Закон «О ветеранах» весьма хороший, скажем так, но они же не работают. Тот же закон о милиции – он ведь тоже не работает, как надо»¹¹⁶, особенно в связи с тем, что происходит его нарушение теми, кто принимал решение об отправке их в командировку, теми, кто и должен следить за законностью и порядком: «А что расстраивает? Так это наше государство, его отношение к людям как к последним сукам. Хотя мы считаемся представителями государства, властью, но отношение к нам со стороны государства как к последним сволочам...»;¹¹⁷ «... надо сразу всех поголовно лечить. Пока лечат – они к мирной жизни привыкнут. Реабилитацию делать обязательно для всех, и не для галочки, потому что, чем дольше, тем сильнее меняется психика, однозначно. Сейчас вообще 10 суток пола-

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Из интервью с сотрудником милиции, одна командировка. Алтайский край.

¹¹¹ Из интервью с бойцом ОМОНа, две командировки. Алтайский край.

¹¹² Из интервью с журналистом регионального издания. Алтайский край.

¹¹³ Из интервью с женой милиционера, имеющего многократный опыт командировок. Алтайский край.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Из интервью с сотрудником милиции, имеющего многократный опыт командировок. Алтайский край.

гается – это вообще беспредел к своим же людям»; «Нанимают адвоката, по 500 рублей с человека. Вот эти 120 000 высуживает где-то полгода»¹¹⁸.

В среде побывавших в Чечне накапливаются негативные последствия участия милиции в боевых действиях, а общество отказывается видеть в этом проблему («Нужно знать правду об этой войне, ее нет, вот и все, все замкнулось»)¹¹⁹. Это становится одним из важнейших препятствий для решения профессиональных, социальных, психологических проблем возвращающихся из командировок милиционеров, для нормального выполнения ими задач обеспечения правопорядка в мирное время.

¹¹⁸ Из интервью с женой бойца ОМОНа, имеющего многократный опыт командировок. Алтайский край.

¹¹⁹ Из интервью с чиновником, три командировки в Чечню, в настоящий момент работает в системе реабилитации ветеранов боевых действий. Алтайский край.

Участие сотрудников милиции в Чеченском конфликте и их социальная адаптация в Нижегородской области

Елена Софронова, Олег Хабибрахманов,
Комитет против пыток (Нижегородская область)

Записка подготовлена на основе исследования, проведенного в Нижегородской области в рамках проекта «Привлечение общественного внимания к Чеченскому конфликту через призму проблем социальной адаптации и профессиональной деятельности ветеранов».

Проект реализован Центром «Демос» (Москва) совместно с партнерскими организациями из пяти регионов страны.

В Нижегородской области были опрошены участники конфликта и их жены, руководители отделов внутренних дел, специалисты по реабилитации, психологи МВД, лидеры общественных организаций, объединяющих ветеранов вооруженных конфликтов.

В интересующем нас аспекте были проанализированы официальные документы и сообщения региональных СМИ. Всего было опрошено 13 человек и изучен 21 материал СМИ.

Милиция и конфликт в Чечне

Сотрудники Главного управления внутренних дел (ГУВД) Нижегородской области, а также Волго-Вятского регионального управления по борьбе с организованной преступностью (РУБОП) стали принимать регулярное участие в Чеченском конфликте с 1999 года – начала так называемой «второй чеченской кампании».

Однако сначала нижегородские милиционеры попали не в Чечню, а в Дагестан. В августе 1999 года в связи с событиями в этой республике в Дагестан были направлены сотрудники специального отряда быстрого реагирования (СОБР) Волго-Вятского РУБОП.

Затем, по мере активизации незаконных вооруженных формирований в Чечне и переноса в нее боевых действий федеральных сил, милиционеров стали отправлять в командировки непосредственно в Чечню. Из сотрудников районных отделов внутренних дел (РОВД) формировался сводный отряд милиции (СОМ), который и направлялся в Чеченскую Республику.

В Чечне из командированных стали организовывать временные отделы внутренних дел (ВОВД), комплектовать которые должны были закрепленные за этими районами органы внутренних дел субъектов Российской Федерации.

Милиционеры из районных отделов внутренних дел Нижегородской области находились на территории Чеченской Республики в составе временного отдела внутренних дел Гудермесского района. В их обязанности входило осуществление патрульно-постовой службы, проверки соблюдения паспортно-визового режима и выдачи паспортов населению, раскрытие, пресечение и предупреждение преступлений и административных правонарушений. Они также охраняли пункты своего временного размещения и здания ВОВД. Сотрудники милиции привлекались к проведению специальных операций и неоднократно участвовали в боевых действиях (особенно в начале кампании). За пределами боевых операций милиционеры выполняли в основном те же функции, что и в Нижегородской области.

Руководство ВОВД назначалось из числа руководящих сотрудников аппарата ГУВД Нижегородской области и руководителей районных отделов. Для оказания материально-технической помощи и решения организационных вопросов в республику постоянно командировали руководителей иных служб ГУВД Нижегородской области.

Наряду с сотрудниками органов внутренних дел, в Чечню в составе Мобильных отрядов МВД РФ направлялись бойцы специальных подразделений (СОБР, ОМОН). Они выполняли задачи в соответствии со спецификой своих подразделений. ОМОН и СОБР размещались отдельно от сотрудников ВОВД и в основном участвовали в силовых операциях: проводили «зачистки», адресные проверки, задерживали и уничтожали боевиков, несли службу на блок-постах и контрольно-пропускных пунктах. В начале второй кампании сотрудники ОМОНа нередко принимали участие в боевых действиях, совместно с подразделениями внутренних войск МВД и Минобороны России.

С течением времени сроки командировок увеличивались. В 1999 году сотрудников милиции отправляли в Чечню на один месяц, затем – на два. В феврале 2000 года срок командировок был увеличен до трех месяцев, а в 2002 году – до шести. Решение об увеличении сроков командировок было принято на федеральном уровне. Оно получило негативную оценку со стороны регионального ГУВД и рядовых сотрудников милиции.

На момент написания данной записки временный отдел внутренних дел Гудермесского района расформирован. На его базе организован отдел милиции с постоянным личным составом, сформированный в основном из местных жителей. Необходимость направлять в служебные командировки сотрудников милиции ГУВД Нижегородской области отпала. Однако сотрудники специальных подразделений (ОМОН, СОБР) продолжают ездить в Чечню. При этом случаи направления в командировки сотрудников из районных отделов внутренних дел стали единичными.

Таким образом, активная стадия участия милиционеров в разрешении Чеченского конфликта закончилась, для решения боевых задач привлекаются силы специальных подразделений. Число командированных омонцев и собровцев не сокращается. Их направляют примерно в таком же количестве, что и в период активных боевых действий.

За отличия в службе на территории Чеченской Республики многие сотрудники Нижегородского ГУВД награждены ведомственными и государственными наградами, поощрены досрочным присвоением специальных званий.

В Чечне погибло несколько нижегородских милиционеров. Некоторые получили ранения и контузии. Дать общую оценку потерь мы, к сожалению, не можем. Официальная информация об убитых, раненых и умерших от ранений в СМИ не приводилась. Упоминания о потерях есть лишь в трех статьях.

Похоже, что власти не заинтересованы в предоставлении обществу точных данных о потерях в Чечне. На это указывают и ответы милиционеров, ветеранов Чеченского конфликта, на наши вопросы.

Некоторые респонденты говорили о том, что в реальности погибших было намного больше, чем сообщали центральные телеканалы. Вот слова сотрудника ОМОНа о первой кампании: «Говорю, сколько их всего?...Сколько лежит? Говорит, не знаю. Ну, тысяча есть? Говорит, поменьше. Ну, 900, 950. И еще стояло пять вагонов-рефрижераторов. Простые нормальные русские рефрижераторы, забитые нашими бойцами. И там, рядом еще с палатками в целлофановых пакетах лежали. Спросил, 950 – в палатках, а в вагонах? Отвечает, примерно столько же. А еще рядом там лежат в целлофане. А через три-четыре дня приехал в Нижний, в телевизоре говорят – погибло 200-250 человек. Мне это запомнилось. 200-250 человек»¹. Рассказ милиционера о второй кампании: «Сводки передавали точно, все сводки шли. А смотришь по телевизору – допустим, вот, погибло, там, сегодня два человека, хотя мы лично на две заявки выезжали – шесть человек было в этот день»². Такие очевидные для милиционеров факты занижения числа потерь подрывали веру милиционеров в справедливость.

Официальная статистика, сознательно занижающая количество людских жертв и оскорбляющая тем самым ветеранов Чечни, является не единственной «оплошностью» власти.

¹ Из интервью с бывшим бойцом ОМОНа, сейчас сотрудником ГИБДД, имеющим многократный опыт командировок. Нижегородская область.

² Из интервью с действующим сотрудником милиции, имеющим многократный опыт командировок. Нижегородская область.

Из материалов интервью следует, что большинство побывавших в Чечне милиционеров нуждается в помощи со стороны государства для нормального «возвращения» в мирную жизнь – мероприятиях по адаптации и социальной реабилитации. Семьи погибших и раненых сотрудников МВД также нуждаются в государственной поддержке.

Как удалось выяснить, руководство ГУВД признает необходимость проведения реабилитационных мероприятий и придает важное значение разработке и проведению программы реабилитации для ветеранов.

Однако проблемы по реабилитации решаются плохо. Более того, существуют и другие «кричащие» проблемы. Так, многим ветеранам Чечни не выплачены так называемые «командировочные» – деньги, которые положены им по закону. Чтобы получить их, некоторым ветеранам приходится обращаться в суд. Имеются случаи, когда ГУВД не выполняло взятые на себя обязательства бесплатно обучать побывавших в Чечне сотрудников в вузах. ГУВД не всегда выполняет обещания ветеранам Чечни и о внеочередных повышениях им званий. Некоторым милиционерам с трудом удалось добиться даже ветеранского статуса. Для получения удостоверения ветерана им самим пришлось собирать все необходимые документы. А те, кто был в Чечне после 2003 года, вообще не были признаны ветеранами боевых действий и так называемые «боевые» им не были начислены вовсе.

Материалы проведенного нами исследования позволяют сделать вывод о том, что сложилась противоречивая бюрократическая практика, приводящая к несправедливости в отношении ветеранов Чеченского конфликта, неисполнению действующих нормативно-правовых актов, предусматривающих необходимость государственной поддержки для участников боевых действий. (Как указывают специалисты Отдела по психологической работе ГУВД Нижегородской области³, это приводит, в частности, к тому, что ветераны оказываются в стрессовых ситуациях, которые они остро переживают.) Неисполнение государством обязательств перед сотрудниками МВД способно, на наш взгляд, провоцировать «обратный процесс» – неисполнение сотрудниками МВД обязательств перед государством и гражданами. Иными словами, сложившаяся практика способна приводить к профессиональным деформациям сотрудников МВД и порождать у них всевозможные нелегитимные практики.

Ветераны Чечни

Отношение к Чеченскому конфликту

Большинство опрошенных респондентов придерживаются мнения, что реальной причиной продолжения конфликта в Чечне является негласная борьба за ее нефтяные ресурсы. А официальные, декларируемые цели проведения кампании – «наведение конституционного порядка», «контртеррористическая операция» – используются для придания конфликту легитимности. При этом у ветеранов распространено мнение, что средства федерального бюджета, которые направляются в республику в большом объеме, используются некоторыми чиновниками в корыстных интересах. Респонденты указывают также на недостаточность контроля со стороны правоохранительных и иных государственных органов над расходованием этих средств.

Опираясь на собственный опыт пребывания в Чечне, большинство сотрудников милиции считают, что конфликт затянут искусственно. С их точки зрения, «чеченскую проблему» можно было решить «примерно за полгода»: «...это самому государству не выгодно, в принципе, войну прекращать. То есть там по большому счету даже первую войну можно было закончить за три-четыре месяца. Ну, шесть месяцев»⁴. Но есть и кардинально противоположная точка зрения о том, что никогда «не будет там никакого урегулирования».

³ Из интервью со специалистами психологической службы ГУВД. Нижегородская область.

⁴ Из интервью с бывшим сотрудником милиции, побывавшим в командировке в Чечне один раз. Нижего-

Но, несмотря на разделяемую многими ветеранами точку зрения о том, что конфликт имеет «коммерческий» характер, большинство ветеранов оценивает свое участие в нем позитивно. Оптимизм в оценках основан на мнении респондентов о том, что практика направления сотрудников милиции из регионов России с благополучной обстановкой в Чечню во временные отделы внутренних дел позволила частично восстановить правопорядок на территории республики или, по крайней мере, положительно повлияла на процесс его восстановления. Милиционеры считают, что во время командировок они смогли передать сотрудникам чеченской милиции имевшийся у них опыт работы и навыки взаимодействия с гражданами, которые чеченские милиционеры не смогли бы получить, «варясь в собственном соку».

Обучение чеченских милиционеров работе с гражданами является, по мнению респондентов, в основном заслугой простых милиционеров, а не руководства органов внутренних дел, которое, как считают респонденты, могло бы действовать более эффективно и продуманно.

В частности, как полагают респонденты, руководство МВД России могло принять решение о направлении чеченских милиционеров в специальные учебные центры или прикомандировать их на время к отделам внутренних дел других субъектов Федерации, чтобы они могли перенять опыт работы в мирных условиях и получить хотя бы минимальное профессиональное образование. Обучение сотрудников непосредственно в Чечне во время исполнения ими служебных обязанностей не будет являться эффективным, так как на практике невозможно передать все необходимые теоретические знания, которые можно получить от профессиональных преподавателей учебных заведений МВД России.

Существенным препятствием эффективному обучению в Чечне является, по мнению респондентов, и то, что чеченские традиции и обычаи, по их мнению, создают условия для существования коррупции в совершенно открытом виде. Местные жители, как говорили многие респонденты, не стесняются подкупать местных сотрудников милиции, а те, в свою очередь, также считают обыденным делом решать вопросы за денежные или иные вознаграждения. Характерной чертой современной Чечни является то, что обе стороны (взятокодатель и взятокополучатель) считают, что именно так и надо такие вопросы решать. С точки зрения опрошенных ветеранов, ситуация постоянных платежей правоохранительным и/или другим органам не порицается жителями Чечни.

Один из респондентов привел пример, когда в 2000 году сотрудники чеченской милиции, узнав, что одного из задержанных должны освободить из изолятора временного содержания (ИВС), попросили сотрудника временного отдела милиции сопроводить их и задержанного до дома последнего, мотивируя это необходимостью обеспечения их личной безопасности. Сотруднику временного отдела необходимо было снять копии с документов задержанного. По приезде домой к задержанному сотрудники местной милиции потребовали и получили от родственников задержанного денежное вознаграждение за якобы участие в его освобождении и доставлении домой. Как отметил респондент, и местные сотрудники, и родственники задержанного ничего противозаконного в этом не видели. Заметив изумление сотрудника ВОВД, ему разъяснили, что таков обычай. Существование таких обычаев, безусловно, не лучшим образом влияет на эффективность работы правоохранительных органов⁵.

Очевидно, что, употребляя термины «обычаи» и «традиции» для характеристики действий чеченских милиционеров-коррупционеров, наши респонденты впали в заблуждение. В чеченской традиционной культуре, как и культуре других народов Кавказа, разумеется, нет понятия «милиционер». В данном случае речь идет о современной «повседневной» (а не традиционной) чеченской культуре, в рамках которой широко легитимирована коррупция. Отличие Чечни от другой России в интересующем нас аспекте не в «традициях» и «обычаях», а в масштабах легитимации коррупции. Так, к

родская область.

⁵ Из интервью с действующим сотрудником ГУВД, имеющим неоднократный опыт командировок в Чечню. Нижегородская область.

примеру, если в «континентальной» России массовым сознанием легитимирована дача взяток «узко» – сотрудникам ГИБДД, то в Чечне массовое сознание легитимизирует взяточничество более широко – всем милиционерам за любые «услуги».

Трактовка нижегородскими милиционерами взяточничества как «обычаев» и «традиций» характеризует, на наш взгляд, крайнюю степень упадка государства и «государственности» в Чечне, фиксирует существенный разрыв между состоянием указанных величин в Чечне и в Нижегородской области, а также иллюстрирует, насколько легко и быстро складываются негативные этнические стереотипы.

Опрошенные нами милиционеры также упоминали о том, что те методы работы, которые они и сотрудники МВД из других субъектов РФ пытались привить милиционерам из числа местных чеченцев, вызывали у последних некоторое отторжение. Вот что говорят респонденты: «Они работают сами по себе... от обучения всяко старались отлынивать»;⁶ «Фактически, мы за них выполняли и делали всю работу, все остальное! А сами-то они не работали, ничего не делали...»⁷ Получается, что обязанности по охране общественного порядка на территории республики лежали на приезжих милиционерах, а местные в основном решали какие-то свои частные проблемы за счет службы в милиции.

По общему мнению ветеранов, такому халатному отношению к исполнению своих должностных обязанностей местными милиционерами способствовало отсутствие реального юридического и в целом систематического профессионального образования у чеченских милиционеров, что является одной из основных проблем в становлении местной милиции. Ветераны утверждали, что все дипломы в Чечне «покупаются за деньги», из-за чего местные милиционеры не имеют даже минимальных юридических знаний. Очевидно, что отсутствие образования препятствует местной милиции в Чечне профессионально исполнять свои обязанности по предотвращению, пресечению и раскрытию преступлений и административных правонарушений, а также выполнять все требования уголовного и уголовно-процессуального законодательства России. Ситуация серьезно усугубляется, по мнению респондентов, упоминавшимся приоритетом «традиций» и нормативным значением коррупционных практик.

Резко негативную реакцию у нижегородских милиционеров вызывает прием на работу в правоохранительные органы Чечни бывших боевиков. Они считают, что многие из вчерашних боевиков, сегодняшних правоохранителей, не добровольно сдались властям, а были захвачены при проведении силовых специальных операций как в первую, так и во вторую кампании. Респонденты считают недопустимым принятие «бандитов» в органы внутренних дел, так как «в милиции им просто делать нечего»⁸. Они остались такими же боевиками, только переодетыми в милицейскую форму и наделенными полномочиями, что ведет к узаконенному бандитизму. Пример, так называемые «кадыровцы»: «Они – полностью отморозки! Они же амнистированные, бывшие боевики»⁹.

Почти все опрошенные ветераны отрицательно отзывались о Службе безопасности Ахмада Кадырова, особенно после того, как он стал президентом республики. С этого момента, с точки зрения ветеранов, изменилось отношение к федеральным структурам в республике, сотрудники СБ действовали без оглядки на закон и присутствие федеральных сил. Это, естественно, раздражало «федералов» – милиционеров и военнослужащих. На этой почве часто возникали конфликтные ситуации. «Кадыровская армия, она имеет все права, во всем. Вот тебе зайди так, дверь ногой отпихни – и ты ничего не сделаешь. Пришел кадыровец, и что он с тобой сделает, неизвестно»¹⁰.

⁶ Из интервью с бывшим сотрудником милиции, побывавшим в командировке в Чечне один раз. Нижегородская область.

⁷ Из интервью с действующим сотрудником милиции, побывавшим в командировке в Чечне один раз. Нижегородская область.

⁸ Из интервью с бывшим сотрудником милиции, побывавшим в командировке в Чечне один раз. Нижегородская область.

⁹ Из интервью с действующим сотрудником милиции, побывавшим в командировке в Чечне один раз. Нижегородская область.

¹⁰ Из интервью с бывшим сотрудником милиции, имеющим неоднократный опыт командировок в Чечню.

Тем не менее, в целом, несмотря на интерпретацию конфликта в Чечне как «коммерческого» и недовольство составом и практикой работы чеченских милиционеров, сотрудники нижегородского МВД понимали свою миссию как исполнение важной государственной задачи по восстановлению правопорядка в Чечне и организации нормального функционирования в этой республике органов внутренних дел.

Отношение к местным жителям

Проходя службу в Чечне, милиционеры вступали в контакты с местными жителями: принимали и рассматривали обращения и заявления граждан, проводили дознание и следствие по уголовным делам, осуществляли производство по делам об административных правонарушениях и т.д. В процессе этой работы у милиционеров формировались мнения о местных жителях.

К сожалению, насколько можно судить по собранным нами материалам, отношение ветеранов к кавказским народам, и в особенности к чеченцам, можно назвать настороженным и недоверчивым, т.е. скорее негативным, чем позитивным. Некоторые ветераны пришли к убеждению, что «исторически» predetermined судьба чеченцев – это постоянная война с другими народами либо война между чеченскими кланами (тейпами). Поэтому, как считают многие ветераны, постоянно возникали и будут возникать конфликты с участием жителей Чечни.

В таких интерпретациях удивляет то, что ветераны, вынося свои оценки чеченцев или кавказцев в целом, в большей степени опираются на стереотипы, чем на личный опыт взаимодействия с кавказцами.

Если мифологические трактовки predeterminedности «исторической судьбы» чеченцев господствуют в сознании нижегородских милиционеров, то это говорит о том, что работа по ознакомлению сотрудников МВД с чеченской культурой, обычаями и нравами чеченцев не достигает нужного эффекта.

Трения между милиционерами и жителями Чечни возникали, как показывают материалы исследования, из-за незнания первыми традиций и обычаев вторых. В первых командировках милиционерам на месте приходилось узнавать особенности общения с чеченцами. Никакого подготовительного информирования не проводилось. Опыт общения с чеченцами накапливался от командировки к командировке и передавался сослуживцам. «У них же свои законы. Мы туда ехали, а нас только во вторую командировку начали обучать их закону. Как они там... как надо себя вести. Когда мы были в первой командировке, я заходил в дом при проверке паспортного режима, нужно, оказывается, задом выходить. Это у них считается... оскорбление»¹¹.

Негативное отношение респонденты выказывали по поводу того, что при проведении оперативных мероприятий в их действия часто вмешивались чеченские женщины. Они окружали милиционеров толпой, хватались за оружие, препятствуя таким образом обоснованным задержаниям чеченских мужчин. «Мужчины стоят вдали, руководят. А женщины там кидались, бросались... За это я их в общем-то и не люблю! Потому что они прикрываются женщинами!»¹²

Несмотря на общий негативный тон, доминирующий в оценках нижегородскими милиционерами местного чеченского населения, они отмечали, что за время командировок у них появились хорошие знакомые среди чеченцев. Многие ветераны проявили человеческий (не служебный) интерес к местным обычаям и традициям. Многим понравилась национальная кухня чеченцев.

Ветераны считают, что большое количество жителей Чечни относятся с благодарностью к сотрудникам федеральных сил, понимают, что именно благодаря им об-

Нижегородская область.

¹¹ Из интервью с действующим сотрудником милиции, имеющим опыт двух командировок в Чечню. Нижегородская область.

¹² Там же.

становка на территории Чечни начинает налаживаться. Сами чеченцы признавались одному из респондентов, что пока они (милиционеры) находятся на территории Чечни, есть хоть какой-то порядок¹³. Другой рассказывал в интервью о том, что население понимало важность присутствия милиционеров. Поэтому «оно к нам нормально относилось»¹⁴, «даже, случалось, помогали, предупреждали об опасности».

Более справедливое отношение к себе со стороны местного населения респонденты также связывают с тем, что по мере перехода власти к силовым структурам, укомплектованным этническими чеченцами, число похищений и случаев нарушений прав человека не сократилось. Местное население стало осознавать, что опасность исходит не от федеральных сил, как считалось раньше, а от представителей власти вообще. При этом национальность не играет никакой роли.

Таким образом, сохраняется настороженное отношение к чеченцам и общий негативный фон во взаимоотношениях. Тем не менее, по мере затухания острой стадии конфликта между местным населением и прикомандированными нижегородскими милиционерами стали налаживаться связи. Чеченцы понимали необходимость присутствия милиционеров из других субъектов Российской Федерации. Ни один респондент не упомянул (или не захотел упомянуть) о серьезном конфликте с местными жителями.

Причины, из-за которых милиционеры соглашались на командировки

Согласно официальной точке зрения, все милиционеры ехали в командировки добровольно. На практике же, как свидетельствуют материалы интервью, милиционеры нередко были вынуждены ехать в Чечню, уступая давлению вышестоящих начальников.

Большинство милиционеров командировались в эту северокавказскую республику неоднократно.

Но некоторые избежали многократных командировок. Это, как правило, те, кто не хотел ехать в Чечню и поехал, только руководствуясь служебной необходимостью. Такое разделение милиционеров представляется важным, потому что позволяет четче понять мотивацию тех и других к поездкам в Чечню.

Сначала речь пойдет о тех ветеранах, которые имеют опыт частых и многократных командировок.

Самые негативные впечатления от командировок у ветеранов оставила гибель сотрудников милиции, вместе с которыми они проходили службу. Респонденты явно неохотно рассказывали об обстоятельствах трагедий. Как правило, сотрудники милиции погибали при исполнении своих служебных обязанностей, случайно оказавшись в зонах террористических актов, а также при обстрелах автоколонн и взрывах фугасов.

Переживание смерти товарищей – а такие чувства испытывают многие опрошенные в рамках исследования ветераны – оказывает влияние на мотивацию к дальнейшим поездкам в командировки. Сами же ветераны декларируют такие причины согласия на командировки: материальная заинтересованность; потребность в острых ощущениях (чувстве «адреналина»); чувство служебного долга; завоевание авторитета среди других сотрудников своего подразделения.

Так называемые «боевые» платили за каждый день пребывания в командировке до октября 2000 года. Затем выплаты стали снижаться, и потом их практически отменили. Но в то время, когда выплаты «боевых» производились, они были серьезным подспорьем для семейного бюджета.

¹³ Из интервью с бывшим сотрудником милиции, побывавшим в командировке в Чечне один раз. Нижегородская область.

¹⁴ Из интервью с действующим сотрудником милиции, имеющим неоднократный опыт командировок в Чечню. Нижегородская область.

Первоначально «боевые» выплачивались из расчета 750 рублей за один день для сержантского состава, 850 рублей – для прапорщиков, 950 рублей – для офицеров. Кроме этого, сотрудникам, уезжающим в командировку, выплачивались командировочные расходы в трехкратном размере. Многим сотрудникам только благодаря этому удалось улучшить свои жилищные условия или приобрести автотранспорт, что для милиционеров являлось уже роскошью. Кроме того, каждый день служебной командировки засчитывался за три дня к выслуге лет и в специальном звании, что также приводило к увеличению денежного довольствия после возвращения из командировок.

Немаловажным фактором, повлиявшим на желание сотрудников милиции поехать в Чечню, как выяснилось, является потребность в «чувстве адреналина». Многие респонденты даже в милицию пошли служить именно из-за желания чувствовать опасность. Однако, привыкнув к будничным милицмейским обязанностям, хотя и связанным с повседневным риском, впоследствии пожелали «проверить себя в боевых ситуациях» и поэтому ехали в Чечню.

Сотрудники милиции говорили, что «чувство адреналина» вызывает привыкание и командировки в Чеченскую Республику превращаются даже в некое удовольствие. Своеобразным катализатором такой ситуации является то, что служебные обязанности в условиях вооруженного конфликта «не требуют соблюдения такого количества формальностей»¹⁵, как в обычных условиях службы.

Среди причин, побудивших сотрудников милиции на поездку в командировку в Чечню, несколько респондентов назвали и прямое влияние количества командировок на повышение авторитета среди своих сослуживцев. В особенности это касается сотрудников специальных подразделений, таких как ОМОН, где сотрудники не считаются «полноценными», если они не побывали в «горячих точках» и не имеют боевого опыта.

Следует отметить, что ни один респондент не сказал, что ехал в Чечню для того, чтобы «восстановить конституционный порядок». Как правило, сотрудники милиции говорили, что ехали туда, чтобы проверить свои личные качества и поправить свое материальное положение.

Один из респондентов, участвовавший в обеих кампаниях, сказал, что вторая кампания отличалась от первой тем, что «в ней не было никакой идеологии. Только деньги и определенная служебная необходимость»¹⁶.

Такого же мнения придерживаются милиционеры, побывавшие в Чечне только во вторую кампанию. Поехали по разнарядке, пришедшей из Москвы. Зная о больших командировочных выплатах, отказываться не стали. Но в следующий раз уже не поехали – из-за увеличения срока командировок и уменьшения денежного довольствия.

Таким образом, милиционеры прагматично относились к необходимости службы в Чечне, не питали иллюзий относительно декларируемых целей кампании. Государство, представителями которого они были, создало такие условия работы милиции, в том числе условия по заработной плате, что милиционерам было легче согласиться на командировки, закрыть глаза на опасность, чем отказаться от поездки. Во вторую кампанию финансовая мотивация пересиливала все остальные. Были, конечно, и иные мотивы личного характера: проверить себя, удовлетворить потребность в адреналине, приобрести статус, но преобладала материальная заинтересованность.

Профессиональная деятельность после командировок

В подавляющем большинстве случаев после возвращения из служебных командировок сотрудники милиции возвращаются к исполнению своих повседневных обязанностей. С момента их возвращения до выхода на работу проходит примерно три недели.

¹⁵ Из интервью с бывшим сотрудником милиции, побывавшим в командировке в Чечне один раз. Нижегородская область.

¹⁶ Из интервью с бывшим бойцом ОМОНа, имеющим неоднократный опыт командировок в Чечню. Нижегородская область.

Респонденты подчеркивают, что никакой курс реабилитации за это время они не проходят. Таких отгулов достаточно только для того, чтобы кое-как решить накопившиеся за их отсутствие бытовые проблемы.

Исключением из этого трехнедельного отпуска являются только дополнительные отпуска, связанные с прохождением лечения в случае, если сотрудник милиции получил ранение или травму за время прохождения службы в Чечне.

Сотрудники районных органов внутренних дел, побывавшие в Чечне в качестве участковых, не сообщили о каких-либо негативных последствиях после командировок. Наоборот, рассказывали, что у них улучшилась профессиональная подготовка, они стали более умелыми в обращении с оружием, стали разбираться в установке и обезвреживании взрывчатых устройств. Хотя тут же оговаривались – в обычной милицмейской практике эти навыки не являются главными, хотя они и полезны. Т.е. ветераны позитивно оценивают приобретенный опыт, но отдают себе отчет в том, что этот опыт плохо применим в повседневной профессиональной деятельности за пределами Чечни.

Многие респонденты обратили внимание на то, что стали лучше разбираться в людях, и это, по их мнению, помогало им в дальнейшей работе. По словам респондентов, они стали чувствовать себя увереннее при исполнении своих повседневных служебных обязанностей.

Некоторые из опрошенных особых изменений в себе не заметили, но отмечали, что эти изменения замечали родственники. Другие же были уверены, что командировки не прошли даром, и их психика пострадала. Один бывший милиционер признался, что в первое время после командировок испытывал какое-то пренебрежительное отношение к тем людям, «которые там не были и всего этого не видели». Но тут же сказал, что такое ощущение прошло примерно через год.

В некоторых случаях, когда милиционеры возвращаются из Чечни, может развиваться «синдром войны». Все, что противоречит мнению людей с «синдромом войны», вызывает их агрессию. В случае если в процессе общения занижается статус ветерана, агрессия может быть направлена не только на «случайных» граждан, но и на близких.

После командировок милиционеры сталкиваются с проблемой снижения уровня профессионализма. За время командировок люди попадают в другую среду, где интеллектуальные, профессиональные знания сотрудника органа внутренних дел не так востребованы. За время, в течение которого милиционеры служат в Чечне, выходят новые законы, приказы, которые необходимо изучить и усвоить. При этом руководство, как следует из материалов интервью, не предоставляет нужного количества времени на профессиональную переподготовку. В целом, в области отсутствуют полноценные и систематические программы профессиональной поддержки и подготовки после полугодовых командировок.

На практике складывается ситуация, что многие ветераны ведут себя по принципу «Я – герой!», а нас тут какие-то бумажки, какую-то ерунду посадили делать. И, короче, и пошло и поехало...»¹⁷. В психологической службе упоминали о том, что руководитель должен прислушиваться к рекомендациям психологов и первое время не ставить перед вернувшимся из командировки задач по выполнению плана. О существовании последних ветераны упоминали в интервью. Но на практике рекомендации психологической службы не всегда учитываются.

Грамотный руководитель также должен учитывать негативный фактор пребывания в Чечне и уметь создать социальную среду, нивелирующую проявления агрессии. Например, «может подобрать доминантного напарника, который уравнивает возможные проявления агрессии сотрудника, имеющего опыт командировки в Чечню. Пример, сотрудник «пальцы веером» – напарник – с повышенным коэффициентом IQ»¹⁸. Этот прием служит способом предупреждать конфликты с гражданами.

¹⁷ Из интервью с действующим сотрудником милиции, имеющим опыт двух командировок в Чечню. Нижегородская область.

¹⁸ Из интервью со специалистами психологической службы ГУВД. Нижегородская область.

Особенно это актуально для сотрудников специальных подразделений МВД. Они сообщают, что ощущают невостребованность многих своих боевых навыков при несении службы в мирное время. Во время командировок омоновцы участвовали в специальных операциях, сопряженных с риском для жизни. В обычной же ситуации они часто выполняют задачи милиции общественной безопасности – несут патрульно-постовую службу. С них так же, как и с других сотрудников патрульно-постовой службы (ППС), требуют выполнения неофициального плана по административным задержаниям «говорят так: ребята, пару пьяных вы задержите, у вас должны быть показатели»¹⁹. Сам факт того, что специально подготовленные люди вынуждены «собирать пьяных», вызывает у них недоумение и понимание, что их навыки не нужны при несении службы в мирном регионе. Большинство сотрудников ОМОНа считают, что их нужно задействовать в случае массовых нарушений общественного порядка или при проведении сложных мероприятий, требующих умения владеть боевыми приемами борьбы, специальными средствами и оружием.

Некоторые респонденты признавали, что зачастую сотрудники ОМОНа, побывавшие в служебной командировке в Чечне, превышают допустимые рамки применения специальных средств и физической силы, либо применяют их при отсутствии в этом необходимости. «Не надо нас на улицы выгонять, не надо! А то муж с женой дерется – заходит ОМОН. Что он там может сделать? И жене прикладом дать, и мужу. А что они, разбираться, что ли, будут?»²⁰.

Еще одним негативным фактором, оказывающим влияние на ветеранов, эксперты ГУВД склонны считать чрезмерно продолжительный, с их точки зрения, срок командировки. Длительное пребывание в Чечне усложняет профессиональную и социальную адаптацию ветеранов. «Мы выступали за сокращение срока. Позиция правительства, что надо направлять на полгода, потому что это организационно проще и дешевле»²¹.

Но экономия на перевозке является кажущейся. Если человек пробыл в Чечне продолжительное время, то и срок реабилитации также увеличивается. Чем дольше командировка, тем дороже реабилитация. Экономия на перевозках оборачивается удорожанием реабилитационных мероприятий. Три месяца командировки – оптимальный срок с точки зрения психолога ГУВД. Но на практике проблема срока командировки в сочетании с удорожанием реабилитационных мероприятий решается просто и не в интересах ветеранов: сохранен полугодовой срок командировки, а реабилитационные мероприятия сведены к медицинским восстановительным процедурам.

Таким образом, длительные и частые командировки в зону боевых действий, задавая узкую направленность действиям милиционеров, приводят к частичной утрате ими навыков, необходимых для работы в «мирное» время. Командировки отрывают сотрудников МВД от сложившейся системы непрерывной профессиональной подготовки и переподготовки. Проблема, практически полностью выпадающая из поля зрения МВД, – это разработка и внедрение программ профессионального сопровождения и обучения для милиционеров, вернувшихся из полугодовых «чеченских» командировок.

Кроме того, участие в боевых действиях травмирует психику и нервную систему милиционеров.

Таким образом, чеченские ветераны, представляя собой внутренне противоречивый «социальный капитал». С одной стороны, они, несомненно, являются «золотым фондом» МВД, государства и общества, поскольку прошли проверку на готовность выступить на защиту их интересов и рисковать ради них здоровьем и жизнью. С другой стороны, они являются своеобразным «взрывным материалом». Противоречие между наличием у них боевых навыков и слабой востребованностью этих навыков в мирной жизни на фоне социальной неустроенности и запредельных нагрузок на нервно-психическую систему создает почву для развития у ветеранов различных форм отклоняющегося поведения.

¹⁹ Из интервью с бывшим сотрудником милиции, имеющим неоднократный опыт командировок в Чечню. Нижегородская область.

²⁰ Там же.

²¹ Из интервью со специалистами психологической службы ГУВД. Нижегородская область.

Проблемы после возвращения из командировок

По словам большинства респондентов, они столкнулись с тем, что государство не выплачивало положенных «боевых». В результате многим пришлось обращаться в суд. Выиграв дело в суде, ветераны ждали получения «боевых» еще около двух лет, когда деньги уже успевали значительно обесцениться.

При оформлении удостоверений ветеранов боевых действий, которые дают право на льготы, многим приходилось самостоятельно собирать большое количество справок и иных документов. На это у них уходило много времени, и это отнимало много сил. Помощи со стороны ГУВД, социальных служб не было. Только один респондент сообщил, что в его подразделении нужно было лишь сходить в отдел кадров и расписаться в получении ветеранского удостоверения²².

Нескрываемое раздражение у респондентов вызывает то, что награды, внеочередные звания и премии за участие в боевых действиях, по их мнению, в основном получают либо «начальники из ГУВД», либо «блатные» сотрудники, которые реального участия в боевых действиях не принимали, а лишь сопровождали в Чечню отряды или транспорт с гуманитарной помощью и продовольствием. «Там товарищ один у нас был, молодой парень, 24 года, но папа у него – шишка большая, и он его на работу в ГУВД устроил. И он поехал, значит, с нами, в ту же командировку, заместителем начальника службы участковых. Ну он, как правило, сидел там в кубрике постоянно, то есть все в 7 утра встают, он в 10 встает, в пол-одиннадцатого с полотенцем идет из умывальника... он получил медаль... Такие в основном там и получают медали. Что, собственно говоря, и бесит больше всего»²³.

Многие сотрудники милиции, принимавшие участие в чеченском конфликте, уволились из органов внутренних дел. В числе мотивов увольнения они называли: приобретенное по выслуге лет право на пенсию, плохое состояние здоровья или приобретенное за годы службы заболевание, а также «собственное желание».

Решение об увольнении из МВД респонденты, как правило, не связывают напрямую с поездкой в «горячие точки». Однако есть и такие, кто уволился из МВД потому, что не хотел ездить в Чечню. Либо потому, что этого не хотели родственники, которые и настояли на увольнении.

Профессиональная карьера уволившихся сотрудников спецподразделений милиции часто связана либо с предпринимательской, либо, что чаще, с охранной деятельностью. Некоторые бывшие оперативные работники, следователи и дознаватели, т.е. милиционеры с высшим образованием, зачастую перепрофилируются и уходят работать в юридические фирмы, занимаются также адвокатской деятельностью. Многие отмечают, что устроиться на новую работу им помогли бывшие сослуживцы.

Некоторые бывшие сотрудники образуют новые или входят в уже существующие профсоюзы, которые помогают им в трудоустройстве и в получении ветеранских льгот.

Нередко уволившись со службы ветераны боевых действий, не сумевшие адаптироваться к жизни «на гражданке», начинают злоупотреблять алкоголем. Это приводит к проблемам в семье, ухудшению здоровья и депрессивным состояниям.

Один из респондентов пришел к выводу, что «спустя много лет понял, что гораздо престижнее быть хорошим автомехаником, чем героическим мертвым солдатом и даже героически живым солдатом»²⁴.

²² Из интервью с сотрудником милиции, имеющим неоднократный опыт командировок в Чечню. Нижегородская область.

²³ Из интервью с бывшим сотрудником милиции, побывавшим в командировке в Чечне один раз. Нижегородская область.

²⁴ Из интервью с бывшим бойцом ОМОНа, имеющим неоднократный опыт командировок в Чечню. Нижегородская область.

В силу узко специфического образования и опыта работы сотрудникам МВД сложно найти себе применение в «мирной» жизни, востребованность для большинства из них невысока.

Небольшая пенсия милиционеров, маленькие зарплаты «на гражданке», высокая самооценка при работе в МВД, определенный авторитет в своем кругу и полное безразличие к ним в мирной жизни, отсутствие реабилитационных мероприятий и программ трудоустройства, ориентированных на учет навыков и пожеланий ветеранов, – все это вместе взятое зачастую приводит к алкоголизму, наркомании и даже суицидам среди сотрудников МВД, участников конфликта в Чечне.

Руководители регионального МВД о чеченском конфликте

С точки зрения руководителей регионального уровня, количество личного состава, которое направляется в командировку в Чечню, необходимо сокращать ввиду того, что участие в боевых действиях негативно сказывается на психическом состоянии сотрудников милиции.

Более того, такие поездки могут оказывать негативное влияние на соблюдение законности сотрудниками милиции. Это подтверждается и сведениями, которыми располагают в ГУВД. Однако статистика по таким случаям не ведется, и проверить данную информацию в ходе исследования не представилось возможным.

По Приволжскому федеральному округу зарегистрировано много случаев самоубийств сотрудников милиции. Руководство окружного управления МВД не связывает это напрямую с поездками в Чечню, но не исключает, что служебные командировки в «горячие точки» могут служить одним из факторов, способным повлиять на рост суицидов.

Правительство России проводит политику по снижению количества командированных в Чечню, «но тем не менее приходят задания из МВД, и человек в погоне будет ездить... Каждый месяц 1-2 человека»²⁵. Без этого на данный момент не обойтись, так как «необходимо разграничить воюющих от правонарушителей. Есть задачи войсковые, а есть по поддержанию общественного порядка». Милиционеры должны работать с правонарушениями. Местная чеченская милиция не справляется с задачами по охране порядка. Руководители МВД, так же как и рядовые милиционеры, считают, что в силу «менталитета» чеченские милиционеры менее эффективно справляются с решением возложенных на них задач. Они полагают, что в Чечне господствует «клановое» (тейповое) право: «в России проблемы решаются через уголовный процесс, и это нормально. А в Чечне – тейпы, которые защищают своих. Например, если милиционер убил или ранил преступника при задержании, то милиционер должен откупиться или нести ответственность собой или семьей. Мы не оттуда. Нас не сдерживают родственные связи. Мы как голубые каски ООН. Мы реально можем наказать»²⁶.

С точки зрения инспекторов ГУВД, «участие милиции в локальных конфликтах не только допустимо, но и верно. Сейчас главная задача – общеполитическое присутствие»²⁷.

Таким образом, руководство МВД осознает отрицательные аспекты влияния командировок на сотрудников милиции, но считает, что на данный момент совсем отказаться от командировок невозможно, так как чеченская милиция не справляется со своими обязанностями. К тому же милиция по его мнению, решает задачу политического присутствия федеральных сил в зоне конфликта.

²⁵ Из интервью с начальником ГУ МВД по ПФО. Нижегородская область.

²⁶ Из интервью со специалистами психологической службы ГУВД. Нижегородская область.

²⁷ Там же.

Психологическая служба ГУВД

В Управлении кадров ГУВД Нижегородской области создано специализированное подразделение – отделение организации психологической работы. В обычном режиме это подразделение занимается психологическим обследованием кандидатов на службу в милицию и проводит периодические обследования действующих сотрудников милиции.

Это же подразделение проводит работу с кандидатами на отправку в служебные командировки в Чечню, а также организует работу по реабилитации сотрудников, прибывших из «горячих точек».

В ходе исследования были проинтервьюированы должностные лица ГУВД, которые контролируют проведение медицинских реабилитационных мероприятий с ветеранами боевых действий.

Первое, что необходимо отметить, это то, что в Нижегородской области действует специальная программа по реабилитации ветеранов. Она была утверждена руководителем ГУВД в 2004 году. Название программы – «Жизнь после войны». Программа подразумевает проведение диагностических исследований (в т.ч. психодиагностики) сотрудников МВД. На основании результатов диагностики осуществляется отбор сотрудников для направления в командировку. Диагностические исследования позволяют не только отобрать сотрудников для командировки, но также используются для оценки динамики состояния сотрудников после командировок.

Психологическое тестирование проводится трижды: первый раз через 10 дней после командировки, второй раз – через полгода после возвращения из командировки, третий и четвертый, завершающий, раз – еще через полгода или год после возвращения милиционера из Чечни.

По словам психологов ГУВД, три этапа исследования распространяются на всех без исключения сотрудников. Это делается для того, чтобы исключить возможности дезадаптации, а также отследить наличие изменений у сотрудников. Результаты каждого теста сравниваются с результатами предшествовавшего тестирования.

Конкретные реабилитационные меры назначаются по результатам диагностики. На стадии подбора мер психологи опираются на информацию, полученную от самих тестируемых сотрудников и от их сослуживцев. Выясняется, в каком подразделении сотрудник проходил службу, каков был характер служебных заданий, которые он выполнял в командировке. (Более спокойная служба – работа по обеспечению в хозяйствах, неоперативная работа или выполнение боевых заданий. Милиционеры в отряде не все входят в огневой взвод, многие служат в сопровождении.) Также при назначении индивидуальных реабилитационных мер проводится собеседование с сотрудником, чтобы узнать у него самого, что ему кажется нужным для реабилитации.

Для назначения реабилитационных мер создается врачебная комиссия. В нее входят различные специалисты, в том числе врач-психиатр. Комиссия обязывает всех пройти реабилитацию. Но если с человеком все нормально, то его могут освободить от прохождения реабилитации (как правило, это милиционеры, которые не участвовали в специальных мероприятиях, «зачистках»). Если обследуемый, с точки зрения комиссии, нуждается в реабилитации, то она выдает ему направление на медико-психологическое обследование.

В ГУВД имеется свой медицинский отдел. В течение года после возвращения из командировки сотрудникам выделяют путевки в ведомственные санатории и дома отдыха, где, в случае необходимости, проводится также лечение имеющихся заболеваний. Лечение и отдых являются частью процесса реабилитации, специальной и официально утвержденной реабилитационной программы.

За 21 день пребывания в санатории или доме отдыха сотрудник милиции должен заплатить примерно 600 руб. Члену семьи милиционера такая путевка обходится примерно в 1200 руб. В стоимость путевки входит проживание, питание и медицинское обслуживание. Сотруднику милиции также оплачивается проезд на железнодорожном транспорте или авиаперелет к месту отдыха. Правом на пребывание в доме отдыха

или в санатории сотрудник милиции может воспользоваться один раз в год. Члены семьи – один раз в два года.

Таким образом, по смыслу программы реабилитационные мероприятия заключаются в медицинской части и восстановительном отдыхе.

Специалисты психологической службы ГУВД области дают положительную оценку существующей программе реабилитации. Программа обсуждалась на совещаниях у руководства Нижегородской области и была утверждена губернатором Нижегородской области В.П. Шанцевым. Эта программа была разработана специалистами ветеранской общественной организации.

Однако по ряду причин данную программу достаточно сложно реализовывать. Среди причин наиболее серьезные связаны с кадровым составом психологической службы. Во-первых, психологов мало по сравнению с числом ветеранов, принимавших участие в вооруженном конфликте в Чечне. Во-вторых, их квалификация не соответствует потребностям службы. Специалисты отделения психологической работы ГУВД указывали на низкую квалификацию штатных психологов. Причем проблема не решается, так как высококвалифицированные специалисты не готовы работать за незначительный размер заработной платы. Сейчас милицкий психолог может рассчитывать на оклад в 4000 – 5000 рублей.

Работа психолога серьезно затруднена тем, что далеко не все сотрудники милиции «идут на контакт» к психологу. Со слов работников психологической службы, «милиционера можно заставить прийти к психологу, но невозможно заставить его раскрыться».

К тому же у многих сотрудников имеется предвзятое отношение к психологам. Ведь, как правило, психологами работают молодые женщины, и они совсем не воспринимаются как люди, которые способны понять человека, «видевшего кровь» и выполнявшего боевые задачи. Эта одна из причин нежелания довериться психологу.

В соответствии с правилами МВД, регламентирующими подбор и подготовку кандидатов на командировку в зону проведения контртеррористической операции в Северо-Кавказском регионе, каждый сотрудник милиции перед направлением в командировку должен пройти обязательное психологическое исследование, которое включает в себя тестирование сотрудников и другие методы. После этого сотрудники милиции должны пройти медицинский осмотр и специальный курс подготовки, который включает в себя первоначальную медицинскую, тактико-специальную (действия военнослужащих и подразделений в боевых условиях) и огневую подготовку, а также курс занятий по изучению особенностей прохождения службы в регионах предполагаемой командировки.

Психологическое исследование кандидата проводят сотрудники отделения психологической работы Управления кадров ГУВД или психологи районных отделов внутренних дел.

Респонденты, опрошенные в ходе исследования, отзываются о работе психологов скептически. Они считают, что работа психологов носит формальный характер. Те люди, которые стремятся поехать в командировку, но по каким-то причинам опасаются, что могут не пройти психологическое исследование, как правило, предварительно консультируются со знакомыми психологами, которые подсказывают им, как правильно отвечать на поставленные вопросы и выполнять другие задания психолога, чтобы добиться положительных результатов исследования.

Эффективности психологического тестирования препятствуют также:

1. Закрытость милиционеров при общении с психологами. Милиционеры опасаются, что, давая подробную информацию, они могут «испортить» свое личное дело. Ведь каждый психолог одновременно является инспектором по кадрам.

2. Использование психологами устаревших методик, которые не могут обеспечить надежность и точность результатов.

3. Предварительное знание милиционерами «ключей» ответов (т.е. правильных ответов) на вопросы, содержащиеся в тестах. Сотрудники милиции, которые много раз ездили в командировки, наизусть выучили нужные ответы.

Бойцы ОМОНа ГУВД вообще считают, что если пришла разнарядка из МВД России на определенное количество человек, то такое количество человек будет отобрано и отправлено, несмотря ни на какие результаты психологического обследования. «Когда надо в командировку ехать, значит, поедешь. Вот у меня написано там "чеченский синдром"»²⁸.

Психологи, будучи кадровыми сотрудниками МВД, также несут ответственность за комплектование контингента, и вероятнее всего основной акцент в их работе заключается не в отсеивании «неуравновешенных» кандидатов, а в максимально быстром комплектовании групп. Если существует прямая зависимость психолога от руководства МВД, то ценность его как специалиста нивелируется самим его служебным положением.

И сами ветераны, и их жены указывали на то, что психологическая служба в современном ее виде не отвечает реальным потребностям, не востребована, неэффективна и ее значение скорее формально. Причем опыта контактов с милицмейскими психологами у самих ветеранов и тем более у их жен фактически нет. Общение ветеранов с психологами было предельно формализовано и, по мнению большинства из них, несодержательно, а жены в принципе не имели опыта общения с психологами, а некоторые и не знали о существовании такой службы.

Обучение перед отправкой в Чечню

Участники исследования считают, что мероприятия, проводимые в ходе программы подготовки кандидатов, также не представляли особого интереса и не принесли большой пользы. Занятия, проводимые в учебном центре ГУВД Нижегородской области, были организованы преподавателями-теоретиками, которые не имели собственного боевого опыта. «То есть там учили люди, которые там ни разу не были, в Чечне»²⁹.

Положительную оценку респондентов получили только занятия, проведенные заместителем командира СОБРа, за плечами которого более десяти командировок в Чечню. Только его занятия, по мнению респондентов, были целесообразны, а его знания можно было реально применить на практике. «Единственное нормальное занятие у нас проводил зам. командира СОБРа, который там был, подполковник, вот он действительно доходчиво, понятно рассказывал, что, чего у них там, какие обычаи, чего они могут выкинуть»³⁰. Во время этого занятия милиционеры получили крайне важную для них информацию о том, какие именно методы боевых действий используют члены незаконных вооруженных формирований, как необходимо вести себя во время боестолкновения или в случае террористического акта.

Однако практически все респонденты считают, что настоящий опыт боевых действий и необходимые навыки были получены ими только во время самой командировки. «Будем так говорить, смешно обучать людей в течение двух-трех недель, опять же людей, которые там никогда не были. Все – чисто теория. Единственное, что показывали – это как гранаты бросать, на растяжки, на мины, где и как их обнаружить. Вот эти вот учили – профессионалы. А остальное – нет»³¹.

Были лекции, посвященные обычаям чеченского общества, читала их преподаватель из высшей школы милиции, но «она чисто как научный работник, научными терминами, которые понятны только ей самой»³². В результате слушатели – милиционе-

²⁸ Из интервью с бывшим сотрудником милиции, имеющим неоднократный опыт командировок в Чечню. Нижегородская область.

²⁹ Из интервью с бывшим сотрудником милиции, побывавшим в командировке в Чечне один раз. Нижегородская область.

³⁰ Там же. Нижегородская область.

³¹ Из интервью с действующим сотрудником милиции, имеющим опыт двух командировок в Чечню. Нижегородская область.

³² Из интервью с бывшим сотрудником милиции, побывавшим в командировке в Чечне один раз. Нижегородская область.

ры – мало что поняли из предоставленной информации. Лекции по теории милиционеры прогуливали. «Ну, мы, честно говоря, на многие занятия даже не ходили. Преподаватели лояльно относились, взяли, ушли там, пиво пить»³³.

Интервью с ветеранами свидетельствуют, что, несмотря на многолетний опыт участия милиции в урегулировании конфликта в Чечне, система обучения сотрудников, отправляемых в командировки, до конца не отлажена. Это влечет за собой не всегда эффективное выполнение задач в Чечне и даже потери среди личного состава.

Попустительство со стороны преподавателей недисциплинированности милиционеров во время обучения, лояльное отношение к прогулам и пр. ориентирует милиционеров на дальнейшее поверхностное и зачастую формальное отношение к службе в Чечне.

Реабилитация после возвращения из командировки

Респонденты из числа сотрудников милиции и жен милиционеров крайне скептически отзываются о реабилитационных программах. Большинство из них считает, что никаких реабилитационных программ не существует вообще. Во всяком случае, после возвращения из Чечни им никто не предлагал обратиться к психологу или пройти какой-либо медицинский курс.

Единственное, что позволяло как-то отдохнуть и «разгрузиться» после командировки, – это краткосрочный отпуск около трех недель, который предоставлялся всем милиционерам. Правда, за этот отпуск приходилось не столько реабилитироваться, сколько просто заниматься накопившимися домашними делами.

Хотя программа реабилитации подразумевает возможность отдыха милиционера в санатории, в том числе отдыха с семьей, из материалов интервью можно сделать вывод, что получить путевки в дома отдыха и санатории удастся не всем. Помочь с получением путевок могут общественные организации, защищающие интересы ветеранов боевых действий. Однако об этом знают не все милиционеры.

«Реабилитация состоит из двух аспектов: то, что утверждено МВД, и то, что есть по собственной инициативе и благодаря возможностям региона. То, что возможно в Татарстане, в Нижнем Новгороде, в Самаре, может быть невозможно в Ульяновске, в Мордовии, в Пензе. Пока человек в МВД, его реабилитирует МВД, а как уволился – в областную программу»³⁴.

Таким образом, областная программа реабилитации рассчитана в основном на тех, кто ушел из системы МВД, а также на бывших военнослужащих срочной службы, офицеров, контрактников. В региональной программе реабилитации содержится социальная и правовая часть. Последняя затрагивает вопросы регулирования реализации программы. Приведены законодательные акты, которые определяют ряд льгот, компенсаций, предусмотренных для ветеранов боевых действий.

Хотя в области понимают необходимость проведения полноценной реабилитации ветеранов, материалы интервью свидетельствуют, однако, что многие ветераны Чечни и члены их семей не были проинформированы о возможностях программы. А некоторые и попросту не знают о существовании реабилитационных мероприятий. «Нет, никакого вот этого психологического тренинга, психологической помощи, я не знаю, может, она там где-то и была, но она не афишировалась. Во всяком случае, я об этом не знала»³⁵. Большинство сотрудников милиции называют периодом реабилитации отпуск, предоставляемый им непосредственно по возвращении из командировки, даже не догадываясь, что это просто отгулы за переработку во время служебной командировки.

³³ Там же. Нижегородская область.

³⁴ Из интервью с начальником ГУ МВД по ПФО. Нижегородская область.

³⁵ Из интервью с бывшим бойцом ОМОНа, имеющим неоднократный опыт командировок в Чечню. Нижегородская область.

Семьи ветеранов

Известие об очередной командировке милиционера в Чечню не является полной неожиданностью для членов его семьи. Последние часто узнают об этом заранее, т.е. до официального приказа о командировке. Однако ставшая повседневностью практика постоянных поездок милиционеров на войну не снижает степени понятных переживаний их родственников и жен. Даже тогда, когда командировка милиционера была источником долгожданного дохода для семьи, реакции родственников и жен на необходимость отъезда были скорее негативными, чем позитивными.

Этим объясняется и тот факт, что некоторых жен мужа пытались обмануть, сказав, что их направляют не в Чечню, а в г. Моздок (Республика Северная Осетия – Алания), Ингушетию или Дагестан. Такое преднамеренное введение в заблуждение – способ уберечь жен от переживаний. Но он, как правило, не срабатывал.

Часть опрошенных жен сотрудников признались, что прибегали к угрозам развода, если мужа согласятся поехать в командировку. Однако многие смирились с этим как с неизбежным.

Все опрошенные жены отметили, что во время нахождения мужей в командировке, они с особой внимательностью смотрели все новостные телепередачи, чтобы узнать о ситуации в Чечне. Руководство и коллеги мужей оповещали их, когда в Чечню будет направляться автоколонна или просто автомобиль с грузом гуманитарной помощи, чтобы жены и родственники могли собрать посылку с продуктами и передать письма своим близким. Одна женщина рассказала, что когда ее муж в первый раз позвонил из Чечни со спутникового телефона, то первая мысль, которая пришла ей в голову, – с ним что-то случилось.

Одна из опрошенных, сама сотрудник милиции, побывавшая в командировке в Чечне, рассказала, что ей гораздо тяжелее было ждать мужа из Чечни, чем самой находиться там. Она же сообщила, что муж избегал рассказывать о том, что ему пришлось там увидеть и пережить, замыкался в себе.

Многие жены отмечают, что их пугало отсутствие информации о мужьях, а также то, что по возвращении из командировки те стали употреблять больше алкоголя. «Пьянки бесконечные, бесконечные какие-то друзья у него»³⁶.

Члены семей ветеранов переживали стресс не меньший, а, по словам некоторых из них, даже больший, чем непосредственный участник вооруженного конфликта.

Из этого можно сделать вывод, что члены семей, также, как и сами участники, нуждаются в повышенном внимании со стороны государства, в проведении совместных реабилитационных мероприятий и оказании иных видов помощи. Некоторые жены упоминали о том, что им удавалось всей семьей отдохнуть в санаториях и домах отдыха, но о психологической поддержке даже не слышали.

Респонденты из числа жен ветеранов отметили также, что эмоционально-психическое состояние их мужей в результате командировок изменилось. В обычных бытовых ситуациях их мужья нередко проявляют беспричинную, на их взгляд, агрессию. Некоторые отметили, что у мужей появилось обостренное чувство справедливости.

После возвращения мужа из командировки жены испытывали чувство облегчения и радости, но возникали новые проблемы адаптации: «В быту он, скажем так, когда вот он оттуда возвращался, он вообще никакой был, какой-то как ненужный, как чужой»³⁷.

В другом случае возвращение к мирной жизни ветерана было выражено в «синдроме войны», когда выход своим эмоциям они находили «в алкоголизме и в мордобое... они агрессивные, они... даже не знаю, как... они все время хотят доказать: "А вот я, а вот я, вот я, вот я..."»³⁸. Такие семьи особо остро нуждаются в психологической помо-

³⁶ Из интервью с женой бывшего сотрудника милиции, имеющего неоднократный опыт командировок в Чечню. Нижегородская область.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

щи специалистов, но женам самим приходилось справляться с агрессией мужа. «Что-то... где-то подружка какую-то даст литературу почитать. А вот, наверное, поначалу-то нужно бы было»³⁹. Из интервью понятно, что некоторые ветераны смогли выйти из состояния войны благодаря помощи и поддержке со стороны семьи. Однако некоторые семьи не смогли справиться с постоянным стрессом, вызванным командировками и их последствиями, и распались.

Жены, чьи мужья погибли во время командировки, получали поддержку от руководства и сослуживцев мужа. Некоторые из них смогли впоследствии устроить свою личную жизнь, снова выйти замуж, родить ребенка.

Большинство опрошенных жен сотрудников милиции с благодарностью отзываются о помощи, которую получали и продолжают получать от сослуживцев мужей, от руководства ГУВД и руководства районных отделов внутренних дел.

Жены не связывают эту помощь с государственной политикой в отношении ветеранов вооруженных конфликтов. При личных беседах некоторые жены погибших сотрудников милиции отзываются о государственных программах помощи с ярко выраженной агрессией. Они считают, что «теперь государству вообще не нужны».

Огромный стресс от папы-героя испытывают дети. Так получается, что отец, сам того не осознавая, калечит психику своего ребенка, что может вылиться в агрессию или, наоборот, замкнутость подрастающего человека. Семье намного лучше и комфортнее, когда проблемного члена семьи нет дома. «А если папа дома – там, всегда шумно здесь как-то... ну, без него отдыхаем»⁴⁰. При этом дети испытывают гордость за своих отцов. При встречах с друзьями любят показывать отцовские награды и фотографии, сделанные во время служебных командировок. Многие, наслушавшись рассказов о Чечне, проникаются интересом к работе милиции, и сыновья мечтают «как папа» в милиции работать.

Вместе с гордостью за отца и желанием идти работать в правоохранительные органы у детей появляется и негативное отношение к чеченцам и другим представителям народов Кавказа⁴¹.

Таким образом, государство, отправляя милиционера на войну, должно осознавать, что война оказывает негативное влияние не только на непосредственного участника, но также на его ближайшее окружение: жену, детей, родителей. По возвращении милиционера из командировки появляются проблемы с взаимопониманием внутри семьи, члены семьи страдают от беспричинной агрессии и нередко – от алкогольной невосдержанности ветерана. Все это в совокупности может сыграть решающую роль в распаде семьи. И в конечном итоге сводит на нет реабилитационные мероприятия.

Общество и ветераны Чечни

В Нижегородской области есть лишь две газеты, которые периодически публикуют материалы, посвященные участию милиционеров в Чеченском конфликте, – это «Нижегородская правда» и «Нижегородские новости».

В газете «Нижегородские новости» была специальная колонка «Чечня день за днем». В ней публиковались заметки с официальной информацией: о количестве отбывших в Чечню милиционеров, о возвращении их в Нижний Новгород, о потерях во время несения службы, а также сообщения о решениях чиновников по принятым программам реабилитации или социальной поддержке, награждения командированных милиционеров. В «Нижегородской правде» также большинство статей несет лишь формально-информативный, протокольный характер.

³⁹ Из интервью с женой бывшего сотрудника милиции, имеющего неоднократный опыт командировок в Чечню. Нижегородская область.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Из интервью исследователей с ветеранами боевых действий. Нижегородская область.

Но периодически появлялись и качественные статьи, стремящиеся к глубинному пониманию ситуации. Например, в большой статье Юлии Поляковой «Жизнь после войны» («Нижегородская правда», 22 января 2004 г.) автор, опираясь на мнения участников боевых действий и врача-психотерапевта ГУВД, анализирует проблемы адаптации ветеранов и эффективность программ их реабилитации в медицинских учреждениях. Он рассматривает особенности поведения ветеранов. Отмечает, что обращаются за психологической помощью немногие из них – лишь те, кому это мешает жить. А остальные не считают боевой опыт проблемой, хотя «около половины возвращаются из «горячей точки» с нарушением тонких механизмов регуляции здоровья. Если вовремя не помочь, то, по мнению автора статьи, это может плохо кончиться. 20 – 30 процентов ветеранов, как он считает, нуждаются в основательном лечении. Такое лечение возможно только в условиях стационара. Однако госпиталь ГУВД переполнен, и размещать сотрудников милиции с таким диагнозом нет возможности.

Проблема обеспечения должного количества мест в стационарах не решена до сих пор. На это указывали специалисты отдела психологической работы в рамках экспертного опроса.

Таким образом, региональная пресса в принципе способна адекватно формулировать проблемы, порождаемые командировками милиционеров в Чечню. Однако ее возможности ограничены: журналисты и редакторы не принимают управленческих решений. А для большинства изданий тема чеченских ветеранов и вовсе не представляет, как выяснилось, большого интереса.

Частично проблемы ветеранов могут быть решены силами общественных объединений. В Нижегородской области работает несколько ветеранских общественных организаций: Региональная общественная организация участников боевых действий «Братство», общественная организация «Горячая точка» (в нее входят родственники погибших), общественная организация «Ветераны Чеченского конфликта», Ассоциация социальной защиты ветеранов специальных подразделений правоохранительных органов и спецслужб «Русь-НН».

Основными направлениями деятельности этих организаций являются оказание помощи ветеранам по их трудоустройству и получению образования, оказание юридической помощи по вопросам получения боевых выплат, получения документов, удостоверяющих их право на соответствующие льготы. Юридическая помощь оказывается также участникам боевых действий, которые совершили преступление или иное нарушение закона.

Организации существуют в основном на добровольные пожертвования. Заместитель председателя областной общественной организации «Ветераны чеченского конфликта» (основана в 1996 г.) Пьянков В.И. подтвердил это, заметив, что лишь на эти пожертвования их организация и существует, так как государство материальной помощи не оказывает. Силами организации была арендована палата в военном госпитале, отремонтирована, обустроена, и теперь, по мере необходимости, в течение 21 дня в госпитале могут проходить курс лечения 3 ветерана. Также оказывается разнообразная материальная помощь, как участникам конфликта, так и семьям погибших.

Активность объединений ветеранов подтверждается и из интервью. Один из респондентов сообщил, что благодаря одной из таких организаций он смог бесплатно посетить санаторий в Нижегородской области.

В 2002 году многие общественные организации, специализирующиеся на оказании помощи и защите интересов участников боевых действий, объединились в Ассоциацию общественных объединений ветеранов боевых действий Нижегородской области.

Результаты деятельности одного из объединений отмечены в статье «“Русь-НН” спешит на помощь» в издании «Нижегородские новости» за 2003 год: назначены пенсии 61 семье погибших, отправлена партия медикаментов в госпиталь Министерства обороны, отправлено несколько партий гуманитарной помощи в Чечню.

Общественные организации ветеранов берут на себя функции государства по социальному обеспечению участников чеченской кампании. Но их помощи явно недо-

статочно. Даже в дополнение к тем программам, которые предлагают государственные органы социальной защиты, например, разработана городская программа «Ветераны боевых действий», в рамках которой ветеранам предлагают совершить поездки по историческим и религиозным местам области, пройти курс реабилитации в госпиталях, а также предполагается оказание материальной помощи. Но если бы необходимая помощь государством оказывалась в полном объеме, то не было бы замещения выполнения обязательств, которые Россия несет перед своими гражданами.

По результатам контент-анализа нижегородских СМИ можно сделать вывод о том, что проблемы ветеранов освещаются явно недостаточно. В период с 2000 по 2005 год мы обнаружили в газетах Нижегородской области всего лишь 21 статью, посвященную чеченской тематике. Невнимание СМИ к ветеранским проблемам способствует их деактуализации в массовом сознании, а также у госслужащих.

СМИ крайне мало внимания уделяют тем проблемам ветеранов, с которыми они сталкиваются по возвращении домой. Пресс-служба ГУВД не информирует прессу о проблемах сотрудников милиции, участников и ветеранов Чеченского конфликта.

Наш анализ показывает, что на самом деле проблемы ветеранов Чеченского конфликта чрезвычайно актуальны. А эффективных механизмов по их решению до сих пор не выработано.

Более того, государственные органы власти нередко не исполняют своих обязательств перед ветеранами. Многочисленные факты обращений ветеранов в суды с целью восстановления своих прав и выносимые судами решения в пользу ветеранов убедительно свидетельствуют об этом.

Как показывает исследование, ветераны остро нуждаются в медицинской, материальной и в социальной помощи. Особенно те из них, которые уволились из МВД. Если в отношении действующих сотрудников милиции еще предпринимаются какие-то реабилитационные меры, то уволившиеся часто полностью выпадают из сферы государственного внимания. А ведь именно для них такие проблемы, как трудоустройство и адаптация к условиям мирной гражданской жизни, стоят наиболее остро.

Сотрудники милиции, не пройдя полного эффективного курса всесторонней реабилитации, могут представлять угрозу как для мирного населения, так и для самих себя. Об этом свидетельствуют данные, полученные в ходе интервьюирования ветеранов, психологов и руководства ГУВД. Из этих материалов видно, что руководство ГУВД и другие респонденты не исключают, что именно участие в боевых действиях является причиной участившихся суицидов и преступлений, в которых принимали участие как бывшие, так и действующие сотрудники милиции.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что нерешенность проблем ветеранов Чечни оказывает негативное влияние на все общество и государство. Неисполнение обязательств государства перед ветеранами подрывает его авторитет. Неумение объяснить милиционерам природу и особенности Чеченского конфликта порождает мифологические трактовки об исторической «предопределенности» судьбы чеченского народа, которому якобы «свыше» предписано во все времена воевать, и интерпретации конфликта в Чечне только как столкновения коммерческих («нефтяных») интересов. Все это порождает негативные этнические стереотипы в отношении не только чеченцев, но и, нередко, других кавказских народов. Неэффективная система постконфликтной реабилитации ветеранов и их адаптации к мирной жизни создает большие риски распространения у ветеранов различных форм девиантного поведения, приводящих к нарушению служебной дисциплины и закона, разрушению их семей. В целом, появление в стране сотен тысяч людей, прошедших через участие в Чеченском и других локальных конфликтах и остающихся на службе в МВД, делает актуальной проблему использования их специфического опыта в мирных условиях, минимизации негативных последствий этого опыта для самих ветеранов, а также для общества и государства.

Социальное самочувствие и проблемы сотрудников милиции, побывавших в командировках в Чечне, в Республике Коми

Игорь Сажин,

Коми правозащитная комиссия «Мемориал» (Республика Коми)

Записка подготовлена на основе опроса сотрудников милиции, имеющих опыт командировок в Чечню, их жен, начальников районных отделов внутренних дел, милицейских психологов, представителей ветеранских общественных организаций. Для реализации целей и задач исследования был также проведен мониторинг региональных СМИ и опрошен журналист, пишущий на «чеченские» темы. Эта и иная работа проделана в рамках реализации проекта Центра «Демос» (г. Москва) «Привлечение общественного внимания к Чеченскому конфликту через призму проблем социальной адаптации и профессиональной деятельности ветеранов».

Мотивации милиционеров к командировкам в Чечню

Анализ полученной в ходе исследования информации позволяет говорить о пяти основных типах мотиваций к поездкам в Чечню: (1) понимании милиционерами поездки как необходимости следования служебному долгу, службы Родине; (2) чувстве товарищества, солидарности со своими сослуживцами; (3) стремлении заработать деньги и льготы, расширить возможности для роста служебной карьеры; (4) избежать конфликтов с начальством и угрозы увольнения со службы, которые могут возникнуть, если милиционер откажется от командировки в Чечню; (5) боязни осуждения со стороны сослуживцев.

Опрошенные нами руководители отделов милиции более всего делали упор на необходимость следования служебному долгу, защиты Родины. Они говорили, что необходимо выполнять служебные обязанности уже потому, что человек пришел служить в МВД. Вместе с тем они подчеркивали, что если сотрудник милиции не желает ехать в Чечню, то он может от командировки отказаться. Приведем фрагмент интервью с начальником ОВД.

Вопрос: А как вы думаете, помимо того, что необходимо решать поставленные задачи, почему сотрудники едут в командировку в Чечню?

Ответ: Ну, прежде всего каждый давал присягу. Ну и, во-вторых, я считаю, каждый мужик должен испытать себя, что он стуйт. А там как раз можно испытать. Сразу видно, кто что из себя представляет, – это главное. Ну и, второе, все-таки материальная заинтересованность.... Выслуга, когда «боевые» закрывают, идет один к трем, то есть один день службы за три дня.... Плюс те льготы, реализация социальной защищенности – это и поступать в учебные заведения, и предоставление жилья. Они же реализуются, пускай, может быть, не так, как бы нам быстро хотелось, но они реализуются. У нас есть сотрудники, которые уже как «чеченцы» получили квартиры¹.

Официальной установке, обосновывающей служебный долг милиционера, противостоит трактовка милиционерами конфликта в Чечне как внутричеченской «разборки»: «они там между собой нефть делят». Оправдание командировок необходимостью обучения местной чеченской милиции также оценивается милиционерами из Коми скептически.

Начальник ОВД допустил, что ехать «не всем охота»: «...Сейчас они на 180 суток обычно ездят, все-таки и от семьи отрываются, у всех какие-то свои проблемы есть».

¹ Из интервью с начальником ОВД. Республика Коми.

При этом он объяснил, что в таком случае милиционеры едут в Чечню из чувства долга и товарищества: «...Он принял присягу, он выполняет свой долг. Поэтому отказываться – он прекрасно понимает: за него поедет товарищ, а товарищ только приехал. Понимаете, это все равно, одни приехали отдыхать, вторые – уехали. Через год или полтора опять те же люди. У меня есть сотрудники, которые уже 5 раз побывали в командировке. И они не отказываются».

По словам начальника ОВД, в последнее время нормализована система денежных выплат милиционерам, командировавшимся в Чечню: «Если раньше это было – способ зарабатывания денег за счет “боевых”, то теперь конкретно оговорено, сколько сотрудник получает. Он заранее знает, сколько он будет получать. Это все расписано нормативными документами, подписано министром России, генералом армии Нургалиевым»².

Те милиционеры, которые по разным причинам не хотели бы ехать в командировку, как правило, вынуждены считаться с мнением своих товарищей, а также уступать давлению начальства.

Желание «откосить» от командировки путем ссылок на болезни или иные обстоятельства осуждается в коллективе. Такой человек может стать изгоем.

По словам милиционеров, начальство жестко пресекает попытки отказаться от командировки. Милиционеры указывают, что были случаи, когда люди изгонялись со службы за отказ от поездки в Чечню (разумеется, формальные основания для увольнения были другими). Однако милицейские начальники отрицают это, утверждая, что все командировки являются добровольными, и любой сотрудник может отказаться от поездки в Чечню.

В ходе исследования была выявлена небольшая категория милиционеров, которым нравится ездить в Чечню потому, что служба в этой республике представляется им более интересной, нежели рутинное исполнение «мирных» милицейских обязанностей у себя дома, в Коми.

В процессе прохождения службы в Чечне сотрудник постепенно отвыкает от своих «мирных и рутинных» милицейских обязанностей. В командировке он находится полгода. Там он занимается в основном, судя по рассказам, проверкой документов на блокпостах. И только в очень небольшой степени исполняет те же обязанности, что и у себя в отделе милиции в Коми. Через полгода службы в Чечне милиционер возвращается домой и затем еще на полгода уходит в отпуска и отгулы. После этого он выходит на работу и испытывает большие трудности при вхождении в ритм служебной деятельности. Работа в Чечне начинает казаться более понятной и интересной. Им нравится атмосфера мужского братства, взаимопомощи, возникающая в условиях чрезвычайной ситуации в Чечне. Таким образом, некоторые милиционеры совершают поездки в Чечню для того, что бы «убежать» от «скуки мирной жизни». При этом служебный долг и материальная заинтересованность у таких милиционеров отходят на второй план.

По рассказам одной из жен, ее муж настолько попал под влияние «командировочной жизни», что по возвращении из Чечни старался выходить на службу только в ночное время.

Милиционеры, которые не могут встроиться в ритм работы отдела, ищут возможности выехать в Чечню. Даже милиционеры с большим опытом указывают на эту сложность, связанную с возвращением к нормальному рабочему ритму.

Подготовка к командировке в Чечню

Подготовка к командировкам в Чечню включает в себя проведение теоретических и практических занятий по военному делу и некоторым другим специализированным предметам. Серьезной психологической подготовки с сотрудниками не проводится, хотя психологи говорят о ее необходимости и важности. Однако на деле все сводится к тому,

² Из интервью с начальником ОВД. Республика Коми.

что психологи тестируют сотрудников и проводят с ними краткие беседы. Проводится также небольшое количество лекций по психологии.

По словам бойца ОМОНа, «целенаправленно» готовить к командировке в Чечню начинают за сорок дней до предстоящего отъезда – мы занимаемся тактикой, стрельбой...»³.

Бойцы ОМОНа считают, что проходят хорошую военно-специальную подготовку. Полученных знаний и навыков, по их словам, хватает для участия в боевых операциях.

Однако, как они полагают, подготовка других подразделений милиции к командировкам намного хуже. У бойца ОМОНа мы спросили, всегда ли удается милиции решать поставленные задачи? Он ответил нам, что не всегда, и объяснил это плохой подготовкой сотрудников: «Вот взяли сотрудника патрульно-постовой службы, дали ему автомат и отправили его, там, на зачистку. Когда-то были такие ситуации». На наш прямой вопрос «то есть, их особенно не готовят?» он сказал: «Да как особенно? Их вообще не готовят к этому». Но ОМОН, как сказал этот боец, готовят «хорошо»⁴.

Наиболее ценным из всей подготовки бойцы ОМОНа считают полученные ими сведения о методах обеспечения собственной безопасности.

О том, чему обучать направляемых в Чечню милиционеров, высказывались разные мнения. Приведем слова одного из омовцев: «Во-первых, стрельбы нужны. Психологическая подготовка нужна. Допустим, к бандиту подойти и сказать добрые ласковые слова, а не обматерить». На наш вопрос «Как это? Разговаривать с бандитом по-доброму? А если, например, вы хотите у него оружие забрать?», этот боец ответил: «Бандитом он не будет до тех пор, пока решения суда не будет. Мы не имеем права его оскорбить. Поэтому надо общаться как с нормальным гражданином. Тут нужна психологическая подготовка. Или, допустим, перед смертью. Увидел труп – испугается даже здоровый нормальный человек. Не говоря уже о своих товарищах, которые погибли. Это спецподготовка – это правильно себя ощутить, когда видишь смерть. Химическая подготовка нужна, потому что они пытались отравить нас один раз – не получилось»⁵.

О потребности в практических занятиях по психологии говорил еще один боец: «Лекций одних, этого мало. Нужна практика. Лекции прочитали, вроде галочку поставили – и разбежались. А надо именно на практике все подтверждать. Все время, когда рассказываешь что-то – нужна практика. Поэтому психолог, который в отряде есть – он должен не в кабинете находиться, не в бумагах ковыряться, писать, а с людьми работать. Чтобы человек чувствовал, что к психологу можно подойти с любым вопросом – вот тогда вообще хорошо»⁶.

Психологи ОВД

Психологические службы работают недостаточно эффективно. За два года своего существования они не смогли занять достойную нишу и завоевать признание у милиционеров и их семей.

Психологи в милиции появились относительно недавно и формировались на скорую руку. Милицейскими психологами стали в основном люди, пришедшие из сферы дошкольного и школьного образования. Они имеют либо педагогическое образование, либо образование по детской психологии. Хотя МВД и проводит для них обучающие семинары, им приходится много заниматься самообразованием.

Психологи ОВД отдают себе отчет в том, что проблемы, стоящие перед психологическими службами по работе с милиционерами, направляемыми в Чечню и возвращающимися из нее, в значительной мере не решены.

³ Из интервью с бойцом ОМОНа. Республика Коми.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Из интервью с бойцом ОМОНа. Республика Коми.

Часто для работы с такими сотрудниками у психологов не хватает времени. Большую часть времени они вынуждены выполнять «кадровую» работу – производить отбор людей, изъявивших устроиться на службу в милицию.

Однако один психолог сказал, что времени на все у него хватает. И на вопрос о том, нет ли необходимости в расширении штата психологов, ответил: «Мне кажется достаточно одного для личного состава в 200 человек»⁷.

Препятствует эффективной работе психологов и то, что многие сотрудники милиции считают, что главная служебная задача психолога состоит в административном контроле над милиционерами, а не в оказании им психологической помощи. Психологи числятся в отделе кадров, что и вызывает настороженное отношение к ним со стороны рядовых сотрудников. Сотрудники видят, что их милицейский начальник и психолог работают в тандеме. Психолог ходит и беседует с теми милиционерами, на которых ему укажет начальник. Поэтому милиционеры часто рассуждают примерно так: «Ты ему душу откроешь, а он тебя “сдаст” командиру – и тебя уволят».

Настораживает милиционеров и то, что начальники принудительно направляют их к психологу для бесед.

Милиционеры отмечают, что у них нет полного доверия к психологам ОВД. Они видят от них мало пользы. Так, на наш вопрос «доверяете ли вы психологам?», боец ОМОНа ответил следующее: «Я, можно сказать, не доверяю. <...> Потому что – как? Человеку доверишься, а он тебе там перековыряет все, всю душу вывернет – еще хуже сделает. Зачем это надо? Поэтому, нельзя доверять каждому психологу. Поэтому, нужен психолог с опытом таким, чтобы мог подойти к любому человеку и человек к нему подойти мог без проблем. Это сложнее. Чтобы доверял»⁸.

Милиционер имеет с психологом в ОВД только три контакта: при поступлении на работу, при направлении в Чечню и по прибытии из Чечни.

Один из ветеранов указывал в конфиденциальной беседе, что заполнить психологический тест перед отправкой в северокавказскую республику очень просто. Как он сказал, «всем все известно». По словам сотрудника, общение с психологом очень похоже на общение с учителем, который помогает детям написать контрольную, потому что не хочет, чтобы его дети получили плохую оценку, и за это его распекут в администрации школы.

Члены семей милиционеров относятся к милицейским психологам настороженно. А некоторые из них и вовсе не знали о том, что в милиции работают психологи.

Жены сотрудников МВД говорили в интервью, что не хотели бы обращаться к милицейским психологам, а предпочли бы обратиться к независимым от МВД специалистам: «Лучше гражданский, простой. Этот (милицейский. – И.С.) психолог уже зациклился, наверное, на военных. Да лучше с простым человеком поговорю, с простым психологом»⁹.

Однако среди жен милиционеров, которые сами работают в милиции, отношение к психологам противоположное. Они предпочитают услуги психологов МВД и мотивируют это тем, что ведомственные психологи существенно больше понимают в милицейской службе и поэтому могут оказать более квалифицированную помощь.

Большинство жен милиционеров сомневаются в профессионализме милицейских психологов.

Однако некоторые милиционеры готовы обращаться к психологам. Один психолог рассказал: «...часто обращаются (сотрудники. – И.С.). Был бы кабинет, они обращались бы чаще. И они сами даже говорят, ну, скажем, наедине: “Был бы кабинет, мы бы к тебе приходили”. Ну у нас все время много народа»¹⁰.

⁷ Из интервью с психологом ОВД. Республика Коми.

⁸ Из интервью с бойцом ОМОНа. Республика Коми.

⁹ Из интервью с женой работника милиции. Республика Коми.

¹⁰ Из интервью с психологом ОВД. Республика Коми.

Руководство отделов милиции пока не в состоянии обеспечить психологам благоприятные условия для работы, хотя и понимает их нужды. «Психолог должен иметь свой кабинет отдельный. К сожалению, у нас еще (отдельных кабинетов для них. – И.С.) нет. (Психологам нужна. – И.С.) аппаратура, литература... Естественно, очень много должно быть оргтехники, начиная от телевизора, видеокамеры и т.д., и т.п. К сожалению, это пока еще у нас не присутствует, в связи с финансовыми возможностями ... У психолога есть кабинет, они на двоих сидят с кадровым сотрудником. Но при желании она (психолог. – И.С.) всегда один на один разговаривает с сотрудниками»¹¹.

На нехватку специального оборудования и специальных знаний жалуются и сами психологи: «Нет приборов, нет, может быть, достаточной квалификации, знания вот этих приборов. В этом году я ездила в Москву, по реабилитации, на курсы. И когда давали информацию всю – вот мы именно не обладаем. Как таковая реабилитация у нас еще не поставлена. Как правильно человека принять, как правильно ввести его в курс реабилитации – у нас еще этого нет. В большинстве случаев мы опираемся на внешние факторы и идем, естественно, больше так – визуально наблюдаем за человеком»¹².

На вопрос о том, что необходимо сделать в первую очередь для того, чтобы улучшить качество работы психологической службы, психолог ответил: «Конечно, это материально обеспечить. Чтобы улучшить кабинет, в первую очередь нужны материальные средства. Чтобы сделать его уютным, правильно обеспечить требования по кабинету психологической разгрузки. Обязательно должны быть как бы дорогостоящие эти приборы, для выявления эмоциональной напряженности у сотрудников»¹³.

В своей работе психологи ориентируются в основном не на профилактику психологического здоровья сослуживцев, а на их жалобы и обращения. При этом они также иногда поддерживают расхожее в милиции мнение о том, что обращение к психологу – это не нормально. Сильный милиционер и сильная семья, мол, сами справятся с психологическими проблемами.

У нас сложилось впечатление, что многие психологи полагают также, что решение материально-финансовых и бытовых проблем ветеранов Чечни как бы «автоматически» решает многие их психологические проблемы. Основанием для такого предположения служит то, что в разговоре с нами психологи много говорили об этой – материально-финансовой, а не собственно психологической проблематике.

На недооценку психологических проблем, возникающих у милиционеров в ходе и после поездок в Чечню, указывает и общая атмосфера в милиции. И милицейские начальники, и рядовые сотрудники болезненно реагируют, например, на термин «чеченский синдром». Считают его выдумкой журналистов, хотя милиционеры теоретически допускают, что он может развиться у совсем уж слабых духом сотрудников.

Психолог в Чечне

О психологах в Чечне милиционеры либо не могут ничего вспомнить, либо рассказывают о них как о бездельниках: «ходят» и «беседуют».

«По-моему, там психологической поддержки не было. То есть там психолога не было. Там был врач-медик, ну, не знаю, по-моему, не было психолога, насколько я знаю. По крайней мере, я с ним не сталкивался, не встречался, и я о нем не знал просто-напросто, может быть. По-моему, не было, не знаю. Психологическая поддержка только со стороны товарищей»¹⁴.

Указывая, что психологи в Чечне нужны, милиционеры не могут вспомнить много примеров конкретной, оказанной им психологической помощи. По словам милиционеров, помощь психологов заключается в основном в том, чтобы поднимать настроение

¹¹ Из интервью с начальником ОВД. Республика Коми.

¹² Из интервью с психологом ОВД. Республика Коми.

¹³ Там же.

¹⁴ Из интервью с милиционером. Республика Коми.

милиционеров. Вырисовывается некий образ такого балагура, Васи Теркина, который приободряет бойцов, и этим ограничивается.

На вопрос «В чем заключалась работа психологов в Чечне?» боец ОМОНа ответил: «В основном – моральная поддержка людей. Допустим, человек отстоит смену – сутки обычно, вот в Гудермесе, например. Сутки отстоишь – сутки отдыхаешь. И там за сутки человек так ломается, столько машин проезжает, столько людей проходит, и с каждым приходится общаться. И по жаре – тяжело очень. Приходит на базу, с психологом полчаса поговорит, и... смотришь, уже улыбается. И он уже готов снова идти работать. Психолог нужен, но нужен с большим практическим опытом, чтобы он не только читал свой учебник, а мог на своем примере показывать, как надо себя вести, в разных ситуациях показать себя – с какой стороны. Это самое важное. А молодым там делать нечего. Нужно, чтобы и с опытом большим, возраст чтобы более-менее нормальный был. Конечно, не под 40 – 50 лет, но чтобы на месте человек был. Чтобы везде успевал, успевал к каждому подойти, у каждого поинтересоваться. Чтобы не командир следил за этим человеком, а психолог. Вместо папы чтобы был – психолог»¹⁵.

Семья

Жены милиционеров считают, что полгода – это слишком длительный срок командировок. На полгода женщины, многие из которых имеют несовершеннолетних детей, остаются один на один со всеми семейными проблемами.

Жены милиционеров рассказывали о существенных изменениях в поведении своих мужей после возвращения последних из командировок. Некоторые из них указали, что их мужья после командировки стали больше уделять внимания семье. Однако многие женщины рассказали о росте агрессивности, жесткости, грубости своих супругов. Они считают, что пребывание их мужей в Чечне негативно сказывается на семейных отношениях: «...в первое время муж даже плохо спал. И какая-то агрессия с его стороны... Мы ругались чаще, чем обычно»¹⁶; «Он стал более агрессивный, любит выпивать, вспоминать то, что было, ругаться. <...> Так что получается, что изменился он в нехорошую сторону... То есть раньше он был спокойный, рассудительный, более мягкий человек. Сейчас стал жестоким, грубым, неуравновешенным»; «Уехал один, приехал – другой»¹⁷.

Семья подвергается испытаниям с момента получения информации о том, что предстоит командировка в Чечню. Хотя она внутренне готова к тому, что это может произойти в любой момент, каждый раз известие о скором отъезде близкого человека в зону проведения «контртеррористической операции» является испытанием. Оно вызывает сильные переживания. Нередко жены милиционеров остаются одни дома с малолетними детьми, и никаких особых гарантий того, что в случае ранения или гибели их мужей семью ожидает благополучное будущее, у них нет.

Как правило, жены командированных в Чечню милиционеров узнают о предстоящем отъезде своих мужей за две-три недели. Острое осознание неизбежности командировки – невозможности от нее отказаться или как-то иначе вмешаться в «судьбу» – иногда приводит жен милиционеров в отчаяние.

Проиллюстрируем фрагментом интервью с супругой милиционера:

«Вопрос: Советовался ли с вами муж, принимая решение ехать в командировку?

Ответ: Нет, не советовался, потому что его поставили перед фактом и сказали: выбирай – или работа, или поезжай в Чечню. Или увольняйся, или езжай в Чечню. Ему, естественно, пришлось ехать в Чечню.

Вопрос: Когда он Вам сообщил о том, что едет в Чечню?

¹⁵ Из интервью с бойцом ОМОНа. Республика Коми.

¹⁶ Из интервью с женой милиционера. Республика Коми.

¹⁷ Там же.

Ответ: Он сообщил примерно за неделю, как сказали, – и на следующую неделю ему уже ехать надо было»¹⁸.

В процессе проведения исследования сложилось впечатление, что ситуация в семьях сотрудников не является решающим фактором для милицейского начальства при принятии решения об отправлении сотрудника в командировку. Так, например, нам стал известен случай, когда милиционера командировали в Чечню, несмотря на то что его гражданская жена была беременна. Скорее всего, милиционеры едут в порядке живой очереди.

Связь находящихся в Чечне милиционеров с близкими осуществлялась чаще всего по телефону. Однако она была не всегда доступной и носила эпизодический характер, что также негативно сказывалось на эмоционально-психологическом состоянии близких милиционеров.

Одна из жен рассказала, что у нее случались истерики, если муж не звонил хотя бы один раз в две недели: «Потому что если он не позвонит неделю, то у меня истерика на две недели.... Он знал, что я в положении – расстраивать девушку нельзя. Старался при первой возможности всегда позвонить»¹⁹.

Возможности членов семьи посылать в Чечню посылки своим близким также были ограничены: «Мы сами вызванивали, сами узнавали – когда посылку, потому что нам ничего не говорили. Если мы узнаем, что, где, как посылку послать можно, то, естественно – пошлем, а так нам никто ничего не сообщал, никто ничего не говорил»²⁰.

Еще меньше возможностей поддерживать контакты с командированными было у т.н. гражданских жен милиционеров.

После возвращения сотрудника с Северного Кавказа семейные отношения не сразу приходили к норме. По возвращении из Чечни сотрудник опять был оторван от дома. Сначала его обследуют вне дома, потом он, иногда, уезжает в санаторий или на курорт (за свой счет). Поэтому основная часть опрошенных ветеранов указали, что они предпочитают отдыхать, не отрываясь от семьи, – на даче или в лесу. К тому же такой отдых обходится дешевле.

Разрушительным образом воздействует на семью употребление вернувшимися из командировок милиционерами алкоголя. «До Чечни... все говорили, глядя на нас, что это счастливая пара. Но после Чечни, когда он приехал – все хуже и хуже... Отношения поменялись очень сильно и не в хорошую сторону... После Чечни, как муж приехал, стал выпивать. А на почве выпивки, естественно, скандалы... Просила, разговаривали, но ему все равно как бы... Дело в том, что, когда он выпивает, он все равно начинает вспоминать то, что происходило в Чечне... Угнетает это все... И он больше и больше начинает пить. Начинает вспоминать, и у него автоматически идет – что надо еще выпить за друзей, еще что-то и еще что-то...»²¹.

Многие милиционеры оправдывали употребление спиртных напитков необходимостью «снятия стресса». Однако жены милиционеров сообщили, что пьянство приводит к постоянным семейным скандалам и угрожает самому существованию семьи.

О пьянстве ветеранов Чечни рассказали и милицейские психологи: «Они находят единственный выход расслабления в спиртных напитках. Может, причина и в том, что у них нет определенного времени отдохнуть. И каких-то нарушений, может даже психических нарушений, здесь, собственно, я не наблюдала»²².

Психологи отмечали, что нередко вернувшиеся из командировок молодые милиционеры стремились «погулять», что также угрожает семейным отношениям: «Он погулять захотел от этой от Чечни. С женой разладились дела. Это примерно то же самое, когда мальчики приходят с армии не к своей подруге, а идут погулять получше, а

¹⁸ Там же.

¹⁹ Из интервью с женой милиционера. Республика Коми.

²⁰ Из интервью с женой милиционера. Республика Коми.

²¹ Из интервью с женой милиционера. Республика Коми.

²² Из интервью с психологом. Республика Коми.

потом уже возвращаются к подруге. То есть, как я поняла, он даже не собирался адаптироваться. Он сказал: "Я хочу гулять и я буду гулять!". Вот так он сказал и, не обращая внимания на то, что его дома ждали. До сих пор гуляет»²³.

Еще хуже обстоят дела, если милиционер живет в т.н. гражданском браке. По информации психологов и по отзывам «гражданских жен», если с «законными» семьями ведется хоть какая-то работа и для них существуют хоть какие-то надежды на помощь со стороны государства, то «гражданские семьи» всего этого лишены.

Как выяснилось, в семьях ветеранов тема Чечни, как правило, не обсуждается. Жены не касаются этой темы, опасаясь, что это может привести к психологическому срыву или запою супруга. А сами милиционеры считают, что такие разговоры можно вести только с теми, кто тоже был в командировках в Чечне. А с теми, кто такого опыта не имеет, говорить «бессмысленно».

Реабилитация ветеранов и членов их семей

На момент проведения исследования реабилитация работников милиции, вернувшихся из Чечни, выглядела следующим образом. По возвращении из командировки милиционер направляется на психологическое и медицинское обследование. Оно проводится в течение пяти–десяти дней в специально предназначенном для этого месте, за пределами города Сыктывкара. Таким образом, в период обследования сотрудник оторван от семьи.

По итогам обследования психолог формулирует рекомендации по реабилитации сотрудника. Милиционер получает отгулы, отпуск и годовой отпуск, которые он проводит по своему усмотрению. Милиционер имеет также возможность поехать в санаторий или на курорт. Однако в этом случае он, как правило, вынужден ехать туда за свой счет.

Вот как обрисовал «слагаемые» реабилитации милицейский психолог: «...это предоставление реабилитационного отпуска, это и психологическое обследование. Когда они приезжают из Чечни, мы с ними разговариваем, беседуем. И они держатся все очень оптимистично. Ведь они дома, и хорошо, и ничего лучшего нет. Поначалу никаких признаков дезадаптации у них не наблюдается. То есть они счастливы – они попали домой. После реабилитационного отпуска, как правило, у них идут отгулы, отпуска. То есть они хорошо отдыхают. Потом проводим обследование. По результатам обследования я сужу об их состоянии и кому нужна какая помощь. В реабилитации, может, не каждый и нуждается. Потому что мы должны развить способность находить человеку в себе вот эту психологическую силу, чтоб не нужно было реабилитировать. Человек же может сам внутри справиться со всеми этими сложностями, условиями работы и так далее. Просто один человек может это, другой – нет. И наша задача сформировать это»²⁴.

Психологи осознают, что подобный подход дает слабый эффект и не решает всех проблем: «В общем-то сейчас мы проводим и занятия какие-то, готовим сотрудников в экстремальных условиях. <...> Конечно, этой теме должна быть посвящена отдельно большая работа по снятию вот этих вот синдромов, все равно они когда-то проявятся, как вьетнамский синдром...»²⁵; «Самой реализации программы (реабилитации. – И.С.) как таковой, ее не было. Она сейчас вот только начинает накручивать обороты. (Раньше. – И.С.) не было даже этих психологов на местах. Кому делать психологический отбор в командировку? Какая пойдет работа, если не было кадровых психологов вообще, если не было службы в министерстве?»²⁶

²³ Из интервью с женой милиционера. Республика Коми.

²⁴ Из интервью с психологом. Республика Коми.

²⁵ Из интервью с психологом. Республика Коми.

²⁶ Из интервью с психологом ОВД. Республика Коми.

Принятая система реабилитации (обследование и последующий отдых) на практике не всегда используется. В случае служебной необходимости работник милиции, при условии его формального согласия, может сразу же после проведения обследования выйти на службу. Отпуск может быть перенесен, разделен на части.

Сотрудники милиции не всегда могут также воспользоваться своим правом на отгулы, заработанными в Чечне. За время нахождения в служебной командировке милиционеры могут «заработать» отгулов примерно на два месяца. Приведем фрагмент нашей беседы с ветераном Чеченского конфликта, иллюстрирующем эту ситуацию:

«Вопрос: А почему вы не воспользовались правом на отгулы?

Ответ: Я не то, что не воспользовался – это было решение руководства как бы. Там вообще хотели, по-моему, даже чуть ли не сразу через несколько дней, чтобы я вышел на работу. Ну, некоторым сотрудникам с нашего отдела, конечно, удалось отгулять. А тут, видимо, наверное, нагрузка большая была здесь ... и как бы меня в помощь, что ли, чтобы разгрузить ребят, товарищей. 10 дней-то я отгулял, а эти чеченские отгулы, я их так назвал, я отгулял буквально прошлой осенью, осенью 2005 года последний я там остаток брал. То есть я часть брал в один год, в 2002м, по-моему, и часть вот в прошлом году отгулял.

Вопрос: «Понятно. А если бы была возможность отгулять, скажем, сразу после командировки, Вы бы ею воспользовались?

Ответ: Конечно, я бы обязательно воспользовался, но у меня такой возможности не было.

Вопрос: Достаточно ли для отдыха десяти дней?

Ответ: Нет, этого недостаточно.

Вопрос: Почему?

Ответ: Ну, не знаю. Хотелось бы отдохнуть, потому что просто и психологически отдохнуть, и физически, и все. Толком семьей-то и не подовольствовался, так скажем. Десять дней для меня – это мало»²⁷.

По информации одного из начальников ОВД, треть всех милиционеров, прошедших Чечню, выходит на работу сразу же после возвращения из командировки. Вот что он рассказал: «Бывает (что отказ от реабилитации. – И.С.) связан со служебной необходимостью. Бывает, они (милиционеры. – И.С.) просто сами желают работать, потому что, например, придя зимой, он не желает зимой отдыхать. Поэтому он месяц-два отработал, а потом целое лето отдыхает. По крайней мере, никто их не заставляет выходить на работу в однозначно приказном порядке, они сами, потому что имеют льготу после Чечни, они в любое время могут брать отпуск, санатории, путевки и т.д.»²⁸.

На наш вопрос о том, многие ли милиционеры, вернувшиеся из Чечни, пользуются своим правом на отдых сразу после командировки, этот начальник ОВД ответил: «Процентов десять».

Сотрудник милиции, побывавший в Чечне, так сформулировал свои соображения по проблеме реабилитации: «Могу сказать, что как бы основной психологической разгрузкой или помощью было бы просто отдых в кругу семьи после этой командировки. Но там у нас буквально 10 дней, получилось так, что 10 дней этих вот, которые по закону полагаются, вот эти 10 дней отгулял и потом сразу вышел на работу. Было тяжело. Хотя полагалось, отгулы там должны быть за счет того, что мы выходные работали все, выходных у нас там не было. А психолог... У нас психолога на тот момент в отделе не было. Он буквально работает год-полтора»²⁹.

В настоящее время процесс реабилитации поставлен в зависимость от решений психолога: «Если психолог рекомендует пройти (реабилитацию. – И.С.), он обязательно пройдет. Начальник будет настаивать на том, чтобы прошел медицинскую реабилитацию. Если психолог решил. Если психолог не видит причин для волнения, то тогда – на

²⁷ Из интервью с милиционером. Республика Коми.

²⁸ Из интервью с начальником ОВД. Республика Коми.

²⁹ Из интервью с милиционером. Республика Коми.

усмотрение сотрудника: хочет – он идет, а не хочет – сейчас лес, грибы-ягоды, тихая охота»³⁰; «Иные просто не желают проходить (процедуры реабилитации. – И.С.) – и все»³¹.

Данная практика – при которой сотрудник может отказаться от прохождения процедуры реабилитации – представляется ошибочной. Без прохождения полноценной реабилитации сотрудник не сможет полноценно работать. Однако вернувшимся из Чечни сотрудникам не предлагается систематически разработанных реабилитационных программ.

Проиллюстрируем это фрагментом беседы с сотрудником милиции:

«Вопрос: Вот вы говорите, что сразу по возвращении домой, через 10 дней, вы вышли на работу. А вам были предложены какие-то реабилитационные программы?

Ответ: Нет. Ничего мне не предлагалось.

Вопрос: Совершенно?

Ответ: Совершенно. А что вот это, подразумевается программа?

Вопрос: Реабилитационные программы включают в себя, например, отпуск подольше. Вам его не удалось отгулять?

Ответ: Нет.

Вопрос: Потому у милиционеров есть возможность проходить реабилитацию где-то в медицинских учреждениях, это вам ничего не предлагалось?

Ответ: Не предлагалось вообще.

Вопрос: То есть ребята из отдела тоже никуда не ездят?

Ответ: Как бы им не предлагается.

Вопрос: Совершенно?

Ответ: По-моему, нет, насколько я знаю. Если бы предлагалось, тогда бы велись разговоры между собой и ребята бы рассказывали, что вот, там, приехал из Чечни, предложили санаторий, я съездил-отдохнул... Такого нет, таких разговоров, по крайней мере»³².

Возможности содействия реабилитации сотрудников милиции со стороны ведомственных психологов серьезно ограничены. Обращение за психологической помощью рассматривается в милицмейской среде (и даже некоторыми психологами) как слабость. (Нормальными считаются обращения, которые связаны с получением совета психолога по «бытовым» проблемам.) Проиллюстрируем словами психолога: «У нас люди все очень самостоятельны, и надо учитывать то, что здесь село, и то, что они ни за что не пойдут жаловаться куда-то на что-то. Они сильные такие мужики, такие крепкие. И они привыкли решать все свое. Вот у них сила характера есть. Может, есть какие любители выпить, но это везде же есть»³³.

А о реабилитации членов семей и вовсе говорить не приходится. Она практически отсутствует. Сложившуюся практику порицают даже милицмейские психологи: «Семья должна видеть реальную материальную помощь <...>, а она не видит ничего...»³⁴ Хотя чисто формально милиционер может, например, взять с собой на отдых семью. Однако оплачивать расходы за такой отдых ему придется за счет семейного бюджета.

Женами милиционеров, побывавших в Чечне, высказываются за необходимость семейной реабилитации. На наш вопрос «Как вы думаете, нужна ли семейная реабилитация?» мы получили, в частности, такой характерный ответ: «Да! Считаю, что нужна. Потому что жена тоже за это время переживает и как бы волнуется. Потому что много в тот момент, когда он в Чечне, много мыслей приходит в голову, с которыми тяжело справляться. И в тот момент, когда он в Чечне, большая поддержка тоже нужна и тоже нужен психолог, в тот момент, когда он находится в Чечне, но этого ничего у нас нет»³⁵.

³⁰ Из интервью с начальником ОВД. Республика Коми.

³¹ Там же.

³² Из интервью с милиционером. Республика Коми.

³³ Из интервью с психологом. Республика Коми.

³⁴ Из интервью с психологом. Республика Коми.

³⁵ Из интервью с женой милиционера. Республика Коми.

Однако не все психологи считают семейную реабилитацию необходимой: «Если сотруднику необходима какая-то помощь с семьей, мы никогда не откажем. Но таких вопросов у нас пока не было, то есть за период моей деятельности не было такого»³⁶.

Командировки и отсутствие семейной реабилитации приводят к другим семейным проблемам.

Льготы и социальная защита

Сотрудники милиции считают, что существующая система льгот и социальной защиты не компенсирует полностью затраты морально-психологических и физических сил, которые они несут в командировках в Чечне. После 1 января 2006 года выплаты денег стабилизировались. Вместо «боевых» стали платить «командировочные».

Однако до сих пор множеству милиционеров приходится обращаться в суд, чтобы получить «боевые», которые они заработали до 2006 года. Сотрудники тратят значительные суммы на услуги адвокатов и несут другие судебные издержки.

Многие ветераны довольны льготами, предусмотренными им для оплаты коммунальных услуг. Однако у большинства ветеранов Чечни остается нерешенной жилищная проблема. Многие из опрошенных указывали, что за службу в Чечне начальство обещало решить эту проблему. Однако многие так и не получили обещанное жилье. Хотя отдельные милиционеры после получения «боевых» смогли купить себе жилье самостоятельно, большинство все-таки не смогло решить эту проблему.

По возвращении из командировок милиционеры нуждаются не только в деньгах, но и в полноценном отдыхе. Однако в последние годы утвердилась практика, при которой вместо положенного после командировок отдыха, милиционерам предлагают денежную компенсацию. Ветераны рассказали, что это стало обычным делом. Им выдвигается условие: если отдых после командировки не использован в текущем году, то в следующем году вместо отпуска милиционер получает денежную компенсацию.

Дополнительные сложности возникают у тех милиционеров, которые не имеют семей. Во время нахождения в командировке их собственность нередко остается без присмотра или под плохим присмотром. Так, один из ветеранов после возвращения из командировки узнал, что его квартирант умер. Квартирант был прописан на жилплощади милиционера. В результате милиционер пока не может распорядиться своей собственностью – ему не удается продать собственную квартиру.

Особенно туго приходится тем чеченским ветеранам, которые уволились из органов внутренних дел. Такие ветераны жаловались на сложности с трудоустройством: «После того как уволился из отряда, ходил везде устраивался на работу. Нигде не берут. Трудовую смотрят – “за что медаль?” – за то что в Чечне был. “А, был в Чечне – все!” Потому что, если в Чечне был, значит, с головой что-то не то»³⁷.

Еще сложнее уволившимся из МВД ветеранам-инвалидам. «А тот человек, который имеет инвалидность, его и на работу не хотят брать... Его просто кинули все. Он судится полтора или два года... И ни кому он не нужен... Он идет работает дворником. Он с утра работает дворником в одном месте. В обед бежит дворником что-то убирать или грузчиком в другом месте. Хотя у него нога перебита полностью... Он ходит сам, бегают как суслик, лишь бы заработать лишние деньги на кусок хлеба... Как бы, знаешь, я это не понимаю. Ветераны. Да, льготы нормальные... А инвалидом... Там вообще кошмарно»³⁸.

Средства массовой информации республики, призванные, по идее, формулировать общественные проблемы и выступать в защиту прав граждан, избегают постановки и серьезного рассмотрения актуальных для ветеранов вопросов. Интервью с журналистом, пишущим на «чеченские» темы, и мониторинг СМИ показали, что последние лет

³⁶ Из интервью с психологом ОВД. Республика Коми.

³⁷ Из интервью с бойцом ОМОНа. Республика Коми.

³⁸ Из интервью с бывшим работником милиции. Республика Коми.

пять информация о Чечне подается только в виде сообщений о выездах милиционеров в Чечню и их возвращении из командировок. Публикуются также некрологи о гибели сотрудников МВД. Есть также публикации в газетах, описывающие какие-то второстепенные и третьестепенные сюжеты: как сотрудники МВД играют в Чечне в футбол, например. Разрыв между реальностью Чечни и тем, как ее подают в СМИ, разочаровывает милиционеров.

Некоторые выводы

1. Мотивация сотрудников к командировкам в Чечню является внутренне противоречивой, что способно деформировать понимание милиционерами служебного долга. Милиционеры и милицмейское начальство в качестве основополагающей мотивации называют служебный долг, но одновременно они оценивают чеченский конфликт как внутреннюю «разборку» чеченцев между собой, борьбу чеченских и иных кланов за установление контроля над добычей нефти и продажей нефтепродуктов. Понимание милиционерами конфликта в Чечне как «бандитской разборки» на практике приводит к тому, что они не могут четко формализовать и артикулировать, в чем же конкретно заключается их долг в Чечне.

2. Существующая в Республике Коми система реабилитации ветеранов конфликта в Чечне не восполняет морально-психологических и физических затрат, которые они несут в командировках.

3. Реабилитация членов семей ветеранов не проводится.

4. Психологическая подготовка милиционеров к поездкам в Чечню является преимущественно формальной и не может быть признана удовлетворительной.

5. Длительность командировок на Северный Кавказ, а также продолжительные отпуска после возвращения из Чечни способствуют утрате знаний и навыков, необходимых милиционерам для исполнения служебных обязанностей в повседневной мирной жизни.

6. Отсутствие должного внимания к чеченским ветеранам со стороны государства, общества, СМИ способно привести к осложнению ветеранских и проблем и появлению новых: утраты веры в государство, росту эмоционально-психологической неустойчивости сотрудников и совершению правонарушений и преступлений на этой почве, снижению квалификации, разрушению семей и др.

Некоторые рекомендации

Пересмотреть существующую практику реабилитации ветеранов Чечни и организовать реабилитацию членов их семей.

Повысить квалификацию милицмейских психологов. Продумать меры по обеспечению их относительной автономности (меньшей зависимости от руководства), с тем чтобы милиционеры не опасались к ним обращаться за психологической помощью.

Организовать систему обучения и переобучения для сотрудников милиции, надолго отрывающихся от выполнения своих «мирных» повседневных обязанностей в связи с длительным пребыванием в Чечне.

Усилить контроль над реальным обеспечением ветеранских льгот. Отказаться от обещаний командируемым в Чечню сотрудникам благ, которые на самом деле государство не может гарантировать.

Список сокращений

МВД России	– Министерство внутренних дел Российской Федерации
НПО	– неправительственные организации
ФЦП	– федеральная целевая программа
ГУВД	– Главное управление внутренних дел
УВД	– управление внутренних дел
ДКО	– Департамент кадрового обеспечения МВД России
ЦДП	– Центр психофизиологической диагностики МВД России
ВВК	– военно-врачебная комиссия
БМСЭ	– бюро медико-социальной экспертизы
НСУ	– набор социальных услуг
ЕДВ	– ежемесячная денежная выплата
ГЖС	– государственный жилищный сертификат
БТП	– базовый размер трудовой пенсии
СОМ	– сводный отряд милиции
ВОВД	– Временный отдел внутренних дел
РОВД	– Районный отдел внутренних дел
ОВД	– отдел внутренних дел
КПП	– контрольно-пропускной пункт
ПВД	– пункт временной дислокации
ДСП	– Документ для служебного пользования
ОМОН	– отряд милиции особого назначения
СОБР	– специальный отряд быстрого реагирования
ОМСН	– отряд милиции специального назначения
РСН	– рота специального назначения
ППС	– патрульно-постовая служба
УБОП	– Управление по борьбе с организованной преступностью
ИВС	– изолятор временного содержания
УИС	– уголовно-исполнительная система
ПТСР	– посттравматическое стрессовое расстройство

Об авторах

Андреев Сергей – историк, исполнительный директор НО «Фонд “Открытый Алтай”», председатель правления АКО «Фонд социальной поддержки и гражданских инициатив». Руководитель ряда просветительских проектов в Алтайском крае, а также Алтайской Школы публичной политики и Алтайской Школы гражданского образования. Эксперт программы «Правоохранительные органы в современной России» Центра «Демос» в Алтайском крае (Барнаул, Алтайский край).

Браиловская Ксения – социолог, эксперт программы «Правоохранительные органы в современной России» Центра «Демос» (Москва).

Локшина Татьяна – председатель правления Центра «Демос», специалист по Северному Кавказу

Новикова Асмик – социолог, эксперт программы «Правоохранительные органы в современной России» Центра «Демос», руководитель исследования «Ветераны Чечни в современной России» (Москва).

Сажин Игорь – правозащитник, учитель истории, председатель Коми правозащитной комиссии «Мемориал» г. Сыктывкар, член правления Международного «Мемориала», координатор Правозащитной коалиции Республики Коми. Эксперт программы «Правоохранительные органы в современной России» Центра «Демос» (Сыктывкар, Республика Коми).

Софронова Елена – экономист, эксперт Нижегородского Фонда в поддержку толерантности и Комитета против пыток (г. Нижний Новгород).

Сухарева Ольга – юрист, специалист правового отдела Фонда «Общественный вердикт» (Москва).

Хабибрахманов Олег – юрист, руководитель отдела координации деятельности территориальных подразделений Нижегородского Комитета против пыток (г. Нижний Новгород).

Цветков Олег – старший научный сотрудник Южного научного центра РАН, эксперт программы «Правоохранительные органы в современной России» Центра «Демос» (Майкоп, Республика Адыгея).

Шарипова Валентина – сопредседатель ТРО Российского общества «Мемориал», эксперт программы «Правоохранительные органы в современной России» Центра «Демос» (Тверская область).

Шепелева Ольга – юрист, эксперт программы «Правоохранительные органы в современной России» Центра «Демос» (Москва).